

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики
Удмуртский институт истории, языка и литературы РАН

**Языковые контакты народов Поволжья X:
актуальные проблемы нормативной
и исторической фонетики,
грамматики, лексикологии и стилистики**

Сборник статей

Ижевск
2017

УДК 811.512.1+811.511.1
ББК 81.63я43+81.66я43
Я 415

Редакционная коллегия:

В. К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор;
М. А. Самарова канд. филол. н. (составитель и ответственный редактор); Н. В. Ильина, канд. филол. н.

Я 415 Языковые контакты народов Поволжья X : актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики. Сборник статей. – Ижевск : Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. – 436 с.

ISBN 978-5-4312-0504-0

Данный сборник составлен на основе материалов, прочитанных на Международном симпозиуме «Языковые контакты народов Поволжья X : актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, грамматики, лексикологии и стилистики», который состоялся 17–19 мая 2016 года в Ижевске. Издание включает статьи и исследования российских и зарубежных ученых – языковедов, литературоведов, историков и представителей других гуманитарных наук, в которых рассматриваются контакты как языковые, так и междисциплинарные.

Предназначается для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также всех специалистов в области языковой контактологии.

ISBN 978-5-4312-0504-0

УДК811.512.1+811.511.1
ББК 81.63я43+81.66я43

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
<i>Агафонова Н. А., Рябов И. Н.</i> Морфологическое варьирование падежных формантов инессива в эрзянском диалектном ареале (лингвогеографический аспект)	9
<i>Булычева Е. А.</i> Глагол, сфера его форм и семантических параметров в дескриптивных текстах	22
<i>Васильева Е. Ф.</i> Семантические отношения между идентичными словами в чувашском и татарском языках	29
<i>Гаврилова В. Г.</i> Использование иноязычной лексики: от смешения кодов до заимствования	41
<i>Горбушина Г. В.</i> Изучение стилистики удмуртского языка в школе	45
<i>Григорьева Л. Я.</i> Когнитивные сценарии глаголов скромного поведения в марийском языке	53
<i>Егоров А. В.</i> Фразеосемантическая классификация удмуртских и венгерских соматических фразеологизмов	64
<i>Закеев М. З.</i> Глобализация и проблемы применения исходных и заимствованных терминов	70
<i>Иванов В. А.</i> Употребление изобразительных слов в значении и в функции интенсификатора (на материале языка бесермян)	81
<i>Ившин Л. М.</i> О диалектных особенностях первого перевода на удмуртский язык Евангелия от Луки	91
<i>Ипакова М. Т.</i> Некоторые особенности переводов официальных наименований учреждений с русского на марийский язык	99
<i>Исаев Ю. Н.</i> Правовые условия в развитии этнических сообществ в чувашской республике	109
<i>Казаева Н. В.</i> Роль орографической терминологии в формировании мордовской топонимии	115
<i>Кельмаков В. К.</i> К истории изучения языковых контактов Восточно-финских и тюркских народов Поволжья и Приуралья	127

Кибардина Т. М. Туала удмурт кылын нимкылъёсты кутонэн герзаськем ужпумъёс	142
Koivunen T. Permiläisten kielten äännejärjestelmien ja oikeinkirjoitusten väliset suhteet	148
Kuklin A. N. Paleohyponyms in the ural-volga region (structural and systematic approach to the semantic reconstruction)	156
Interaction of the languages in toponymy	159
Угорские элементы в топонимии Урало-Поволжья ...	161
Левина М. З. Категория степеней сравнения в мокшанском диалектном ареале	178
Лобанова А. С. О языке народной сказки, представленной в работе Н. А. Рогова «Опыт грамматики пермяцкого языка» (1860)	187
Люкина Н. М. Наречия в бесермянских говорах удмуртского языка	194
Мальцева Н. А. К этимологии русского слова ‘пельмень’	199
Мосин М. В. Средства и способы выражения экспрессии в текстах эрзянских газет 20–30-х годов XX века	209
Моськина С. И. Семантические компоненты производных глаголов второй ступени мотивированности в мокшанском языке	220
Мызников С. А. Этимология некоторых мифологических данных пермского и прибалтийско-финского происхождения в русских говорах	228
Натуральнова Г. А. Особенности освоения согласных звуков в русизмах шокшанского диалекта эрзянского языка	237
Пантюхина Т. В. Эксклюзивное и инклюзивное <i>мы</i> в удмуртском языке	244
Пишлӧгер К. Еще раз об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке	250

Поляков О. Е. Система прафинноугорских сонантов в волжских (мордовских и марийском языках)	262
Репина Т. Ю. Морфосемантический анализ удмуртских императивных конструкций	268
Рогожина В. Ф. Функционирование усилительно-выделительных частиц в мокшанской разговорной речи	277
Самарова М. А. Идентификаторы собственных имен	288
Седова П. Е. Лексические новообразования в мокшанском художественном тексте	295
Сергеев О. А. Марийская периодическая печать и некоторые нормы современного литературного языка	305
Сибатрова С. С. Место русских заимствований в системе этикетных слов и выражений марийского языка	319
Соколова М. В. Особенности языковой репрезентации гендера в текстах марийской художественной литературы	345
Тагирова Ф. И., Акулина Л. В. Ассоциативные значения красного цвета в татарской и удмуртской языковых картинах мира	352
Томилина М. А. Структурно-грамматические свойства коми-пермяцких устойчивых сравнений	361
Федорова Л. П. Частотные словари поэзии Людмилы Кутяновой и Татьяны Черновой: ключ к интерпретации их художественного мира	367
Фомин Э. В. Поэтонимы как составляющая национальной специфики чувашской литературы	381
Халиль А. Соотношение корней <i>погын</i> в марийском и <i>bokun</i> в древнетюркском	388
Цыганкин Д. В. Об особенностях словообразовательной членимости производных глаголов, образованных от этимологически общих корневых морфем в мордовских и пермских языках	397
Чучалин В. В. Трансформация структуры и функций прессы в условиях регионального информационного пространства	410

<i>Широбокова С. Н.</i> Переходность частей речи и грамматическая омонимия (на материале междометий удмуртского языка)	415
<i>Эрцикова Г. А.</i> Омонимия частиц и слов других частей речи в марийском языке	421

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основу предлагаемого сборника статей вошли научные изыскания, представленные на X Международном симпозиуме «Языковые контакты народов Поволжья : актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, лексикологии и стилистики», посвященном 85-летию Удмуртского государственного университета, который состоялся 7–19 мая 2016 года на базе Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики УдГУ. Ведущей задачей симпозиума являлся обмен информацией о последних достижениях отечественных и зарубежных ученых в области лексикологии, фонетики, морфологии, стилистики, рассмотренных в контактологическом аспекте.

Первый Международный симпозиум по языковым контактам был проведен 1–2 сентября 1993 г. в г. Турку (Финляндия), его организаторами были специалисты в области марийского и мордовских языков, в том числе заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Туркусского университета, почетный профессор Марийского государственного университета Алхо Алхониemi. Это был симпозиум по волжско-финским языкам.

Впоследствии Международный оргкомитет во главе с профессором С. Сааринен решил расширить круг участников симпозиума. Начиная с 2002 г. (с IV симпозиума, проходившего в г. Турку), в программу стали включаться проблемы и других языков Поволжья: удмуртского, чувашского, татарского.

Участников международного симпозиума встречали в Йошкар-Оле (1996, 2011), Саранске (1998, 2013), Чебоксарах (2005), Казани (2008). В работе разных симпозиумов принимали участие ученые как из регионов Российской Федерации (Марий Эл, Мордовии, Коми, Удмуртии, Татарстана, Чувашии, Башкирии, Карелии, Ханты-Мансийского автономного округа, Самарской области), так и зарубежных стран: Финляндии, Эстонии, Венгрии, Германии, Австрии, Японии, Турции, Италии, Казахстана, Узбекистана.

Удмуртия уже второй раз встречала гостей симпозиума по языковым контактам. В 2003 году в Ижевске прошел V Международный симпозиум, в котором обсуждались проблемы формирования литературных языков народов Поволжья. В работе X юбилейного симпозиума

принимали участие представители научного сообщества Финляндии, Венгрии, Австрии и семи регионов Российской Федерации: Удмуртии, Марий Эл, Мордовии, Коми, Татарстана, Чувашии, Пермского края.

Тематические направления работы симпозиума отражают современное состояние филологических научных интересов. Выступления участников затрагивали вопросы методологии изучения языковых контактов, проблемы фонетики и фонологии, морфологии, лексикологии, стилистики в сопоставительном анализе. В настоящее время лингвисты расширяют свой круг исследований не только в плане языковых контактов, но и в плане соприкосновений разных наук. Интересными были доклады, сделанные по компьютерной лингвистике, биолингвистике. Представленные на симпозиуме доклады отличались высоким профессионализмом, научной актуальностью и вызвали живой интерес участников симпозиума; нередко возникали дискуссии, проходившие в атмосфере доброжелательной заинтересованности.

На заключительном пленарном заседании были высказаны рекомендации от секций: издать материалы симпозиума отдельным сборником; усилить работу по разработке совместных проектов по отдельным проблемам языкознания; проводить в регионах совместные обучающие семинары по компьютерной лингвистике, в частности по использованию корпусов текстов в исследовательских работах.

Международный оргкомитет постановил расширить круг языков, исследуемых в рамках симпозиума. Было решено включить в оргкомитет представителей Коми, Пермского края, Башкирии и Калмыкии. В связи с этим было постановлено внести коррективы в название симпозиума. Следующий XI Международный симпозиум «Языковые контакты народов Поволжья и Приуралья» пройдет в Чебоксарах.

*М. А. Самарова, к. филол. н.,
зав. кафедрой общего и финно-угорского языкознания.*

УДК 811.511.152.1

Агафонова Нина Афанасьевна

Рябов Иван Николаевич

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва

Россия, г. Саранск

**МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ
ФОРМАНТОВ ИНЕССИВА В ЭРЗЯНСКОМ ДИАЛЕКТНОМ
АРЕАЛЕ (ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

**MORPHOLOGICAL VARIATION OF THE INESSIVE CASE
MORPHEMES IN THE ERZYA DIALECT AREA
(LINGVOGEOGRAFIC CONTEX)**

Аннотация: Статья посвящена детальному рассмотрению вариантов морфемы инессива в падежных парадигмах эрзянского диалектного ареала. Особое внимание уделено вопросам фонетического оформления основы падежной словоформы инессива, что позволяет более точно отразить реализацию данной морфемы в падежных парадигмах в разных диалектах и говорах эрзянского языка.

Варианты падежных морфем инессива зафиксированы авторами на основе полевых материалов, собранных во время лингвистических экспедиций, а также на основе диалектных материалов других исследователей эрзянского языка. Показано, что реализация морфем инессива в падежных парадигмах разных диалектов и говоров эрзянского диалектного ареала неоднородна. В результате проведенного исследования авторами рассматриваются структурные и морфемные особенности в диалектных формах инессива, выделяются архаичные и инновационные явления. Для иллюстрации диалектного варьирования морфем инессива представлены лингвогеографические карты.

Ключевые слова: эрзянский язык, кодифицированный язык, диалекты, говоры, диалектный ареал, инессив, варьирование, морфема, парадигма, лингвогеография.

Abstract: The article deals with detailed consideration of variants of the inessive morphemes in the case paradigms of the Erzya dialect area. A special attention is paid to the phonetic aspect of the basis of the inessive case word form that would present more precisely the realization of these morphemes in the case paradigms in different dialects of the Erzya language.

The inessive case variants are described by authors on the basis of the materials collected in linguistic expeditions and on the basis of the dialect materials collected by other researchers of the Erzya language. It is shown that realization of the inessive morphemes in the case paradigms of different dialects of the Erzya dialect area is heterogeneous. The authors analyze the structural and morphemic features in dialect forms of the inessive and determine the archaic and innovative phenomena. Linguistic geographic atlases are presented to illustrate the dialect variation of the inessive morphemes.

Keywords: the Erzya language, code language, dialects, dialect area, inessive, variation, morpheme, paradigm, lingvogeography.

Исследование эрзянских диалектов и говоров методами лингвистической географии относится к актуальным и неотложным задачам современного мордовского языкознания.

Эрзянский диалектный ареал имеет довольно сложную и своеобразную схему: несколько диалектных типов и внутри них слабодифференцированные частные знаковые системы говора. Каждый тип отличается своеобразием, которое проявляется на разных уровнях: фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике (см. Карта 1).

Основные диалектные отличия в области морфологии связаны с планом выражения ряда грамматических категорий, что особенно заметно в оформлении и структуре падежных, косвенно-указательных форм, в своеобразии системы посессивных аффиксов, во взаимодействии старой и новой моделей образования некоторых форм в парадигмах склонения, в вариантности беспосложных и послеложных конструкций. В целом в морфологии существительного обнаруживается довольно много специфических черт, что отражает отсутствие устойчивости и единства в системе

именного словоизменения и обуславливает вариантность морфологических типов.

В эрзянском языке в падежной парадигме основного склонения выделяются 12 падежей, которые по выражаемым значениям и синтаксическим функциям традиционно делятся на субъектно-объектные, местные и атрибутивные падежи. По своей значимости, а также по употреблению они неодинаковы: одни используются широко, а сфера других ограничена.

В эрзянском диалектном ареале особый интерес в падежной парадигме вызывает падежная форма инессива. Известно, что исторически эрзянский падеж инессив образовался от двух древних падежных суффиксов: **-s* (латив) и **-na/*-nū* (локатив) > **-sna/*-snū* [Sinnyeĭ 1910: 78; Серебренников 1967: 20–22; Цыганкин 1977: 43]. Реализация морфемы инессива в падежных парадигмах в разных диалектах и говорах эрзянского языка неоднородна. Так, кодифицированной морфемой инессива эрзянского литературного языка считается *-col/-eĭ*. В преобладающем большинстве эрзянских диалектов и говоров морфема инессива представлена, как и в кодифицированном эрзянском языке, одним суффиксом *s+*гласный, реализующейся в различных фонетических вариантах:

1) в словах с основой на гласный заднего ряда (см. Карта 2):

-so kudo-so 'в доме', *val'ma-so* 'в окне', *paks'a-so* 'в поле', *uĥo-so* 'на улице' (ц. д., с. тд. зап. д, с. зап. д.);

-su kudu-su 'в доме', *val'ma-su* 'в окне', *paks'a-su* 'в поле', *uĥu-su* 'на улице' (ич. зап. д., прх. атш.);

-sə kudə-sə 'в доме', *val'ma-sə* 'в окне', *paks'a-sə* 'в поле', *uĥə-sə* 'на улице' (дбк. ю. вост. д.);

-sa kudu-sa, kudĭ-sa 'в доме', *val'ma-sa* 'в окне', *paks'a-sa* 'в поле', *uĥo-sa* 'на улице' (б. брз. ю. вост. д.);

-ca ku-ca 'в доме' (сб. м. дв. ю. вост. д.);

2) в словах с основой на гласный переднего ряда (см. Карта 3):

-sę v'el'e-s ę 'в селе', *p'ir'e-s ę* 'в огороде', *s'el'm'e-s ę* 'в глазу' (ц. д., с. зап. д., кчк. дбк., прк. дбк. р.);

-sĭ v'el'i-sĭ 'в селе', *p'ir'e-sĭ* 'в огороде', *s'el'm'e-sĭ* 'в глазу' (зап. д., лбс., сел., трс. ц. д.);

-sü v'äl'i-sä, v'el'i-sä 'в селе', *p'ir'i-sä* 'в огороде', *s'äl'm'-sä* 'в глазу' (б. брз., коч. ю. вост. д.);

-sə v'äl'ə-sə 'в селе', *p'ir'ə-sə* 'в огороде', *s'äl'm'-sə* 'в глазу' (дубк. ю. вост. д.);

В ряде говоров, наряду с морфемой *s+гласный*, инессив оформляется суффиксами *-sn+гласный* и *-n+гласный*, употребление которых в одних говорах регламентируется характером основы, в других такой регламентации не наблюдается. Сравните:

1) в словах с основой на согласные *s, s', š, č* в одних диалектах и говорах зафиксирован суффикс *s+гласный* как и после слов с основой на гласный или другие согласные (см. Карта 4):

-sol-sę avtobus-so 'на автобусе', *čakš-so* 'в горшке', *p'enč-sę* 'в ложке, ложкой';

-su/-sį avtobus-su 'на автобусе', *čakš-su* 'в горшке', *p'enč-sį* 'в ложке, ложкой');

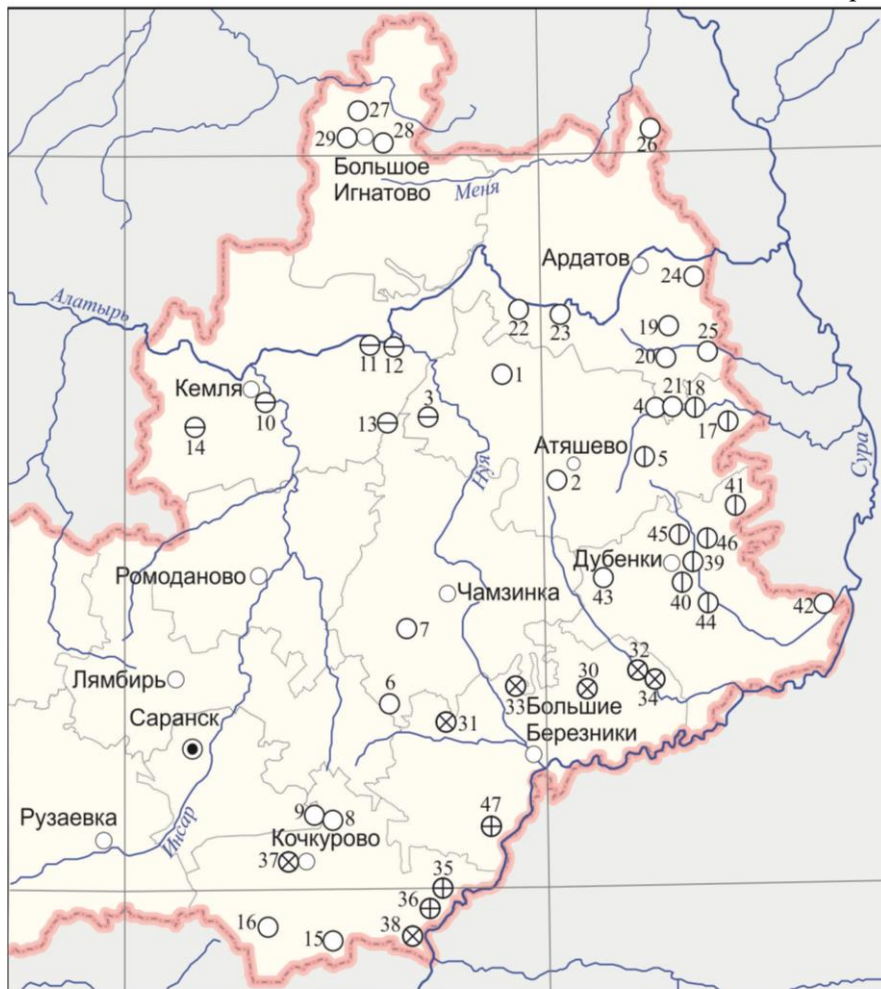
-ca avtobus-ca 'на автобусе', *čakš-ca* 'в горшке', *p'enč-ca* 'в ложке, ложкой';

-cə avtobus-cə 'на автобусе', *čakš-cə* 'в горшке', *p'enč-cə* 'в ложке, ложкой'.

В других же диалектах и говорах до настоящего времени сохранился древний суффикс *-snę* или его вариант *-nę*: *avtobus-snę* 'на автобусе', *p'iksne* 'веревкой', *čakš-nę* 'в горшке', *p'enč-nę* 'в ложке, ложкой', *poje-snę* 'на поезде' (ст. ард., жаб. ард., бйв. ард. с. зап. д., алт., прц., нвмлк., н. пьян.) (см. Карта 4).

Есть также ряд говоров, где вариант морфемы *-sn+гласный* встречается после любой согласной и гласной конечной основы: *on-snę* 'во сне'. Сравните: *ašo kotun' banarsnę / ašo kotun' bonksnę rozbojn'ik purnavs't'* 'В белых холщовых рубашках, в белых холщовых штанах разбойники собирались'; *ik'el'e s'enokosnę l'ed'il't'* *p'el'imasnę* 'Раньше во время сенокоса косили косой'; *ozos't' d'er'ugaso tovađi đj p'iksne (<p'ikssne) s'ulms'i* 'Воз дерюгой покрыл и веревкой перевязал' (нап.).

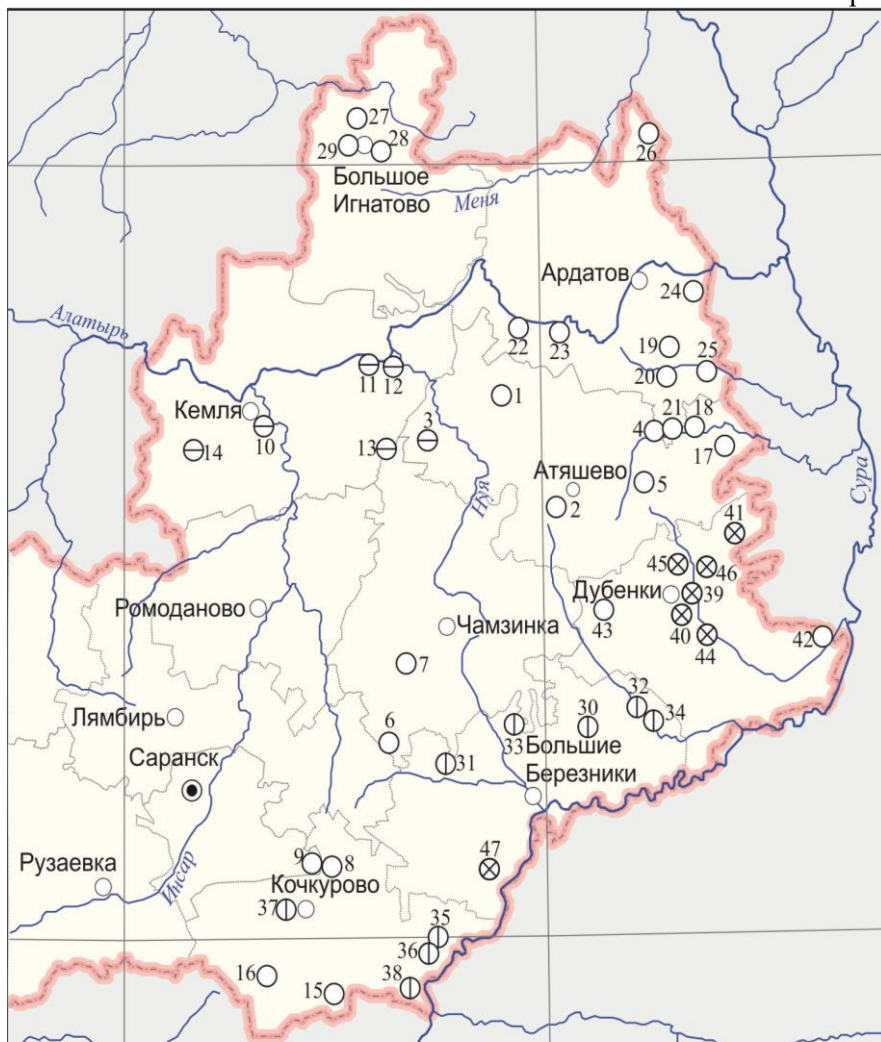

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Неопределенное склонение. Инессив.
Слова с основой на гласный заднего ряда

○ -so (<i>kudo-so</i> 'в доме')	⊗ -sā (<i>kudu-sā, kudi-sā</i> 'в доме')
⊖ -su (<i>kudu-su</i> 'в доме')	⊕ -cā (<i>ku-cā</i> 'в доме')
⊕ -sə (<i>kudə-sə</i> 'в доме')	

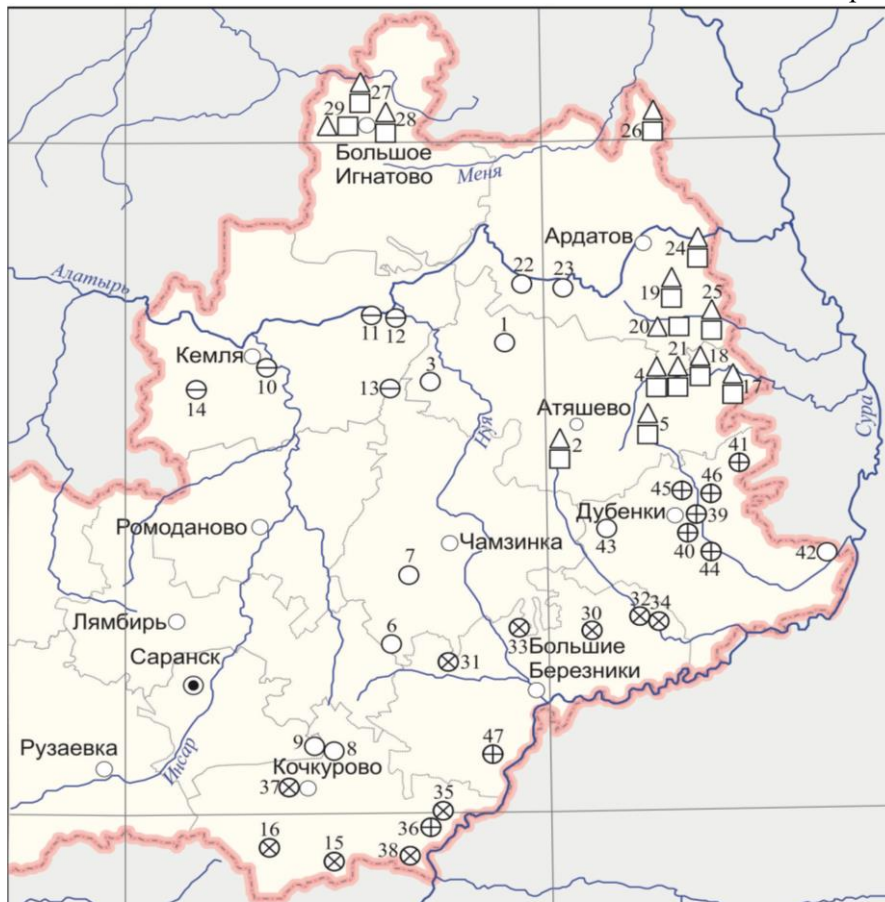

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Неопределенное склонение. Инессив.

Слова с основой на гласный переднего ряда

○ -s_ĕ (v'el'e-s_ĕ 'в селе')⊖ -s_i (v'el'i-s_i 'в селе')⊕ -s_ä (v'äl'i-s_ä, v'el'i-s_ä 'в селе')⊗ -s_ə (v'äl'ə-s_ə 'в селе')

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Неопределенное склонение. Инессив. Слова с основой на согласные *s, s', š, š'*

○ *-so/-se* (*avtobus-so* 'на автобусе', *čakš-so* 'в горшке', *p'enč-se* 'в ложке, ложкой')

⊖ *-su/-sĭ* (*avtobus-su* 'на автобусе', *čakš-su* 'в горшке', *p'enč-sĭ* 'в ложке, ложкой')

⊗ *-ca* (*avtobus-ca* 'на автобусе', *čakš-ca* 'в горшке', *p'enč-ca* 'в ложке, ложкой')

⊕ *-cə* (*avtobus-cə* 'на автобусе', *čakš-cə* 'в горшке', *p'enč-cə* 'в ложке, ложкой')

□ *-snę* (*avtobus-snę* 'на автобусе')

△ *-nę* (*čakš-nę* 'в горшке', *p'enč-nę* 'в ложке, ложкой')

Это же явление можно проследить в эрзянских говорах сел Новомалыклинского района Ульяновской области, где во всей падежной парадигме единственного числа определенного склонения морфемой определённости является суффикс *-s/-z*.

падеж	нмлк.	Э. л.	рус.
Ном.	<i>k'il'ev'-e-s'</i> <i>kardaz-o-s'</i> <i>p'ir'e-s'</i>	килеесь кардазось пиресь	та берёза тот двор тот огород
Ген.- Акк.	<i>k'il'ev'-e-z'-i-n'</i> <i>k'il'ev'-e-s'-t'</i> <i>kardaj-z'-i-n'</i> <i>kardaj-e-s'-t'</i> <i>p'ir'e-z'-i-n'</i> <i>p'ir'e-s'-t'</i>	килеенть кардазонть пиренть	той берёзы ту берёзу того двора тот двор того огорода тот огород
Дат.	<i>k'il'ev'-e-z'-n'e</i> <i>kardaj-z'-n'e</i> <i>p'ir'e-z'-n'e</i>	килеентень кардазонть пирентень	той берёзе тому двору тому огороду
Аблат.	<i>k'il'ev'-e-z'-d'e</i> <i>kardaj-z'-d'e</i> <i>p'ir'e-z'-d'e</i>	килейденть кардаздонтъ пиреденть	о той берёзе о том дворе о том огороде
Инес.	<i>k'il'ev'-e-s'-n'e</i> <i>kardaj-s'-n'e</i> <i>p'ir'e-s'-n'e</i>	килейсэнтъ кардазсонть пиресэнтъ	в той берёзе в том дворе в том огороде
Элат.	<i>k'il'ev'-e-z'-d'e</i> <i>kardaj-z'-d'e</i> <i>p'ir'e-z'-d'e</i>	килейстэнтъ кардазстонть пирестэнтъ	из той берёзы из того двора из того огорода
Иллат.	<i>k'il'ev'-e-z'-n'e</i> <i>kardaj-z-ne</i> <i>p'ir'e-z'-n'e</i>	килеентень кардазонть пирентень	в ту берёзу в тот двор в тот огород
Про- лат.	<i>k'il'ev'-e-z'-ga /</i> <i>k'il'ev'ez'in' ezga /</i> <i>k'il'ev's't' ezga</i> <i>kardaj-z'-ga</i> <i>kardajz'in' ezga</i> <i>kardaes't' ezga</i> <i>p'ir'e-z'-ga</i> <i>p'ir'ez'in' ezga</i> <i>p'ir'es't' ezga</i>	килейганть кардазганть пиреванть	по той берёзе по тому двору по тому огороду

Комп.	<i>k'il'ev'-e-z'-e-ška</i> <i>k'il'ev'ez'in' ejška</i> <i>k'il'ev'es't' eška</i> <i>kardaj-z'-e-ška</i> <i>kardajz'in' ejška</i> <i>kardajes't' eška</i> <i>p'ir'e-z'-e-ška</i> <i>p'ir'ez'in' ejška</i> <i>p'ir'es't' eška</i>	килейшканть кардазшканть пирешканть	с ту берёзу с тот двор с тот огород
Абес.	<i>k'il'ev'-e-s'-t'em'e</i> <i>k'il'ev'-e-z'-i'-n'-t'em'e</i> <i>kardaj-e-s'-t'em'e</i> <i>kardaj-e-z'-i'-n'-t'em'e</i> <i>p'ir'e-s'-t'em'e</i> <i>p'ir'e-z'-i'-n'-t'em'e</i>	килейтемень кардазтомонть пиревтемень	без той берёзы без того двора без того огорода

Падежная морфема в словоформах данной парадигмы находится после морфемы определённости, как и в парадигме множественного числа. Слова легко поддаются расчленению на составные элементы, так как имеют ярко выраженный агглютинативный характер. Так, генитивная форма *v'el'e-z'-i-n'* 'этого села', *v'ir'e-z'-i-n'* 'этого леса' состоит из основы слова *v'el'e-*, *v'ir'-*, указательного суффикса *-ž-*, интерфикса *-i-* и суффикса генитива *-ń*. В эрзянском диалектном ареале такая парадигма характерна говорам сёл Новомалыклинского района Ульяновской области [Агафонова, Рябов 2011: 109–111], а также говорам нижнепьянского диалекта Нижегородской области.

В данных говорах в словоформе инессива морфемой определённости является суффикс *-s'*, а *-n'e* является падежным суффиксом инессива. Например: *k'il'ev'-e-s'-n'e* 'в этой берёзе', *kudo-s'-n'e* 'в этом доме', *v'el'e-s'-n'e* 'в этом селе', *v'ir'e-s'-n'e* 'в этом лесу', *l'ej-e-s'-n'e* 'в этой реке'

Таким образом, в рассматриваемых говорах в суффиксе инессива сохранился древний локативный формант **-na/*-nä > -n'e*, который четко можно проследить в падежной форме инессива определенного склонения в словоформах с любой основой, тогда

как в кодифицированном языке и во многих диалектах говорах эрзянского ареала соответствующий суффикс представлен -s-овым формантом латива *-sol/-se*. В исследуемой форме произошло наложение морфемы определенности *-s'* на суффикс инессива *-sna/ -snä* в результате чего на стыке двух морфем появилась гемината [ss], которая впоследствии стала выполнять только функцию морфемы определенности, что позволило ей остаться в глухом варианте.

Отметим, что в этих говорах древний суффикс инессива **-sna/ *-snä* зафиксирован не только в определенном склонении, но и в основном склонении в словах на шипящий, свистящий и сонорный согласный: *avtobusne šin'* – 'приехал на автобусе', *pojesne ar-din'ek* 'ехали на поезде', *p'iksne s'ulm'iz'* – 'привязали веревкой', *onsne n'ejija* 'видел его во сне'.

Среди приведенных примеров особый интерес представляет словоформа *pojesne*. Абсолютная форма – это заимствованное слово «поезд». История развития инессивной формы следующая: *pojezd + sne > pojezdsne > pojestsne > pojessne > pjesne*. В словоформе *pojezdsne* происходит регрессивная ассимиляция по звонкости-глухости, в результате чего [d] переходит в [t], а [z] переходит в [s]. Затем, на стыке морфем происходит выпадение согласного [t], а после выпадения согласного [t] встречаются два согласных [s], которые переходят в геминату [ss] и, впоследствии эта гемината сужается до [s]. Например: *t'e šakšos'n'e p'id'it' jam* 'В этом горшке варят суп'; *poka avat'n'e lovnit' kudos'n'e mol'itvat' t'orat'n'e tujit' kalmo langs kalmoñ čuvmo* 'Пока эти женщины читают в этом доме молитвы, эти мужчины уходят на кладбище копать могилу'; *grobos'n'e kandit' k'ec'e* 'Этот гроб несут на руках'; *kalm'it' m'in'ek v'el'es'e kulos' loman'es'n'e omboc'e čiste* 'Хоронят в нашем селе умершего человека на второй день'.

Это же явление наблюдается в говорах северо-западного диалекта на территории Республики Мордовия, Чувашской Республики и Нижегородской области [Давыдов 1963: 155–157; Надькин 1968: 18–21; Ермушкин 1967: 109].

Приведенные данные, бесспорно, подтверждают предположение исследователей о том, что суффикс инессива в древности имел вид *-sn*+гласный. Исчезновение *-n*-ового элемента

в значительной части эрзянских диалектов обязано ассимиляции его предшествующим *-s* (*-sn > ss > s*). Такой путь развития подтверждается данными прибалтийско-финских языков. Ср.: ф. *-ssa, -ssä* < **-sna, *-snä*. Морфема *-sn* + гласный относится к сложным формантам, сложившимся исторически из двух падежных суффиксов: ф.-у. **-s*-вого латива и уральского локатива на **-na, *-nä*.

Необходимо отметить, что в отдельных говорах, например, говоры сел Старое Ардатово, Жабино, Баево Ардатовского района Республики Мордовия, встречаются словоформы, в которых зафиксированы два суффикса инессива: *poje-sne* и *poje(s)-sne-se* 'на поезде', *avtobus-so-s't'* и *avtobu-zo-so-s't'* 'на автобусе', *rudas-sne* и *ruda(s)-sne-se* 'грязью испачкался', *k'iks-sne* и *k'ik(s)-sne-se* 'чертой'. Это же явление можно проследить и в падеже аблатив: *ava-do-do-s't'* 'об этой женщине', *k'el'-d'e-d'e-s't'* 'об этом языке', *sur-do-do-s't'* 'об этом пальце'.

В смешанных говорах Ставропольского и Волжского районов Самарской области, где основы говоров являются мокшанскими, под влиянием эрзянских говоров выработалась полная парадигма определенного склонения. Особенностью этой парадигмы является то, что основой слова служит форма мокшанского датива. Сравните формы инессива: *val'ma-t'i-sa* 'в этом окне'; *val'ma-t'-n'e-n'd'i-sa* 'в этих окнах'; *vir'-t'i-sa* 'в этом лесу'; *vir'^h-n'e-n'd'i-sa* 'в этих лесах'; *s'el'm'e-t'i-sa* 'в этом глазу'; *s'el'm'e-t'-n'e-n'd'i-sa* 'в этих глазах' [Агафонова 1981: 212–217; 2013: 9].

Как видно из приведенного материала в эрзянском диалектном ареале падеж инессив образуется по трем моделям: ***s*+гласный**, ***-sn*+гласный** и ***-n*+гласный**. Одни морфологические маркеры (***s*+гласный**) совпадают с кодифицированными суффиксами или имеют разное фонетическое оформление, другие сохранили архаичную форму инессива (***-sn*+гласный** и ***-n*+гласный**): *k'il'ev'-e-s'-n'e* 'в этой берёзе', *kudo-s'-n'e* 'в этом доме', *v'el'e-s'-n'e* 'в этом селе'). Кроме этого, зафиксированы инновационные явления в образовании падежа инессив: *val'ma-t'i-sa* 'в этом окне', *val'ma-t'-n'e-n'd'i-sa* 'в этих окнах'.

Список условных сокращений

алт. – говоры Алатырского района Чувашской Республики; *атиш.* – Атяшевский район; *б. брз.* – говоры Большеберезниковского района; *бйв.* – говор с. Баево Ардатовского района; *дбк.* – дубенские говоры; *дбк. р.* – Дубенский район; *жаб.* – говор с. Жабино Ардатовского района; *зап. д.* – западный диалект; *ич.* – говор с. Ичалки Ичалковского района; *коч.* – говоры Кочкуровского района; *кчк.* – говор с. Кочкурово Дубенского района; *лбс.* – говор с. Лобаски Атяшевского района; *нап.* – говор с. Напольное Порецкого района Чувашской Республики; *нвмлк.* – говоры Новомалыклинского района Ульяновской области; *н. пьан.* – нижнепьянские говоры Нижегородской области; *прк.* – говор с. Пуркаево Дубенского района; *при.* – говоры Порецкого района Чувашской Республики; *прх.* – переходные говоры; *сб. м. дв.* – Сабаево-Мордвавыдовские говоры Кочкуровского района; *с. зап. д.* – северо-западный диалект; *сел.* – говор с. Селищи Атяшевского района; *с. тд.* – старотурдаковские говоры Кочкуровского района; *ст. ард.* – говор с. Старое Ардатово Ардатовского района; *трс.* – говор с. Тарасово Атяшевского района; *ф.* – финский язык; *ц. д.* – центральный диалект; *ю. вост. д.* – юго-восточный диалект.

Список использованной литературы:

Агафонова Н. А., Е. М. Девяткина Экстралингвистические факторы и новые языковые явления (на материале эрзянских диалектов Заволжья и Южного Урала) // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – Астрахань, 2013. № 3 (47). – С. 7–11.

Агафонова Н. А. Склонения существительных в смешанных мордовских говорах с мокшанской основой // Советское финно-угроведение. – Таллин, 1981. – № 3. – С. 212–217.

Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Морфологические маркеры морфем определенности в эрзянских диалектах Поволжья и Южного Урала // Вестник НИИ Гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2011. – № 4(20). – С. 108–115.

Давыдов М. М. Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка / Очерки мордовских диалектов. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1963. – Т. 2. – С. 118–233.

Ермушкин Г. И. Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка / Вопросы мордовского языкознания. Труды МНИИЯ-ЛИЭ, вып. XXXII. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1967. – С. 104–143.

Надькин Д. Т. Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка / Очерки мордовских диалектов : в 5 т. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1968. – Т. 5. – С. 3 – 198.

Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. – М : Наука, 1967. – 262 с.

Цыганкин Д. В. Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1977. – 104 с.

Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft / J. Szinnyei. – Leipzig, 1910. – 156 s.

УДК 811.511.131'36 (045)

Булычева Елена Александровна

Удмуртский государственный университет

Россия, г. Ижевск

ГЛАГОЛ, СФЕРА ЕГО ФОРМ И СЕМАНТИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ В ДЕСКРИПТИВНЫХ ТЕКСТАХ

THE VERB, THE SCOPE OF ITS FORMS AND SEMANTIC WORD PARAMETERS IN DESCRIPTIVE TEXTS

Аннотация. В статье предлагается комплексный подход к изучению глаголов в текстах-дескриптивах. Автор уделяет особое внимание тому, как глагол помогает в конструировании текстов описаний, с точки зрения связности элементов текста, информативности высказывания и его актуального членения.

Ключевые слова: вербоцентричность высказывания, функции финитных глаголов в тексте, текст описание, актуальное членение предложения.

Abstract. The article offers a complex approach to studying verbs in descriptive texts. The author analyses how a verb helps in constructing descriptive texts in terms of text coherence, content and actual division of the sentence.

Keywords: the central role of a verb in an utterance, the function of finite verbs in texts, descriptive text, actual division of the sentence.

Нельзя не согласиться с мнением академика В. В. Виноградова о глаголе, утверждавшего «Глагол – самая сложная и самая ёмкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [Виноградов 1972: 337]. Подобные мысли подтверждаются и авторами большого энциклопедического словаря и грамматикой удмуртского языка. Глагол – самая многообразная по грамматическим категориям и формам часть речи. Глагол может выражать состояние, отношения и действие как процесс, протекающий во времени. Лингвистический словарь определяет глагол как «часть речи, выражающая грамма-

тическое значение действия (то есть признака подвижного, реализующегося во времени) и функционирующая по преимуществу в качестве сказуемого» [БЭС 1998: 104]. По определению «Граматики современного удмуртского языка», глагол «выражает действие или состояние лица или предмета» [ГСУЯ 1962: 188]. Для выражения процессуального значения глагол располагает определёнными грамматическими категориями.

Изучение глагола в удмуртском языкознании имеет богатые традиции и определенные достижения в его характеристике.

В удмуртском языкознании глагол относится к числу таких частей речи, которым уделено немалое внимание со стороны учёных. Проблемы удмуртского глагола нашли отражение в научных трудах таких известных лингвистов, как Б. А. Серебренников, П. Н. Перовщиков, В. И. Алатырев, И. В. Тараканов, В. К. Кельмаков и др. В. И. Алатырев считает, что удмуртскому глаголу свойственны категории переходности и непереходности, наклонения, времени, числа, лица, залога, вида и фиктивности [Алатырев 1983: 578].

Идиоэтническими признаками удмуртского глагола являются: отсутствие категории рода, отрицательные глаголы с наличием спрягаемой отрицательной граммы. Удмуртскому языку присуща категория притворной модальности; для аналитических глаголов характерно использование аффикса лица во всех грамматических категориях. Обязательно расположение показателя числа в постпозиции независимо от количества грамматических показателей.

Функциональная значимость глагола особенно проявляется в текстах-дескриптивах. Тексты описательного характера понимаются как «словесное изображение какого-либо явления действительности путём перечисления его характерных признаков», и с этим утверждением языковеда М. Р. Львова нельзя не согласиться. Описание может быть художественным, деловым и научным. «Если в описании указываются признаки, – утверждает М. Р. Львов, – то язык описания богат художественно-образительными средствами: сравнениями, эпитетами, метафорами, олицетворениями» [Львов 1985: 81].

Опираясь на концепции современных лингвистов (В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, Н. Н. Соловейчик, Л. Е. Тумина, А. И. Горшков и др.), мы считаем, что характерными морфологическими средствами создания описания являются:

1) признаки, выраженные преимущественно прилагательными и существительными, реже – глаголами и наречиями;

2) соотносённость видо-временных значений;

3) формы глагольного времени обозначают не последовательную смену деталей, частей, а их расположение на одной плоскости, как бы на одном живописном полотне (См. об этом: Н. С. Болотнова).

При описании объекта речи (это может быть человек, животное, картина природы, интерьер, местность, какой-нибудь предмет, действие) выделяются «...форма, состав, структура, свойства, качества, назначение и т. д. путём перечисления признаков, характерных для данного момента обстановки, картины или предмета, и как вообще присущих этому объекту речи», – отмечает Нечаева [1974: 38]. Следует отметить, что вышперечисленные признаки текстов-описаний являются не только морфологическими и синтаксическими параметрами (В. И. Капинос, Н. Н. Сергеева, Н. Н. Соловейчик, Л. Е. Тумина), присущими описанию как отражению трёх ипостасей материи (объективного мира), но и параметрами логико-семантического плана, при котором речь идёт о субъектах и объектах объективного мира и об атрибутах, характеризующих оба эти понятия. Если первые два признака отражают структуру предложения–высказывания, то второй признак – семантическую характеристику предложения по Fr. Danes [1964: 225–240].

С вышеназванными высказываниями нельзя не согласиться, поскольку они аксиоматичны. Структурное содержание описания сводится к временному отношению простого следования. Многие авторы, в том числе Н. С. Валгина, Н. С. Болотнова, Л. Г. Бабенко – указывают на то, что «описание может быть двух видов: статическое и динамическое», что не вызывает возражений. Приведём типологию глаголов, данных в Большом энциклопедическом словаре, подразделяемых на динамические и статические. ... «Динамические обозначают действия в прямом смысле слова (*рублю, пи-*

шу, бегу') или события и процессы, связанные с теми или иными изменениями ('чашка разбилась, дерево растёт, снег тает'). Статические обозначают состояния, зависящие от воли субъекта ('стою, сижу'), либо не зависящие от неё ('болею, мерзну'), отношения ('соответствует, превосходит'), проявления качеств и свойств ('трава зеленеет' в значении 'видится зелёной')» [БЭС 1998: 105].

Как справедливо отмечает О. А. Нечаева, «динамическое описание используется часто для показа внешних событий, являясь средством натуралистического отражения действительности (существует специальный термин для обозначения натуралистического метода очень подробного описания действия с большой точностью передачи деталей – «секундный стиль»)). Кроме того, продолжает исследователь, «динамическое описание может служить средством острых, тонких, психологических зарисовок при изображении переживания, динамики внутреннего состояния героя» [Нечаева 1999: 175].

Перечисленные постулаты, присущие текстам-описаниям и роли глаголов в них, предстоит выявить в нижеприведённом удмуртском тексте.

Рассмотрим следующий пример:

Шунды улля

Вазь тулыс. Гижыен-пинен кутйськыны турттэ на кӧня ке нуналлы тол, нош вакыт солы эрик уг сёты, дыртытэ, улля. Вань шуръёс тудӓизы ини, вӧл-вӧл чашетыса бызё. Быдэс инбамез пурьсь пилемъёс шобыртйллям. Зорен суро усё. Инмын кытын ке тымет кыриськем шуод, сулеп ваське но ваське. Кужмо тӧл сое пазя, сэрпалля но музьем вылэ сале. Векчи ньӧрен жугем сямен, бамез вӧсь каре.

Куазь сачырес. Шундылэн ванезлы но стюлэм уг оскы ни. Нош со вань. Соинтэк-а шундылэн пиез – зор – сокем кужмо нюръяське лымыен. [Арлэн... 1991: 20–21].

'Ранняя весна. Зима изо всех сил пытается задержаться на несколько дней, а время не даёт ей покоя, торопит, гонит. Все реки разлились, бегут шумя, широко разлившись. Серые облака заволкли все небо. Льются смешавшись с дождём. Как будто где-то в небе пруд прорвало, снег с дождём идёт и идёт. Сильный ветер

их разбрасывает, раскидывает и бросает на землю. Делая щекам больно, как будто бьют тонким прутиком.

Погода сырая. Сердце не верит в существование солнца. А оно есть. Не поэтому ли сын солнца – дождь – так сильно борется со снегом’.

Текст состоит из двух абзацев. Первый начинается с номинативного предложения: *Вазь тулыс* ‘Ранняя весна’. Далее идет перечислительное описание особенностей ранней весны. Второй абзац предвещает двусоставное предложение: *Куазь сачырес* ‘Погода сырая’, и идет пояснение данной синтаксической конструкции. Следует отметить, что большинство предложений являются предложениями с однородными глаголами-сказуемыми: ... *нош вакыт солы эрик уг сёты, дыртытэ, улля; ... пазя*, ‘а время ему не даёт покоя, торопит, прогоняет’ *сэрпалля но музьем вылэ сале* ‘разбрасывает, раскидывает ... сбрасывает’. За счет выделенных однородных членов, употребленных в форме настоящего времени, создается временная протяженность, ощущение противостояния зимы и весны. Предложения связаны параллельной связью, первое – поясняет все остальные предложения.

Как показывает исследуемый материал, с мнением БЭС о характере предложений статистических и динамических можно вполне согласиться в том, что тексты-описания чаще всего не бывают только динамичными или только статичными. Такое положение объясняется темой описания, а также целью и стилем автора, описывающего объективный мир. Анализируемый текст посвящен описанию динамичной смены времён года, в котором преобладает гармоничное сочетание действия и процесса. В отрывке насчитывается двенадцать предложений, из них предложений с глаголами-сказуемыми – 10. В первом предложении глагол-сказуемое подразумевается имплицитно. *Вазь тулыс* ‘Весна ранняя’. В третьем предложении обнаруживается сочетание финитного глагола с дееспричастием *чашетыса бызё* ‘бегут шумя’, являющимся вторично-предикативной структурой на уровне синтаксиса, на семантическом уровне предикатом качества действия *тудзиз, чашетыса бызё* ‘бегут и шумят реки’. Большая часть глаголов-сказуемых является глаголами интенсивного действия, создающего динамику возрождения природы. Это глаголы *кутійськыны*

турттэ 'борется за жизнь', *эрик уг сёты* 'сопротивляется', *дыртытэ* 'торопит', *улля* 'гонит', *шурьёс тудзизы* 'реки разлились', *чашетыса бызё* 'бегут шума', *пилемъёс шобыртйллям* 'облака заволокли', *зорен суро усё* 'смешавшись с дождём', *тыммет кыриськем шуод* 'будто пруд прорвало', *сулеп ваське но ваське* 'снег с дождём идёт и идёт', *пазя* 'разбрасывает', *сэрпалля* 'раскидывает', *сале* 'бросает', *бамез вось каре* 'делает щекам больно', *лымыен нюръяське* 'борется со снегом'. В тексте наблюдаются три неглагольных высказывания, в первом предложении сказуемое подразумевается, во втором абзаце *куазь сачырес* 'погода сырая', и в третьем – сын солнца – дождь. В двух предложениях *сюлэм уг оскы ни* 'сердце не верит'; *Нош со вань* 'А оно есть', глагольные сказуемые не являются сказуемыми с семантикой действия, нарушая тем самым динамичность описания природного явления. Они отражают субъективные ощущения человека *сюлэм уг оскы ни* 'сердце не верит' и семантику бытия *Нош со вань* 'А оно есть (солнце есть)'. Динамика описания соотносится с семантикой отношения и качества в предложениях как восемнадцать к четырём (*бамез вось каре* 'делает щекам больно', *куазь сачырес* 'погода сырая', *шундылэн пиез – зор* 'сын солнца – дождь', *сюлэм уг оскы ни* 'сердце не верит'). Остальные глаголы представляют собой глаголы с семантикой динамики.

Таким образом, динамичность описания создаётся индивидуальным стилем автора, эмоционально воспринимающим и описывающим смену времён года, описание бурной весны происходит на глазах у автора, чем и объясняется преимущественное употребление форм настоящего времени. Использование номинативных предложений, предложений однотипной структуры помогает наиболее зримо и ярко создать описание. При этом связующим смысловым центром в описании может выступать и время событий. В тексте наиболее важную роль играет категория времени, так как именно глагол формирует временной план повествования: лишь в трёх случаях автор употребляет прошедшее время *шурьёс тудзизы* 'реки разлились', *пилемъёс шобыртйллям* 'облака заволокли', *тыммет кыриськем шуод* 'пруд прорвало, скажешь'. Динамичность описания усиливается сиюминутностью момента возрождения природы. Нестандартная тема-рематическая связь и

преобладание комплексов ремы над комплексом темы объясняется эмоциональным характером описания природы, воспроизведением её бурного состояния.

В толковании актуальной информации вполне может возникнуть вопрос о некоем субъективном восприятии членения высказывания на тему и рему. Дело в том, что рема – это не столько новая, сколько важная информация, она может быть и не новой, но важной. Например, Эту работу (тема) делаю я (рема). Местоимение обычно употребляется вместо имени и выполняет роль темы. Но в иных случаях, подобных вышеприведённой, оно, не являясь новым, является важным. В приведённом отрывке в истолковании тематической информации учитывалась заданность известных форм существования в мире: цикл времён года, погода, земля и её рельефы, реки, солнце, облака и так далее. В данном отрывке понятия весна, зима, небо, облака, солнце, ветер относятся к комплексу темы, а то, что с ними происходит, представляет собой рематическую информацию. Возможно, что в текстах иного характера эти данные могут быть и важной информацией, но не в этом отрывке.

Несмотря на преобладание субъективных высказываний, теоретически нарушающих порядок слов от темы к реме, этот эмоциональный тон сохраняется (в тексте финитные глаголы выделены жирным шрифтом). В переводе на русский намеренно сохранён удмуртский порядок слов, т. е. фиксированное конечное положение сказуемого в предложении. Исключением является лишь второе предложение. Объяснить данное обстоятельство можно самой темой описания, ибо смена времён года всегда создаёт у человека определённый эмоциональный тон.

Описания весьма разнообразны и по содержанию, и по форме. В динамическом событийном описании изображаются относительно равноправные, законченные действия или факты в виде сменяющихся частей, что придаёт высказыванию перечислительный характер.

Исходя из вышеизложенного, следует заключить вербоцентричность предложения-высказывания и определённую семантическую типологию глаголов действия и динамического состояния природы.

Список использованной литературы:

Алатырев, В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка / В. И. Алатырев // Удмуртско-русский словарь / под ред. В. М. Вахрушева. – М., 1983. – С. 561–591.

Арлэн нылпиосыз : дышетийсьёслы пособие / даязы: Г. К. Перевозчиков, П. Н. Петрова. – 2-тй изд., бюджетямын. – Ижевск : Удмуртия, 1991. – 208 б.

БЭС – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1988. – 685 с.

Виноградов, В. В. Русский язык : (граммат. учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высш. шк., 1972. – 614 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология / отв. ред. П. Н. Перевозчиков ; Удмурт. НИИ ист., эконом., яз. и лит. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Львов, М. Р. Методика развития речи младших школьников : пособие для учителя / М. Р. Львов. – 2-е изд., перераб. – М. : Просвещение, 1985. – 176 с.

Нечаева, О. А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типах речи / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : [б. и.], 1999. – 175 с.

Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи : (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. – 261 с.

Danes, Fr. A Three-level Approach to Syntax / Fr. Danes // *Travaux linguistiques de Prague.* – 1964. – Vol. 1. – P. 225–240.

УДК 811.512.111

Васильева Елизавета Федоровна

Россия, г. Чебоксары

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИДЕНТИЧНЫМИ СЛОВАМИ В ЧУВАШСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

SEMANTIC RELATIONS BETWEEN IDENTICAL WORDS IN CHUVASH AND TATAR LANGUAGES

Аннотация. Статья посвящена анализу семантических отношений между идентичными словами в чувашском и татарском языках. Тесная связь и многовековая дружба чувашей и татар помогла сохранить огромное количество идентичных слов во всех областях жизни. Боль-

шинство идентичных слов совпадают как в прямом, так и в переносном значениях. Некоторые слова не совпадают в переносном значении. Незначительное количество слов имеют совершенно различные значения.

Ключевые слова: тесная связь и дружба, чувашский язык, татарский язык, идентичные слова, полностью совпадающие по значениям слова, частично отличающиеся по значению слова, полностью отличающиеся по значению (по значениям) слова.

Abstract. The article deals with the analysis of semantic correspondences between identical words in the Chuvash and Tatar languages. Close contacts of the Chuvash and Tatar languages helped to retain identical words in all spheres of life. The vast majority of Chuvash and Tatar words coincide both in direct and figurative meanings. Some words differ in terms of figurative meanings. There are few words which have utterly different meanings.

Keywords: close connection and interaction, the Chuvash language, the Tatar language, identical words, words with identical meanings, words with different figurative meanings, words with utterly different meanings.

Чуваши и татары – родственные народы (*тáван халáхсем ~ тугандаш халыклар*), обитавшие рядом немало столетий, имевшие экономические, политические, хозяйственные, бытовые, культурные и другие связи с времён Волжской Булгарии, находившиеся в тесном языковом контакте. Длительные языковые связи обогатили чувашский и татарский языки, помогли сохранить идентичные слова, языковые нормы, грамматические законы.

В современном чувашском и татарском языках обнаруживаются немало общих показателей:

1. Существует закон сингармонизма: **алáк** ~ ишек *дверь*, **алáк-ран** ~ ишек-тэн *из двери*; **вула** ~ уку *читать*, **вула-р-áм** ~ уку-ды-м *читал, читала*; **вула-кан-та** ~ уку-ган-да *у читавшего*.

2. Словесное ударение в основном стремится на последний слог: **урáм** ~ урáм *улица*; **урам-рá** ~ урам-дá *на улице*; **урам-сен-чэ** ~ урам-нар-дá *на улицах*.

3. Нет грамматической категории рода: **Аннем вáрмантан килчэ** ~ Эним урманнан килде *Мама пришла из лесу*; **Аттем вáрмантан килчэ** ~ Этим урманнан килде *Отец пришёл из лесу*.

4. Форма выражения принадлежности передаётся посредством особых окончаний: **аппа-м** ~ апа-м *моя сестра*; **апп-у** ~ апа-ң *твоя сестра*; **апп-ащё** ~ апа-сы *его (её, их) сестра*.

5. Нет глагольного вида. Для выражения способа протекания действия участвуют вспомогательные глаголы и особые аффиксы: **вула** ~ уку *читать*; **вула-кала** ~ укы-гала-у *читать время от времени*; **вула-ма пушла** ~ ук-ып башлау *начать читать*; **вула-са пётер** ~ ук-ып бетерү *кончить читать*; **вула-са ил** ~ ук-ып алу *почитать*; **вула-са кәтарт** ~ ук-ып күрсетү *зачитать*; **вула-са тәр** ~ ук-ып бару *читать регулярно*; **вула-са тух** ~ ук-ып чыгу *прочесть*.

6. Аффиксы имеют твёрдый и мягкий варианты: **ил-т-ём** ~ алды-м *я взял, взяла*; **па-т-әм** ~ бир-де-м *я дал, дала*; **чәт-р-әм** ~ чыт-ты-м *я терпел, терпела*; **түс-р-ём** ~ түз-де-м *я терпел, терпела*.

7. Нет предлогов. Средством связи между словами являются послелогои: **Эпё аппам пек** ~ Мин аппам кебек *Я похож (похожа) на сестру*. **Кёнеке сётел çинче выртать** ~ Китап өстэл өстендә ята *Книга лежит на столе*. **Çиле хирёç пыр** ~ Жилгә каршы бару *Идти против ветра*.

8. Числительные и прилагательные находятся перед существительным, не согласуясь с ним (не склоняются, не изменяются): **икё ача** ~ ике бала *два ребёнка*; **Икё ача-па кил** ~ Ике бала белән кил *Приходи с двумя детьми*; **Икё ача-сәр юл** ~ Ике баласыз калу *Остаться без двух детей*; **әслә ача** ~ акыллы бала *умный ребёнок*; **Әслә ачапа сүре** ~ Акыллы бала белән йөрү *Ходить с умным ребёнком*; **Әслә ачана кёнеке пар** ~ Акыллы балага китапны бирү *Дать книгу умному ребёнку*.

9. Глагол имеет много (около шестнадцати) временных и личных форм: **эпё сыр-ат-әп** ~ мин яз-а-м *я пишу (сейчас)*; **эпё сыр-мас-т-әп** ~ мин яз-м-ый-м *я не пишу (сейчас)*; **эпё сыр-т-әм** ~ мин яз-ды-м *я писал (писала)*; **эпё сыр-ма-р-әм** ~ мин яз-ма-ды-м *я не писал (писала)*; **эпё сыр-әп** ~ мин яз-ар-мын *вероятно, я напишу*; **эпё сыр-м-әп** ~ мин яз-ар-м-ый-м *вероятно, я не напишу*; мин яз-ачак-мын *я обязательно напишу*, мин яз-ма-ачак-мын *я, конечно, не напишу*; **эпё вула-тт-әм-ччө** ~ мин ук-ый торган *идем я почитывал много раз когда-то*; **эпё вула-кала-т-әп** ~ мин укы-

кала-м я читаю время от времени; **Эпё вула-нӑ кёнеке** ~ мин укы-ган китап книга, читанная мною; **Эпё вула-са тӑ-нӑ кёнеке** ~ мин ук-ый тор-ган китап книга, читанная мною много-много раз (книга, которую я читал не раз); **Эпё кил-мелле-ччӑ** ~ мин кил-эчӑк идем я должен был (должна была) прийти и т.п.

10. В предложениях определение предшествует определяемому: **ку сёнӑ кёнеке** ~ бу яна китап *это новая книга*; **Эпӑ хура вӑрманна кайрӑм** ~ Мин кара урманга бардым *Я пошёл (пошла) в тёмный лес*.

11. Сказуемое завершает предложение: **Эпӑ аннемпе хулана каятӑп** ~ Мин ӑним белӑн калага барам *Я иду в город с мамой*; **Эсӑ ку кёнекене ӑстан илтӑн?** ~ Син бу китапны кайдан алдын? *Откуда взял ты эту книгу?*

12. Обстоятельство, дополнение предшествуют глаголу-сказуемому: **Эпӑ ялта пурӑнатӑп** ~ Мин авылда яшим *Я живу в деревне*; **Аттем пасарта пӑру сутӑн илчӑ (туянчӑ)** ~ Ӑтим базарда бозау сатып алды *Мой отец купил телёнка на рынке*.

13. Обстоятельства места и времени, относящиеся ко всему предложению, ставятся в начало предложения: **Паян эпӑ хуларан килтӑм** ~ Бүген мин каладан килдем *Сегодня я приехал из города*; **Вӑрманна кашкӑр, куян, упа пурӑнассӑ** ~ Урманда бүре, куян, аю яшилӑр *В лесу обитают волк, заяц, медведь*.

Дружеские связи чувашей и татар способствовали сохранению идентичных слов как в литературном языке, так и в различных говорах. Наибольшее количество идентичных слов наблюдается:

1. **В быту:** **ар** ~ ир *мужчина, муж*; **йӑкӑт** ~ егет *юноша, парень*; **хӑр** ~ кыз *девушка*; **мӑнук** ~ онык *внук*; **карчӑк** ~ карчык *старуха*; **кашӑк** ~ кашык *ложка*; **куймак** ~ коймак *оладья*; **шӑрпе** ~ шулпа, шурпа *разг. бульон, отвар, суп*; **патгӑр** ~ батыр *богатырь*; **мунча** ~ мунча *баня*; **мунчала** ~ мунчала *мочало*; **пура** ~ бура *сруб*; **пыл** ~ бал *мёд*; **салма** ~ салма *салма* (разновидность клёцек); **сӑт** ~ сӑт *молоко*; **сӑлӑк** ~ шӑрлек *полка*; **тӑвар** ~ тоз *соль*; **тӑкмаç** ~ токмаç *лапша*; **сӑрт** ~ йорт *дом, здание*; **карта** ~ киртӑ *изгородь* и т. п.

2. В хозяйственном укладе: **алла** ~ илләү *просеивать муку*; **сапан** ~ сабан *сабан (деревянный плуг)*; **Сапантуй** ~ *Сабантуй праздник после весенних работ*; **туй** ~ *туй свадьба*; **ёсле** ~ *эшләү работать*; **тәварла** ~ *тоздау солить*; **авлантар** ~ *өйләндерү женить* и т.п.

3. В животном мире: **анчак** ~ *энчек щенок*; **аряслан** ~ *арыслан лев*; **ашак** ~ *ишәк осёл*; **айяр** ~ *айгыр жеребец*; **вәкәр** ~ *үгез бык*; **пәлан** ~ *болан олень*; **пил** ~ *фил слон*; **паран** ~ *бэрән ягнёнок*; **пәру** ~ *бозау телёнок*; **сурәх** ~ *сарык овца*; **така** ~ *тәкә козёл или баран*; **тёве** ~ *дөя верблюд*; **тына** ~ *тана телка* и т. п.

4. В растительном мире: **кантәр** ~ *киндер конопля*, **пәри** ~ *борай полба*, **пәрса** ~ *борчак горох*, **пултәран** ~ *балтырган борщевик*, **серте** ~ *сәрдә сныть*, **сёлә** ~ *солы овёс*, **сёмёрт** ~ *шомырт черёмуха*, **сырла** ~ *жиләк ягода*, **чечек** ~ *чәчәк цветок*, **чие** ~ *чия вишня*, **шурут** ~ *сарут пырей* и т.п.

Как чувашаи, так и татары изменяли:

1. Фонетический облик идентичных слов: **пуләсә** ~ *балыкчы рыбац*, **кәкәр** ~ *күкрәк грудь, грудная клетка*, **пуç** ~ *баш голова*, **пүрне** ~ *бармак палец*, **сухал** ~ *сакал борода*, **тәла** ~ *тула онуча*, **ченёске** ~ *чәнечкә вилка*, **юман** ~ *имән дуб*, **юрат** ~ *ярату любить*, **явләк** ~ *яулык платок* и т. п.

2. Морфологические показатели идентичных слов: **утсем** ~ *атлар лошади (-сем ~ -лар – аффиксы множественного числа)*, **ан кил** ~ *килмә не приходи (ан ~ -мә – показатели запрещения)*, **ку кёнеке мар** ~ *бу китап түгел эта не книга (мар ~ түгел – показатели отрицания)* и т. п.

3. Иногда значения идентичных слов. Как правило, полностью совпадают значения многих идентичных названий:

– **грибов (әвәс кәмпи** ~ *усак гөмбәсе подосиновик*, **нарат кәмпи** ~ *нарат гөмбәсе сосновый рыжик*, **хурән кәмпи** ~ *каен гөмбәсе подберёзовик*, **юман кәмпи** ~ *имән гөмбәсе поддубовик* и т. п.

– **деревьев (әвәс** ~ *усак осина*, **әвәс вәрманё** ~ *усак урманы осинник*, **әвәс вутти** ~ *усак утыны осиновые дрова*, **әвәс сүлси пек чётре** ~ *усак яфгагы кебек калтырау дрожать как осиновый лист*) и т. п.

– **животных** (**арлан** ~ эрлэн *хомяк//хомячий*; **а́птá** ~ опыты *язь//язёвый*; **са́сар** ~ сусар *куница//куний*; **са́сар су́ха** ~ сусар *яка куний воротник*; **се́кё** ~ чөгэ *стерлядь//стерляжий*; **се́кё пу́се** ~ чөгэ *башы стерляжъя голова*; **се́кё шу́рпи** ~ чөгэ *шулпасы стерляжъя уха*; **су́йáн** ~ жэен *сом//сомовый, сомовий*; **су́левёс** ~ селәүсен *рысь//рысий*; **тинёс арáсланё** ~ дингез *арысланы морской лев*; **ха́нтáр** ~ кондыз *бобр//бобровый*; **ха́нтáр тирё** ~ кондыз *тиресе мех бобра*; **чапак** ~ чабак *плотва*; **чапак шу́рпи** ~ чабак *шулпасы уха из плотицы*; **чучка разг.** ~ чучка *разг. хрюшка, свинья//свиной*; **шампа** ~ шамбы *налим//налимий*; **шампа шу́рпи** ~ шамбы *шулпасы налимя уха*; **шампа пёверё** ~ шамбы *бавыры налимя печень*; **ша́ла** ~ сыла *судак//судаковый, судачий* и т.п.

– **зерновых**: **йётён** ~ житен *лён//льняной*, **йётён арла** ~ житен *эрләү прясть лён*, **йётён сүсё** ~ житен *сүсе льняное волокно*; **кукуруза** ~ кукуруз *кукуруза//кукурузный*, **кукуруза хирё** ~ кукуруз *кыры кукурузное поле*, **кукуруза пáтти** ~ кукуруз *боткасы кукурузная каша*; **па́рса** ~ борчак (*растение и зерно*) *горох*, **ешёл па́рса** ~ яшел *борчак зелёный горох*; **се́лэ** ~ солы *овёс//овсяный, овсяной*, **се́лэ кёселё** ~ солы *кесэле овсяный кисель*, **се́лэ пусси** ~ солы *басуы овсяное поле* и т. п.

– **обуви**: **са́пата** ~ чабата *лапоть, лапти*, **са́пата калáпé** ~ чабата *калыбы лапотная колодка*; **та́ла уст.** ~ тула 1. *домашнее сукно*, **та́ларан са́хман се́ле** ~ туладан *чикмэн тегү шить чикмень из домашнего сукна*; 2. *обмотка для ног* и т.п.

– **овошей**: **кише́р** ~ кишер *морковь//морковный*, **кише́р те́се** ~ кишер *төсе морковный цвет*, **кише́р се́ткенё** ~ кишер *суы морковный сок*, **кише́р че́йё** ~ кишер *чэе морковный чай*; **ха́яр** ~ кыяр *огурец (растение и его плоды)*, **ха́яр та́варла** ~ кыяр *тозлау солить огурцы*, **ха́яр сала́чэ** ~ кыяр *салаты огуречный салат*; **че́кёнте́р** ~ чөгендер *свёкла//свекольный, свекловичный*, **хе́рлэ че́кёнте́р** ~ кызыл чөгендер *красная свёкла*, **вы́льáх че́кёнте́рэ** ~ мал чөгендере *кормовая свёкла*, **че́кёнте́р те́слэ** ~ чөгендер *төсле (төсендэ) свекольного цвета*, **сахáр че́кёнте́рэ** ~ шикэр чөгендере *сахарная свёкла*, **че́кёнте́р акса ўсте́р** ~ чөгендер *игү (үстерү) выращивать свёклу* и т. п.

– **орудий труда**: **сенёк** ~ сэнэк 1. *вилы*, **шыв си́не сенёкпе сы́рнá** ~ сэнэк *белэн суга язылган на воде вилами написано*,

вӑрӑм авӑрлӑ сенӑк ~ озын саплы сӑнӑк *вилы с длинным черенком*, **кӑлте сенӑкӑ** ~ кӑлтӑ сӑнӑге *вилы для снопов*, **тимӑр сенӑк** ~ тимер сӑнӑк *железные вилы*; 2. разг. *вилка*, **сенӑкпе ҫи** ~ сӑнӑк белӑн ашау *есть вилкой*; **тилхепе** ~ дилбегӑ *вожжжи*, **чӑн тилхепе** ~ каен дилбегӑ *ремённые вожжжи*, **тилхепене турт** ~ дилбегӑ *тарту натянуть вожжжи*, **тилхепене хӑвала** ~ дилбегӑ *кагу понукать (лошадь)*, **шевельнув вожжжами**, **тилхепене вӑҫертсе яр** ~ дилбегӑне ычкындыру *выпустить вожжжи*; **хӑмӑт** ~ камыт 1. *хомут//хомутный*, **ута хӑмӑт тӑхӑнтар** ~ атка камыт *кидеру надеть на шею лошади хомут*, **хӑмӑт пӑявӑ** ~ камыт *бавы гужи*, **хӑмӑт пӑвенӑ** ~ камыт *бӑяге хомутина*. 2. *перен. хомут, ярмо, бремя*, **хӑмӑт тӑхӑн** ~ камыт *кию надеть на себя хомут*

– **посуды**: **пичке** ~ мичкӑ 1. *бочка//бочоночный, бочечный, бочковый*, **йывӑҫ пичке** ~ агач мичкӑ *деревянная бочка*, **тимӑр пичке** ~ тимер мичкӑ *железная бочка*, **юман пичке** ~ имӑн мичкӑ *дубовая бочка*, **шыв пички** ~ су мичкӑсе *водовозная бочка*, **купӑста пички (катки)** ~ кӑбестӑ мичкӑсе *бочка из-под капусты*, **пичке кӑшӑлӑ** ~ мичкӑ *коршавы бочечный (бочоночный) обруч*, **пичке сӑри** ~ мичкӑ *сырасы бочечное (бочковое) пиво*; 2. *перен. пренебр. бочка, бочка бочкой (о слишком толстом человеке)*, **пӑхха**, **пичке утса пырать** ~ кара, бер мичкӑ *китеп бара смотри, идӑт бочка*, **пичке пек хырӑм** ~ мичкӑ *кебек корсак толстобрюхий*, **пичкери пулӑ пек** ~ мичкӑдӑге *балык кебек как рыба в бочке (о скоплении большого количества людей в тесном помещении)*; **савӑт-сапа** ~ савыт-саба *посуда//посудный*, **савӑт-сапа магазинӑ** ~ савыт-саба *кибете посудная лавка*, **кӑленче савӑт-сапа** ~ пыяла савыт-саба *стеклянная посуда*, **тимӑр савӑт-сапа** ~ тимер савыт-саба *железная посуда*, **савӑт-сапа шкапӑ** ~ савыт-саба *шкафы посудный шкаф*, **савӑт-сапа чӑнкӑртатманни пулмасть** ~ савыт-саба *шалтырамый тормый (посл.) не бывает так, чтобы посуда никогда не гремела*

– **продуктов питания**: **капӑртма** ~ кабартма *пышка, лепёшка (чаще из хлебного теста)*, **плита ҫинче капӑртма пӑҫер** ~ плитӑдӑ кабартма *пешеру печь пышки на плите*; **кӑмӑс** ~ кымыз *кумыс//кумысный*, **кӑмӑс савӑчӑ** ~ кымыз савыты *кумысный сосуд*, **кӑмӑсна сиплен** ~ кымыз белӑн *дӑвалау лечиться кумысом*; **куймак** ~ коймак *оладья (из пшеничной, гороховой, овсяной и*

другой муки), 2. блин//блинный, **варениллэ куймак** ~ вареньеле коймак оладьи (блины) с вареньем; **куччене** ~ күчтәнэч разг. гостинец, гостинцы, **кучченеҫсем илсе тавраң (кил)** ~ күчтәнэчләр алып кайту принести (домой) гостинцы; **сёт** ~ сөт 1. молоко//молочный, **әшә (тин сунә) сёт** ~ яңа сауган сөт парное молоко, свежее молоко; **вёретмен сёт** ~ кайнатмаган сөт сырое молоко, **вёретнә сёт** ~ кайнаткан сөт кипячёное молоко; **сёт вёрет** ~ сөт кайнату кипятить молоко; **качака сёчә** ~ кәжә сөте козье молоко; **сётре пиҫнә пәтә** ~ сөттә пешкән ботка каша, приготовленная на молоке, 2. молочко, млечный сок (растений и т.п.), **пиҫен сёчә** ~ билчән сөте молоко, молочко осота; **уйран** ~ әйрән 1. айран (напиток из катыка, разбавленного холодной водой), **уйран ёҫ** ~ әйрән эчү пить (выпить) айран, 2. пахта, **уйран уҫла** ~ май атлау пахтать масло

– **профессий: артист** ~ артист артист//артистический, **опера артисчә** ~ опера артисты оперный артист; **артист пүлёмә** ~ артист бүлмәсе артистическая уборная; **атаҫә** ~ итекче сапожник, сапожный мастер, **атаҫән атти ҫук** ~ итекченең итеге юк сапожник без сапог; **вёсөвсә** ~ очучы лётчик, авиатор, пилот//лётный, **ҫар вёсөвси** ~ хәрби очучы военный лётчик, **вёсөвсәсен шкулә** ~ очучылар мәктәбе лётная школа, **ҫар вёсөвси пул** ~ хәрби очучы булу быть военным лётчиком; **вёрен-текен** ~ укытучы учитель, преподаватель//учительский; **математика вёрентекенә** ~ математика укытычысы учитель математики; **вёрентекенсен пүлёмә** ~ укытучылар бүлмәсе учительская и т. п.

Глагол – самая обширная, многозначительная, познавательная основа и неиссякаемое богатство языка. Знание глаголов помогает в прослеживании жизненного пути народа. В глаголах запечатлена история народа. В чувашском и татарском языках бытует немало идентичных глаголов, полностью совпадающих по семантике.

ёҫ ~ эчү пить, выпивать; пьянствовать; перен. вдыхать; **шив ёҫ** ~ су эчү пить воду; **эмел ёҫ** ~ дару эчү пить лекарство; **сәра ёҫ** ~ сыра эчү пить пиво; **хәнасен сывләхәшән ёҫ** ~ кунаклар исәнлегенә эчү пить за здоровье гостей; перен. **вәрманән**

тутлă сывлăшне ёс ~ урманның хуш исле павасын эчү *вдыхать ароматный лесной воздух.*

вырнас ~ урнашу *размещаться; устраиваться; устанавливаться; поступать; обосновываться*: **сынсем вакуна кёрсе вырнасрёс (вырнасса ларчёс)** ~ кешеләр вагонга урнаштылар *люди разместились в вагоне*; **въл хънасемпе юнашар вырнасрё (вырнасса ларчё)** ~ ул кунаклар янында урнашты *он устроился рядом с гостями*; **иккёшён хушшине туслăх кёрсе вырнасрё** ~ ике арада дуслык урнашты *между ними установилась дружба*; **въл завода ёсе вырнасрё** ~ ул заводка эшкә урнашты *он устроился на работу на заводе*; **вёсем ялта вырнасрёс (вырнасса ларчёс)** ~ алар авылда урнаштык *они обосновались в деревне; перен. ку шухайш пусайра вырасса юлчё* ~ бу фикер башымда урнашып калды *эта мысль крепко засела у меня в голове*

сұхат ~ югалту *терять; лишаться; затерять; перен. уничтожить*: **пăх (асархан), ан сұхат!** ~ кара, югалтма! *смотри, не теряй!*; **въл ашшёне сұхатнă** ~ ул этисен югалткан *он лишился отца*; **эпир сана сұхатраймър** ~ без сине югалтык *мы потеряли тебя*; **перен. ку ташман отрядне сұхатър (пётерёр)!** ~ бу дошман отрядын югалтыгыз! *ликвидируйте этот вражеский отряд!*

ешёлле(т) ~ яшеллэндерү *озеленять, покрывать зеленью, делать зелёным*: **хулана ешёлле(т)** ~ шәһәрне яшеллэндерү *озеленить город*

илт ~ ишетү *услышать; слышать; слышать что-л. о ком-л.; прислушиваться*: **хаман хайхампа илтрём** ~ үз колагым белән ишеттем *слышал своими ушами*; **пёр хыпар илтрём** ~ бер хәбәр ишеттем *услышал одну весть*; **илтес те темест (илтесси те килмест)** ~ ишетергә дә теләми *и не прислушивается*

килеш ~ килешү *ладить; мириться; заключать; соглашаться; сладить; устанавливать; договариваться*: **хёрёпе амайшё килештереймен (килешсе пурнайман)** ~ кыз белән ана килешә алмадылар *мать и дочь не смогли поладить*; **юлташсен шухайшёне килешетён** ~ иптәшләрнең фикерләре белән килешәм *с мнениями товарищей соглашаюсь*; **ут утланса кайма килешрёмёр** ~ атка атланып барырга килештек *мы условились ехать верхом*; **ывълун авланайвёпе килеш** ~ улының өйләнүе белән килеш *помиришь с женьбой сына*; **килошан пёр сум**

памаллипе килёш ~ килосын бер сумнан килешү *стороваться по рублю за килограмм*; **килёшсе алă пус** ~ килешеп кул кую *подписать (о мире)*

сыр ~ язу *писать; написать; сообщать; сочинять; слагать; выписывать; записывать; составлять; рел. предопределено: доска сине пурпа (мелпа) сыр* ~ тактага акбур белән язу *писать мелом на доске*; **доклад сыр** ~ доклад язу *написать доклад*; **сырăвёнче мён-мён сырнă?** ~ хатында нэрсэлэр язган? *о чём он сообщил в письме?*; **опера сыр** ~ опера язу *писать оперу*; **романс сыр** ~ романс язу *сочинить романс*; **концерта сыр (сырса хур)** ~ концертны язу *записать концерт*; **черете сыр** ~ чиратка язу *включить в очередь*; **несёлне ывăлэ сине сыр** ~ милекне улына язу *записать имущество на сына*; **рел. турă (хуца) сырнă** ~ алла (ходай) яза *предопределено богом*

сапăс ~ сугышу *сражаться; драться*: **фронтсенче сапăсса сўре** ~ фронтларда сугышып йөрү *воевать на фронтах*; **кўршэ ачипе сапăс** ~ күрше малае белән сугышу *драться с соседским мальчиком* и т.п.

С течением времени по разным причинам идентичные глаголы приобрели или потеряли некоторые значения:

сывăр ~ йоклау *спать; бездействовать*: **сывăрма вырт** ~ йокларга яту *лечь спать*; **уца сывлăшра сывăр** ~ ачык хавада йоклау *спать на свежем воздухе*; **ан сывăрăр, мён те пулин тăвăр** ~ йокламый, чарасын күрегез *не бездействуйте, примите меры*. В чувашском языке у **сывăр** имеются ещё несколько значений: **ночевать: сывăрма яр** *пустить ночевать* ~ төн үткөрү; **затекать: ура сывăрнă ноги затекли** ~ аякларым оешкан; **свёртываться: юн сывăрса кайнă** *кровь свернулась* ~ кан оешты.

ёрче ~ үрчү *размножаться; плодиться*: **кунта сарттан питё нумай ёрченё (ёрчесе кайнă)** ~ монда чуртан бик нык үрчегән *очень много щуки развелось тут*; **питё нумай хăнкăла ёрченё** ~ бик күп кандала үрчегән *очень много развелось клопов*. В чувашском языке **ёрче** имеет значение *разрастаться (о растениях)*: **шыв хёрринче хăвалăх ёрчесе кайнă** *на берегу реки разросся ивняк* ~ яр буенда таллык үсеп жәелгән. В татарском языке **үрчү** употребляется в значении *увеличиваться*: **гаилэ үрчте** *семья увеличилась* ~ семье йышланчэ и т. п.

Некоторые идентичные слова употребляются в совершенно разных значениях: **мехел** возможность; удобный случай; подходящий момент; свободное время, досуг ~ мэхэл книжн. место проживания; прописка; уместность

парлак залежь; пар//залежный, паровой; диал. поляна ~ парлак книжн. блестящий, сияющий, лучезарный; поэт. славный, выдающийся, великолепный; перен. пышный, роскошный

пиала кружка без ручки ~ пъяла стекло//стекольный, стеклянный; диал. окно; осколок стекла

рехмет, рахмат спасибо, благодарю ~ рэхмэт милость, милосердие; жалость; благодать; благодарность, признательность

сулхӑн прохлада, холодок//прохладный, холодноватый; тень//теновой, тенистый; угрюмый, мрачный, холодный// угрюмо, мрачно, холодно ~ салкын холодный, морозный; не утепленный; остывший; прохладительный; бездушный; суровый, строгий

сарай сарай (дровяной); диал. надворные постройки ~ сарай дворец, хоромы, палата, замок//дворцовый, палатный, разг. сарай, дровяник

харам бесполезный, напрасный, тщетный//бесполезно, напрасно, тщетно; как туняедец, как паразит, паразитически; нетрудовой, даровой, доставшийся без труда ~ харам грешный, греховой; грешен, греховый; **харам пул (харама кай)** оказаться бесполезным, напрасным ~ харам булу быть греховным, запрещённым (моралью, религией)

намӑс стыд, чувство стыда (совести)//стыдно, совестно; позор//позорный; срам ~ намус честь, совесть; хорошая репутация; целомудрие, неиспорченность; **намӑса сұхат** потерять стыд, не стыдиться ~ намусны югалту потерять честь; **намӑса пӗл** стыдиться ~ намус белу иметь совесть, совеститься

намӑслан стыдиться, испытывать стыд; опозориться, осрамиться, быть опозоренным ~ намуслану совеститься; позволять о совести

намӑслӑх стыдливость, совестливость ~ намуслык честность, порядочность; правдивость, справедливость

наян лентяй, ленивец, бездельник//ленивый//лениво; лень
1) наян этем ленивый человек; наян пуса пусларё меня начала одолевать лень; наяна пер лодырничать ~ наян озорник, ша-

лун//озорной, шаловливый; разг. хитрец, лукавый; наян кеше озорной человек, наян кыз шаловливая девочка; эй наян кеше дэ инде ну и хитрый же человек

наянлан лениться, бездельничать, лениво относиться к чему-л. 2) худеть, тощать; беднеть (о человеке); **ача наянланать** ребёнок ленится; **вӑл наянланса кайрӑ** он похудел; **пуян сын наянланма пусларӑ** богатый начал беднеть ~ наянлану озорничать, шалить; хитрить, лукавить; притворяться ~ балалар наянлана башлады.

Идентичные слова (их огромное количество) в современном чувашском и татарском языках произносятся приблизительно одинаково, но на письме передаются специфическими графемами, поэтому во многих случаях трудно установить их родство: **арап** ~ гарӑп араб//арабский; **вӑрене** ~ ӱрӑнге клӑн//кленовый; **ялан** ~ һаман всегда, постоянно, всё время; **элчел** ~ эжӑл смерть, кончина, смертный час; **авал** ~ ӑвӑл раньше, прежде, в прежнее время; **ала** ~ илӑк решето, сито//решётный; **авлан** ~ ӱйлӑну жениться, пожениться; **ӑнчӑ** ~ энже жемчуг; **элчӑ** ~ илче посол; **юрлӑ** ~ ярлы бедный, нищий; **йӑлӑх** ~ ялыгу уставать, утомляться; **йӑлӑн** ~ ялыну молить, умолять, упрашивать; **лав** ~ олау воз, подвода; **сӑпата** ~ чабата лапти, лапоть//лапотный; **сӑрӑк** ~ черек гнилой, разлагающийся (картофель); **сара** ~ шӑрӑ голый, нагой; **сӑмӑрт** ~ шомырт черёмуха//черёмуховый; **сӑрӑ** ~ шӑре цевка; **шысӑ** ~ шеш опухоль; **шевле** ~ шӑлӑӑ отсвет, отблеск; **хуйхӑ** ~ кайгы горе, горесть, скорбь; **хырӑм** ~ карын желудок, живот; **ула** ~ ала пӑстрый, пегий; **урпа** ~ арба ячмень//ячменный; **ывӑс** ~ уч горсть, пригоршня; **алла** ~ илӑу просеивать муку; **айӑр** ~ айгыр жеребец//жеребячий; **ил** ~ алу брать, взять; **ар** ~ ир мужчина//мужской; муж, супруг; **ӑн** ~ уну уродиться, удаваться, получаться; **юлхав** ~ ялкау ленивый, лодырь, ленивец; **яхӑн** ~ якын примерно, около; **ют** ~ ят чужой, посторонний; **юрӑхсӑр** ~ яраксыз негодный, непригодный; **ухтар** ~ актару рыться, шарить, обладывать и т. п.

Список использованной литературы

Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. – М., 1978.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удмуртско-тюркские контакты). – Ижевск: Удмуртия, 1982.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Изд-во Саратовского университета. Саранский филиал, 1990.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 2002.

Хисамова Ф. М., Васильева Е. Ф. Сравнительная грамматика татарского и чувашского языков. – Казань, 2010.

УДК 811.511.151 811

Гаврилова Валентина Григорьевна

Марийский государственный университет

Россия, г. Йошкар-Ола

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ: ОТ СМЕШЕНИЯ КОДОВ ДО ЗАИМСТВОВАНИЯ

THE USE OF THE VOCABULARY OF FOREIGN ORIGIN: FROM THE CODE-MIXING TO BORROWING

Аннотация. В статье рассмотрено употребление в марийском языке слов *кольца* ‘кольцо’, *долга* ‘долг’, *зерна* ‘зерно’, *места* ‘место’ и сделана попытка определения статуса этих слов. На примере использования таких единиц можно проследить процессы изменения в языке: иноязычное слово, начиная использоваться как вариант для выражения того или иного значения, постепенно из явления переключения и смешения кодов может перейти в разряд заимствований. Особенно активно такой процесс проходит в условиях асимметричного билингвизма.

Ключевые слова: марийский язык, русский язык, смешение кодов, заимствование, билингвизм.

Abstract. The article considers differentiation of code-switching and borrowings in terms of words *skol'tsa* ‘ring’, *dolga* ‘debt’, *zerna* ‘grain’, *mesta* ‘place’ in the Mari language. The examples allow to trace the dynamic processes in the language: a foreign lexical unit, which was initially used as a variant of expressing one or another meaning within code-mixing and code-

switching, proceeds to the category of borrowings. This process occurs particularly under the conditions of active asymmetrical bilingualism.

Keywords: the Mari language, the Russian language, borrowings, code-switching, bilingualism.

В результате тесного взаимодействия марийского и русского языков наблюдается два контактных явления – заимствование и переключение и смешение кодов. Многие ученые считают, что трудно различать случаи кодового переключения и заимствования, учитывая подвижность границ между различными типами иноязычной лексики. Так, М. З. Муслимов говорит о невозможности проведения четкой границы между ними в речи носителей прибалтийско-финских языков Западной Ингерманландии. По данным исследователя, морфологически адаптированные и неадаптированные включения из русского языка могут выступать как свободные варианты, степень же их фонологической адаптации может довольно сильно варьироваться [Муслимов 2005].

В современном марийском языке исконные слова зачастую уступают по употребительности проникновениям из русского языка, т. е. морфологически адаптированным словоформам. В связи с этим возникает вопрос о языковом статусе подобных слов: являются ли они только фактами смешанной билингвальной речи или уже имеются все основания утверждать, что они прочно вошли в марийский язык и стали неотъемлемой частью ее лексики.

При изучении речи жителей д. Олоры Параньгинского района Республики Марий Эл нами выделены часто употребляемые слова *кольца* ‘кольцо’, *долга* ‘долг’, *зерна* ‘зерно’, *места* ‘место’, например: *Те тушто баскетбольный кольца кеча* ‘Вот там висит баскетбольное кольцо’ (Валентин, 59 лет, обр. высш.); *Долгалан окса кўлеш вет тоже колхозлан* ‘На долги деньги нужны же колхозу’ (Игорь, 36 лет, обр. высш.); *Дык ик долгажымат менгеш пуэн огыл* ‘Не вернул ни одного долга’ (Эдита, 39 лет, обр. сред.); *Зернажым ястарен* ‘Выгрузил зерно’ (Эдуард, 33 года, обр. сред.); *Ончылно каем ыле, зернам погенам* ‘Был передовиком, убирал зерно’ (Эдуард, 33 года, обр. сред.); *Икана КВН дене пер-*

вый местам *нална тыште* ‘Однажды здесь заняли первое место по КВН’ (Игорь, 36 лет, обр. высш.).

Дело в том, что **кольца** ‘кольцо’, **долга** ‘долг’, **зерна** ‘зерно’, **места** ‘место’ адаптированы фонетически: происходит замена конечной гласной *о* на *а*, и ударение падает на конечную гласную.

Будучи эквивалентами слов **кольцо**, **долг** марийские лексемы **колча** и **парым** (по своему происхождению они также могут быть заимствованиями из других языков, но ранними) вообще не встречаются в речи информантов. Лексема **шурно** зафиксирована только один раз, но только в виде дублирования, например: *Ала тидыжымат... кормаит лач шудо веле, да зерна ынде, шурно уло, молыжо...* ‘И это тоже... из кормов только сено, и зерно, есть зерно, остальное...’ (Людмила, 39 лет, обр. сред.).

Информанты знают слова **шурно** и **парым**, **кўсын**, но слово **колча** многим неизвестно. **Места** используется наряду со словом **вер**, но, на наш взгляд, сферы использования этих дублетов различаются и являются тематически связанными: в сочетании **чыла вере** ‘букв. во всех местах, везде’ используется только лексема марийского языка, слово **места** больше используется в беседе о спорте, о различных конкурсах в сочетании с числительными из русского языка, например: **Первый местам** *налнем* ‘Хочу занять первое место’ (Денис, 9 лет); **Школьшто кушталмаш (куржсталмаш) ыле ончыч эре, первый-второй местам** *налынам, коклан третий местам* *налынам* ‘В школе раньше постоянно проводились соревнования по бегу, занимал первые-вторые места, иногда занимал третье место’ (Эдуард, 33 года, обр. сред.). Слово **места** также обычно следует за прилагательным из русского языка, например: **Ава лўдын пешак, незнакомый месташ** *кая* ‘Мама боялась сильно, едет в незнакомое место’ (Татьяна, 34 года, обр. сред.). Прослеживается тенденция вытеснения слова **вер** заимствованием из русского языка **места** и в других случаях, например: **Те тенгече мийышна дык наша местам ончаш, але ямде огыл нимо: материалжат, можат** ‘Вот вчера ездили осматривать рабочее место, еще ничего не готово: ни материалы, ничего’ (Дмитрий, 20 лет, обр. сред.); **Йочажлан местаже уке, йочаже беда уло, местаже уке** ‘Детям нет мест, дети есть, мест нет’ (Татьяна, 35 лет, обр. сред.); **Профком коштын**

тудо как мо... агитатор, социалистический соревнованийым
*вянгден колтен **наша месташте** ‘Профком был как это... агита-*
тор, проводил социалистическое соревнование на рабочем месте’
(Григорий, 65 лет, обр. сред.).

Таким образом, вышеперечисленные единицы адаптированы, проявляют высокую частотность употребления, но имеют эквиваленты. На данный момент имеются все основания предполагать, что эти слова-проникновения вытесняют имеющиеся эквиваленты (возможно тоже заимствования) из употребления. Безусловно, здесь можно возразить, что подобное употребление остается фактом речи, явлением смещения кодов, окказиональным заимствованием, что имеется собственная лексика, тем не менее она переходит в разряд пассивной. Адаптированные лексемы оказываются функционально сильнее и претендуют стать частью активной лексики марийского языка, и фиксация их в словарях лишь дело времени.

Для разграничения иноязычной лексики Н. И. Исанбаев ввел два дополнительных признака: 1) регулярность употребления и передача его от поколения к поколению; 2) словообразовательная активность заимствованного слова, т. е. активное участие в процессе словообразования [Исанбаев 1989:134]. На примере приведенных нами слов видно, что принцип регулярности употребления слов типа *нарым* ‘долг’ и тем более передачи от поколения к поколению не действует, регулярным является его эквивалент *долга*, поэтому есть все условия для того, что именно последний вариант закрепится в марийском языке и со временем может стать единственным средством выражения этого значения.

Итак, современная речь мари насыщена русизмами, несмотря на наличие собственной лексики с таким же значением. При этом некоторые иноязычные лексемы проявляют очень высокую частотность употребления взамен марийских эквивалентов, поэтому они могут быть причислены к заимствованиям, т. е. к словам, вошедшим в лексическую систему марийского языка.

На примере использования таких единиц можно проследить процессы изменения в языке: иноязычное слово, начиная использоваться как вариант для выражения того или иного значения, постепенно из явления переключения и смещения кодов может пе-

рейти в разряд заимствований. Особенно активно такой процесс проходит в условиях асимметричного билингвизма. В связи с этим необходимо отметить важность изучения переключения и смешения кодов с точки зрения фиксации изменений в языке.

Список условных сокращений

обр. – образование; *сред.* – среднее, *высш.* – высшее

Список использованной литературы

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. 1 / Н. И. Исанбаев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – С. 173.

Муслимов М. З. Языковые контакты в Западной Ингерманландии: Нижнее течение реки Луги: дис. ... канд. филол. наук / М. З. Муслимов. – СПб., 2005. – 411 с. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com> (дата обращения: 27.05.2013).

УДК 811. 511. (07)

Горбушина Галина Витальевна

Удмуртский государственный университет

Россия, г. Ижевск

ИЗУЧЕНИЕ СТИЛИСТИКИ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА В ШКОЛЕ

THE STUDY OF THE STYLISTICS OF THE UDMURT LANGUAGE IN SECONDARY SCHOOL

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы изучения стилистики удмуртского языка, содержание функционально-стилистической работы в процессе обучения удмуртскому языку в 5–9-х классах.

Ключевые слова: стилистика, функциональные стили, функциональный принцип изучения единиц языка, стилистические умения.

Abstract. The article deals with the study of the stylistics of Udmurt, including the content of tasks and exercises on functional styles in the process of teaching Udmurt in secondary school (5th – 9th forms).

Key words: stylistics, functional styles, functional principles of linguistic unit analysis, stylistic skills.

Несмотря на то, что интерес к стилистике языка возник давно, некоторое отставание в формировании самой теории стилистики удмуртского языка сказалось на её изучении не только в школе, но и в вузе.

Следует отметить, что и в русистике лишь в 20-х и начале 30-х годов XX века в связи с введением новой системы образования работа по стилистике с учащимися средней школы была признана необходимой. При этом не был точно определен круг стилистических явлений, подлежащих изучению в школе, не было специальных учебных пособий по стилистике. В 60–70-ые годы над разработкой методики обучения стилистике начинают работать такие ученые-методисты, как М. М. Михайлов, М. А. Рыбникова, Н. А. Кожевникова, М. Н. Кожина, Н. А. Пленкин, Н. Н. Баранова, П. Г. Черемисин, С. Н. Иконников и другие. Прямым следствием этого было включение в учебный план отделения русского языка и литературы педагогических институтов и университетов обязательного курса стилистики.

В эти годы в преподавании удмуртского языка в школе, как и в преподавании русского языка, наметился акцент на смещении исследовательского внимания с изучения языка на изучение речи («Программа удмуртского языка для 4–8-х классов» (издание 1971 г.). В учебник для 6–8-х классов (издания 1971, 1973 годов был включен раздел «Стилистика» (правда, в переизданном в 1975 году учебнике этот раздел уже отсутствовал), который предусматривал изучение следующих понятий: «Стилистика сярысь валан (Понятие о стилистике)», «Стильёслэн лексической тодметъёссы (Лексические средства стилей речи)», «Лексической но фразеологической синонимъёсты вераськонын кутон (Употребление в речи лексических и фразеологических синонимов)», «Грамматической синонимъёсты кутон (Употребление в речи грамматических синонимов)», «Кылэз чеберман амальёс (Выразительные средства речи)», «Чем шедьылйсь стилистической янгышъёс (Стилистические ошибки)».

В связи с этим возникла необходимость разработки курса стилистики удмуртского языка для студентов филологического факультета УдГУ. В 1975 году доцентом кафедры удмуртского языка и литературы Р. И. Яшиной была издана рабочая програм-

ма «Удмурт кылъя практической стилистика». Хотя этот курс был небольшим по объёму (36 часов лекционного и практического обучения), но он позволил ввести будущих словесников в круг проблем, понятий и классификаций данной науки, ознакомить их с некоторыми методами и приемами ее преподавания в школе. Учителя в своей работе опирались на исследования Г. А. Ушакова [«Обстоятельственной придаточной предложениос но деепричастной оборот» темаез эскерыку, стилистика бордын ужан» (1973), «Синтаксическая синонимия как основа работы над стилистикой» (1974 г.) и «Сложноподчиненные предложения и их синонимы» (1977 г.), «Стилистической янгышгёс но соослэн кудог мугъёссы» (1978) и др.], Р. И. Яшиной [«Очерки по стилистике удмуртского языка» (1990 г.)].

С 70-х годов XX века в языкознание входит понятие функциональная стилистика. Ресурсная стилистика продолжает изучать возможности разных языковых уровней с точки зрения создания текста, а функциональная изучает особенности функционирования текстов в тех или иных стилях речи. Сведения по функциональной стилистике включаются и в школьную программу.

В начале 90-х годов XX века заново была разработана программа по удмуртскому языку для I–IV и V–IX классов, созданы принципиально новые учебники, учебно-методические и практические пособия. При их написании ориентировались на требование изучения стилистики не как отдельного раздела школьного курса удмуртского языка, а знакомства учащихся со стилистическими возможностями лексики, морфологии, синтаксиса непосредственно при их изучении.

Согласно программе «Удмурт кыллы но литературалы дыштон программаос» (1991 г., 2002 г.) с функциональными стилями речи учащиеся начинают знакомиться с VI класса. Сначала они получают элементарное понятие о стилистике как разделе науки о языке, который изучает разговорно-бытовой, научный, литературно-художественный, публицистический, официально-деловой. Затем получают углублённую характеристику разговорного, научного и художественного стилей речи в VI классе, официально-делового и публицистического – в VII классе, в VIII–IX клас-

сах знания учащихся о функциональных стилях речи расширяются (см. учебники для 5, 6–7 и 8–9 классов).

К сожалению, изучение стилистики в школе на этом этапе заключалась в том, что занятия по изучению языковых средств текста, как правило, носили хотя и обязательный, но попутный характер. Чаще всего о стилистических достоинствах текста заходила речь при подготовке к написанию на его основе обучающего изложения. В целом же тексты в учебниках для начальной и средней школы содержали стилистически неокрашенную лексику. Использование в процессе обучения только этих слов приводило к тому, что словарный запас учеников долгое время оставался стилистически ограниченным. Подобное происходило и при усвоении грамматики: в первую очередь усваивались нейтральные по своему характеру грамматические формы, типовые фразы и конструкции. Однако живая речь представляет собой не только нейтральные языковые средства, но и стилистически окрашенные средства языка (лексические, грамматические), следовательно, необходимо формировать у учащихся умение правильно употреблять их в устной и письменной речи, строить на их основе самостоятельные высказывания.

Это требование было взято во внимание при написании новой программы по удмуртскому языку для учащихся 5–8-х классов (2014 г.). В программе, составленной на основе ФГОС, отмечается, что целью обучения родному языку является свободное владение разговорной речью (в диалогической и монологической форме), различными видами книжной (научной, деловой, публицистической) речи, умение варьировать речь в зависимости от цели высказывания и условий общения (трансформации текста, замена слов и конструкций синонимичными, изменение стилистической окраски и др.), обогащение речи за счет стилистически окрашенных и образно-выразительных средств.

Авторами этой программы предусмотрены три ступени изучения стилистики удмуртского языка в средней школе:

5 класс – первоначальное знакомство со всеми стилями речи, соотнесение каждого из них с типовой речевой ситуацией;

6–7 классы – знакомство учащихся с основными стилевыми чертами, выяснение стилистических возможностей изучаемых

языковых явлений (на материале лексики, словообразования, морфологии);

8–9 классы – представление о языковых средствах стилей речи расширяется за счет синтаксических сведений; обобщаются и систематизируются сведения о функциональных стилях, приобретенные учащимися в предыдущих классах.

Программа рекомендует изучение строя языка в его функционировании: стили речи, характерные для них жанры и языковые средства. Предметом изучения в школе являются также изобразительные и выразительные средства, разнообразные стилистические приемы, характерные для функциональных стилей, поскольку в использовании стилистических приемов и изобразительных средств, проявляется речевое мастерство авторов, их умение подчинить речевую форму стилю речи, содержанию и целям высказывания.

Характеризуя содержание работы по стилистике, в программе выделены ориентировочно важнейшие *стилистические умения*, которые следует формировать у учащихся. Целый ряд умений и навыков учащиеся практически получают в 5–7-х классах: умение различать разговорный, художественный, официально-деловой (5–6-е классы) и публицистический (7-й класс) стили; умение доказывать принадлежность текста к определенному стилю в доступных учащимся случаях; умение соотнести содержание и форму речи с целью и условиями общения; умение установить, какие стилевые черты отразились в данном тексте и какие изучаемые языковые средства использованы для передачи этих стилевых черт; умение отбирать доступные учащимся языковые средства в зависимости от цели и других условий высказывания (разговорные и книжные, конкретные и абстрактные, эмоциональные и неэмоциональные и т. д.); умение производить стилистический анализ с целью установления уместности или оптимальности использованного средства; умение повысить выразительность текста; элементарные умения строить высказывания в различных стилях (художественное и научное описание, заметка, публицистическое высказывание на дискуссионную тему и др.). Рекомендации по формированию данных умений имеются в работах

Г. А. Ушакова «Стилистика: текст бордын ужан амальёс» и Н. Н. Тимерхановой «Кылкуэтэз эскерон: дышетскон юрттэт».

В 8–9-х классах у учащихся формируются следующие умения.

I. В научном стиле:

1) умение производить стилистический анализ небольших научных текстов;

2) умение оперировать при построении предложений терминологическими словосочетаниями таких учебных предметов, как удмуртский язык и литература;

3) умение строить характерные для научного стиля простые, простые осложненные и сложные предложения; использовать в них соответствующую лексику, термины;

4) умение выбирать из синонимических вариантов предложений наиболее характерные для научного стиля речи, способствующие точности, ясности, объективности, обобщенности и краткости изложения, раскрытию логических связей между частями предложений и предложениями в абзаце;

5) умение соблюдать последовательно логический характер изложения содержания;

6) умение усовершенствовать научные тексты в стилистическом отношении.

II. В официально-деловом стиле:

1) умение пользоваться наиболее употребительными жанрами деловых бумаг (справка, заявление, докладная записка, автобиография, отчет, протокол, расписка, доверенность);

2) умение пользоваться характерными для официально-делового стиля языковыми средствами;

3) умение анализировать в стилистическом отношении основные виды деловых бумаг, устанавливать допущенные стилистические недочеты и исправлять их.

III. В публицистическом стиле:

1) умение производить стилистический анализ доступных учащимся публицистических текстов;

2) умение пользоваться некоторыми публицистическими жанрами (заметка, репортаж, зарисовка, рецензия (отзыв), литера-

турно-критическая статья, статья на общественно-политическую и морально-этическую темы);

3) умение строить предложения и связные тексты в публицистическом стиле, пользоваться характерными для публицистики средствами речи (риторический вопрос, синтаксический параллелизм, публицистические перифразы, вопросно-ответная форма изложения и др.);

4) умение придать речи соответствующую содержанию тональность (объективно-информационную, торжественную, задушевно-лирическую и т. д.);

5) умение совершенствовать публицистические тексты в стилистическом отношении.

IV. В художественном стиле:

1) умение производить стилистический анализ небольших художественных произведений (стихотворений, рассказов) и отрывков, раскрывать стилистические функции различных изобразительных и выразительных средств;

2) умение целесообразно использовать в сочинении разнообразные средства лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса, изобразительно-выразительные средства языка для создания образной речи и изображения персонажей и картин действительности, а также для создания нужной тональности речи;

3) умение усовершенствовать тексты в стилистическом отношении.

V. В разговорном стиле:

1) умение производить стилистический анализ текстов разговорного стиля;

2) умение строить диалог, яркий, динамичный, соответствующий обсуждаемой теме;

3) умение построить монологическое высказывание в характерной разговорной манере, используя разговорные синтаксические конструкции, слова и выражения, пословицы и поговорки, экспрессивную и эмоциональную лексику, слова с суффиксами субъективной окраски, элементы образной речи; умение придать речи соответствующую содержанию тональность.

Таким образом, если в 5–7-х классах учащиеся получают элементарное представление о функциональных стилях и основных

способах изложения – повествовании, описании, рассуждении (в том числе о рассуждении на дискуссионную тему), о теме и основной мысли сочинения; приобретают определенные умения сбора и систематизации материала к сочинению, изложения мыслей по плану с доказательством выдвинутых положений, то в 8–9-х классах создаются благоприятные условия для совершенствования навыков стилистически дифференцированной речи школьников. В этих классах изучается систематический курс синтаксиса, что дает возможность значительно обогатить речь учащихся стилистическими средствами, углубить понятие о функциональных стилях речи, развить умение пользоваться более сложными видами высказывания.

В целом, изучение стилистики в школе имеет важное общеобразовательное и воспитательное значение. В процессе изучения стилистики ученики расширяют свой кругозор, развивают познавательные способности, развивается чувство языка. При знакомстве с различными стилистическими средствами языка учащиеся получают представление о богатстве родного языка. Однако в настоящий момент работа учителей затруднена из-за не разработанности содержания и методики обучения практической стилистике, отсутствием монографических изданий и методических работ по данной проблеме.

Список использованной литературы

Конюхова А. В., Яшина Р. И. Удмурт кыл. Синтаксис, стилистика: 6–8 классъёслы. – Ижевск: Удмуртия, 1971. – 243 б.

Никольская Г. Н., Тараканов И. В. Удмурт кыл. 6–7 классъёслы. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 248 б.

Никольская Г. Н., Мышкина А. П. Удмурт кыл. 5 класс.– Ижевск: Удмуртия, 1990. – 128 б.

Примерная программа "Удмуртский язык". 5–9 классы. Авторы: Никольская Г. Н., Ившина В. М., Вахрушева Л. В., Ураськина Н. И., Ермакина Н. А., Горбушина Г. В., Конюхова В. В. (рукопись)
http://www.udmniino.ru/docs/primernaja%20programma_5-9kl_Nikolskaja.pdf

Тимерханова Н. Н. Кылкуэтэз эскерон: дышетскон юрттэт. – Ижевск, 2012. – 72 б.

Удмурт кыллы но литературалы дышетон программаос. 4–8 классъёслы. – Ижевск, 1971.

Удмурт кыллы но литературалы дышетон программаос: V–XI кл. Дасязы Г. Н. Никольская, Ф. К. Ермаков. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 64 б.

Удмурт кыллы но литературалы дышетон программаос: V–XI кл. Дасязы: Г. Н. Никольская, Л. П. Федорова, С. Т. Аркеева, А. Г. Шкляев но мукетьсьсыз. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 79 б.

Удмурт кылья практической стилистика: филологической факультетын дышеткисьсьёслы программа. Дасяз Р. И. Яшина– Ижевск, 1975. – 5 б.

Ушаков Г. А. «Обстоятельственной придаточной предложениос но деепричастной оборот» темаез эскерыку, стилистика бордын ужан // Удмурт кыллы но литературалы дышеткисьсьёслы юрттэт. – Ижевск, 1973.

Ушаков Г. А. Синтаксическая синонимия как основа работы над стилистикой // Вопросы преподавания русского, родных языков и литератур в национальной школе: Сб. аспирантских статей НИИ нац. школ. – Москва, 1975. Вып. 3.

Ушаков Г. А. Сложноподчиненные предложения и их синонимы. – Ижевск: Удмуртия, 1977.

Ушаков Г. А. Стилистика: текст бордын ужан амальёс: уч.-метод. юрттэт. – Ижевск, 2009. – 76 б.

Ушаков Г. А. Стилистической янгышгёс но соослэн куд-ог мугъёссы // Уроке – выль амальёс. – Ижевск: Удмуртия, 1978. – 32–36-тй б.

Ушаков Г. А., Горбушина Г. В., Ермокина Н. А., Конюхова А. В. но *Р. И. Яшина* Удмурт кыл. 8–9-тй классъёслы.– Ижевск: Удмуртия, 2003. – 232 б.

Яшина Р. И. Удмурт стилистикая очеркъёс. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 144 б.

УДК 811.511.151

Григорьева Людмила Яковлевна

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
Россия, г. Йошкар-Ола

**КОГНИТИВНЫЕ СЦЕНАРИИ
ГЛАГОЛОВ СКРОМНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**COGNITIVE SCENARIOS
OF VERBS DENOTING MODEST BEHAVIOUR IN MARI**

Аннотация. В статье впервые проводится анализ когнитивных сценариев глаголов скромного поведения в марийских фольклорных и художественных текстах, выявляются основные мотивации такого поведения народа мари, распознаются некоторые дополнительные коннотации невербального общения, которые могут быть полезны для этнопсихологии.

Скромность в марийском языке репрезентируется 12 глагольными единицами. Основные участники денотативной ситуации: 1) субъект: человек, его душа, природные явления, утратившие свои силы; 2) контрагент: Бог, царь, начальник, закон, родители, старшие, младшие, народ, муж, богатый родственник, юноша, девушка, сам субъект и природные явления, способные выполнять свои естественные функции.

Ключевые слова: менталитет, когнитивный сценарий, глаголы поведения, скромность, марийский язык.

Abstract. The article deals with the analysis of cognitive scenarios of verbs denoting modest behavior in Mari folklore and literary texts as well as the motivation for the behavior of this type and some connotations of non-verbal communication. The results of the research may be useful for ethnopsychology.

Modesty in the Mari language is represented by 12 different verbal units. The main components of the denotative situation are the following: 1) the subject: a human being, his/ her soul, natural phenomena which have lost their power; 2) the counterpart: God, king, chief, law, parents, the elders, the youngers, peoples, a husband, rich relatives, a boy, a girl, the subject itself, and natural phenomena that can fulfill their natural functions.

Key words: mentality, cognitive scenario, verbs of behavior, modesty, the Mari language.

Особенности марийской этнической истории, менталитета народа мари, семейно-бытового уклада, системы нравственного воспитания детей, обычаев и традиций, религии, мировоззрения, генетики марийцев оказали огромное влияние в сохранении до сегодняшнего дня скромного поведения народа, которое выработано в течение многих веков и канонизировано в правилах хорошего тона. Многие ученые, занимающиеся исследованием формирования менталитета народа мари, отмечают, что марийцы были скромными, тихими, честными и исполнительными. И в настоящее время скромность является особенной чертой народа мари. Например, Верховный карт марийцев Республики Татарстан О. А. Третьяков в своем интервью на вопрос об особенностях марийцев Агрызского района ответил: «Люди у нас скромные, работающие, не слишком любят выставлять самих себя» (Шан., 42).

В толковом словаре русского языка отмечено два прямых значения слова «скромный»: «1. Сдержанный в обнаружении своих достоинств, заслуг, не хвастливый. 2. Сдержанный, умеренный и пристойный» [Ожегов, Шведова 1997: 726]. Скромность в психологии – это такое моральное качество, которое характеризует индивидуума в зависимости от его отношения к самому себе и к окружающим. Ему не свойственна хвастливость и высокомерие, а с окружающими он ведет себя на равных, даже если ему есть чем гордиться. Когда это качество проявляется в умеренной степени и не мешает нормальной жизнедеятельности, оно носит положительный характер. А если его слишком много, то тогда это можно отнести к негативным качествам [<http://womanadvice.ru>].

Цель настоящей работы – провести анализ когнитивных сценариев глаголов скромного поведения в марийских фольклорных и художественных текстах и выяснить основные мотивации скромного поведения народа мари, определить их грамматическое выражение.

Когнитивный сценарий – абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями [Плотникова 2006: 66].

В марийском языке когнитивный сценарий скромного поведения репрезентируется глаголами: *аптыранаш* 'стесняться, смущаться, робеть', *вожылаш* 'стесняться, смущаться, стыдиться', *өрмалгаш* 'прийти в состояние растерянности, смущаться', *шекланыш / шекләнйш* 'смущаться, стесняться', *өраш* 'растеряться, смущаться', *сүсанаш* 'робеть, стесняться, не решаться', *лүдаш* 'бояться, тревожиться, волноваться, стесняться', *намысланыш* 'стыдиться, позориться', *чевергаш* 'краснеть, покраснеть, стесняться', *йошкаргаш* 'краснеть, покраснеть', а также глагольными фразеологизмами: *акмук лияш* 'замяться', *коля рожыш пураш (пурен каяш)* 'провалиться сквозь землю, букв. провалиться в мышиную норку (об остром желании скрыться от стыда, волнения)'. Необходимо отметить, что в марийском языке нет отдельных лексем с прямыми значениями «нахальный» и «наглый», они

передаются с помощью слов *вожылдымо* < *вожыл* (-аш) + *-дымо* 'бессовестный, букв. нестесняющийся', *намысдыме* < *намыс* + *-дыме* 'бесстыдный, бессовестный'.

Базовыми словами являются *аптыранаш* и *вожылаш*, они часто используются в одном контексте, при этом усиливаются лексические значения глаголов, например: *Туге гынат южгунам чоныштышт (ўдыр-рвезе-влакын) тугай тапыр лиеда, ваш ончал чевергат, шўм вургыжстарыше шоньмашыштым луктын каласаш вожылыт, аптыранат* (Юкс. 1976, 30) 'Однако в душе (юношей и девушек) бывают такие моменты, глядя друг на друга, краснеют, стесняются, смущаются высказывать сердечные мысли свои'.

В марийской традиционной семье детям с ранних лет прививалось послушание. Ослушаться, показать пренебрежение, спорить с руководством, со старшими считалось непозволительным. Народные пословицы ярко подтверждают этот факт: *Юмо деч лўд, кугыжам колышт* 'Бойся Бога, слушайся царя'; *Закон деч кугу от лий* 'Выше закона не будешь'; *Кугуракын ончылно ўчашаш – кугу язык* 'Спорить со старшими – большой грех'; *Ача-ава деч кугу от лий* 'Старше отца и матери не будешь (т. е. их надо слушаться)'. Такое послушание присутствовало также по отношению жены к мужу. В марийских художественных произведениях встречается выражение: «*Ўдырамаш марийже деч лўдыш*» *манме ой уло* (Шк. 1954, 149) 'Есть выражение «Женщина должна бояться мужа»'. Непослушных детей родители строго наказывали: ... *ачаже почкалтыш дене мыняр йочам лўдыктылеш* (Корн., 79) '... отец сколько пугает детей крапивой'. Хвала не приветствовалась: *Арам моктен, еным веле* ого послушания большую роль играли запреты-табу (*ойёрё*). Они дисциплинировали как детей, так и взрослых: *Ача-авалан торжа, неле мутым ойлаш ок йёрё – ўмыр мучко тиалан от лий* 'Нельзя грубить родителям – не будет тебе счастья в жизни'; *Ача-авалан икшывым шудалаш ок йёрё – мутет шуэи, энгек лиеи, икшыветым йомдарен кертат* 'Нельзя проклинать своих детей – слова сбываются, случится беда, можешь их потерять'; *Енлан осалым шонаш, каласаш да ышташат ок йёрё – шке декет пёртылеш* 'Нельзя другим желать (букв. думать, сказать и делать) зла – оно вернётся

к тебе'; *Енгыным нимом шолышташ ок йөрө – шкендыным йом-дарет* 'Не кради – сам потеряешь'; *Толио енгым чай йүктыде-пукшыде елене му йөрө – Юмо елене му пу* 'Не накормив, нельзя провожать пришедшего – Бог обилия не даст'.

Огромное влияние на воспитание имело общественное мнение: *Енже мом оила? 'Что люди-то скажут?'*; *Юмо деч лүд, ен деч вожыл* 'Бойся Бога, стыдись людей'; *Кугурак деч лүд, изирак деч вожыл* 'Старших бойся, младших стесняйся'; *Ведаси! Кеч ен деч вожыл. Коштмаште газетым лудаш сай огыл* (Арб., 816) 'Федосия! Хоть людей стыдись. При ходьбе (езде) нехорошо читать газету'.

Используя фольклор, слова предков (*тошто марийын ойжо*), старшее поколение, выполняя ежедневные хозяйственные работы совместно с детьми, передавало подрастающему поколению марийскую народную мудрость: *Кинде-шинчал деч кугу от лий* 'Не будешь превыше хлеба-соли'; *Ик пушенгым руэнат гын, кокытым шынде* 'Срубил одно дерево – посади два'; *Ару енгын үмыржө кужу* 'У чистоплотного человека долгий век'; *Чын верч лүдде шогыман* 'За правду нужно стоять смело' и т.д.

Перед дорогой родители благословляли своих детей: – *Ынде ен кидыш кает, сай илаш толаше: кугурак дечын, кугураклан шотлен, вожыл, изирак деч, изираклан шотлен, аптыране; начальникым, начальниклан шотлен, колышт, пагале, – мане ачий* (Чав., 7) – Теперь попадешь в чужие руки, старайся хорошо жить: старших, принимая за старших, стесняйся; младших принимая за младших, смущайся; начальника, принимая за начальника, слушайся, уважай'.

Денотативная ситуация скромного поведения включает двух участников: субъекта (кто стесняется?) и контрагента (кого стесняется?), при этом обязательно присутствует мотивация (почему стесняется?). Иногда субъект сам может выступать в качестве контрагента, например: – *Эх, лияш ыле коктын гына, тунам ала кутырен кертам ыле! – кочын шоналта Айдемыр, шке дечше шке вожылеш* (Бат., 5) 'Ах, быть бы только вдвоем, тогда, может, смог бы поговорить! – подумает с горечью Айдемыр, сам себя стесняется' (мотивация: жизнь в тесноте, нет необходимых условий для откровенного разговора).

На основании рассмотренных нами 1000 художественных контекстов (использована электронная картотека МарНИИЯЛИ), можно выделить следующие основные мотивации скромного поведения народа мари: 1) смутное историческое время: *Вудака пагыт. Йолташем-влак дене мутланашат аптыранем* (Ив., 11) 'Смутное время. С друзьями и разговаривать побаиваюсь'; 2) уклад жизни и характер занятий: *Ме самырыкна годым ик ведра дене вўдлан каяш вожылына ыле* (Вол., 27) 'Мы в молодости стеснялись одним ведром ходить за водой'; 3) незнакомые места, население, традиции и обычаи народа: *Тысе вер-шўрым, калыкым, тысе ылыш-йўлам ом пале... Садлан, очыни, чон аптырана* (Кос., 110) 'Эту местность, народ, их традиции не знаю... Поэтому, наверное, душа робеет'; 4) недостаточная обеспеченность населения: *Чиктенжат тыйым чаплын ом керт, да калык дечын аптыранет гын веле* (Бояр., 39) 'И одевать тебя красиво не могу, из-за этого, что ли, стесняешься людей'; – *Чу, ала оксаже укеат аптырана?* (Юкс. 1967, 26) '– Погоди, может, денег у него нет, поэтому смущается?'; *Пайрем годымат тудо (Йогор) поян тукымжо дек пураш аптырана* (Ис., 122) 'И во время праздника он (Егор) стесняется заходить к своим богатым родственникам'; 5) питание вне дома: *Ен деке логар сакен миен пураш кузе от вожыл?* (Евс. 1967, 14) 'Как не стыдно прийти к чужим с намерением угоститься?'; 6) трудность передачи мысли на неродном языке: *Руш дене ойленат ок мошто, рушла-марла веле пўтыра. Сандене Ямет пеш вожылеш* (Ор., 110) 'Не может общаться с русскими, то по-русски, то по-марийски разговаривает. Поэтому Ямет очень стесняется'; 7) мужская или женская скромность: *А качыже вожылыш гай лийын, ўдыр ўмбака ончалаш аптыранен, вўр гай чеверген шинчын* (Евс. 1968, 27) 'А жених, словно застенчивый, постеснялся посмотреть на девушку, в лицо его бросилась кровь'; *Тол, шўмбелем, ит вожыл, Тол, чон канен ёндалам. – Огым, сўрале огыл, Ужыт ен-влак, вожылам* (Аб., 134) 'Подойди, любимая, не стесняйся, подойди, всей душой обниму. – Нет, некрасиво, Люди увидят, я стесняюсь'; 8) незнание родного языка: *Аптыранем тыгае годым Марла моштыдымыжс верч: Лач мошта кўлешым йодын, Моло ойжо тудлан – кеч!* (Як., 26) 'Смущаюсь в таких случаях, что не умеет разговаривать по-

марийски: умеет спрашивать только то, что ему надо, другая речь ему безразлична!'; 9) непривычные занятия: *Шкеже ужалкалаи ормалгеда гын, мый оптым елене му, пу иктаж кок-кум тенге дене* (Рыб., 108) 'Если сами стесняетесь торговать, я бы оптом взяла, дай где-нибудь по два-три рубля'.

Ситуация скромного поведения может обрастать дополнительными предметными коннотациями, указывающими на физиологические реакции организма человека, например: *Ала вожылмо дене, ала лүдмө дене классыште чыланат пылышыштге йошкар-ген шинчыныт* (Сап., 9) 'Или из-за стеснительности, или из-за боязни в классе все покраснели до ушей'; *Вөдыр, кок кид денже рожан ушыжым пүтыркален, шинчажым пыч-пыч ышта, Мичушым ончалаи сүсана; окнаш ончалеш, кўвар ўмбак ончалеш, вара иже пелештаи шўлышым налеш* (Шк. 1962, 49) 'Фёдор, крутя руками свою дырявую шапку, моргает глазами, не решается посмотреть на Митю; глядит в окно, потом на пол, только тогда вдыхает, чтобы начать разговор'; *Орат гын, акмук лият, пелештенат от керт* (Ўп., 20) 'Если растеряешься, замнёшься, не сможешь произнести ни слова'; *Мирон вигак пылыш гычын чевергаи тўнгалын, эркын пōчыж гай чиялген, кок кидге, ала-мом йомдарышыла, жилеткым кучылтеш* (Айз., 12) 'Мирон сразу начинает краснеть с ушей, постепенно его вводит в клюквенную краску, двумя руками, словно что-то потерял, пощупывает жилет'.

В рассмотренных нами прозаических контекстах преодолению скромного поведения, негативно влияющего на развитие и самосовершенствование личности, исходя из разных точек зрения, объективно дается и положительная оценочная характеристика, и отрицательная, например: *Мый куаненам. Кызыт вожылмемат, лүдмемат ала-кушко йомын* (Чем., 65) 'Я очень рада. Сейчас моё смущение и моя боязнь куда-то исчезли'; *Кызыт веле ялысе икшыве-влак ия виса тале улыт, шкетынак олашке каят, яндарын рушла кутырен моштат, пырчат лүдын-вожыл огыт шого* (Арт., 136) 'Только сейчас деревенские дети стали очень (букв. чертовски) бойкими, одни едут в город, хорошо разговаривают по-русски, совершенно не стесняются, не боятся'; *Эх, калык пужлен, Юмо деч ок лүд, ача-ава мут деч ок вожыл, тошто йўлам кумыктен – могай саман толын, орат веле*

(Рыб. 1975, 9) 'Ах, народ испорчен, Бога не боится, не стесняется родительских слов, перевернули старинные обычаи – какие времена наступили, просто удивительно'.

В произведениях встречаются когнитивные сценарии с призывом к уверенности, но при этом в большинстве случаев используются глаголы скромного поведения в отрицательной форме, например: *Вуетым кўшкырак нўлтал, ўдырем, ит возыл* (Ив. 1961, 29) 'Выше голову подними, доченька, не стесняйся'; *Йолташыже-влак тудын почешыже «Возыл-лўдын ит шого» манын каласыит* (Дан., 45) 'Друзья ему вслед сказали: «Не будь стеснительным, робким»'. В песне говорится: *Лыиташеш вочшо лупс вўд йўаш Чонгештен кайыше кайык она ул. Ен деч лўдаш, ен деч возылаш Ен деч мўнгў толшо ўдыр она ул* (Мар., 115) 'Мы не улетевшие птицы, чтобы пить росную воду. Мы не хуже других приезжих девушек, чтобы бояться и стесняться чужих'.

При предикатах скромного поведения субъектами и контрагентами могут выступать природные явления, например: *Шўлыкын ырыктыше шыже кече эре ўлыкў вола, пуйто, ала-мо деч аптыранен-вожылын, чурийжым чашкерысе укшерла дене шойышта* (Кос., 152) 'Грустно согревающее осеннее солнце постепенно опускается вниз, словно чего-то стесняясь, смущаясь, прячет свое лицо в чащобных ветвях'; *Элнет вўдет йолтке йога, Элнет сержат волгалтеш. Кас ўжара шулен вола, Элнет сер деч возылеш* (Осм., 120) 'Блистая, течет вода Илетская, и берег Илетский освещается. Тает заря вечерняя, берегов Илетских стесняется'; *Шошо кече воштылеш кавашите. Пуйто тудын дечын возылал, Лум вўд, корным налын коремлашке, Чымалтеш ший тўсан йылгыжалт* (Зайн., 10) 'Весеннее солнце смеется на небе. Словно стесняясь его и держа путь в овраги, мчится, серебром блистая, вода снеговая'. В вышеназванных высказываниях субъектами скромного поведения являются *осеннее солнце, вечерняя заря, снеговая (талая) вода*, а контрагентами выступают *неизвестный объект, Илетские берега, весеннее солнце*. Мотивация скромности в таких случаях объясняется тем, что те или иные природные явления в результате наступления переходного периода с одного времени суток или года на другое время утрачивают способности к выполнению своих естественных функций.

Таким образом, в марийском языке когнитивный сценарий скромного поведения репрезентируется 12 глагольными единицами. Субъектами при изучаемых предикатах выступают человек и его душа, а также природные явления, утратившие свои силы. Контрагентами могут быть Бог, царь, начальник, закон, родители, старшие, младшие, народ, муж, богатый родственник, юноша, девушка, сам субъект и природные явления, способные выполнять свои естественные функции. Синтагматические связи между лексемами осуществляются при помощи послелога *dech* 'от', в русском языке используется форма родительного падежа: *en dech vojshylash* 'стесняться людей'. Основными мотивациями скромного поведения героев марийских художественных произведений являются: смутное историческое время; уклад жизни и характер занятий; незнакомые места, население, традиции и обычаи народа; недостаточная обеспеченность населения; жизнь в тесноте; питание вне дома; трудность передачи мысли на неродном языке; мужская или женская скромность; незнание родного языка; непривычные занятия. Мотивация грамматически выражается с помощью распространенного инфинитива, имени с послелогом *verch* 'из-за', сложноподчиненных предложений с придаточным причины (союз *sandene / sadlan* 'поэтому'), сложносочиненных и бессоюзных сложных предложений, соседних синтаксических конструкций. В изучаемых высказываниях содержатся дополнительные предметные коннотации: покраснение лица и / или ушей; моргание глазами; взгляд направлен не на собеседника, а на окружающие посторонние предметы или вниз; руки трогают одежду (жилет, снятый головной убор); ненахождение нужных слов. Марийские народные пословицы, запреты-табу, мудрые слова наших предков, общественные мнения, нежелательность похвальных высказываний в адрес ребенка, частое использование глаголов в отрицательной форме (даже во время настроя к успеху) имели огромное влияние на формирование в личности скромного поведения дома и в обществе. Такие особенности воспитания детей в традиционной марийской семье, безусловно, имеют положительные стороны, которые необходимо правильно использовать, но в современных рыночных условиях жизни тре-

буется в некоторой степени иной подход к искусству воспитания и развития здорового успешного ребенка.

Список источников

- Аб.* – Абукаев В. елене мулат // Кинде-шинчал: почеламут-влак. – Йошкар-Ола, 1982. – С. 134.
- Айз.* – Айзенворт А. Илыш мур: ойырен налме произведений-влак. – Йошкар-Ола, 1950. – 135 с.
- Арб.* – Арбан Н. Кенгеж йӱд: пьесе-влак. – Йошкар-Ола, 1957. – 196 с.
- Арт.* – Артамонов Ю. Шӱдыр ер: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1972. – 156 с.
- Бат.* – Батырбаев Т. Ош Вичын толкынжо: повесть ден ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1966. – 62 с.
- Бояр.* – Бояринова В. Шинчалан койдымо пиал: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1971. – 112 с.
- Вол.* – Волков А. Ксения: пьесе. – Йошкар-Ола, 1952. – 71 с.
- Дан.* – Данилов Б. Миша-артиллерист: повесть. – Йошкар-Ола, 1968. – 120 с.
- Евс. 1967* – Евсеева М. Аваж ден ӱдыржӧ // Ончыко. – № 6. – 1967. – С. 8–26.
- Евс. 1968* – Евсеева М. Илыш савыра: повесть да ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1968. – 164 с.
- Зайн.* – Зайникаев А. Мый пиалан улам: почеламут сборник. – Йошкар-Ола, 1966. – 48 с.
- Ив. 1961* – Иванов В. Шошо: повесть. – Йошкар-Ола, 1961. – 87 с.
- Ив. 1988* – Иванов В. Ава шӱм: повесть // Ончыко. – №1. – 1988. – С. 9–62.
- Ис.* – Исаков К. Марий шӱшпык: роман. – Йошкар-Ола, 1969. – 550 с.
- Корн.* – Корнилов П. Савырыме кумыл: повесть да ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1977. – 264 с.
- Кос.* – Косоротов В. Тура кугорно: повесть. – Йошкар-Ола, 1973 – 320 с.
- Марий калык ойпого: Калыкмут-влак – Свод марийского фольклора: Пословицы и поговорки / Сост. А.Е. Китиков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. – 208 с.
- Марий муро / Й. Осмин чумырен. – Йошкар-Ола, 1945. – 185 с.
- Ор.* – Орай Д. Осып Ваня: ойлымаш, фелъетон, повесть. – Йошкар-Ола, 1974. – 150 с.
- Осм.* – Осмин Й. Почеламут ден муро-влак. – Йошкар-Ола, 1959. – 158 с.
- Рыб. 1973* – Рыбаков М. Кинде: пьесе-влак. – Йошкар-Ола, 1973. – 212 с.
- Рыб. 1975* – Рыбаков М. Морко сем // Ончыко. – №4. – 1975. – С. 3–37.
- Сав.* – Сави В. Илыш йӱк: почеламут ден ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1961. – 50 с.
- Сап.* – Сапаев В. Ф. Немда вӱдшат – моторжат: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1971. – 72 с.
- Ӱп.* – Ӱпымарий. Марий мутер. – М.: СССР калык-влак рӱдӧ савыктыш, 1926. – 347 с.

Чав. – Чавайн С. Г. Сылнымутан произведений-влак. Т. II. Проза, публицистика. – Йошкар-Ола, 1967. – 296 с.

Чем. – Чемеров Г. А. Куку пиалым сѳра: лирический повесть. – Йошкар-Ола, 1979 – 152 с.

Шан. – Шанчара С. Агрызский треугольник // Марий сандалык (Марийский мир). – № 1–2. – Йошкар-Ола, 2015. – С. 36–42.

Шк. 1954 – Шкетан М. Мыскара ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1954. – 155 с.

Шк. 1962 – Шкетан М. Роман, пьеса, ойлымаш, очерк да статья-влак. Т. II. Ойлымаш ден очерк-влак. – Йошкар-Ола, 1962. – 552 с.

Юкс. 1967 – Юксерн В. Илыш йыжынан: повесть. – Йошкар-Ола, 1967. – 152 с.

Юкс. 1976 – Юксерн В. Кўсле: роман // Ончыко. – № 4. – 1976. – С. 15–44.

Як. – Якимов М. Шольым ден шўжаремлан: почеламут книга. – Йошкар-Ола, 1971. – 54 с.

Ялаева Р. Пиалым кушто кычалман? Марий калыкын чон поянлыкше нерген (В поисках счастья. О духовном богатстве народа мари): на марийском и русском языках. – Йошкар-Ола, 2012. – 149 с.

Список использованной литературы

Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.

Плотникова А. М. Многозначность русского глагола: когнитивное моделирование (на материале глаголов социальных действий и отношений). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2006. – 225 с.

УДК 811.511.1'373.72

Егоров Александр Викторович

Удмуртский институт истории, языка и литературы РАН

Россия, г. Ижевск

**ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ
УДМУРТСКИХ И ВЕНГЕРСКИХ
СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

**PHRASEOLOGICAL AND SEMANTIC CLASSIFICATION
OF UDMURT AND HUNGARIAN
SOMATIC IDIOMS**

Аннотация. Настоящая статья посвящена сопоставительной соматической фразеологии удмуртского и венгерского языков. Основным компонентом соматических фразеологизмов являются названия частей тела человека или животного. Статья рассматривает такие принципы классификации фразеологии, как морфология, эмоциональная маркированность и аксиология. Анализ произведен с учетом национальной специфики носителей исследуемых языков, опираясь на особенности в природных, культурных, бытовых, исторических реалиях. Проведенное исследование позволит оценить культурное своеобразие языка. Делается вывод о том, что для удмуртского и венгерского языков наиболее характерны соматические фразеологизмы, выступающие в функции глагола, имеющие нейтральную окраску и являющиеся амбивалентными. Выявлено, что наиболее редкими соматическими фразеологическими единицами являются те, которые выступают в роли междометий, обладающие эмоциональной маркированностью и являющиеся мелиоративными. Исследование опиралось на классификации И. В. Арнольд и А. И. Смирницкого.

Ключевые слова: аксиология, морфологическая классификация, соматическая фразеология, экспрессивность, удмуртский язык, венгерский язык.

Abstract. The article is dedicated to comparative somatic phraseology of the Udmurt and Hungarian languages. The basic component of somatic phraseological units are the words denoting the organs of a human or animal body. The article describes principles of phraseological classification, such as morphology, emotional markedness and axiology. The material was analysed considering the ethnic features of the mentality of native speakers of these languages as well as the peculiarities in terms of natural, cultural, eve-

ryday utilitarian and historical realities. The research will allow to outline the linguistic cultural specificity. It can be concluded that verbal ambivalent phraseological units with neutral colouring are the most typical of the Udmurt and Hungarian languages. It is revealed that interjectional, meliorative and emotionally marked somatic idioms are the rarest. The research was based on the classifications worked out by I. V. Arnold and A. I. Smirnitkiy.

Keywords: axiology, expressivity, morphological classification, somatic phraseology, the Hungarian language, the Udmurt language.

Интенсивное развитие фразеологии как лингвистической дисциплины за последние годы характеризуется постепенной дифференциацией предмета исследования и методики его изучения, а также вовлечения в сферу научного поиска все новых проблем и аспектов, которые опираются на сложившиеся в языкознании теоретические основы фразеологии. Этому процессу соответствует и общая тенденция развития лингвистической теории от простых, первичных и фундаментальных к более сложным, производным уровням, методам и направлениям изучения языка. К последним, несомненно, относится сопоставительный анализ различных языков, результаты которого важны как для теоретического, так и для прикладного языкознания.

Соматизмы играют важную роль в образовании фразеологических единиц (ФЕ). Согласно утверждениям многих ученых, разрабатывающих вопросы фразеологии, среди ФЕ любого языка, как правило, преобладают соматические. С этим же обстоятельством связан и тот факт, что многие соматические ФЕ являются практически однотипными по своей структуре.

Одним из источников появления соматических ФЕ являются словосочетания, обозначающие различные жесты и мимические движения человека, выражающие его чувства, состояния, переживания. ФЕ этого типа также называют натуральными, поскольку они являются общими для многих языков независимо от степени их родства и возникают в результате наблюдений говорящих над окружающей действительностью [Чэтэ 1999: 19–20].

В настоящей работе было исследовано около 1000 соматических ФЕ удмуртского и венгерского языков, отобранных методом сплошной выборки из «Венгерско-русского словаря» [MOSZ

1987] и «Средств образного выражения в удмуртском языке» [СОВУЯ 1996]. Остановимся подробнее на их классификации.

I. Морфологическая классификация

Данная классификация была разработана И. В. Арнольд [1986: 172–173] и включает в себя следующие группы:

1. ФЕ, функционирующие как существительные:

N + N, напр.: удм. *örzi синъёс* (букв. орлиные глаза) – *sasszetek* (букв. тж) [UMSz 2002: 323] 'орлиный глаз' [УРС 1983: 326];

N + Conj + N, напр.: удм. *лы но ку (гинэ)* (букв. кость и кожа (только)) – *csupa csont és bőr* (букв. лишь кость и кожа) [РУВФС 1985: 134] 'кожа да кости' [СОВУЯ 1996: 71; УРС 1983: 219];

N + Adj, напр.: удм. *кыыз конгро* (букв. его рука крючковатая) – *ragadós a keze* (букв. прилипчивая его рука); *nem tiszta a keze* (букв. нечистая его рука) [РУВФС 1985: 169] 'нечист на руку; длинные руки; руки загребушие' [УРС 1983: 197; СОВУЯ 1996: 48]; и др.

2. ФЕ, функционирующие как глаголы:

N + Pp + V, напр.:

удм. *бурд улаз ватыны* (букв. под крыло прятать) (Пер., 165) – *a szárnya alá vesz vkit* (букв. тж) [MOSz 1987: 677] 'взять [брать] под свое крыло';

удм. *пель ныр потыны* (букв. сквозь ухо проходить) – 1. *telebeszéli vkinek a fejét vmivel* (букв. выговорить чью-л. голову); 2. *elengedi [elereszti] a füle mellett* (букв. пропустить мимо уха) [OMSz 1975: 715, 720; UMSz 2002: 334] '1. оглушить 2. пропустить мимо ушей' [УРС 1983: 337]; и др.

3. ФЕ, функционирующие как прилагательные:

N + V + (Part), напр.: удм. *кылзэ ньылэм (кадь)* (букв. словно язык проглотил) – *(ügy) hallgat, mint a csuka* (букв. молчит, как щука) [OMSz 1975: 707] 'словно язык проглотил; молчит как рыба' [СОВУЯ 1996: 63]; и др.

4. ФЕ, функционирующие как наречия:

N + Pp, напр.: удм. *ныр улын* (букв. под носом) – *az orra előtt* (букв. перед носом) [OMSz 1975: 482] 'под носом' [СОВУЯ 1996: 80]; и др.

5. ФЕ, функционирующие в роли междометий:

удм. *коть йыр коть пыд* (букв. хоть голова, хоть нога) – венг. *dupla vagy semmi* (букв. двойной или ничего); *vagy hatot, vagy vakot* (букв. или шесть, или слепой); *próba szerencse* (букв. пробная удача) [РУВФС 1985: 147] 'была не была; или пан или пропал' [СОВУЯ 1996: 51]; и др.

Как показывает данная классификация, большинство исследованных ФЕ являются вербальными и составляют около 75%. Отсюда следует, что данная структура является наиболее продуктивной для обоих языков. На втором месте следуют номинативные и адвербиальные ФЕ (по 8%), затем идут адъективные (5%). Самой немногочисленной группой являются соматические ФЕ, выступающие в роли междометий (около 4%). Данный факт может быть объяснен еще и тем, что как удмуртский, так и венгерский языки являются агглютинирующими, и для них естественно словообразование при помощи различных суффиксов и послелогов.

II. Следующая классификация, разработанная А. И. Смирницким, основана на **эмоциональной маркированности**. По его мнению, ФЕ можно разделить на две группы:

1. Нейтральные ФЕ, напр.:

удм. *ымез тётёртыны* (букв. рот надуть) – *felfújja magát* (букв. надуть себя); *felhúzza az orrát* (букв. задрать нос) [РУВФС 1985: 174] 'надуть губы; надуться' [УРС 1983: 415];

удм. *одйг ымысь кырзаны* (букв. из одного рта петь) – *egy nótát fúj vkivel* (букв. одну мелодию свистеть с кем-л.); *ugyanazt a nótát fújja vkivel* (букв. одну и ту же мелодию свистеть с кем-л.); *egy húron pendül vkivel* (букв. на одной струне играть с кем-л.) [Bárdosi 2004: 447] 'петь в один голос (быть заодно)' [СОВУЯ 1996: 84]; и др.

2. Эмоционально маркированные ФЕ, напр.:

удм. *ваче йырси вуыны* (букв. волосы к волосам прийти) – *egyutás hajába akaszkodtak* (букв. вцепились в волосы друга друга); *hajbakapnak* (букв. вцепились в волосы) [OMSz 1975: 107]; *hajba kapni vkivel* [MOSz 1987: 279] 'вцепиться за волосы' [СОВУЯ 1996: 18]; и др.

Необходимо отметить, что почти все рассмотренные соматические ФЕ принадлежат к группе нейтральных ФЕ (99%), эмоционально маркированные составляют около 1%.

III. Основным критерием третьей классификации является аксиология. Здесь можно выделить две группы, одна из которых включает ФЕ, семантика которых коррелирует с конвенциональными (общепринятыми) ценностями, а другая – ФЕ, семантика которых коррелирует с конвенциональными (общепринятыми) антиценностями [Багаутдинова 2005: 108–115]. Кроме того, в данную классификацию нами включена третья группа – амбивалентные ФЕ, т. е. ФЕ, которые могут иметь как положительное, так и отрицательное значение.

1. ФЕ, выражающие мелиоративную оценку, напр.:

удм. *син шорын будыны* (букв. на глазах расти) – *a szemet előtt [a szemet láttára] nőtt fel* (букв. [он] вырос перед моими глазами [на моих глазах]) [OMSz 1975: 139] 'вырасти на глазах' [СОВУЯ 1996: 107];

удм. *сюлэм ик капчи луиз* (букв. даже сердце стало легким) – *könnyű lett a szíve* (букв. легким стало его сердце); *(nagy) kő esett ke a szívére* (букв. (большой) камень упал с его сердца) [OMSz 1975: 826] 'на сердце стало легко; от сердца отлегло' [УРС 1983: 406; СОВУЯ 1996: 113]; и др.

2. ФЕ, выражающие пейоративную оценку, напр.:

удм. *синмысь усъыны* (букв. из глаз упасть) – *veszít tekintélyéből vkinek a szemében* (букв. потерять авторитет в чьих-л. глазах) [OMSz 1975: 966] 'упасть в глазах (людских); потерять честь' [СОВУЯ 1996: 106];

удм. *лы но ку (гинэ)* (букв. кость и кожа (только)) – *csak csont és bőr* (букв. только кость и кожа); *csonttá-bőrré fogyott* (букв. до кости-до кожи похудел); *zörög minden csontja* (букв. дребезжат все его кости) [РУВФС 1985: 134] 'кожа да кости' [СОВУЯ 1996: 71; УРС 1983: 219];

удм. *чиньыез [чиньыосыз] купрес [купресэсь]* (букв. палец [пальцы] согнутый [согнутые]) – *nem tiszta a keze* (букв. нечистая его рука); *ragadós a keze* (букв. прилипчивая его рука) [РУВФС 1985: 169] 'нечист на руку' [СОВУЯ 1996: 130].

3. Амбивалентные ФЕ, напр.:

удм. *пель пыр потыны* (букв. сквозь ухо проходить) – 1. *telebeszéli vkinek a fejét vmivel* (букв. выговорить чью-л. голову); 2. *elengedi [elereszti] a füle mellett* (букв. пропустить мимо уха) [OMSz 1975: 715, 720; UMSz 2002: 334] '1. оглушить 2. пропустить мимо ушей' [УРС 1983: 337]; и др.

удм. *пыдыз но уг йӧтылы* (букв. и его нога не задевает) – а) *a lába sem éri a földet <úgy fut>* (букв. и нога его не достает до земли <так бежит>); *fut ahogy a lába bírja* (букв. бежит как терпят ноги); б) *nem érzi a lábát* (букв. не чувствует свои ноги); *alig áll a lábán <fáradtságától>* (букв. едва стоит на ногах <от усталости>) [OMSz 1975: 1028] 'не чуют ног под собой; бежать со всех ног' [УРС 1983: 174]; и др.

В рассмотренных соматических ФЕ амбивалентные и пейоративные ФЕ являются наиболее многочисленными (примерно по 40% соответственно). Мелиоративные ФЕ составляют около 20%.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что как для удмуртского, так и для венгерского языка наиболее характерны соматические ФЕ, выступающие в функции глагола, имеющие нейтральную окраску и являющиеся амбивалентными.

Наиболее редкими удмуртскими и венгерскими соматическими ФЕ являются ФЕ, выступающие в роли междометий, обладающие эмоциональной маркированностью и являющиеся мелиоративными¹.

Список условных сокращений

венг. – венгерский, удм. – удмуртский; *Adj* – имя прилагательное, *Conj* – союз, *N* – имя существительное, *Part* – частица, *Pp* – послелог, *V* – глагол

¹ Мелиоративность понимается как один из видов эмоциональной, положительной оценки. Корпус мелиоративных языковых средств составляют единицы, ориентированные на выражение положительной эмоциональной оценки, подчеркивающие положительное эмотивно-оценочное отношение говорящего к адресату. Мелиоративность есть положительная эмотивно-оценочная квалификация именуемого объекта.

Список источников

Пер. – *Перевощиков Г. К.* Гужем лымы: Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 264 с.

Список использованной литературы

Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высш. шк., 1986. – 295 с.

Багаутдинова Г. А. Фразеологическая диада «здоровье болезнь»: аксиологический аспект // Литература, язык и художественная культура в современных процессах социокультурной коммуникации. – Уфа, 2005. – С. 108

Смирницкий А. И. К вопросу о слове. – М.: Просвещение, 1978. – 210 с.

Чэтэ Т. Соматические фразеологизмы в русском и венгерском языках. – М., 1999. – 189 с.

РУВФС 1985 – Русско-украинско-венгерский фразеологический словарь / Сост.: В. И. Лавер, И. В. Зикань. Киев – Ужгород: Радянська школа, 1985. – 371 с.

СОВУЯ 1996 – Средства образного выражения в удмуртском языке / Сост. К. Н. Дзюина. – Ижевск: Удмуртия, 1996. – 144 с.

УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 35 000 слов / Под ред. В. М. Вахрушева. – М.: Русский язык, 1983. – 592 с.

Bárdosi 2004 – Magyar szólástár: Szólások, helyzetmondatok, közmondások értelmező és fogalomköri szótára / Főszerkesztő: Bárdosi Vilmos. – Budapest: Tinta Könyvkiadó, 2004. – 952 l.

MOSz 1987 – Венгерско-русский словарь: 40 000 слов / Под общ. ред. Л. Гальди. 2-е изд., стереотип. – М.; Будапешт: Рус. яз.; Изд-во Академии наук Венгрии, 1987. – 872 с.

OMSz 1975 – Orosz-magyar kézi szótár. 2. kiad. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1975. – 1120 l.

UMSz 2002 – Kozmács I. Udmurt-magyar szótár = Удмурт-венгер кыллюкам. – Szombathely: Savaria University Press, 2002. – 540 l.

УДК 811.512.145'373

Закиев Мирфатых Закиевич

Россия, г. Казань

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСХОДНЫХ И ЗАИМСТВОВАННЫХ ТЕРМИНОВ

GLOBALIZATION AND PROBLEMS OF THE USE OF NATIVE AND BORROWED TERMS

Аннотация: В докладе речь идет о влиянии процесса глобализации на соотношение исходных и заимствованных терминов. В этот период заимствованная терминология обогащается в основном за счет новых

международных терминов. Иногда происходит замена некоторых исходных терминов интернационализмами.

Ключевые слова: глобализация, заимствование, исходные термины, международные термины, интернационализмы.

Abstract: This report focuses on the impact of globalization on the balance between the native and borrowed terms. Nowadays borrowed terminology is enriched by means of new international terms. Sometimes terms of native origin are replaced by international words.

Key words: globalization, borrowing, native terms, international terms, internationalisms.

§ 1. Общие сведения. Этот вопрос применительно к татарской терминологии вообще не разработан. Между тем влияние глобализации на применение исходных и заимствованных терминов в языках с международным статусом и в региональных национальных языках имеет очень большое значение в деле определения путей развития и сохранения этих языков.

В татарской терминологии проблемы влияния глобализации на вопросы лексикализации, в том числе и терминообразования попутно разработаны в трудах, посвященных изучению заимствования и калькирования.

Прежде чем перейти к изложению применения исходных и заимствованных терминов в татарском языке нам необходимо дать основные понятия терминов *глобализация, исходные и заимствованные*.

Термин *глобализация* образован на основе французского *global* – всеобщий, от латинского *globus (terrae)* – земной шар. Глобальные проблемы – это совокупность жизненно важных проблем, от решения которых зависит дальнейший социальный прогресс в современную эпоху в мировом масштабе по различным жизненно важным направлениям. Это жизненно важные проблемы существовали и прежде в той или иной мере как локальные и региональные противоречия, приобрели в современную эпоху планетарный характер и беспрецедентные масштабы вследствие сложившейся на земном шаре конкретно-исторической ситуации, а именно – резкого обострения неравномерности социально-экономического и научно-технического прогресса, а также воз-

растающего процесса интернационализации всей общественной деятельности. Глобальные проблемы не могут успешно решаться изолированно одна от другой [Араб-Оглы 1983: 117].

Глобализация прогрессировало особенно после второй мировой войны. В современных условиях все крупные вопросы хозяйственно-экономической, политической жизни и проблемы научно-технического прогресса решаются в глобальном масштабе. И все насущные вопросы, имеющие глобальное значение, решаются в результате взаимообщения специалистов тех стран, язык или языки которых занимают ведущее положение в области международного общения.

Каждый язык контактировал с соседними языками или с языками господствующих в регионе народов, в результате в языках появлялись фонды заимствованных слов. В процессе глобализации в языках образовались фонды интернациональных терминов, которые активизировались из года в год.

Исходные термины – это, во-первых, первоначальные термины языка древнего периода, образованные на основе своих лексических и морфологических элементов, во-вторых, это термины, появившиеся в результате калькирования новых международных терминов. В скалькированных терминах исходным является лексическая единица (или форма), а семантика остается международной. Но в целом скалькированные термины мы относим к исходным терминам. Естественно, эти термины – международные, но форма их выражения – исходная.

Необходимо еще иметь представление о соотношении исходных терминов, образованных в результате калькирования, и неологизмов (новых слов и новых значений). Слова, применяемые при калькировании иностранных терминов, хотя и являются исходными, но относятся к новообразованиям. Поэтому они включаются в разряд новых слов и новых значений.

В связи с вышеизложенным в этом параграфе я конкретно остановлюсь на проблемах:

- 1) собирания, классификации издания словарей новых слов и значений;
- 2) применения исходных элементов слов при калькировании иностранных терминов;

3) применения заимствованных терминов в татарском литературном языке.

§ 2. О собирании, классификации и издании новых слов и значений. Прежде чем конкретно изучать способы и объем применения исходных слов и заимствований, нам необходимо иметь представление, в каком состоянии находится процесс собирания, классификации и издания новых слов и значений в татарском языке.

В конце 80-х когда я работал директором Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР организовал специальный отдел лексикографии, в составе которого была выделена группа составления словаря-справочника новых слов и значений. Некоторые сотрудники этой группы до сих пор трудятся по сбору новых слов и значений по материалам современной прессы и литературы. По этим проблемам написано несколько кандидатских диссертаций, но подготовить и издать словарь-справочник неологизмов не смогли: не хватало единиц научных сотрудников для приема на работу специалистов по сбору, классификации новых терминов и новых значений и составления словаря-справочника их. Поэтому в татарском языке не подсчитано, сколько в языке неологизмов-слов, неологизмов-терминов.

Такая громадная работа проведена в русском языке силами Ленинградского отделения Института русского языка Академии наук СССР. Сотрудники этого отделения из русской прессы и литературы 60-х годов собирали новые слова и новые значения, составляли и издавали словари-справочники их по десятилетиям. Первый сборник «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» выпущен в 1971 году под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина в издательстве «Советская энциклопедия», объем – 543 с.

Вторая книга «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов» издана ленинградским отделением Института русского языка АН СССР в 1984 году под редакцией Н. З. Котеловой. Объем книги – 806 стр.

Составители словаря-справочника по материалам прессы и литературы 70-х годов подсчитали, что в послевоенное время свод русских неологизмов насчитывает 15 тысяч единиц. При

этом, необходимо отметить, что неологизмы 60-х и 70-х годов включались в изданные словари только тогда, когда материалы свидетельствовали об их широком употреблении.

Кроме того, необходимо сказать, что новые слова и новые значения слов и терминов русского языка подвергаются подробному научному анализу. По результатам этих исследований составляются сборники научных трудов по неологиям, которые издаются регулярно под общим названием «Новые слова и словари новых слов». Первый такой сборник был выпущен в Ленинграде в 1978 году.

В статье Н. З. Котеловой «Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов», опубликованной в первой книге «Новые слова и словари новых слов» (Л., 1979. – С. 5–26) подробно описываются причины появления новых слов, перечисляются новые отрасли знания и новые понятия, которые выражаются русскими новообразованиями и заимствованиями.

Необходимо особо подчеркнуть, что эти новые слова и новые значения проникают и в татарский язык. Поэтому мы решили подробно конспектировать статью Н. З. Котеловой с тем, чтобы увидеть, что почти все приведенные новые термины являются общими для русского и татарского языков.

По мнению Н. З. Котеловой, в образовании новых слов, значений и выражений в современном русском языке (мы добавляем, что и в татарском языке под непосредственным влиянием русского языка) находят отражение возникающие новые явления в общественных отношениях и в производственной жизни, в развитии науки, техники и культуры.

Подробное изучение новых слов и значений дало Н. З. Котеловой возможность утвердить, что в 50–60-е годы в русском языке появилось около 150 названий новых: **наук** (*бионика, науковедение, биокibernетика, эргономика, гнотобиология, космохимия, геогигиена, футурология, микроэлектроника, сексология, плазмохимия* и др.), **методов и возникших на их основе научных направлений** (*голография, интроскопия, звуковидение, палеорентгенология* и др.), **объектов наук** (*кварзар, античастица, нейтрино, радиогалактика, плазма, биотоки, ДНК* и др.), приданных чему-либо **свойств, качеств**

(самонастраивающийся, нетканый, безразмерный, несминаемый, беспилотный, водоотталкивающий, полносборный и др.), **машин, механизмов, приборов** (батиплан, противоракета, звуковизор, карт, монеторазменник, автомашинист, ЭВМ, фоторужье, плоскорез, видеомагнитофон, аэроход, мопед и др.); **новых слов в общественно-политической жизни** (неоколониализм, апартеид, лобби, неофашизм, нераспространение (ядерного оружия), неприсоединение, африканизация, левоцентризм, атлантический (пакт), ядерные (страны), некапиталистический, хиппи, межминистерский, бригада коммунистического труда, ПТУ, госхоз, заседательница, лениниана, народная дружина, народный контроль и др.), **в искусстве, культуре** (абстракционизм, телеискусство, поп-арт, электрогитара, вестерн, «огонек», широкоформатный и др.), **в спорте** (универсиада, воднолыжник, бадминтон, культуризм, дзю-до, батут, ориентиринг), **в быту** (звездины, батонница, бытовка, джинсы, колготки, болонья, мохер, диван-кровать и др.).

Все эти новые явления, сразу вошли и в татарскую жизнь; слова, выражающие эти новые явления, появились и в татарском языке, новые заимствования были скалькированы.

В новообразованиях и заимствованиях 70-х годов находит отражение следующий по отношению к предшествующему десятилетию временной период действительной жизни; ср.: луноход, бамовец, АСУ, универсам, спортлото, безотметочный (безотметочное обучение), кримплен, фломастер, радиопоиск, вещизм, рафик, водолазка, платформа (знач.), автоответчик, автопилот, имплантация, агрокомплекс, антистатик, онковирусология, планетология, сыроедение, телеповесть, девятиэтажка, наставничество, безножевой (безвожевая хирургия), гагаринит, ворсолин, электромобиль, газомобиль, реанимобиль, седуксен, акселерат, иглоукальвание, садикоясли, стенка (знач.), тринадцатая зарплата, линейка готовности, безотходный, плавающий (курс), генная инженерия, ленинский зачет, кассетное кино, знак качества, разрядка (знач.) и др.

Также значительное место в языке 70-х годов занимают новообразования, явившиеся результатом внутриязыковых процессов; ср.: ежедекадно, безадресный, исповедальность, инфарктник,

автодорога, автопроисшествие, гидроресурсы, асоциальный, оборачиваемость, общеукрепляющий, интеллектуалка, околонуточный, деревенщик, оптимизировать, инвалюта, ориентационный, банк (знач.) галопировать (знач.), вирус (знач.), бегунок (знач.), телега (знач.), обжигалка, пионерный, точка отсчета (перен.), метод проб и ошибок (перен.).

Собирание и изучение новых слов, значений слов и выражений имеет большое значение в общественно-историческом, культурно-познавательном и в лингвистическом отношениях. Исследование их состава, структуры, значения, функций проливает свет на сложные проблемы общей теории языка (например, о соотношении слова и понятия, слова и реалии, о развитии языка, о роли социальных и внутриязыковых фактов, о соотношении языка и речи и мн. др.) и способствует изучению многих конкретных вопросов лексикологии, грамматики, стилистики.

Еще раз подчеркиваю, приведенные Н. З. Котеловой новые слова и значения вошли в татарский язык как новые заимствованные термины или были скалькированы.

§ 3. Применение исходных лингвистических элементов при калькировании иностранных терминов. Калькирование (франц. *calque* – копия) – это образование нового слова или фразеологизма, нового значения путем буквального перевода соответствующей иноязычной языковой единицы. По калькированию в татарском языке Н. В. Максимовым написана и защищена кандидатская диссертация и выпущена книга «Калькирование в татарском языке» (Казань, 1999. – 166 с.).

В этой книге изложены особенности калькирования XX века по периодам. Приведем примеры.

Калькирование русских терминов на татарский язык в начале XX века: *борьба* – көрәш, көрәшү, *борец* – көрәшче, *объединение* – берләшү, *единство* – берлек, *восстание* – күтәрелү, *кузгалу*, *режим* – тәртип, *класс* – сыйныф, *левый* – сул, *правый* – уң, *равенство* – тигезлек, *обмен* – алмашу, *просвещать* – агарту, *доход* – керем, *источник знания* – белем чышмәсе, *священная война* – мөкатдәс сугыш, *пережитки* – калдыктар, *неравенство* – тигезсезлек, *совет рабочих депутатов* – эшче депутатлар советы, *коммунистическое воспитание* – коммунистик тәрбия,

белые – аклар, *красные* – кызыллар, *пролеткультовское движение* – пролеткульт хэрәкәте...

Калькирование в 20–30 годы: *задачи союза молодежи* – яшьләр союзының бурычлары, *земельное управление* – жир идарәсе, *оргвывод* – оргнәтижә, *агроуполномоченный* – агровакил, *государство* – мәмәләкәт, *враг народа* – халык дошманы, *неполная средняя школа* – тулы булмаган урта мәктәп, *самокритика* – үзенне үзең тәнкыйть, *белогвардеец* – акгвардеец, *коллективное хозяйство* – күмәк хужалык, *влагоемкость* – дымсыем, *водоросль* – суусем, *двухкопытные* – ике тояклылар, *доброволец* – ирекле, *мера* – дәрәжә, *индекс* – күрсәткеч и т.д.

Калькирование в 40–50 годы: *наблюдатель* – күзәтүче, *огневая точка* – ут ноктасы, *сила огня* – ут көче, *живая сила* – жанлы көч, *военная тайна* сугыш сәре, *временное перемерие* – вакытлы солык, *долина смерти* – үлем уйсулыгы, *пути сообщения* – хәбәрләшү юллары, *воздушные стрелки* – һава укчылары, *авиашкола* – авиамәктәп, *автосамосвал* – автоүзбушаткыч, *газород* – газүткәргеч, *радиоприемник* – радиоалгыч, *вибротельфон* – вибротелермән, *самоходный* – үзйөрешле, *ледокол* – бозваткыч, *тринадцатитысячник* – утызмеңче.

Калькирование во второй половине XX в.: *день независимости* – азатлык көне, *день памяти* – хәтер көне, *осенний мед* – көзгә бал, *летчик-космонавт* – очучы-космонавт, *швейцарская машинистка* – тегүче-машинист и т. д. [Максимов 1999: 32–40].

Как мы все знаем, международные термины появляются в основном в английском языке, но другие международные языки также принимают участие в этом процессе, но только по своим присущим им историческим направлениям. Например, в русском языке: *быстроход*, *вездеход*, *лесоруб*, *посудомойщица* и т. д.

В татарском языке исконные слова или исконные морфологические или синтаксические явления свободно применяются при калькировании. Это мы наблюдали при изучении книги Н. Максимова, сейчас приведем примеры на калькирование международных терминов, извлеченных из книги «Новые слова и значения. Словарь-справочник. По материалам прессы и литературы 70-х годов» (М., 1984).

авиапутешественник – авиасэяхэтче
автомагазин – автокибет
автопутешествие – автосэяхэт
автостоянка – автотукталыш
автотравма – автожэрэхэт, автояра
автоцентр – автоүзэк
автогородок – автошдэрчек
бамовец – бамчы
безмикробный – микробсыз
безязычие – телсезлек
беспроблемность – проблемасызлык
бетоносмеситель – бетон болгаткыч
валютно-финансовый – валюта-финанс
видеосвязь – видеоэлементэ
внеустановной – уставтан тыш
водогрязелечебница – су, лай белэн дэвалау
горячая точка – кайнар нокта
идейно-нравственный – идея-эхлак
идейно-эстетический – идея-эстетик
камазовец – камазчы
киноурок – кинодэрес
лингофонный кабинет – лингофон бүлмэсе
на блюдечке – тарелкага салып
общеисторический – гомуми-тарихый
общепланетарный – гомуми-планетар
односерийный – бер серияле
остроконфликтный – кискен конфликтлы
первооткрытие – беренче ачылу
перестыковка – яңадан тоташтыру
полубезработный – ярымэшсезлек
поэлементно – элементлап
предзащита – яклау алды яклавы
предполетный – очу алды
предфинальный – финал алды
примарситься – марска төшү
природоохранный – табигатьне саклау
противоаллергический – аллергиягэ каршы
противостояние – каршы тору
профтехобразование – профтехбелем
профцентр – профүзэк

радиовыступление – радиодан чыгыш ясау
радиообмен – радиодан хэбэр алмашу
разведотдел – разведка бүлеге
разноэтажный – төрле катлы
реанимировать – терелтү
самовыдвижение – үз үзеңне сайлауга тәкъдим итү
самоизлечение – үз үзеңне дэвалау
самоконтроль – үз үзеңне тикшереп тору
самоорганизация – үз үзеңне оештыру
сельхозакадемия – авыл хужалыгы академиясе
совещание-семинар – киңәшмә-семинар
спецрейс – махсус рейс
спецсеминар – махсус семинар
среднерайонный – районда уртача
стройцех – төзелеш цехы
траволечение – үлән белән дэвалау
финноязычный – фин телле
хлебозавод – ипи заводы
хлопкозавод – мамык заводы
чайно-кофейный – чәй-кофе и т. д.

§ 4. Применение заимствованных терминов в татарском языке. В татарском языкознании этот вопрос изучен весьма подробно. Обобщенно изложен этот вопрос проф. Ф. С. Сафиуллиной в ее книге «Хэзерге татар әдәби теле. Лексикология» (Казань, 1999. – С.5 8–82). По особенностям применения интернациональных заимствований в татарском языке специальных исследований пока нет. Надо надеяться, что эта актуальная тема скоро станет объектом специальных исследований.

Здесь мы решили ограничиться приведением примеров иностранных русских терминов из книги «Новые слова и значения» 1984 года. Приведенные русские термины в современном татарском языке применяются без калькирования.

<i>Абсурд</i>	<i>автомеханик</i>	<i>бассейн</i>
<i>авиалайнер</i>	<i>агитплакат</i>	<i>библиография</i>
<i>автоавария</i>	<i>агитпоход</i>	<i>билингвизм</i>
<i>автоград</i>	<i>агробизнес</i>	<i>биоинженер</i>
<i>автомарафон</i>	<i>агрокомплекс</i>	<i>биокомбинат</i>
<i>автомастерская</i>	<i>балканистика</i>	<i>биолaborатория</i>

<i>биопротез</i>	<i>дезодорант</i>	<i>промбаза</i>
<i>биоритмика</i>	<i>дельфинарий</i>	<i>псевдокультура</i>
<i>биофак</i>	<i>десант</i>	<i>психолог</i>
<i>биохроника</i>	<i>дискотека</i>	<i>психохирургия</i>
<i>биоэлемент</i>	<i>европоцентризм</i>	<i>радиоателье</i>
<i>биоэнергетика</i>	<i>Жигули</i>	<i>райунивермаг</i>
<i>блокада</i>	<i>информатика</i>	<i>реанимация</i>
<i>бобслей</i>	<i>калькулятор</i>	<i>смотреть-кокурс</i>
<i>боинг</i>	<i>капремонт</i>	<i>спорткомплекс</i>
<i>брифинг</i>	<i>кафе-бар</i>	<i>статуправление</i>
<i>велосекция</i>	<i>кинобизнес</i>	<i>стоп-кадр</i>
<i>велостадион</i>	<i>ксерокопия</i>	<i>суперлайнер</i>
<i>велотрасса</i>	<i>лекция-концерт</i>	<i>телепонарама</i>
<i>велотурист</i>	<i>марафон</i>	<i>универсам</i>
<i>видеокамера</i>	<i>менеджер</i>	<i>урбанистика</i>
<i>видеокассета</i>	<i>мини</i>	<i>фильм-балет</i>
<i>видеофильм</i>	<i>минителевизор</i>	<i>фильм-опера</i>
<i>вирус</i>	<i>мультик</i>	<i>флаг</i>
<i>витамины</i>	<i>облсовет</i>	<i>цех-автомат</i>
<i>газомобиль</i>	<i>облсовпроф</i>	<i>шизик</i>
<i>генофонд</i>	<i>планетология</i>	<i>школа-семинар</i>
<i>госсектр</i>	<i>премьер</i>	<i>эколог</i>
<i>гранд</i>	<i>пресса</i>	<i>экосфера</i>
<i>девятка</i>	<i>пресс-информация</i>	<i>электронпед</i>

Таким образом, в составе терминов периода глобализации исконные слова и термины применяются только как средство перевода или калькирования. Термины, в составе которых имеются исконные татарские слова, являются не терминами-словами, а терминами-словосочетаниями.

Современные глобальные термины наблюдаются в современных физико-химических терминах, особенно в ядерной физике. Необходимо особо подчеркнуть, что глобальными являются основные термины информатики и технологии массовой коммуникации.

УДК 811.511.131

Иванов Владимир Андреевич

Московский государственный университет

имени М. В. Ломоносова

Россия, г. Москва

**УПОТРЕБЛЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СЛОВ
В ЗНАЧЕНИИ И В ФУНКЦИИ ИНТЕНСИФИКАТОРА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА БЕСЕРМЯН)**

**SOUND ICONIC WORDS AS INTENSIFIERS
(BY THE MATERIAL OF BESERMYAN UDMURT)**

Аннотация. Статья посвящена употреблению изобразительных слов в значении и в функции интенсификатора в бесермянском наречии удмуртского языка. В пункте 1 рассматривается изобразительная лексика удмуртского языка, ее основная синтаксическая функция, а также прочие функции. В пункте 2 речь идет о трех синтаксических типах идеофонов. В пункте 3 представлены результаты исследования интенсифицирующей функции изобразительных слов языка бесермян. Связь между интенсивностью и экспрессивностью рассматривается в пункте 4; обе категории используют одни и те же языковые средства выражения. В пункте 5 дается заключение.

Ключевые слова: изобразительная лексика, интенсификаторы, интенсивность, экспрессивность.

Abstract. The paper deals with some cases of use of sound iconic words as intensifiers in Besermyan Udmurt. Section 1 defines sound iconic vocabulary, discusses its primary syntactic function and other functions in Udmurt. Section 2 discusses three different types of ideophones from syntactical point of view. Section 3 presents the results of the research of intensifying ideophones in Besermyan Udmurt. Relationship of intensity and expressivity is discussed in Section 4; both categories use the same verbal expressions. The conclusion is presented in Section 5.

Key words: sound iconic words, intensifiers, intensity, expressivity.

1. Изобразительные слова в удмуртском языке

Во многих языках выделяется особая лексическая группа, именуемая по-разному в различных описаниях: изобразительные, подражательные, имитативные, образные, дескриптивные

слова и т. п. Слова этой группы характеризуются прежде всего мотивированной связью формы со значением и аномальностью свойств на всех уровнях языка. В данной работе объектом исследования являются изобразительные слова бесермянского наречия удмуртского языка (языка бесермян). Материал по языку бесермян собирался автором в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской республики в 2011–2016 годах.

Хотя удмуртский язык чрезвычайно богат изобразительными словами, изучена эта группа лексики пока недостаточно. Лишь небольшое количество работ посвящено специально данной теме, ср. [Алатырев 1948; Тараканов 1990; Максимов 1994; Шибанов 2010; Широбокова 2013] и некоторые другие работы тех же авторов.

В удмуртском языке группа изобразительных слов выделяется в составе наречий: «В сочетании с глаголами они образно характеризуют действие, указывая на звуковой или зрительный его признак» [ГСУЯ 1962: 303]. К этой группе примыкают также звукоподражания, если в предложении они относятся к глаголу: *Жин-жин-жин!.. жингыртэ укно пияла* (В. Петров. Вуж Мултан) ‘Жин-жин-жин звенит оконное стекло’; если же звукоподражание выступает вне связи с какими-либо членами предложения, то оно отождествляется с междометиями [ГСУЯ 1962: 360].

Таким образом, основной синтаксической позицией изобразительных слов в удмуртском языке считается позиция модификатора глагола. Именно этот факт вкупе с морфологической неизменяемостью позволяет исследователям включать изобразительные слова в категорию наречий [ГСУЯ 1962; Алатырев 1948]. Действительно, часто изобразительное слово в предложении выступает в позиции, характерной для наречий, ср. бесермянск. *Кэн'эр шьн'ыр-шан'ыр сьлэ* ‘Изгородь шатко стоит’ (изобразительное слово *шьн'ыр-шан'ыр* выражает образ неустойчивого положения, шаткости). Однако то же слово *шьн'ыр-шан'ыр* может выступать также в позициях, характерных для прилагательных: в атрибутивной позиции (*шьн'ыр-шан'ыр кэн'эр* ‘шаткая изгородь’) и в предикативной позиции (*кэн'эрэз шьн'ыр-шан'ыр* ‘изгородь шаткая’). Таким образом, употребление изоб-

разительных слов в предложении в действительности не сводится к модификации глагола.

Кроме того, изобразительные слова, в отличие от прилагательных и подавляющего большинства наречий, могут выступать в роли модификатора прилагательного, усиливая при этом его значение (ср. *шън'ър-шан'ър вэкчи къс' пу* 'очень тонкая безреза'). Вообще, модификатором прилагательного могут служить лишь избранные наречия (например, *туж* 'очень', *йун* 'сильно') и никогда – другие прилагательные. Таким образом, по меньшей мере некоторые изобразительные слова не укладываются в рамки «традиционных» частей речи, и в настоящее время справедливо ставится вопрос о выделении их в отдельную категорию (см., например, [Шибанов 2010]).

2. Типы употребления изобразительных слов в предложении

В зарубежном языковедении основным инструментом для работы с изобразительной лексикой является понятие идеофона, которое восходит к традиции описания прежде всего африканских языков. Согласно распространенному определению К. Дока, идеофоны – это слова, часто звуко-символические, которые описывают предикат, определение или обстоятельство с точки зрения способа, цвета, звука, запаха, действия, состояния или интенсивности [Doke 1935]. В данной работе мы не будем углубляться в сопоставление изобразительных слов и идеофонов; укажем только, что существенная часть удмуртских изобразительных (наречно-изобразительных) слов охватывается понятием идеофона. Далее будем использовать термин «идеофон» также для обозначения удмуртских наречно-изобразительных слов.

Считается, что дать универсальное определение идеофонов в синтаксических терминах невозможно [Samarin 1965; Newman 1968]; тем не менее в типологической литературе выделяется несколько глобальных синтаксических типов идеофонов. В работе [Bartens 2000: 19–20] рассматривается три типа употребления идеофонов в предложении; все три эти типа представлены в удмуртском языке, и в частности, в языке бесермян.

Первый тип представлен идеофонами, которые по значению, функции и употреблению близки к наречиям и прилагательным: *бъгър-бъгър* выражает образ клубящегося дыма, ср. *Мърйайъс' чън бъгър-бъгър потэ* 'Из трубы дым клубами выходит'; *вйкъ-вайкъ* выражает образ покачивания бедрами при ходьбе, ср. *Вйкъ-вайкъ сит'анзэ бэрэкйаса мьнэ* 'Идет задницей крутит'; *бъгъл'-бъгъл'* выражает образ пухлых, округлых форм, ср. *бъгъл'-бъгъл' ад'ами* 'полный человек'; *дъмбър-дъмбър* – подражание сильному грохоту, ср. *Дъмбър-дамбър мар кэ ус'из* 'С грохотом что-то упало'.

Второй тип предполагает употребление идеофонов в сочетании с вспомогательными глаголами *карънь* 'делать', *йаз'ънь* 'окликать', *кълис'кънь* 'слышаться' и др. К этому типу принадлежат в основном звукоподражания, ср. *зъкър-закър карънь / йаз'ънь / кълис'кънь* 'скрипеть', досл. 'скрип-скрип делать / окликать / слышаться'. С глаголом *карънь* сочетаются также некоторые слова, выражающие незвуковые образы: *йузър-кэзър* выражает ощущение бегущей по телу дрожи, мурашек, ср. *Мон коркас' поти, кэз'ътлъс' мугоръ йузър-кэзър кариз* 'Я из дома вышла, от холода у меня мурашки по телу побежали'; *тъс-тас* говорят о понапрасну растраченном или даром пропавшем ценном ресурсе, ср. *Д'эрэмэз ърод вуръмън, д'эразэ тъс-тас гънэ каризъ* 'Рубашка плохо сшита, ткань только зря перевели'.

Третий тип представляет собой употребление идеофонов в значении и в функции интенсификатора. Такие идеофоны модифицируют обычно несколько близких по значению глаголов или прилагательных и имеют значение положительной интенсификации, то есть значение вроде 'очень, достаточно, чересчур'. Именно такие употребления идеофонов (изобразительных слов) являются предметом нашей работы.

3. Изобразительные слова в функции интенсификатора в языке бесермян

В языке бесермян имеются идеофоны, для которых употребление в качестве интенсификатора является основным или даже единственно возможным. Ярким примером могут служить слова, усиливающие прилагательные с цветовым значением или обра-

зованные от них глаголы: *чпак тэд'ъ* 'совершенно белый', *чпак тэд'ийэктънь* 'совершенно побелеть'; *чл'ак с'эд* 'абсолютно черный', *чл'ак с'эдэктънь* 'абсолютно почернеть'; *чаиш-чаиш горд* 'ярко-красный', *чаиш-чаиш гордэктънь* 'сильно покраснеть'. Ср. также слово *чъж*, которое интенсифицирует прилагательное *вил'* 'новый' и других употреблений не имеет.

Целый ряд идеофонов служат интенсификаторами конкретных глаголов, ср.: *гом-гом жуань* 'сильно гореть, полыхать', *гьб-гьб с'ис'мыны* 'напрочь сгнить', *срэт-срэт кэс'ас'кънь* 'изорваться в клочья' и т.п. Однако идеофоны, которые лишь усиливают значение соответствующего глагола, не всегда просто отделить от тех, которые вносят также какой-либо существенный дополнительный оттенок, ср.: *зар бёрдънь* 'плакать навзрыд, рыдать', *кътьр-кътьр с'эрэкийань* 'сильно смеяться, хохотать', *пътьр-пътьр пъл'ис'къльнь* 'сильно потрескаться'.

Идеофоны не распределены четко по трем рассмотренным выше типам, многие из них могут совмещать разные типы употреблений. Так, например, звукоподражательные идеофоны могут сочетаться как с вспомогательными глаголами (второй тип), так и с полнозначными (первый тип), ср. *тъчър-тáчър ўаз'ънь* 'трещать' (досл. 'тресь-тресь окликать') и *тъчър-тачър кий-ас'кънь* 'с треском ломаться'; *дъмбър-шáлтър карънь* 'греметь' (досл. 'грох-звук делать') и *дъмбър-шалтър ус'ънь* 'с грохотом упасть'.

Ряд идеофонов, выражающих вполне конкретные образы и употребляющихся по первому или второму типу, в сочетании с подходящим по смыслу прилагательным приобретают значение интенсификатора (третий тип). Например, *чъндър-чáндър* выражает образ крайней худобы (*чъндър-чандър ад'ами* 'худющий человек'), а в сочетании с прилагательным *вэкчи* 'тонкий, худой' служит интенсификатором, ср. *Нълъз чъндър-чандър вэкчи, но чэбэр* 'Девушка совсем худенькая, но красивая'; *бъг-бъг* выражает образ пышности и плотности (*Ўал'эсэн гонэз бъг-бъг търъмън, ўал'эсэз бъг-бъг н'и* 'В перину пух плотно набит, перина пышная уже'), при этом ср. *бъг-бъг н'эбът ўал'эс* 'очень мягкая перина'; *т'ом* (также *т'ом-т'ом*) может выражать интенсив-

ность темноты как без соответствующего прилагательного (*Пл'эмас'киз и т'ом-т'ом луиз* 'Небо заволокло тучами и стало темным-темно'), так и в сочетании с ним, ср. *т'ом пэймът* 'очень темный'; и т. п.

Интенсифицирующее значение может развиваться также и у некоторых звукоподражательных слов. Так, например, *шлач* изображает звук при ударе хлыстом (*Со с'улойэн шлач шуккиз* 'Он щелкнул хлыстом'), звук шлепка (*Баназ шлач-шлач чапкэл'л'аз* 'Отхлестал по щекам') и при этом выступает интенсификатором при словах *кэзэм* 'пьяный', *кэзэнь* 'напиваться', *йуэнь* в значении 'выпивать, пьянствовать', ср. *Толон со шлач кэзэса лэктэм* 'Вчера он вдрызг пьяный вернулся'. То же слово *шлач* интенсифицирует прилагательное *кот* 'мокрый' и глагол *котмэнь* 'промокать': *Анайэз к'уарэтэ пин'алзэ шлач котмэса лэктэм шуса* 'Мать ругает ребенка за то, что он пришел вдрызг промокший'. Интересно, что в сходном значении выступает слово *т'ап* (подражание чавканью, хлюпанью: *Т'ап-т'ап нөдт'и мьнэ* 'Хлюп-хлюп по грязи идет'), ср. *т'ап-т'ап кэзэнь* 'вдрызг напиться', *т'ап котмэнь* 'вдрызг промокнуть', *т'ап-т'ап нөдэс'* 'вдрызг грязный', *т'ап-т'ап с'ис'мэнь* 'напрочь сгнуть'.

Звукоподражательное слово *тон* изображает резкий, громкий звук удара, ср. *Гур аз' палам мар кэ тон үаз'из, таба ус'из лэс'а* 'На кухне (у меня) что-то стукнуло, сковорода упала, наверное'. Это же слово может иметь значение 'сильно (об ударе, падении)', ср. *Со тэб'эрам тон шуккиз м'эж'кэн* 'Он меня по спине сильно ударил кулаком'. Интенсивность уже заложена в семантике данного звукоподражания, поскольку такой звук может возникнуть только при сильном ударе. Однако в данном случае звуковая интерпретация невозможна, так как удар кулаком по спине не может сопровождаться достаточно громким звуком. Следовательно, справедливо говорить о развитии значения интенсификатора на базе звукоподражания.

Идеофоны *жал'-жал'*, *жэ'л'эр-жэл'эр* передают шум интенсивно льющейся или текущей жидкости, то есть так же, как и *тон*, изначально имеют в своей семантике компонент интенсивности. Но несомненен и звуковой компонент значения, что под-

тверждается сочетаемостью с соответствующими вспомогательными глаголами, ср. с *кълис'кънъ*: *Ву зол ўас'кэ канават'и, жал'-жал' кълис'кэ* 'Вода сильно течет по канаве, жаль-жаль (то есть журчание) слышится'. На базе интенсивности, изначально заложенной в семантике, данные звукоподражания развивают значение и функцию интенсификатора, ср. *Љолобъс' жъл'ър-жал'ър ву ўас'кэ* 'С желоба вода сильно (или с сильным шумом) льется'; *Зар-зар бърдэ, жал'-жал' с'ин' вуэз ўас'кэ* 'Навзрыд плачет, сильно слезы текут'. При этом, если первый из приведенных примеров допускает двойную интерпретацию, то во втором звуковая интерпретация невозможна: слезы не могут течь со звуком.

4. Экспрессивность изобразительной лексики и ее связь с интенсивностью

Итак, возможность употребления в значении и в функции интенсификатора оказывается общим свойством образных и звукоподражательных слов, хотя, вообще говоря, эти группы рассматриваются как обособленные составляющие (далее будем говорить «разряды») изобразительной лексики. В более широком понимании к изобразительной лексике относят также первообразные (непроизводные, незаимствованные) междометия (междометия суть звукоподражательные копии внеязыковых выкриков человека). Интересно, что эмоциональные междометия также могут развивать значение интенсификатора: в верхневытегодском диалекте коми-зырянского языка междометие *ой-эй* используется для обозначения высокой степени качества прилагательного, почти полностью вытеснив наречие *зэв* 'очень', ср. *ой-эй мича ныв* 'очень красивая девушка', *ой-эй дыш детина* 'очень ленивый мальчик'; это же междометие может употребляться с наречиями и предикативами, ср. *ой-эй ёна вися* 'очень сильно болею', *керкаын ой-эй пемыд* 'в доме очень темно', *ой-эй шог меным* 'очень грустно мне' [Лудыкова 2001: 164]; см. также [Сажина 2016].

В языке бесермян интенсифицирующую функцию развивает, как минимум, междометие *ъл*, с помощью которого предупреждают детей об опасности горячего, ср. *ъл, гурэз пӧс!* 'Осто-

рожно, печь горячая!». (Заметим здесь, что специфическая лексика общения с детьми, в свою очередь, составляет особый разряд изобразительной лексики при широком понимании последней.) Это же междометие может интенсифицировать слово *пӧс* 'горячий', ср. *Эн пӧр отчъ, отън ъп-ъп пӧс!* 'Не лезь туда, там очень горячо!'. Междометие *ыш-ыш*, связанное с холодом, употребляется как в обычной «взрослой» речи (*Ыш-ыш, къчэ кэз'ът!* 'Ух, как холодно!'), так и в качестве предупреждения детей об опасности холодного (*Ыш-ыш, эн иса, йун кэз'ът!* 'Осторожно, не трогай, очень холодно!'). Это же междометие некоторыми носителями употребляется как интенсификатор слова *кэз'ът* 'холодный', ср. *Туннэ пэдлан ыш-ыш кэз'ът* 'Сегодня на улице очень холодно'.

Возможность развития у слов разных изобразительных рядов значения и функции интенсификатора определяется, по видимому, глубокой взаимосвязью категории интенсивности с категорией экспрессивности (обзор проблематики, связанной с соотношением интенсивности и экспрессивности см., например, в [Безрукова 2004: 21–38]). Экспрессивность является важнейшей особенностью изобразительной лексики и связана с субъективной, подчас эмоциональной оценкой предметов и ситуаций (в частности, степени качеств и признаков). Кроме того, экспрессивность – естественная и неизбежная черта изобразительной лексики, предопределенная ее природой; ср., например, В. В. Левицкий, основываясь на экспериментальных данных, утверждает: «Слова с максимальным соответствием между лексическим значением слова и его фонетической мотивированностью [Важнейшая черта изобразительной лексики. – *Прим. В.И.*] обязательно должны обладать повышенной экспрессивностью» [Левицкий 1973: 59].

Экспрессивный, эмоциональный компонент совершенно очевиден в семантике междометий, явно заметен у образных слов; присутствует он также и у звукоподражаний, ср.: «Некоторые междометия в одном и том же предложении или в контексте могут выражать одновременно звукоподражание и чувство. В таких случаях трудно или невозможно провести грань между

категорией звукоподражания и категорией эмоциональности» [ГСУЯ 1962: 363].

Если экспрессивность отражает субъективное восприятие, то интенсивность указывает объективную количественную оценку относительно некоторой мыслимой нормы; положительная интенсификация связана с превышением нормы. При этом функциональные и формальные аспекты этих категорий часто совпадают: обе категории в совокупности создают эффект усиленного воздействия на адресата и имеют в своем распоряжении одни и те же языковые средства [Безрукова 2004: 36]. В свете сказанного развитие у ряда изобразительных слов значения и функции интенсификатора выглядит вполне закономерным.

5. Заключение

Язык бесермян – так же, как и другие финно-угорские языки и диалекты, – чрезвычайно богат изобразительными словами, выражающими звуковые, зрительные и иные образы. Традиционно считается, что изобразительные слова в предложении занимают позицию модификатора глагола, в связи с чем называются иногда наречно-изобразительными словами и рассматриваются в рамках категории наречия. Однако в действительности в удмуртском языке (и в частности, в бесермянском) изобразительные слова употребляются и в других позициях, и по крайней мере некоторые из таких слов не укладываются в рамки традиционных категорий (наречий, прилагательных и др.).

Один из способов употребления изобразительных слов связан с использованием их в значении и в функции интенсификатора глагола, наречия или прилагательного, что вполне согласуется с типологическими представлениями о синтаксических типах идеофонов в различных языках. Для одних изобразительных слов такой способ употребления является единственно возможным, для других оказывается совмещен с иными способами.

Значение и функция интенсификатора развивается не только у ряда образных слов («изобразительных наречий»), но и у некоторых звукоподражаний и даже междометий (в том числе междометий общения с детьми); этим подкрепляется справедливость широкого подхода к изобразительной лексике. Развитие значе-

ния интенсификации происходит, на наш взгляд, на базе экспрессивности изобразительной лексики за счет тесной связи категорий экспрессивности и интенсивности.

Список использованной литературы

Алатырев В. И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Ученые записки ЛГУ. – 1948. – № 105. Вып. 2. – С. 216–236.

Безрукова В. В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи: Дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 222 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология / П. Н. Перевошиков (отв. ред.). – Ижевск, 1962. – 375 с.

Левицкий В. В. Семантика и фонетика. – Черновцы, 1973. – 103 с.

Лудыкова В. М. Синтаксические способы выражения степеней качества прилагательного в диалектах коми языка // Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. статей. – Сыктывкар, 2001. – С. 159–170.

Максимов С. А. О наречно-изобразительных словах с конечным *-ы* в северном наречии // Вестник Удмуртского ун-та. – 1994. – № 7. – С. 22–25.

Тараканов И. В. Изобразительные и подражательные глаголы в удмуртском языке // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 1B: Sessiones plenes et symposia. – Debrecen, 1990. – С. 209–214.

Шибанов А. А. Наречия и подражательные слова в удмуртском языке // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. – 2010. – Вып. 49, № 34 (215). – С. 133–137.

Широбокова С. Н. Междометия как часть речи, их функционирование в удмуртском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 10 (28). – С. 201–204.

Bartens A. Ideophones and Sound Symbolism in Atlantic Creoles. – Saarijaervi, 2000.

Doke C. M. Bantu Linguistic Terminology. – London, 1935.

Newman P. Ideophones from a syntactic point of view // The Journal of West African Languages. – 1968. – No. 5 (2). – PP. 107–117.

Samarin W. J. Perspective on African ideophones // African studies. – 1965. – Vol. 24. – PP. 117–121.

Ившин Леонид Михайлович

Удмуртский институт истории, языка и литературы РАН
Россия, г. Ижевск

**О ДИАЛЕКТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПЕРВОГО ПЕРЕВОДА
НА УДМУРТСКИЙ ЯЗЫК ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ЛУКИ²**

**ON THE DIALECT CHARACTERISTICS
OF THE FIRST TRANSLATION OF
THE GOSPEL ACCORDING TO LUKE INTO UDMURT**

Аннотация. Рукописное Евангелие от Луки переведено на северное наречие удмуртского языка, о чем свидетельствует следующее: в фонетике одновременно употребляется губно-губной согласный *ɥ* в начале слова перед гласным *a* и согласный *в* в позиции между инициальным *к* и последующим гласным *a* или *и*: *увань* ‘есть, имеется в наличии’, *кватётый* ‘шестой’; в морфологии в качестве суффикса причастия «настоящего времени» представлен показатель *-ыс'*: *дышетысь* ‘учитель’; встречается лексика, характерная для глазовского диалекта: *воцякъ* ‘всё’, *то́кма* ‘напрасно’ и др.

Ключевые слова: удмуртский язык, северный диалект, фонетика, морфология, письменный памятник, Евангелие от Луки, перевод.

Abstract. The handwritten Gospel according to Saint Luke was translated into the Northern dialect of the Udmurt language, as evidenced by the following: in phonetics the bilabial consonant *ɥ* is simultaneously used in the beginning of a word before the vowel *a* and the consonant *в* is used between the word-initial consonant *к* and the following vowel *a* or *и*: *увань* ‘there is/are, be present/available’, *кватётый* ‘the sixth’; in morphology the marker *-ыс'* is used as a present participle suffix: *дышетысь* ‘teacher’; the Gospel contains vocabulary which is typical of the Glazov dialect: *воцякъ* ‘everything/all’, *то́кма* ‘in vain’ and etc.

Key words: Udmurt language, Northern dialect, phonetics, morphology, handwritten artefact, Gospel according to Luke, translation.

² Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 15-04-00055.

Ранняя переводная литература XIX столетия – независимо от того, печатная она или рукописная – сыграла огромную прогрессирующую роль в развитии культуры удмуртского народа. Она способствовала закреплению на практике удмуртской письменности, возникшей в XVIII веке. Хотя переводные тексты и создавались (или издавались) на разных диалектах удмуртского языка, однако именно в практике, в том числе, их печатания постепенно выработывалось своеобразное общеудмуртское койне, которое явилось базой для литературного удмуртского языка. Именно переводная литература вплоть до последней четверти XIX века представляла собой единственный источник для изучения удмуртского языка как отечественными, так и зарубежными исследователями.

Как известно, в 1818 году в Вятке был открыт Библейский комитет, куда в качестве переводчиков были приглашены священники-удмурты. Они приступили к переводу всех четырех Евангелий (от Марка, от Матфея, от Луки, от Иоанна), но, к сожалению, первые два были изданы спустя лишь более чем четверть века [Марк, Матф. Глаз., Матф. Сар.], а остальные так и остались в рукописном виде. Как отмечают исследователи [Каракулов 1997: 6; Кельмаков 2004: 314; 2008: 50; Кондратьева, Зверева 2004: 323], именно при создании этих первых удмуртских книг, содержащих объемные тексты, миссионерами, просветителями, а также редакторами и издателями была проделана огромная работа по поиску средств в удмуртском языке для адекватной передачи русскоязычного материала священных текстов.

В настоящем исследовании рассматриваются диалектные особенности первого перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык, рукопись которого была обнаружена нами во время командировки в Санкт-Петербургском Филиале Архива РАН – Отъ Луки Святое Благовѣствованіе (Лука).

В научной литературе можно найти сведения об объеме, месте хранения, графике и орфографии этой рукописи [Ившин 2011: 30–37; Ившин 2014: 383–396; Ившин 2016: 69–72; Каракулов 1987: 185–186; Каракулов 2006: 127; Луппов 1905: 386–391;

Луппов 1911: 284, 391]. Как показывают источники, Вятский Комитет Библейского Общества в 1823 году поручил священнику Иоанну Анисимову (с. Бусурман Можга) перевести Евангелие от Луки на удмуртский язык. В этом деле ему значительную помощь оказали священники С. Красноперов (с. Алнаши), Павел Тронин (с. Дебессы), Николай Утробин (с. Унинское), Никифор Невоструев (с. Укан) и Алексей Шкляев (с. Святицкое). Следовательно, над переводом Евангелия от Луки приняли участие священники, которые работали в разных удмуртских приходах.

Манускрипт имеет форму тетради, без переплета, текст написан на плотной темновато-серой бумаге, заметно потрепанной от времени. Размер рукописи 30 x 20 см. Первый лист рукописи Евангелия от Луки содержит название: «Переводъ Святаго благовѣствованія отъ Луки на Вотяцкій языкъ». С первого оборотного листа начинается собственно сам текст удмуртского перевода, разделенный на главы и стихи. Евангелие располагается на 31 листе.

Насчет диалектной принадлежности Евангелия от Луки существуют неоднозначные мнения. П. Н. Луппов в своей книге пишет, что рукопись переведана на елабужское наречие удмуртского языка [Луппов 1911: 11]. Иного взгляда придерживается Б. И. Каракулов. В «Каталоге дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке» [2006: 114–200] он отмечает: основа перевода Евангелия – северное наречие. Тот манускрипт, о котором говорит Б. И. Каракулов, и является объектом нашего исследования, так как в нем встречается больше диалектных явлений, свойственных современным говорам северного наречия удмуртского языка, а обозначенный П. Н. Лупповым памятник еще предстоит выявить ученым.

1. Из особенностей фонетики отметим губно-губной согласный *ÿ* (*u*), встречающийся в начале слова перед гласным *a*, напр.: *ÿамэнь* [*çatɛn*] ‘через, поперек’ (2: 34) (здесь и далее орфография рукописи полностью сохранена, далее в круглых скобках примеры из рукописи без указания на источник приводятся по: (Лука), первая цифра – глава Евангелия, вторая – стих), *ÿаськйзъ* [*uas'kiz*] ‘спустился, опустился’ (3: 22), *ÿармай-мумй*

[*цартајтуті*] ‘теща’ (4: 38), *ўвалессэ* [*цал'esse*] ‘постель его’ (5: 24), *ўваллянь* [*цал'l'an*] ‘раньше, в старину’ (6: 42) и наличие согласного *в* (*v*) в позиции между инициальным *к* и последующим гласным *а* или *и* (*ква-* // *кви-*): *квараэнь* [*kvaraen*] ‘голосом’ (1: 42), *квинь* [*kvin*] ‘три’ (1: 56), *квамынь* [*kvamjn*] ‘тридцать’ (3: 23), *квакà* [*kvaka*] ‘ворона’ (12: 24).

Диалектные зоны анлаутных *ца-* (~ *va-*) и *кца-* (~ *kva*) не совпадают: *кца-* имеет большее распространение, нежели *ца-*, то есть звукосочетание *кца-* возможно и в тех говорах, где уже утрачен анлаутный *ц-* (~ *v*). Употребление же *kva-* (*kvi-*) при наличии инициального *ца-* свойственно в настоящее время только для нижнечепецких говоров северного наречия удмуртского языка [Кельмаков 1998: 84–85; 2004а: 250–251; Тепляшина 1970: 163–164].

2. Из морфологических явлений в области фонетики, характерных для говоров севернoudмуртской диалектной зоны, выявлены следующие:

а) стяжение показателя суффикса настоящего времени от глаголов I спряжения *-ыс'к-* в *-ск-*: *тоцькòмь* [*totskom*] ‘знаем’ (1: 1), *кышкацькìзъ* [*kjškatskiz*] ‘он испугался’ (1: 12), *юнмацькìзъ* [*jnmatskiz*] ‘он окреп’ (1: 80), *юбырцькòмь* [*jubjrtskot*] ‘поклонишься’ (4: 7), *берыцькызы* [*berjtskizj*] ‘они повернулись’ (10: 17) и т. д.;

б) употребление показателя причастия «настоящего времени» от глаголов I спряжения с *ы-*овой огласовкой (*-ысь*): *бердысьјослѝ* [*berdjs'joslj*] ‘плачущим’ (6: 21), *дышетѝсь* [*djšetjs'*] ‘учитель’ (6: 40), *лыктѝсь* [*ljktjs'*] ‘приходящий’ (7: 19), *пельяськысьјослѝ* [*pel'l'as'kjs'joslj*] ‘знахарям, шептунам’ (8: 43), *кылзѝсь* [*kjzjs'*] ‘слушающий’ (10: 16), *курѝсь* [*kurjs'*] ‘просящий’ (11: 10). Отмеченное явление было отмечено исследователями в глазовских [Кельмаков 1998: 150, 156] и среднечепецких [Карпова 1990: 70, 72] говорах северного наречия удмуртского языка.

3. Рукопись изобилует лексикой, характерной для севернoudмуртского ареала проживания удмуртов: *воцѝакъ* [*vočak*] ‘всё’ (1: 3), сев. *вочак*, *вичак* ~ юж. *ваньзэ*, *копак* ‘все, все без остатка, целиком’ [Борисов 1991: 62]; *бубизѝјослѝсь* [*bubizjosles'*] (1: 17)

‘отцов их’, сев. *бубы* ~ юж. *атай* ‘папка, тятя’ [Борисов 1991: 31]; *каль гинэ* [kal' gine] ‘сейчас только’ (1: 34), сев. *каль* ~ юж. *али* ‘теперь, ныне, сейчас’ [Борисов 1991: 125]; *сó-дынись* [sodĩn'is'] ‘от него’ (1: 38), сев. *дйне* ~ юж. *доры* ‘к, ко’ [Борисов 1991: 86]; *тóкма* [tokma] ‘напрасно’ (1: 64), сев. *токма* ~ юж. *дауре* ‘напрасно, так себе, зря’ [Борисов 1991: 283]; *шактазэ* [šaktaze] ‘сор’ (3: 17), сев. *шакта* ‘сор, грязь’ [Борисов 1991: 338]; *пояськись* [pojas'kis'] ‘ошибающийся’ (6: 26), сев. *пöяськись* ‘ошибающийся’ [Борисов 1991: 230]; *ятырэзэ* [jatirez] ‘многие’ (7: 11), сев. *ятыр* ~ юж. *байтак* ‘много, порядочно’ [Борисов 1991: 370]; *зези* [žezj] ‘ворота’ (7: 12), сев. *зезьы* ~ ср., юж. *капка* ‘ворота’ [Борисов 1991: 110]; *оскалтынь* [oskaltjĩ] ‘пробовать, попробовать’ (7: 25), сев. *оскалтыны* ~ юж. *вер’яны* ‘отведать, пробовать; наблюдать, присматривать’ [Борисов 1991: 209]; *серыть* [serj] ‘быстро’ (8: 55), сев., ср. *сэрыт* ~ юж. *жог*, *чаль* ‘сейчас, скоро, быстро, скорый, бойкий’ [Борисов 1991: 271]; *падиэзэ* [pad'ijez] ‘выгода’ (9: 25), сев. *пади* ~ юж. *пайда* ‘польза, выгода, толк, барыш’ [Борисов 1991: 212]; *мумь* [mumj] ‘мать’ (12: 53), сев. *мумы* ~ юж. *анай* ‘мать, мама, мамочка, родительница’ [Борисов 1991: 186]; *копалó* [kopalo] ‘буду копать’ (13: 8), сев. *копаны* ~ юж. *гудыны* ‘копать’ [Борисов 1991: 137] и др.

Перевод Евангелия от Луки, как и остальные, неоднократно перечитывался лицами, знающими удмуртский язык, в том числе носителями разных диалектов. Таким образом, в его корпусе наблюдается присутствие языковых явлений, не характерных для североудмуртских говоров.

В нескольких словах выявляется упрощение инлаутного сочетания согласных типа *-pCC-* в *-pC-*, что является характерной особенностью кукморского и шошминского говоров периферийно-южного наречия удмуртского языка [Кельмаков 1998: 108–110]: *орцизэ* [orčizj] ‘они прошли’ (1: 23), *урцэ* [určej] ‘вместе, сообща’ (1: 79), *тыртэмь* [tjrtem] ‘пустой, порожний’ (1: 80), *перцины* [perčjĩ] ‘развязать’ (3: 16), *юртынь* [jurtjĩ] ‘помочь’ (5: 7), *туртó* [turto] ‘пытаются, намереваются’ (6: 7).

Существительные множественного числа, имеющие гласную основу, оформлены «консонантным» аллморфом *-йос*, присущим отдельным говорам периферийно-южного диалекта, а также некоторым южным говорам [Кельмаков 1998: 116]: *соіослэнь* [*sojoslen*] ‘у них’ (1: 7), *нуіослэсь* [*pijoslen*] ‘у мужчин’ (1: 16), *адяміось-лэнь* [*ad'amijoslen*] ‘у людей’ (1: 25), *кышноіослэсь* [*kjšnojoles*] ‘у женщин’ (1: 42), *пымііось* [*pjt'ijos*] ‘следы’ (3: 5).

Деепричастия с временным действием оформлены показателем *-кы*: *люкаскыкы* [*l'ukas'kiki*] ‘во время сбора’ (4: 15), *пуксыкы* [*puks'iki*] ‘в то время, когда садишься’ (4: 40). Отмеченное явление в большей степени характерно для южноудмуртской диалектной зоны, хотя спорадически встречается в некоторых населенных пунктах севера Удмуртии [Кельмаков 1998: 159–160].

Перевод Евангелия от Луки содержит лексику, свойственную не для северных диалектов: *уксјо* [*uks'o*] (5: 27) ‘деньги’, сев. *коньдон* ~ юж. *уксё* ‘деньги’ [Борисов 1991: 300]; *энькүрдаськэ* [*enku-rdas'ke*] ‘не бойтесь’ (12: 32), J *kurda* ‘erschrecken’ [WW 1987: 132]; *ляльци* [*l'al'ci*] ‘наемный работник’ (12: 42), юж. *ляльчи* ~ сев. *медо* ‘работник наемный, слуга’ [Борисов 1991: 176]; *унò* [*uno*] ‘много’ (12: 47), юж. *уно* ~ сев. *ятыр* ‘много, порядочно’ [Борисов 1991: 304] и т. д.

Резюмируя, отметим, что в анализируемом манускрипте присутствуют особенности различных диалектов. Использование переводчиками форм разных удмуртских говоров при переложении священных текстов на удмуртский язык стало подготовительным этапом, когда вырабатывались нормы литературного удмуртского языка, о чем неоднократно говорили исследователи: «Лингвистический анализ четвероевангелия показывает, что в результате неоднократной проверки и правки его языка <...> в нем была выработана наддиалектность» [Каракулов 1997: 6]; «Та книгаосын нырысьсэ, зуч кылъем бадзым куэтлэсь пуштроссэ удмурт кылын шонер но тырмыт сётон вылысь, удмурт кыллэн лексикаысьтыз но грамматикаысьтыз матын луйсь эквивалентъёс шедьтыны тыршемьын – озьы берыктисьёс удмурт кылэз «волятон» удысын туж бадзым уж лэсьтыллям» [Кельмаков 2004: 314].

Список условных сокращений

сев. – северный диалект удмуртского языка, *ср.* – срединный диалект удмуртского языка, *юж.* – южный диалект удмуртского языка; *J* – елабужский диалект (по материалам WW).

Список источников

Марк – Отъ Марка святое благовѣствованіе // Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, глазовскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 234 + 135 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 251–386].

Матф. Глаз. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матвея и Марка на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, глазовскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 234 + 135 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – С. 12–386].

Матф. Сар. – Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотяцкомъ языкахъ, сарапульскаго нарѣчія. – Казань, 1847. – 234 с. [В книге: Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 4). С. 11–248].

Лука – Отъ Луки Святое Благовѣствованіе // Архив РАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. № 245. – 31 л.

Список использованной литературы

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Толковый удмуртско-русский словарь. – Ижевск: Уд ГИЗ, 1932. – XXII + 373 с. [Переиздание: Ижевск, 1991. – XXXII + 383 с].

Ившин Л. М. Рукописное Евангелие от Луки на удмуртском языке: графико-орфографический анализ // Ежегодник финно-угорских исследований. – № 3. – Ижевск: Изд. дом «Удм. ун-т», 2011. – С. 30–37.

Ившин Л. М. Некоторые лингвистические особенности первого перевода Евангелия от Луки на удмуртский язык // Вопросы Уралистики / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 383–396.

Ившин Л. М. О некоторых фонетических, морфологических и лексических особенностях Евангелия от Луки на удмуртском языке / Вестник Воро-

нежского университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – № 1. – С. 69–72.

Каракулов Б. И. Типы изучения ранних текстов (на материале удмуртского языка) // Типы коммуникации и содержательный аспект языка: Сб. научн. тр. / АН СССР. Ин-т языкозн. Совет учёных и специалистов. – М., 1987. – С. 185–186.

Каракулов Б. И. Роль переводов евангелий издания 1847 года в истории удмуртского литературного языка // Духовная культура финно-угорских народов: История и проблемы развития: Материалы междунар. науч. конф. (Глазов, 19–21 ноября 1997 года). Ч. I: Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Библиотека – книга – читатель. – Глазов, 1997. – С. 3–8.

Каракулов Б. И. Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка: XVIII–XXI века. – Ижевск: Удмуртия, 2006. – 208 с. (На удм. и рус. яз.).

Карпова Л. Л. О некоторых морфологических особенностях дёбинского говора // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. статей / АН СССР. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ. – Ижевск, 1990. – С. 66–84.

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Кельмаков В. К. Школаын дышетскон книга удмурт литературной кыл сярысь: Рецензия-эссе // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Междунар. симпозиума / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филол. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – 299–322-тй б.

Кельмаков В. К. Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Часть 2 / Удм. гос. ун-т. Каф. общ. и финно-угор. языкознания (= Удмурт вераськетъёс 7). – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004а. – 395 с.

Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учеб. пособие / Удмуртский государственный университет. Факультет удмуртской филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания (= Удмурт вераськетъёс 8). – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. – 420 с.

Кондратьева Н. В., Зверева Т. Р. О первых печатных книгах на удмуртском языке 1847 года издания // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Междунар. симпозиума / Удм. гос. ун-т. Фак. удм. филол. Каф. общ. и фин.-уг. языкозн. – Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 322–326.

Лупповъ П. Н. О первых вотскихъ переводахъ источниковъ христианскаго просвещения // Православный собеседникъ. – Казань, 1905. – С. 386–391.

Лупповъ П. Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX века. – Вятка: Губернская типографія, 1911. – XXII + XVI + 568 с. + XXXIV.

Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / Удм. НИИ истории, экономики, лит. и яз. при Совете Министров Удм. АССР. – Ижевск, 1970. – Вып. 21: Филология. – С. 156–196.

WW – Wotjakische Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrj  Wihmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXI). – Helsinki, 1987. – XXIII + 421 S.

УДК 811.511.151

Ипакова Марина Тимерьяновна

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева
Россия, г. Йошкар-Ола

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДОВ
ОФИЦИАЛЬНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ
С РУССКОГО НА МАРИЙСКИЙ ЯЗЫК**

**SOME FEATURES OF THE TRANSLATION OF OFFICIAL
NAMES OF INSTITUTIONS FROM RUSSIAN INTO THE
MARI LANGUAGE**

Аннотация. В статье впервые проводится исследование особенностей перевода официальных наименований учреждений с русского на марийский язык и передачи эквивалентами, калькой, полукалькой терминов и терминосочетаний в современной деловой документации и употребления их в контексте. На основании изучения имеющихся марийских текстов переводов показало, что среди терминов и терминосочетаний марийского языка большую часть занимают полные эквиваленты. Заимствования в большинстве своем незаменимы в официально-деловом стиле, марийский язык их заимствует в форме оригинала. Значительное место занимают кальки и полукальки.

Ключевые слова: официальные наименования, термин, нулевой суффикс, калька, полукалька, неологизм.

Abstract. The article is focused on the analysis of the translation of official names of institutions from Russian into the Mari language by means of equivalents, loan translation, semi-loan translation of terms and term combinations. According to the research, terms and term combinations are translated into Mari by full equivalents. In cases, when borrowings can not be avoided in the official business style, the Mari language borrows them in the form of original. Loan and semi-loan translation also plays an important role.

Keywords: official names, term, zero suffix, loan and semi loan translation, neologism.

С 2002 года в государственном бюджетном научном учреждении при Правительстве Республики Марий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева» (МарНИИЯЛИ) выполняются переводы с русского на марийский язык текстов вывесок с официальными названиями организаций, учреждений и предприятий, государственных органов. За эти годы в МарНИИЯЛИ произведен значительный объем работы по переводу. Эта работа выполняется согласно Закону Республики Марий Эл от 26 октября 1995 года № 290-III «О языках в Республике Марий Эл»: тексты документов (бланков, печатей, штемпелей, штампов) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственных языках Республики Марий Эл (ст. 26) [docs.cntd.ru].

Актуальность выбранной темы статьи обуславливается необходимостью разработки конкретных образцов перевода в марийском языке и введения их в практику, унификации и стандартизации, упорядочения и усовершенствования специальной лексики официально-делового стиля. В марийском языкознании отсутствуют работы, посвященные исследованию особенностей перевода официальных наименований учреждений с русского на марийский язык и передачи эквивалентами, калькой, полукалькой терминов и терминосочетаний в современной деловой документации и употребления их в контексте.

Цель настоящего исследования – определить основные особенности перевода официальных наименований учреждений, а

именно лексические и грамматические особенности передачи терминов и терминосочетаний с русского языка на марийский язык в официально-деловом стиле на основе материалов существующих переводов в отделе языка нашего института.

Основным особенностям перевода официальных и рекламных текстов с русского на марийский язык посвящена статья Л. Я. Григорьевой. При переводе, как отмечает исследователь, необходимо обратить внимание на порядок слов, тенденцию употребления простых предложений и словоформ единственного числа в марийском языке, различия в валентностях лексем, трансформацию заимствованных частей речи и сложносокращенных слов, возможности передачи значений иноязычных слов описательным методом или с помощью собственных мотивированных терминов [Григорьева 2015: 59].

В процессе исследования текстов перевода с русского на марийский язык были выявлены следующие основные особенности:

1. Использование показателей притяжательности *-же* (*-жо*, *-жӧ*) и родительного падежа *-н* (*-ын*). Во избежание сложных форм притяжательных конструкций целесообразно использовать простые бессуффиксальные варианты передачи притяжательности, что никак не противоречит законам марийского языка, например: *Марий Эл Республик Вуйлатышын администрацийже* (вм.: *Марий Эл Республикын Вуйлатышыжын администрацийже*) ‘Администрация Главы Республики Марий Эл’; Ср. также, например: *Марий Эл Республик Виктор Председательын алмаштышыжын секретариатше* (вм.: *Марий Эл Республикын Виктор Председательжын алмаштышыжын секретариатше*) ‘Секретариат заместителя Председателя Правительства Республики Марий Эл’.

2. Использование нулевого суффикса винительного падежа (согласно пункту 1: использование простых бессуффиксальных конструкций во избежание сложных суффиксальных форм), например: *«Йошкар-Олан тӱвыра **паша** (вм. *пашам*) виктарыше рӱдерже» муниципал бюджет тӱвыра тӱнеж* ‘Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Организационно-культурный

центр г. Йошкар-Олы»); Ср. также: «*Илем-эксплуатаций* (вм. *илем-эксплуатацийым*) *виктарыше компаний – 4*» *ангысыр ответственностян ушем* ‘Общество с ограниченной ответственностью «Жилищно-эксплуатационная управляющая компания – 4»’. В вышеуказанных примерах прямые дополнения *паша, илем-эксплуатаций* относятся к причастию *виктарыше*, поэтому не используется суффикс винительного падежа. «Если прямое дополнение относится к непрягаемым формам глагола или к отглагольному существительному и говорящий не акцентирует внимание на нем, то суффикс винительного падежа опускается» [СМЯМ 1961: 67].

3. Имена существительные множественного числа русского языка в марийском языке переводятся в форме единственного числа, так как нередко форма единственного числа в марийском языке совершенно не указывает на отношение к количеству, т. е. «их значение не связано с выражением количественных отношений» [СМЯМ 1961: 41], например: *Россий Федерацийын Налог да сбор* (вм. *налог да сбор-влак*) *шотышто министерствыжын Марий Эл Республикысе 2-шо Г-ан район кокла инспекцийже* ‘Межрайонная инспекция Министерства Российской Федерации по налогам и сборам Г2 по Республике Марий Эл’; *Марий Эл Республикысе вуд биологий ресурсым* (вм. *вуд биологий ресурс-влакым*) *кугыжаныш тергымаш, эскерымаш да аралымаш пӧлка* ‘Отдел государственного контроля, надзора и охраны **водных биологических ресурсов** по Республике Марий Эл’.

4. Имена прилагательные русского языка, которые оканчиваются на *-ский, -ический, -ный, -ной, -овой, -овый* на марийский язык переводятся именами существительными в именительном падеже например: *офтальмологий* ‘офтальмологическая’; *клинике* ‘клиническая’; *психоневрологий* ‘психоневрологический’; *фельдшер-акушер* ‘фельдшерско-акушерский’ и др. Ср.: *Марий Эл Республикын «Г. И. Григорьев лумеш Республикысе офтальмологий эмлымвер» кугыжаныш бюджет тӧнежше* ‘Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Республиканская **офтальмологическая** больница им. Г. И. Григорьева»’; *Марий Эл Республикын «Республикысе кли-*

нике эмлымвер» кугыжаныш бюджет тӧнежше ‘Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Республиканская **клиническая** больница»’; *Марий Эл Республикын «Республикысе психоневрологий диспансер» кугыжаныш бюджет тӧнежше* ‘Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Республиканский **психоневрологический** диспансер»’; *Руш Шой фельдшер-акушер пункт* ‘Русскошуйский **фельдшерско-акушерский** пункт’.

Названия учреждений, связанные с населенным пунктом, также на марийский язык переводятся именами существительными в именительном падеже, например: *Сотнурская, Помарская, Большепаратская* на марийский язык переводятся в форме существительных *Сотнур, Помар, Кугу Парат*, ср.: *Сотнур участке эмлымвер* ‘**Сотнурская** участковая больница’; *Помар эмлыме амбулаторий* ‘**Помарская** врачебная амбулатория’; *Кугу Парат эмлыме амбулаторий* ‘**Большепаратская** врачебная амбулатория’.

5. Сопоставляемые русские и марийские термины в текстах названий учреждений и организаций иногда образуют лакунарность. Термин русского языка не имеет эквивалента в марийском языке и образует в нем лакуну. Лакуна (от лат. *lacuna* – углубление, впадина, полость) – отсутствие в лексической системе языка слова для значения, выраженного в других языках. Лакуны – это «пробелы», «белые пятна» в семантике языка, которые появляются впоследствии отсутствия в данном языке эквивалента, или переводческого соответствия [ОПП 2010: 77]. В большинстве случаев она не заполняется, но иногда встречаются в терминосистеме такие лакуны, которые можно заполнить иным словом, подходящим только по значению (не синонимом) лакунарной единице.

В текстах переводов с русского на марийский язык лексические лакуны восстанавливаются с помощью:

а) калькирования, например, сочетание *государственно-правовое управление* в марийском языке передается полукалькой *кугыжаныш права виктем*, ср.: *Марий Эл Республик Вуйлатышын кугыжаныш права виктемже* ‘Государственно-

правовое управление Главы Республики Марий Эл'. Ср. также: *Тазалык аралыме шотышто комитет 'Комитет по здравоохранению'*; *Россий Федераций Президент пеленысе Марий Эл Республикын эре ыштыше представительствеже 'Постоянное представительство Республики Марий Эл при Президенте Российской Федерации'*; *Марий Эл Республикын чоңгымаш, архитектур ден илем-коммунал озанлык министерствеже 'Министерство строительства, архитектуры и жилищно-коммунального хозяйства Республики Марий Эл'*. В современном русском языке функционально закреплены некоторые приставки иноязычного происхождения, которые используются в научном, официально-деловом стилях. Термины-интернационализмы, созданные при помощи таких приставок, в марийском языке образуют кальки и полукальки: приставки не переводятся, соединенные основы переводятся, например: *агрехимий* 'агрехимический', *микрофинанс* 'микрофинансовая', *агройдонзанлык* 'агропромышленный' и т. д.;

б) описательного оборота (толкования), например: *Грузовой машинаш шиным шындымаш* 'Грузовой **шиномонтаж**'; *Марий Эл Республикысе Медведево кундемын «Кундыш ял кундем» муниципал образованийын «Силикатный тўвыра да яра жаш эртарыме рўдер» тўвыра муниципал тўнежше* 'Муниципальное учреждение культуры «Силикатный **культурно-досуговый** центр» муниципального образования «Кундышское сельское поселение» Медведевского района Республики Марий Эл'. Как видно, вышеуказанные наименования в марийском языке имеют лакуну: нет лексического эквивалента и значение невозможно передать калькой или полукалькой. Только функциональное значение данных терминов дают возможность заполнить лакуну описательным оборотом.

в) неологизмов, например: *шанче* 'научный', *тўнеж* 'учреждение', *виктер* 'правительство', *рўдер* 'центр' и т. д. Ср.: *Марий Эл Республик Виктер пеленысе «В.М. Васильев лўмеш Йылмым, сылнымутым да историйым шымлыше марий институт» кугыжаныш бюджет шанче тўнеж* 'Государственное бюджетное **научное учреждение** при **Правительстве** Республики Ма-

рий Эл «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева»»; «*Шернурьсо Йоча шуарыше рүдер – «Онгырпеледыш» йочасад» муниципал школ деч ончычсо тунуктыммо тӱнеж* ‘Муниципальное дошкольное образовательное учреждение «Сернурский **Центр** развития ребенка – детский сад «Колокольчик»’.

г) заимствований, например: *уполномоченный, казначействе, потребитель, публичный, юридический* и т. д. Ср.: *Марий Эл Республик Вуйлатыше пеленысе йочан праваже шотышто уполномоченный* ‘Уполномоченный при Главе Республики Марий Эл по правам ребенка’; *Марий Эл Республикысе Федерал казначействын* *виктемже* ‘Управление Федерального **казначейства** по Республике Марий Эл’; *Публичный акционер ушем* ‘Публичное акционерное общество’.

6. Перестановка (один из видов переводческой трансформации) – конструкция предложения (порядок слов) на русском языке не соответствует конструкции предложения на марийском языке, поэтому при переводе неизбежна перестановка слов, ср.: *Марий Эл Республик Вуйлатышын администрацийже* ‘Администрация Главы Республики Марий Эл’; «*Йошкар-Ола*» *ола округын администрацийже* ‘Администрация городского округа «Город Йошкар-Ола»’; *Марий Эл Республикын кугыжаныш шотлышо палатыже* ‘Государственная счетная палата Республики Марий Эл’ и т. д.

7. Добавление в виде послелогов, союзов или каких-либо компонентов в марийских текстах. Добавление – прием перевода, который характеризуется использованием в переводящем языке единиц, которые отсутствуют или опущены в тексте исходного языка [ОПП 2010: 147]. Например: *Марий Эл Республикын Козьмодемьянск олase калыкым социальный аралыме да паша шотышто пӱлкаже* ‘Отдел социальной защиты населения и труда в городе Козьмодемьянске Республики Марий Эл’; *Марий Эл Республикын «Шкет шонго-влаклан лӱмын кельшитарыме Кужэnger пӱрт» кугыжаныш бюджет тӱнежше* ‘Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Куженерский специальный дом для одиноких престарелых»’. Примеры

показывают, что без послелого *шотышто* и причастия *кельштарыме* значения русских терминов не передается полностью. Только уточнив их понятие, добавив поясняющие слова, получаем терминоподобную единицу.

Русские имена прилагательные, которые образованы путем сочинительного словосложения, в марийском языке переводятся именами существительными с соединительными союзами *да* «да, и» или *ден* «и», ср.: *Марий Эл Республикын «Калыклан психологий да педагогике полшышым пуышо республикысе «Ўшан» рүдер» кугыжаньш бюджет тӱнежше* ‘Государственное бюджетное учреждение Республики Марий Эл «Республиканский центр психолого-педагогической помощи населению «Доверие»’; *«Йошкар-Оласе пуй эмлыме поликлинике» эмлыме да профилактике тазалык аралыме муниципал тӱнеж* ‘Лечебно-профилактическое муниципальное учреждение здравоохранения «Йошкар-Олинская городская стоматологическая поликлиника»’. Здесь, в вышеуказанных конкретных примерах, в основе добавления лежит эквивалентность различных конструкций в русском и марийском языках.

8. Заимствованным из русского языка словам используются мотивированные термины, например: *түрлӧ могырым вяндыше* ‘общеразвивающего вида’; *иктешлыме сынан* ‘комбинированного вида’; *тӱрлатыме сынан* ‘компенсирующего вида’, ср.: *«Йошкар-Оласе 14-ше №-ан «Изи агытан» йочасад» муниципал бюджет школ деч ончычсо түрлӧ могырым вяндыше тунуктыммо тӱнеж* ‘Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение **общеразвивающего вида** «Детский сад № 14 г. Йошкар-Олы «Петушок»’; *«Йошкар-Оласе 1-ше №-ан «Мўки» йочасад» муниципал бюджет школ деч ончычсо иктешлыме сынан тунуктыммо тӱнеж* ‘Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учреждение **комбинированного вида** «Детский сад № 1 «Пчёлка» г. Йошкар-Олы»’; *«Йошкар-Оласе тӱрлатыме сынан 5-ше №-ан «Хрусталик» йочасад» муниципал бюджет школ деч ончычсо тунуктыммо тӱнеж* ‘Муниципальное бюджетное дошкольное образовательное учрежде-

ние «Детский сад № 5 «Хрусталик» компенсирующего вида города Йошкар-Олы»’.

9. В употреблении имен существительных марийского языка преобладает тенденция к обобщенности. Обобщенность присуща отвлеченным именам существительным, которые в форме единственного числа выражают обобщенно-собирательное значение. Это отвлеченные имена существительные в марийском языке, образованные от глаголов при помощи суффикса *-маш*: *тунык-тымаш* ‘обучение, преподавание’, *тунеммаш* ‘учение, учеба; изучение’ и т. д. [СМЯМ 1961: 37]. Такие имена существительные в переводах текстов с русского на марийский язык занимают существенное место, ср.: *Марий Эл Республикын Рүддö сайлы-маш комиссийже* ‘Центральная избирательная комиссия Республики Марий Эл’; *Республикысе «Аралымаш» специализироватлымæ рүдер» кугыжаныш тӱнежын тунемме рүдерже* ‘Учебный центр республиканского государственного учреждения «Специализированный центр «Защита»»; *Россий Федерацийын Ялозанлык министрствыже. Кушкыл куштымаш, химий йӧн шындарымаш да кушкыл аралымаш департамент* ‘Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Департамент растениеводства, химизации и защиты растений’.

В текстах переводов также имеют место и сложносокращенные термины и аббревиатуры, являющиеся составной частью терминологической лексики, и способы передачи их на марийском языке. В марийском языке они находятся на стадии развития, хотя первые аббревиатуры использовались уже давно, например: МЭР (Марий Эл Республик) – РМЭ (Республика Марий Эл); МарКУ (Марий кугыжаныш университет) – МарГУ (Марийский государственный университет) и т. д. «Источником появления сложносокращенных слов в марийском языке является, конечно, русский язык», «аббревиатуры представляют собой принадлежность языков с давней и богатой письменной традицией» [Лаврентьев 1986: 51].

Итак, на основании изучения имеющихся марийских текстов переводов показало, что среди терминов и терминосочетаний марийского языка большую часть занимают полные эквивален-

ты: *кугыжаныш* ‘государство’, *виктер* ‘правительство’, *виктем* ‘управление’, *сымыктыш* ‘искусство’, *тоштер* ‘музей’, *түвыра* ‘культура’, *тӱнеж* ‘учреждение’ и т. д. Заимствования в большинстве своем незаменимы в официально-деловом стиле, марийский язык их заимствует в форме оригинала (*интернат*, *училище*, *техникум*, *университет*). Но следует также отметить, что значительное место занимают кальки и полукальки. В процессе перевода определено, что калькированные термины и терминосо сочетания зачастую не передают структуру моделей марийского языка. Это обусловлено разным порядком слов в русском и марийском языках, спецификой грамматического строя языков (*интернат-школ* ‘школа-интернат’, *интернат-пӱрт* ‘дом-интернат’ и т. д.). В таких случаях нужно опираться на грамматические особенности марийского языка.

Полученные результаты исследования переводческих текстов позволяют утверждать, что при сопоставлении русского и марийских терминов и терминосо сочетаний определяется лакунарность. Лексические и грамматические особенности сопоставляемых русских и марийских терминов обуславливаются спецификой разных типологических языков, каковыми являются русский и марийский языки.

Список использованной литературы

Григорьева Л. Я. Специфика перевода официальных и рекламных текстов с русского языка на марийский язык // Язык и социум: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной Дню марийской письменности (9 декабря 2014 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Н.Н. Глухова. – Йошкар-Ола, 2015. – С. 55–60.

Закон Республики Марий Эл от 26 октября 1995 года № 290–III «О языках в Республике Марий Эл» // docs.cntd.ru.

Лаврентьев Г. И. К оценке лексических новообразований 20–30-х гг. // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 1986. – С. 45–64.

ОПП – Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник / Отд. языкознания; отв. ред. канд. филол. наук Раренко М. Б. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 260 с.

СМЯМ – Современный марийский язык. Морфология. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 322 с.

УДК 811.512.111

Исаев Юрий Николаевич

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Россия, г. Чебоксары

**ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ В РАЗВИТИИ ЭТНИЧЕСКИХ
СООБЩЕСТВ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ**

**LEGAL CONDITIONS IN THE DEVELOPMENT OF ETHNIC
COMMUNITIES IN THE CHUVASH REPUBLIC**

Аннотация. Работа посвящена анализу законодательных условий реализации прав национальных меньшинств в Чувашской Республике. В регионе созданы нормативно-правовые условия, направленные на развитие местных языков и создание гармоничных межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональные отношения, национальные меньшинства, языковая политика, Чувашская Республика.

Abstract. The paper analyzes the legal conditions for the realization of national minority rights in the Chuvash Republic. The region has established legal conditions aimed at the development of local languages and the creation of harmonious inter-ethnic relations.

Key words: international relations, national minorities, language policy, the Chuvash Republic.

Одной из актуальных задач управления многонациональным российским обществом является также и гармонизация межэтнических отношений. Это предполагает в первую очередь обеспечение конституционных этнических прав, которые традиционно делятся на коллективные и индивидуальные. Одним из вопросов, который регулярно оказывается в центре внимания в ходе обсуждения национальной политики в Российской Федерации, является деление ее субъектов на территориальные и национально-территориальные. Они в современных социально-экономических условиях являются одними из несущих элементов государства по обеспечению как коллективных этнических прав, так и национальной стабильности. На уровне

любого региона – особенно многонационального национально-территориального образования, часто возникает множество проблем принятия юридических актов и управленческих решений, учитывающих индивидуально-правовой и коллективно-правовой аспекты.

В современной копилке многочисленных публикаций по характеристике термина, обозначающих понятие «национальное меньшинство», почти всегда содержатся размышления о логическом содержании «меньшинство» и трудностях его историко-лингвистического определения.

В нашей небольшой по охвату иллюстративного материала статье мы будем опираться на определения, которые вызывают наибольшую критику. Итак, «национальным или этническим меньшинством» мы понимаем ту группу людей, которая живёт или обитает за пределами «своей» исконнотитульной территории. При определении территории мы понимаем территорию государственного образования и саму «этническую» территорию. И наоборот, как правило, в качестве этнических (национальных) меньшинств не рассматриваются группы, за которыми закреплена определенная территория. В нашем случае чуваша, проживающие на территории метрополии, т. е. в пределах границ Чувашской Республики не являются национальными меньшинствами, а чуваша, компактнопроживающие, скажем, на территории Республики Татарстан или Ульяновской области или в других регионах РФ, являются «национальными меньшинствами». В Чувашской Республике татары, хотя это многим может показаться и не совсем правдоподобной, по отношению к титульной нации нашей республики, являются, на наш взгляд, национальными меньшинствами. Понятие «меньшинство» употребляется исключительно в значении этнического меньшинства. Хотим особо подчеркнуть, что проблемы, связанные с религиозным меньшинством, обсуждаются с другим терминологическим аппаратом. Любая этническая принадлежность

в гуманитарной науке отождествляется с языковой и культурной принадлежностью³.

Та часть российского законодательства, которая терминологически и содержательно имеет отношение к этничности, довольно мозаична и сложна как по структуре, так и по содержанию. Помимо международных договоров, которые по Конституции являются частью правовой системы, источниками права, хотим это особо подчеркнуть, в данной области выступают Конституция РФ, законы федерального уровня и законодательные акты регионального уровня. Но в основном нам приходится говорить об относящихся к этничности многих положениях отраслевого законодательства (в основном Минкультуры, Минобразования, информ-политики).

В законодательном дискурсе в Чувашской Республике нигде не упоминаются термины «титульная нация», «национальные меньшинства», но это не означает ограничение коллективных прав тех или иных групп этносов. В законах Чувашской Республики активно применяются термины: «государственные языки», «иные языки народов Российской Федерации», которые, как нам кажется, достаточно эффективно и полно заменяют термины «титульная нация» и «национальные меньшинства».

Субъекты Российской Федерации официально не обозначаются только как «этнические» образования. В самом главном законе **Чувашской Республики** – В Конституции в статье 2 в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, человеку и гражданину гарантируются права и свободы, в статье 6 говорится о том, что Республика ...«несет ответственность за сохранение и развитие культуры чувашского народа и содействие развитию культуры всех народов, проживающих в республике».

В законе Чувашской Республики «**Об образовании в Чувашской Республике**» от 2013 года, где определены правовые,

³ Малахов В. С., Осипов А. Г. Категория «этническое меньшинство» в российском публичном и законодательном дискурсах // Мир России. 2008. – № 3. – С. 67–91.

организационные и экономические особенности функционирования системы образования в статье 10, (раздел 1) четко зафиксированы полномочия органов исполнительной власти, в части разработки и реализации региональных программ развития образования с учетом региональных этнокультурных особенностей. В статье 4 Чувашская Республика гарантирует получение образования на государственном языке Российской Федерации, а также выбор языка обучения и воспитания в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Также Чувашская Республика обеспечивает создание условий для изучения и преподавания русского и чувашского языков в образовательных организациях, а в местах компактного проживания представителей иных национальностей – на их родном языке. Подтверждая это утверждение, приведём несколько цифр, показывающих уважительное отношение исполнительной власти Чувашской Республики по формированию условий для развития языков национальных меньшинств, в частности в нашей республике функционируют девять школ, где обучение ведется на татарском языке. В них обучается шестьсот тридцать три ученика.

Закон **«О языках в Чувашской Республике»** признает все языки народов Российской Федерации, представленные на территории Чувашской Республики. Они являются равноправными. Граждане, проживающие на территории Республики, должны бережно относиться к родным языкам как к хранилищу духовного и культурного наследия предков, взаимно уважать языки и традиции. К слову сказать, аналогичные законы приняты.

Данный закон детально описывает возможности и потенциал как государственных, так и языков национальных меньшинств в рамках государственного правового регулирования, но четко ограничивает свои полномочия в использовании языков в межличностных, неофициальных отношениях. Этот закон безукоризненно обеспечивает защиту конституционных прав граждан в этой сфере, уважительного отношения к национальному достоинству человека, его культуре и языку.

Статья 2 настоящего закона говорит, о том, что государственные языки в Чувашской Республике, чувашский и русский не ущемляют права других народов, проживающих на территории Чувашской Республики, в использовании и развитии своих языков. Все это мы наблюдаем в нашей повседневной жизнедеятельности.

Статья 3 Закона гарантирует равноправие и защиту языков в Чувашской Республике. 1. Экономическая защита предполагает бюджетное и иное финансирование государственных программ сохранения, изучения и развития языков, а также проведение в этих целях льготной налоговой политики. В частности, нашла грантовую финансовую поддержку, по линии Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики научное изучение традиционной обрядности армян, проживающих в Чувашской Республике. 2. Социальная защита языков предусматривает проведение научно-обоснованной языковой политики в Чувашской Республике, направленной на сохранение, развитие и изучение. 3. Юридическая защита языков предполагает обеспечение ответственности юридических и физических лиц за нарушение законодательства о языках. Здесь нужно сказать следующее: 1. До сегодняшнего времени в Кодексе административных правонарушений Чувашской Республики не было норм, которые принимали бы адекватные нормативные действия к различным правонарушителям в данной сфере. 2. В 2015 г. Государственный Совет ЧР уже поступила инициатива от межведомственной комиссии по чувашскому языку для рассмотрения вопроса включения в КоАП ЧР нормы, которая бы могла более строго дисциплинировать нарушителей Закона «О языках в Чувашской Республике».

В рамках реализации законов Кабинет Министров Чувашской Республики принимает комплексные программы, где четко прописан перечень мер и определены исполнители, сроки исполнения предполагаемый результат.

Языком средств массовой информации являются русский и чувашский, а также по усмотрению учредителей иные языки. Язык, используемый в сфере культуры, в сфере обслуживания и

в коммерческой деятельности, осуществляется на государственных и иных языках.

В Чувашии, как и везде существуют «этнические антрепренеры», объединяющиеся в культурные общества. Во многом от них зависит степень использования возможностей законодательно-нормативной базы республики для коллективных интересов своего этноса. На данном этапе развития республики этнические сообщества не очень эффективно используют нормы закона даже те, где не требуются дополнительные финансовые бюджетные траты, в частности, при подготовке и проведении выборов и референдумов на территории Чувашской Республики могут применяться языки народов РФ, компактно проживающих на этой территории, бюллетени могут печататься на языках народов РФ и т. д. (ст.10).

Наш вывод заключается в том, что язык любого права – это универсальный язык современного общества, он же гарант, и возможность, и ресурс быть явленным в современном обществе и существовать в нем. В этом также проявляется функция права в современном обществе, в котором «философская рефлексия нового социума становится по преимуществу философией права»⁴.

Список использованной литературы

Исаев Ю. Н. Чувашская диаспора в современных условиях. Сохранение этнокультурной самобытности // Актуальные вопросы сохранения и развития самобытности чувашского народа. – Чебоксары, 2011. – С. 23–31.

Кислов А. Г. Философия права как выражение социокультурного контекста // Философия права. – 2005. – № 1. – С. 12.

Малахов В. С., Осипов А. Г. Категория «этническое меньшинство» в российском публичном и законодательном дискурсах // Мир России, 2008. – № 3. – С. 67–91.

⁴ Кислов А. Г. Философия права как выражение социокультурного контекста // Философия права. – 2005. – № 1. – С. 12.

Казаева Нина Валентиновна

Национальный исследовательский Мордовский государствен-
ный университет им. Н. П. Огарёва

Россия, г. Саранск

**РОЛЬ ОРОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В ФОРМИРОВАНИИ МОРДОВСКОЙ ТОПОНИМИИ**
**THE ROLE OF OROGRAPHIC TERMINOLOGY IN THE
FORMATION OF MORDOVIAN TOPONYMY**

Аннотация. Объектом исследования в данной статье выступает терминология возвышенного и низинного рельефа, функционирующая в мордовских топонимах. Актуальность выбора темы продиктована необходимостью сбора и изучения орографической терминологии, представляющей несомненный интерес для языковедов, историков и географов края. В работе определяется топонимическая активность терминов собственно мордовского происхождения, а также заимствованной лексики, служащей для обозначения возвышенных и низинных мест.

Ключевые слова: орографическая терминология, возвышенный (положительный) рельеф, низинный (отрицательный) рельеф, топоним, мордовская топонимия.

Abstract. The object of the study in this article is the terminology of the headland and lowland terrain, which functions in Mordovian toponyms. The relevance of the subject choice is dictated by the need to gather and study the orographic terms, which are of undoubted interest to the linguists, historians and geographers of the region. The paper defines the toponymical activity of the terms of the proper Mordovian origin, and some borrowed vocabulary, serving to indicate the highland and lowland areas.

Keywords: orographic terminology, highland (positive) terrain, lowland (negative) terrain, toponym, Mordovian toponymy.

Целью работы является выявление орографической терминологии и определение ее роли в формировании мордовской топонимии. Актуальность выбранной темы продиктована необходимостью сбора и изучения географической терминологии,

в том числе терминов, обозначающих элементы рельефа. Исследование данного пласта лексики имеет как лингвистическую, так и историко-культурологическую значимость.

Автор настоящей статьи неоднократно обращалась к изучению лексики, участвующей в образовании мордовских топонимов [Казаева 1996: 162–169; 2003: 236–242; 2006: 70–76; 2007: 125–131]. Данная работа является продолжением освещения вопросов, связанных с исследованием географической терминологии.

В качестве иллюстративного материала использованы мордовские топонимы, представленные в «Словаре географических названий Республики Мордовия» [Цыганкин 2005], а также полевые материалы автора.

Рельеф поверхности Республики Мордовия представляет собой равнину, несколько возвышенную и холмистую в юго-восточной части, ровную, низменную преимущественно в долине реки Мокши и ее притоков, на западе и северо-западе [ВоМ 1997: 62]. Несмотря на то, что в Мордовии нет высоких гор и возвышенностей (самая высокая точка равна 324 м над уровнем моря), спектр орографической терминологии широко отражен в мордовских географических названиях.

Термины, участвующие в образовании орографических названий, принято делить на лексемы, характеризующие: а) объекты положительного, или возвышенного (холмы, горы и т. д.) и б) объекты отрицательного, или низинного (овраги, логи и т. п.) рельефа.

Опираясь на данные «Словаря географических названий Республики Мордовия», можно сказать, что для обозначения положительного рельефа наиболее продуктивной является лексема *пандо* (эрз.) / *панда* (м.) (< пр. мд. **панта*) 'гора', 'холм', 'возвышенность'. (В эрзянских диалектах – *пандâ*, *пандэ*). Данный термин легко обнаруживается в составных названиях исследуемого региона в постпозитивной части: холм *Инзей пандо* (Дрк Ат), холм *Каменкань пандо* (МрПш Рз), возв. *Нäшкешире пандэ* (Пвд Дбн), гора *Озяске пандâ* (ЧрПр Ббр), холм *Капта пандо* (Адш Кдш) и др. Нетрудно заметить, что в первой части

многих названий часто встречаются ойконимы и антропонимы: возв. *Лукай пандâ* (Прк Ббр), гора *Миша Ванянь пандэ* (Чнд Дбн), гора *Пермезь пандо* (Ксг Ббр), холм *Васёконь пандоц* (Клп Крс), холм *Самоволефкань пандо* (СтДр Квл) и др. Лексема *панда* выявлена в составе всего одного ойконима – *Пичпанда* (ЗП). Топонимизируясь, термин выступает в виде однокомпонентного названия: *Пандо* – лес на горе (МрДв Кчк).

Сложный термин *пандопря* (эрз.) / *пандапря* (м.), (эрз. диал. *пандэпря*) 'вершина горы, возвышенности', по сравнению с предыдущим, менее активен в образовании мордовских топонимов. В географических названиях рассматриваемой территории он также выступает для обозначения возвышенных мест: холм *Захар пандопря* (Кчк Дбн), холм *Моргэнь пандэпря* (Ард Дбн), холм *Пор пандопря* (Чкл Ард), холм *Сборувонь пандопрясь* (Прх Рз). Для обозначения улицы, находящейся на возвышенности, лексема зафиксирована в четырех населенных пунктах Мордовии: ул. *Пандопря* (Бзв Ббр; Кчк, НпТв Окт), ул. *Пандапря* (Ммл Квл).

Некоторым носителям эрзянского и мокшанского языков известна лексема *мар* (< пр. мд. **tara*), которая под разными значениями зафиксирована в «Мокшанско-русском» [МРС 1998: 361] и «Эрзянско-русском» [ЭРС 1993: 362] словарях. В обоих словарях первым представлено значение 'куча, груда'. В качестве второго значения в «Эрзянско-русском словаре» дано 'курган, холм', которое не отражено в «Мокшанско-русском словаре». Термин *мар* сохранился в ойконимах *Каймар* (Крс), *Мары* (Чмз), в гидрониме *Каймар* (Крс). В названиях *Атемар* (ойк.), *Атемарка* (гидр.) компонент *мар* выступает в значении 'земляная насыпь (могильные холмы или оборонные укрепления)' [Инжеватов 1987: 24]. В оронимических названиях лексема выявлена как детерминант в единичных случаях: холм *Васоло мар* (Смл Кчк), холм *Маласо мар* (Смл Кчк). В других классах топонимов она чаще встречается в атрибутивной части: возв. *Мар гора* (Лбс Ат), овр. *Мар латко* (СтПр Кчк), бол. *Мар ляй* (СтБд ЗП). Простой микротопоним *Мар* (Клв Ард), на наш взгляд, эллиптированное название.

В «Мокшанско-русском словаре» находим лексему *дѣба* 'кочка, бугорок' [МРС 1998: 160] и существительное *тѣба* со следующими значениями: 1) наивысшая точка небесной сферы над головой наблюдателя; 2) *перен.* высшая точка развития, вершина ч.-л. [МРС 1998: 717]. Термины имеют тюркское происхождение, ср.: др.-тюрк. *törü* 'темя', 'макушка', 'голова', 'вершина' [Мурзаев 1984: 549]. Они обладают достаточно высокой активностью, участвуя в образовании мокшанских географических названий: холм *Большевиконь тѣбась* (СтСн Крс), холм *Боранть дѣбац* (МрКз Атр), курган *Вярень тѣба* (СтСн Крс), возв. *Кафта дѣбатне* (Срг Сш), гора *Лядема тѣба* (СтСн Крс), холм *Офта ляень дѣбась* (Срг Сш). Как видно из примеров, лексема в топонимах чаще всего выступает с лично-притяжательным суффиксом (*дѣбац* 'его бугорок, возвышенность') или же с формантом определенности (*тѣбась* '(этот) бугорок', '(эта) возвышенность').

Орографический термин *тау* 'гора', широко используемый в тюркской топонимии, нашел отражение и в топонимах исследуемого региона в форме *тав*, *тау*. Данная лексема не функционирует в речи эрзян и мокшан, она сохранилась лишь в немногочисленных названиях на территории Мордовии: гидр. *Тавла*, ойк. *Вирь Тавла/Таула* (карт. Подлесная Тавла Кчк), ойк. *Пакся Тавла/Таула* (карт. Напольная Тавла Окт), *Татарская Тавла* (Лмб), где *тавла* < тюрк. *тав/тау* 'гора' + тюрк. суфф. *-ла/-лы*.

В составе единичных географических названий на территории Республики Мордовия зафиксирована лексема *ур*, которая в настоящее время не употребляется в эрзянском и мокшанском языках. Д. В. Цыганкин в названиях *Пиксаур* (Лмб), *Пичеуры* (Чмз) и *Старые Пичуры* (Трб) элемент *ур* дает со значениями 'склон возвышенности', 'склон возвышенности с сосновым лесом' [Цыганкин 2005: 275; 343]. И. С. Галкин [1991: 123] основы марийских топонимов *Ургакш*, *Уржумка* связывает с мансийским *ур* 'гора, возвышенность, увал, водораздел', что отмечено и в «Словаре народных географических терминов» Э. М. Мурзаева [1984: 579]. Есть мнения о тюркском происхождении данного

термина, который выступает и в топониме *Урал*. Р. И. Куряева отмечает, в основе названия *Урал* лежит древнетюркский корень *өр-* 'подниматься, показываться', таким образом, слово *Урал* является тюркским по происхождению [Куряева 2011: 278].

Заемствованные из русского языка лексемы *гора*, *бугор*, служащие для обозначения возвышенных мест, также используются в мордовской топонимии. Термин *бугор* под влиянием местных диалектов изменил свой фонетический облик, выступая в географических названиях в следующих вариантах: *губорь*, *губор*, *губоря*. Данный апеллатив отмечен в составе немногих названий, обозначающих не только оронимы, но и другие виды объектов: холм *Бугор пря* (Прм ЗП), родн. *Бугор эши* (Прм ЗП), бугор *Веднянь бугор* (Прм ЗП), бугор *Виселкань губора* (Клп Крс), луг *Губор луга* (Лвж Рз), холм *Которксонь бугорсь* (НвТлк Квл), холм *Крута губорь* (Пвд Дбн), уч. леса *Крутой бугор* (Трд Дбн). Лексема *бугор*, *бугры* представлена в двух ойконимах: *Бугро-Ключи* (Сш), *Бугры* (Ич). В литературе по топонимике представляется тюркское происхождение термина [Мурзаев 1984: 97; Куряева 2011: 277].

Степень участия географического термина *гора* в мордовских топонимах, в отличие от русских, невысока, т. к. для обозначения горы в мордовских языках имеются свои лексемы – *пандо* (эрз.), *панда* (м.). Термин чаще выступает в детерминативной части составных названий, нередко с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*-ка*, *-не*), для указания на возвышенность небольшого размера: холм *Акша гора* (НвВс ЗП), возв. *Дадом гора* (Зрб ЗП), гора *Каладо гора* (Кчк Кчк), холм *Калмазэрь гора* (Бзв Ббр), холм *Кевень горка* (Кнд Ич), холм *Фомичень горкине* (НвИч Ич). Отмечен он и в качестве самостоятельного названия: *Горка* – улица (Ич). На карте Республики Мордовия находим ряд населенных пунктов с лексемами *гора*, *горка*, *горки*: *Горки* – село (Биг), пос. (Инс), дер. (ЗП), *Красные Горки* – пос. (Елн), *Лысая Гора* – село (Елн), *Крутая Гора* (эрз. Крута Горка/Крутой Гора Ич) и др.

Заемствованные из русского языка термины *курган* 'древний могильный холм; небольшой холм', *косогор* 'склон

горы, холма', *кочкарник* 'место, покрытое кочками', не получили широкое распространение в топонимии Республики Мордовия. Они отражены лишь в единичных не оронимических названиях: с. *Кочкари* (Ич), луг *Кочкарник* (СтПч Елн), овр. *Курган латкэ* (Ард Дбн), оз. *Курган эрхкя* (Пдл ЗП), дер. *Курган* (Рмд), с. *Косогоры* (эрз. Госагыр) (Ббр). Данные лексемы, по мнению исследователей, являются тюркизмами (см.: Куряева 2011: 277–278; 279).

Вторую группу оронимических терминов составляют слова, характеризующие объекты отрицательного (низинного) рельефа.

Среди активно функционирующих терминов собственно мордовского происхождения, обозначающих низинные места, можно выделить лексемы *латко* (эрз.) / *лотка* (м.) (< пр. мд. **лотка*) 'овраг', 'овраг с водой и без воды', 'русло высохшей реки', 'лощина', 'речка'. В структуре мордовских топонимов данные лексемы выступают в различных диалектных формах в единственном, реже – во множественном числе, а также с морфемой определенности и диминутивными суффиксами: овр. *Аргаика латка* (Ксг Ббр), овр. *Васенце лотксь* (Сзг Рз), овр. *Васень лотконя* (Кнг Елн), возв. *Волна латкт* (Трд Дбн), овр. *Кажлотка лоткт* (Врж Трб), лощина *Кафта панда лотка* (МрПш Рз), овр. *Егорий латкэ* (Сбн Ат) и др. Термин зафиксирован в составе ойконимов *Кажлодка/Кажлотка* (Трб) и *Ёмла Кажлотка* (карт. Зарубята Трб).

Для обозначения не слишком глубоких мест, небольших понижений на равнине в эрзянском языке существуют лексемы *лашмо* 'ложбина', 'долина', 'лощина' [ЭРС 1993: 333] и *лушмо* 'ложбина', 'лощина', 'проточина' [ЭРС 1993: 353], в мокшанском – *лашма* 'лощина', 'долина', 'низина', 'заливное место' [МРС 1998: 330], м. диал. – *лаша*. Они зафиксированы в следующих названиях рассматриваемой территории: лощина *Зобань пуре лашма* (НвУс Рз), долина *Катань лашмось* (НвТлк Квл), овр. *Коське лаша* (Бл, НвМр Рз; НвТлк Квл) и др. Топонимизируясь, данная лексема переходит в класс топонимов и микротопонимов: *Лашма* – овраг-дол в середине посевного поля (Глш Кдш), луг-пойма (НвДр Квл), широкая канава (Слж Трб), дол у реки

(ПкСлщ ЗП), *Лашмо* – лес (Клв Ард), *Лашмонясь* – улица (Прх Рз), *Лашмине* – улица в низине (Прх Рз). Она также обнаруживается в составе двух ойконимов: *Вольная Лашма* (Квл), *Русская Лашма* (Квл).

Следующий термин функционирует только в мокшанском языке и служит для обозначения оврага, ложбины – *караф* (< м. *карамс* 'ковырять', 'рыть', 'вырыть'). Лексема зафиксирована в роли детерминанта в немногочисленных мокшанских названиях: овр. *Вазонь пире караф* (Пчп Атр), овр. *Ёктань караф* (НвЛп Квл), овр. *Чбаень караф* (НвСм Квл), овр. *Шадонь караф* (Прп Квл). Термин встречается и в качестве собственного имени: пруд *Караф* (Крн Квл), овр. *Караф* (Дх Атр).

Необходимо отметить, что в формировании мордовской орографической терминологии, обозначающей низинный рельеф, большую роль играют заимствованные из русского и тюркских языков лексемы. К ним относятся: эрз. *баярак*, *буярок* (< рус. *буерак*) 'небольшой овраг', 'ложбина', эрз., м. *дол* (< рус. *дол*, *долина*) 'низменность, впадина', 'широкая, пологая ложбина', 'удлиненная впадина (вдоль речного русла, среди гор)', эрз., м. *канава*, м. *канавац* (< рус. *канава*) 'неглубокий и неширокий ров', эрз. *овраг*, *враг*, *раг*, *рак*, м. *враг*, *враксь*, *врагона*, *раг* (< рус. *овраг*) 'глубокая длинная впадина на поверхности земли', эрз. *ров* (< рус. *ров*) 'длинное, с высокими откосами углубление в земле', эрз., м. *яма*, эрз. *ямат* (< рус. *яма*) 'углубление в земле', 'впадина, низина', эрз., м. *яндова*, *яндовища*, *яндовище*, *ендова* (< рус. *яндова*) 'впадина', 'небольшая котловина', эрз. *яр* (< рус. *яр*) 'крутой берег, обрыв', 'глубокий заросший овраг'.

Среди представленных наиболее активным является лексема *овраг*, выступающая в мордовских топонимах в разных вариантах. Она служит для обозначения углубления, оврага с водой и без воды. У ученых нет единого мнения относительно этимологии слова. Есть предположения, что оно имеет тюркское происхождение (см.: Куряева 2011: 280). Отметим, что заимствование в большинстве случаев встречается в названиях объектов, находящихся вблизи сел с русским населением: овр. *Атяки раг*

(НвИч Ич), овр. *Везовой врак* (КрЗр Кчк), овр. *Винной рак* (Ал Ат), овр. *Вирень враг* (СтБд ЗП), овр. *Коське овраг* (Кчл Кчк), овр. *Рубежень врагона* (Клк Трб), овр. *Юванькань врагсь* (Млш Трб).

Более редко в структуре мордовских топонимов встречаются термины *дол*, *яндова*, *яндовища*: луг *Пичелейка дол* (Кзл Ат), луг *Сенной дол* (МрСр Ат), овр., поле *Сухадол* (Кчк, Мрн Кчк; НпТв Окт), луг *Широкой дол* (Клс Ат), поле *Васоло яндовища* (Лбс Ич), поле *Маласо яндовища* (Лбс Ич) и др. Лексемы нашли отражение в названиях населенных пунктов: пос. *Красный Дол* (Лмб), дер. *Русское Яндовище* (Инс), пос. *Яндова* (Ич), с. *Яндовище* (Инс). Зафиксированы случаи перехода терминов *яндова*, *яндовища* в класс топонимов, обозначающих различные физико-географические объекты: *Яндова* – урочище (Кмл Ич), поле (Арж Биг), *Яндовища* – сухой овраг (МлМр Чмз), овраг, луг (СтЧм Биг), болото (Клв Ард), луговина-низменность (Отр Чмз).

Термины *баярак*, *канава*, *ров*, *яма*, *яр* отмечены в единичных географических названиях рассматриваемой территории: овр. *Буярок латко* (Кчк Кчк), овр. *Попонь канава* (Прк Ббр), овр. *Семань Адаць канавац* (ПкСлщ ЗП), овр. *Килей ров* (ЧрПр Ббр), овр. *Ров латкэ* (Дбн Дбн), возв. *Ров пандá* (Ксг Ббр), луг *Догодь яма* (МрДв Кчк), овр. *Казна яма* (НвИч Ич), овр. *Сёвонь ямат* (Отр Чмз), овр. *Калада яр* (СтСм Квл), лес *Чёрной яр* (Сбв Кчк). Названия оврагов *Баярак* (Ат Ат), *Ров* (Клв Ард) – факты топонимизации терминов. Лексема *яр* явилась основой для образования ойконима *Красный Яр* (Ич, Квл, Тнг).

Следует отметить, что мордовская орографическая терминология заметно пополнилась в результате перехода лексем из сферы соматической лексики. В мордовских языках в метафорический процесс оказались вовлеченными следующие слова, обозначающие части тела человека и животных: *грива* (< русск. грива) 'грива' – 'возвышенность', 'лесная полоса на возвышенности'; м. *карыз* 'спина', 'хребет' – 'возвышенность', 'горный хребет'; эрз., м. *коня* (*конясь*) 'лоб' – 'холмик', 'небольшая возвышенность', 'склон горы', 'поле на возвышенности'; эрз., м. *копорь*, эрз. *копорькс*, *копоре* 'спина' – 'возвышенность',

’вершина’, ’лес, поле на возвышенности’; м. *полда* ’щиколотка’, ’головка сустава’ – ’выступающая часть чего-либо’, ’возвышенность’; эрз., м. *пря* ’голова’ – ’вершина возвышенности, горы’; эрз. *сюро*, м. *сюра* (*сюроня*, *сюрсь*) ’рог’ – ’острая вершина, выступ’, ’острая, торчащая часть чего-либо’; эрз. *чама*, м. *шамат* (*шамат*, *шамоня*, *шамаци*) ’лицо’ – ’открытая часть поля, долины’, ’склон горы, холма’, ’склон холма, покрытый лесом’, ’лес на холме’.

Нельзя сказать, что все представленные выше термины активно функционируют в сфере мордовской топонимии, но все же они выявлены в структуре географических наименований, выступая в чистом виде или в роли детерминатива в сложных топонимах: лес *Лисьма грива* (Смк Ббр), лес *Сэрей грива* (Смк Ббр), скала *Катонь каряз* (Шд Квл), склон холма *Айгэр коня* (Дбн Дбн), бугор *Оцю конясь* (НвТлк Квл), лес, холм *Сэрей коня* (Ант, Прк Дбн; ПдТв Кчк), роща *Килей копорькс* (МрДв Кчк), холм *Венешкопорь* (КрПл Сш), поле *Очко копоре* (Дбн Дбн), холм *Самсононь копорькс* (Кнд Ич), гора *Тишкань полда* (СтТл Квл), вершина возв. *Айгор пандонь пря* (Пкс Ард), возв. *Любава пря* (Ал Ат), возв. *Бдань шамат* (КрПл, Срг Сш), склон холма *Ванятянь шамаци* (Прб Сш), возв. *Ёмла шамоня* (КрПл Инс), холм *Калода шамат* (Прб Сш), поле *Чама* (Мкш Чмз), лес на холме *Шамат* (Клп Крс) и др.

В заключение отметим, что орографическая терминология, представляющая собой значительный пласт лексики мордовских языков, достаточно широко отражена в географических названиях и играет важную роль в формировании мордовской топонимической системы. Наряду с лексемами собственно мордовского происхождения (*пандо/панда*, *латко/лотка*, *мар*), топонимическую активность проявляют заимствованные из русского и тюркских языков лексемы (*бугор*, *овраг*, *ров*, *яма*). Наличие значительного количества заимствованных орографических терминов вызвано тесным контактированием русского и тюркского населения с мордвой. Следует подчеркнуть и то, что большое количество терминов возникло в результате

перехода из сферы соматической лексики в орографическую (коня, копоре, чама/шама).

Список условных сокращений

Бол. – болото; *возв.* – возвышенность; *гидр.* – гидроним; *дер.* – деревня; *диал.* – диалектное; *дор.* – дорога; *др.-тюрк.* – древне-тюркское; *карт.* – картографический; *м.* – мокшанский; *овр.* – овраг; *оз.* – озеро; *ойк.* – ойконим; *пос.* – поселок; *прит.* – приток; *пр. мд.* – прамордовский язык-основа; *р.* – река; *родн.* – родник; *рус.* – русский; *с.* – село; *суфф.* – суффикс; *тюрк.* – тюркское; *ул.* – улица; *уч.* – участок; *эрз.* – эрзянский;

Адш Кдш – с. Адашево Кадошкинского района; Ал Ат – с. Алово Атяшевского района; Ант Дбн – дер. Антоновка Дубенского района; Ард Дбн – с. Ардатово Дубенского района; Арж Биг – с. Аржадеево Большеигнатовского района; Ат – Атяшевский район; Ат Ат – с. Атяшево Атяшевского района; Ббр – Большеберезниковский район; Бзв Ббр – с. Бузаево Большеберезниковского района; Биг – Большеигнатовский район; Бл Рз – с. Болдово Рузаевского района; Врж Тбр – с. Варжеляй Торбеевского района; Глш Кдш – с. Глушково Кадошкинского района; Дбн Дбн – с. Дубенки Дубенского района; Дрк Ат – с. Дюрки Атяшевского района; Дх Атр – дер. Духонькино Атюрьевского района; Елн – Ельниковский район; Зрб ЗП – с. Зарубкино Zubovo-Полянского района; ЗП – Zubovo-Полянский район; Инс – Инсарский район; Ич – Ичалковский район; Квл – Ковылкинский район; Кзл Ат – с. Козловка Атяшевского района; Квл Ард – с. Кельвядни Ардатовского района; Клк Трб – с. Куликово Торбеевского района; Клп Крс – с. Колопино Краснослободского района; Клс Ат – с. Кулясово Атяшевского района; Кмл Ич – пос. Кемля Ичалковского района; Кнг Елн – с. Каньгуши Ельниковского района; Кнд Ич – с. Кендя Ичалковского района; КрЗр Кчк – пос. Красная Зорька Кочкуровского района; Крн Квл – с. Курнино Ковылкинского района; КрПл Инс – дер. Красная Поляна Инсарского района; КрПл Сш – пос. Красная Поляна Старошайговского района; Крс – Краснослободский район; Ксг Ббр – с. Косогоры Большеберезниковского района; Кчк – Кочкуровский район; Кчк Дбн – с. Кочкурово Дубенского района; Кчк Кчк – с. Кочкурово Кочкуровского района; Кчл Кчк – с. Качелай Кочкуровского района; Лбс Ат – с. Лобаски Атяшевского района; Лбс Ич – с. Лобаски Ичалковского района; Лвж Рз – с. Левжа Рузаевского района; Лмб – Лямбирский район; Мкш Чмз – с. Мокшалай Чамзинского района; МлМр Чмз – с. Малое Маресево Чамзинского района; Млш Трб – с. Малышево Торбеевского района; МрДв Кчк – с. Мордовское Давыдово Кочкуровского района; МрКз Атр – с. Мордовская Козловка Атюрьевского района; Мрн Кчк – с. Мурань Кочкуровского района; МрПшл Рз – с. Мордовская Пишля Рузаевского района; МрСр Ат – с. Мордовские Сыреси Атяшевского района; НвВс ЗП – с. Новые Выселки Zubovo-Полянского района; НвДр Квл – дер. Новое Дракино Ковылкинского района; НвИч Ич – с. Новые Ичалки Ичалковского района; НвЛп Квл – дер. Новое Лепево Ковылкинского района

на; НвМр Рз – с. Новая Муравьевка Рузаевского района; НвСм Квл – дер. Новая Самаевка Ковылкинского района; НвТлк Квл – с. Новая Толковка Ковылкинского района; НвУс Рз – с. Новый Усад Рузаевского района; НпТв Окт – с. Напольная Тавла Октябрьского района г. Саранска; Отр Чмз – с. Отрадное Чамзинского района; Пвд Дбн – с. Поводимово Дубенского района; Пдл ЗП – с. Подлясово Zubovo-Полянского района; ПдТв Кчк – с. Подлесная Тавла Кочкуровского района; Пкс Ард – с. Пиксяси Ардатовского района; ПкСлщ ЗП – с. Покровские Селищи Zubovo-Полянского района; Прб Сш – пос. Поруб Старошайговского района; Прк Ббр – с. Паракино Большеберезниковского района; Прк Дбн – с. Пуркаево Дубенского района; Прм ЗП – с. Промзино Zubovo-Полянского района; Прп Квл – с. Парапино Ковылкинского района; Прх Рз – с. Перхляй Рузаевского района; Пчп Атр – дер. Пичеполонга Атюрьевского района; Рмд – Ромодановский район; Сбв Кчк – с. Сабаево Кочкуровского района; Сбн Ат – с. Сабанчеево Атяшевского района; Сзг Рз – с. Сузгарье Рузаевского района; Слж Трб – дер. Селижай Торбеевского района; Смк Ббр – с. Симкино Большеберезниковского района; Смл Кчк – с. Семилей Кочкуровского района; Срп Сш – с. Сарга Старошайговского района; СтБд ЗП – с. Старое Бадиково Zubovo-Полянского района; СтДр Квл – с. Старое Дракино Ковылкинского района; СтПр Кчк – дер. Старая Пырма Кочкуровского района; СтПч Елн – с. Старые Пичингуши Ельниковского района; СтСм Квл – с. Старая Самаевка Ковылкинского района; СтСн Крс – с. Старое Синдрово Краснослободского района; СтТл Квл – дер. Старая Толковка Ковылкинского района; СтЧм Биг – с. Старое Чамзино Большеигнатовского района; Сш – Старошайговский район; Тнг – Теньгушевский район; Трб – Торбеевский район; Трд Дбн – с. Турдаково Дубенского района; Чкл Ард – с. Чукалы Ардатовского района; Чмз – Чамзинский район; Чнд Дбн – с. Чиндяново Дубенского района; ЧрПр Ббр – с. Черная Промза Большеберезниковского района; Шд Квл – с. Шадым Ковылкинского района;

ВоМ – Все о Мордовии; *МРС* – Мокшанско-русский словарь, *ЭРС* – Эрзянско-русский словарь

Список использованной литературы

ВОМ 1997 – Все о Мордовии / Сост.: Е. М. Голубчик, В. Д. Еремкин, В. С. Ионова, А. С. Лузгин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. – 720 с.

Галкин И. С. Кто и почему так назвал? – Йошкар-Ола, 1991. – 160 с.

Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. – 264 с.

Казаева Н. В. Эрзянские апеллятивы в топонимической системе восточной части Мордовии // Лексика и грамматика финно-угорских языков. (Межвуз. сб. науч. тр.). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1996. – С. 162–169.

Казаева Н. В. Местная географическая терминология в топонимии Мордовии // Проблемы и перспективы развития восточных финно-угорских язы-

ков: Материалы науч.-практ. конф. «Функционирование языков и состояние этнокультуры восточных финно-угорских народов: проблемы и перспективы развития». – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2003. – С. 236–242.

Казаева Н. В. Русские географические термины в мордовской топонимии // Материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. Дню славян. письменности и культуры, г. Саранск, 24–26 мая 2006 г. / МГУ им. Н. П. Огарева. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2006. – С. 70–76.

Казаева Н. В. Геоботанические апеллятивы в топонимии Республики Мордовия // Финно-угристика 7 : актуал. вопр. восточ. финно-угор. яз. : материалы Междунар. науч. конф. «Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков», посвящ. 80-летию проф. Цыганкина Д. В. (г. Саранск, 25–27 окт. 2005 г.) / МГУ им. Н. П. Огарева; Межрегион. науч. центр финно-угроведения; сектор филологии и журналистики. – Саранск, 2007. – С. 125–131.

Куряева Р. И. Орографические термины тюркского происхождения в русской ойконимии Среднего Поволжья [Электронный ресурс] // Вестник Казанского технологического университета, 2011. – № 24. – С. 276–281. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/>. – Загл. с экрана.

Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. – М.: Рус. яз., Дигора, 1998. – 920 с.

Мурзаев Э. К. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Цыганкин Д. В. Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия. – Саранск, 2005. – 432 с.

Эрзянско-русский словарь / под ред. Серебренникова Б. А., Бузаковой Р. Н., Мосина М. В. – М.: Рус. яз., Дигора, 1993. – 803 с.

УДК 811.511.1:811.512.12'373(470.4/.5)(045)

Кельмаков Валей Кельмакович

Удмуртский государственный университет
Россия, г. Ижевск

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ
ВОСТОЧНО-ФИНСКИХ И ТЮРКСКИХ НАРОДОВ
ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ**

ON THE HISTORY OF THE RESEARCH OF THE LINGUISTIC CONTACTS BETWEEN THE EASTERN FINNO-UGRIC AND TURKIC LANGUAGES OF THE VOLGA BASIN AND THE URALS

Аннотация. Устойчивый интерес к проблемам взаимодействия финно-угорских и тюркских языков в поволжско-приуральском регионе возник еще во 2-й половине XIX в. в связи с внедрением методов компаративистики в уралоистику. На первом этапе основное внимание финно-угроведов было направлено преимущественно на выявление мощного пласта тюркских элементов в лексике и грамматике восточно-финских языков (В. Munkácsi, Y. Wichmann, Ö. Beke, H. Paasonen, M. Räsänen и др.). На втором этапе компаративисты шли по пути как уточнения количества ранее выявленных тюркизмов с применением более жестких критериев верификации этимологий (К. Rédei и А. Róna-Tas, S. Csúcs), так и существенного расширения состава выявленных тюркизмов в родных языках (И. В. Тараканов – в удмуртском, Н. И. Исанбаев – в марийских, Н. В. Бутылов – в мордовских). На третьем – современном – этапе в разработку данной проблематики уже включились и лингвисты-тюркологи, обратившие внимание на влияние финно-угорских языков на тюркские языки Поволжья и Приуралья: марийского на чувашский (М. Р. Федотов, Г. В. Лукоянов), удмуртского (пермских), марийского и мордовских на татарский (И. С. Насипов) и башкирский (Н. А. Мукимова).

Ключевые слова: языковые контакты, удмуртский язык, марийский язык, мордовские языки, татарский язык, башкирский язык, чувашский язык, Поволжско-Приуральский регион.

Abstract. Scholars have been studying the issues of interactions between the Finno-Ugric and Turkic language since the 2nd half of the 19th century due to the introduction of the methods of comparative linguistics to

the research of the Uralic languages. The first phase of this trend was characterized by works aimed at revealing Turkic elements in the lexis and grammar of the Eastern Finno-Ugric languages (B. Munkácsi, Y. Wichmann, Ö. Beke, H. Paasonen, M. Räsänen). During the second phase of this process the researchers focused either on the analysis of the Turkish borrowings based on the strict criteria of etymological verification (K. Rédei, A. Róna-Tas, S. Csúcs) or on including wider scopes of vocabulary into research (I. V. Tarakanov researched Turkic borrowings of Udmurt, N. I. Isanbaev in the Mari languages, N. V. Butylov in the Mordovian languages). The third, or the current, phase is remarkable for the fact that the stated problem attracts the researchers of the Turkic languages who mark the influence of the Finno-Ugric languages on the Turkic languages of the Volga basin and the Urals region: the Mari languages affected Chuvash (M. R. Fedotov, G. V. Lukoyanov); Udmurt (Permic), the Mari and Mordovian languages affected Tatar (I. S. Nasipov) and Bashkir (N. A. Mukimova).

Keywords: language contacts, the Udmurt language, the Mari language, the Mordovian languages, the Baskir language, the Chuvash language, the Volga and the Ural region.

Непосредственным толчком к исследованию проблем контактирования финно-угорских и тюркских языков Поволжья и Приуралья в области лексики послужило, кажется, внедрение в финно-угроведение во 2-й половине XIX в. сравнительно-исторического метода, возникшего в начале XIX столетия в недрах индоевропейского и финно-угорского языкознания. Ученые-компаративисты из финно-угроведов были убеждены в том, что глубокое и всестороннее познание каждого из родственных языков, происхождения и путей их развития возможно лишь при сравнительном их изучении, что было бы невозможно при отсутствии в распоряжении ученых добротного, сопоставимого материала не только по относительно полно исследованному венгерскому, финскому, эстонскому, частично также и самскому языкам, но и по всем другим финно-угорским и самодийским языкам Российской империи. Не случайно один из “философов” сравнительно-исторического финно-угроведения того времени в Венгрии Пал Хунфальви выразился так: “Кто является профессиональным языковедом, кто хочет быть преподавателем

венгерского языка в наших школах, от тех не я, а обязанность, уважение к венгерской науке требуют, чтобы они изучали родственные языки” (цитируется по: [Zsirai 1936: 11; Hajdú 1962: 389]). И что исключительно важно, в круг языков, которыми обязан был владеть компаративист-финно-угровед, этот же ученый включил и тюркские языки: “До тех пор, пока наши языковеды не изучили финские и тюркские языки, ни грамматические, ни лексические наши книги не будут соответствовать нуждам языкознания” (цитируется по: [Szily 1910: 6]). Такое требование к финно-угроведам того времени и подвигло венгерских и финских ученых заниматься во второй половине XIX – начале XX века изучением в полевых условиях малоисследованных уральских и тюркских народов, чтобы получить надежные сведения по их языку и фольклору.

Основную цель своей небольшой работы «Этюды по удмуртскому языку. Иноязычные элементы в удмуртском языке» один из ранних контактологов в области финно-угроведения Бернат Мункачи [Munkácsi 1884] видел в том, чтобы прежде чем сравнивать материалы удмуртского языка с данными других финно-угорских необходимо вычленил из его словарного состава инородные вкрапления – заимствования; и он в этой работе указывает в удмуртском языке 608 лексических заимствований из болгарского и татарского языков в удмуртский, в их числе арабские и персидские слова, проникшие в удмуртский преимущественно через татарское посредство, и 345 русских лексических элементов.

Начало **первому этапу** в исследованиях в области восточнофинско-тюркских языковых контактов положила, как мне кажется, вышеназванная работа Б. Мункачи совместно с его же широкомасштабным – скорее романтического, нежели реалистического характера – исследованием «Арийские и кавказские элементы в финно-венгерских языках» [Budapest, 1901], и в конце XIX – начале XX века из-под пера зарубежных ученых одна за другой выходили статьи и монографии, посвященные выявлению тюркских элементов в финно-угорских языках: в мордов-

ских [Raasonen 1897], в удмуртском и коми [Wichmann 1903]; в марийском [Räsänen 1920; 1923; Wichmann 1923] и др.

Так, Х. Паасонен в своем исследовании «Тюркские заимствования в мордовских языках» [Raasonen 1897] совокупность тюркизмов в эрзянском и мокшанском языках делит на три группы: 1) заимствования из чувашского (и болгарского) языков; 2) заимствования из татарского языка и 3) группу заимствований тюркского типа, конкретное происхождение которых точно не было установлено. В монографии Ю. Вихманна «Чувашские заимствования в пермских языках» [1903] автором были выявлены более 160 болгарских элементов в удмуртском и около трех десятков в коми языках; правда, часть слов была им дана под одним или двумя вопросами. Несмотря на наличие в этой работе Ю. Вихманна определенных неточностей (в частности, отнесение некоторых татарских заимствований к болгарскому пласту), она была высоко оценена в финно-угроведении (см., напр.: [Sebestyén 1928: 230]). В работах М. Рясненна «Чувашские заимствования в марийском языке» [Räsänen 1920] и «Татарские заимствования в марийском языке» [Räsänen 1923] в общей сложности были обнаружены, по подсчетам Н. И. Исанбаева (подсчеты самого финского автора дают несколько иное количество заимствований), 675 чувашских и 729 татарских лексических элементов; и это, по мнению Н. И. Исанбаева, скорее уменьшение “фактического количества заимствований”, нежели преувеличение [Исанбаев 1989: 13]. По его же оценке, эти работы М. Рясненна, “остаются единственными фундаментальными исследованиями в этой области и до наших дней не утратили своего научного значения”⁵ [Исанбаев 1989: 15].

В вышерассмотренных исследованиях Ю. Вихманна и М. Рясненна имеются указания и на обратный характер заимствований – из восточнофинских (пермских и марийского) в тюркские (чувашский и татарский), однако не это направление исследования было ведущим в их публикациях.

⁵ Такая высокая оценка публикациям М. Рясненна была дана Н. И. Исанбаевым до выхода работ М. Р. Федотова [1990] и самого Н. И. Исанбаева [1989].

Характерными особенностями этого – первого – этапа в исследовании восточнофинско-тюркских языковых контактов можно считать следующие:

1) основное внимание специалистов было направлено в них на выявление тюркского влияния на финно-угорские;

2) исследователи занимались заимствованиями преимущественно на лексическом уровне. Если внимание контактологов этого периода и распространялось на другие уровни системы финно-угорских языков (ср., напр. работу Э. Беке «Тюркское влияние на синтаксис финно-угорских языков» [Beke 1914–1915]), то в этом следует усматривать явление скорее экстраординарное, нежели типичное⁶

3) вопросы фонетики заимствующих языков затрагивались, как правило, лишь в связи с фонетической адаптацией заимствованной лексики в воспринимающем языке, и это было возможно лишь при исключительной точности в фиксации фонетических особенностей лексики как языков-источников, так и воспринимающих языков;

4) весьма заметен и тот факт, что проблемами контактирования занимались преимущественно финно-угроведы, а не тюркологи, причем эти ученые (Б. Мункачи, Ю. Вихманн, Х. Паасонен и др.) не являлись носителями восточнофинских языков, вовлеченных в оборот контактологических исследований.

На **втором этапе** изучения восточнофинско-тюркских языковых контактов (вторая половина XX столетия) к рассматриваемой проблематике ученые вернулись вновь как носители самих финно-угорских языков (преимущественно), в той или иной степени владеющие и тюркскими языками, так и тюркских (в частности чувашского) языков. Совокупность серъ-

⁶ Поиски типологически и/или контактологически сходных черт в синтаксисе финно-угорских и тюркских языков были продолжены позднее – в 30–60-е гг. XX века – в трудах венгерского финноугроведа Д. Р. Фокош-Фукса [Fokos-Fuchs 1937; 1958; 1962; и др.].

езных исследований этого периода можно делить на две ведущие группы: в одних работах уточняются или обобщаются сведения по отдельным пластам заимствованной лексики (К. Редее и А. Рона-Таш; М. Р. Федотов и др.); другие публикации посвящены предельно полному выявлению тюркизмов в конкретных финно-угорских языках.

Так, чувашский исследователь М. Р. Федотов в работах этого периода в основном обобщил результаты своих предшественников по выявлению болгаро-чувашских заимствований в марийском и пермских (удмуртском и коми) языках [Федотов 1965; 1968]; в серии статей весьма удачливого тандема венгерских ученых – финно-угроведа Кароя Редее и тюрколога Андраша Рона-Таша – была произведена серьезная ревизия результатов Ю. Вихманна по количеству и хронологическим пластам болгаризмов в прапермском и праудмуртском языках [Rédei, Róna-Tas 1973; 1975].

Другая группа публикаций открывается монографиями И. В. Тараканова «Иноязычная лексика в современном удмуртском языке» [Тараканов 1981], «Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты» [Тараканов 1982] и «Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь» [Тараканов 1993], в которых автор собрал (в основном по письменным источникам, добавляя к ним материалы из родного для него бавлинского говора) относительно полный состав болгарских (около ~ свыше 190 единиц), татарских (варьирует от 1560 корневых слов “тюркизмов” [Тараканов 1981: 52] до (“около”) 1400 слов⁷ [Тараканов 1993: 25]) и частично баш-

⁷ Количество болгаризмов варьирует у И. В. Тараканова от публикации к публикации, и ни в одной из его работ не представлен полный их список (см. об этом: [Кельмаков 2012]); почти то же самое касается и татарских заимствований. В одной из последних работ на эту тему он пишет: “Если в болгарском слое насчитывается около 200 слов, то в татарском слое их количество доходит до 1400 непроизводных основ, *из них* (курсив мой. – В. К.) около 200 слов употребляется в общенародном языке, более чем 400 характерны для южных и около 1800 для периферийно-южных диалектов” [Тараканов 2007: 151]. Исходя из этой цитаты, трудно понять, к чему относятся цифры 1400 и 1800: если количество **всех** татарских заимствований в удмуртском языке

кирских лексических заимствований. Параллельно с ним над татарскими заимствованиями в удмуртском языке занимался Ш. Чуч, выявивший в удмуртском языке (исключительно по письменным источникам) около 1300 лексических татаризмов (полный список см.: [Csúcs 1990: 92–306]).

Тюркским заимствованиям в марийском языке посвящены две книги Н. И. Исанбаева: «Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая» [Исанбаев 1989] и «Марийско-тюркские языковые контакты. Часть вторая (Словарь татарских и башкирских заимствований)» [Исанбаев 1994], в которых насчитывает в общей сложности около 3000 заимствованных единиц [Исанбаев 1994: 1].

Татарские и чувашские лексические заимствования в мордовских языках стали объектом специального исследования в монографии Н. В. Бутылова «Тюркские заимствования в мордовских языках» [Бутылов 2005], в которой он приводит 520 лексических тюркизмов в эрзянском и мокшанском языках [Бутылов 2005: 105–126]⁸.

По своему характеру к этому же периоду относится, пожалуй, и монография «Чувашско-марийские языковые взаимосвязи» М. Р. Федотова, в которой выявлено 1352 лексических чувашизмов в марийском языке [Федотов 1990: 5, 166–288].

Вышеназванные работы, наиболее ярко отражающие, как мне кажется, особенности второго периода в истории изучения восточнофинско-тюркских языковых контактов, являются весьма серьезным вкладом в контактологическое направление как

достигает 1400 лексических единиц (“непроизводных основ”), то как можно извлечь из этого состава 1800 слов для периферийно-южных говоров?

⁸ Судя по тому, что отдельные слова оказались в его работе включенными в список дважды (напр.: эрз. *турто* ‘сторона’ ~ эрз. *турто* оглобля, сторона’ [Бутылов 2005: 121 и 122], мокш. *сезьган*, эрз. *сезяка* ‘сорока’ ~ мокш. *сязьган*, эрз. *сезьган* ‘сорока’ [Бутылов 2005: 119 и 120] и др.), с одной стороны, и некоторые исконные слова (напр.: *толга* ‘перо (птичье)’ – подробнее см.: [КЭСК 1970: 292; UEW 1988: 535–536]) ошибочно оказались отнесенными к тюркизмам, – с другой, эта цифра, естественно, также нуждается в уточнении.

финно-угорского, так и тюркского языкознания. Положительно следует оценить в этих работах то, что:

1) в них не только приведены новые, более полные сведения о фонетической, частично морфологической и семантической адаптации тюркизмов в заимствующих языках [Тараканов 1982: 109–124; Федотов 1990: 139–162; Бутылов 2005: 57–88], но и произведена попытка выявить тюркский суперстрат не только в лексике, но и в фонетической системе и морфологии восточно-финских языков;

2) произведена попытка уточнить генетическую и хронологическую стратиграфию тюркизмов, т. е. отграничивать друг от друга болгарские, татарские и башкирские заимствования в финно-угорских языках. И. В. Тараканов, продолжив идеи В. И. Лыткина [1967] и В. И. Алатырева [1977], всерьез поставил проблему о наличии в удмуртском языке (пермских языках) древнетюркского – добулгарского – пласта лексики (около 20 слов) [Тараканов 1981: 29–32; 1982: 16–21; 1982а: 148–151; 1993: 223–24], однако этот “чрезвычайно сложный вопрос” о “хронологизации и периодизации тюркских заимствований, относящихся к древнейшему периоду” [Тараканов 1982: 13; см. также: 1982а: 148] не получил в его публикациях удовлетворительного решения (подробнее см.: [Кельмаков 2009]);

3) продолжена работа по выявлению финно-угорских лексических элементов в тюркских языках (ср., напр.: [Тараканов 1982: 78–86; Исанбаев 1989: 156–161]; Федотов 1990: 289–322)).

Однако значение этих работ в определенной мере снижают недочеты технического характера. К таковым относятся, к примеру:

1) весьма заметные неточности и ошибки в фонетическом/орфографическом оформлении иноязычных (да и собственно своих диалектных) материалов. Это замечание касается в первую очередь публикации Н. В. Бутылова [2005], в которой если не каждое, то по крайней мере каждое второе или третье слово, приведенное из тюркских языков, содержит орфографическую ошибку; описки в этой работе довольно часто встречаются также и в мордовских словах, приведенных в тран-

скрипции на латинской графической основе. Подобного типа ошибками и описками изобилуют также и вышеназванные публикации И. В. Тараканова;

2) нередко специфичные буквы тюркских языков, отражающие на письме своеобразие их фонетического состава, исследователи-финно-угроведы обозначают знаками своего национального или русского алфавита, что не всегда отражает произносительные особенности тюркских слов. Это характерно преимущественно для публикаций Н. И. Исанбаева, частично также и – Н. В. Бутылова.

Оба этих упущения не могли не отразиться негативно как на фонетической верификации этимологий, так и на качестве тех фонетических выкладок, которые производятся этими учеными в своих исследованиях на основе приведенных ими материалов. Кроме того, они серьезно мешают использованию этих трудов другими исследователями – их современниками и последователями, которым не остается ничего, кроме как или тиражировать чужие (своих предшественников) ошибки, или постоянно проверять и перепроверять материалы из этих работ по первоисточникам, в любом случае это не совсем корректно со стороны авторов вышеназванных исследований.

Третий этап в изучении восточнофинско-тюркских языковых контактов (конец XX – самое начало XXI века) ознаменовался, как и следовало ожидать, обращением ученых-контактологов преимущественно к оборотной стороне медали – к выявлению финно-угорского вклада в лексику тюркских языков, что, естественно, было под силу в первую очередь специалистам в области тюркологии (чувашским, татарским и башкирским языковедам). Хотя работа в этом направлении подспудно велась и до этого как в рамках монографических исследований первого и второго этапов, посвященных выявлению тюркского пласта в финно-угорских языках (напр., в монографиях Ю. Вихманна, М. Рясненена, Х. Паасонена, И. В. Тараканова, Н. И. Исанбаева, М. Р. Федотова, а также в статье К. Редее и А. Рона-Таша [Rédei, Róna-Tas 1980] и др.), так и в серии небольших статей

татарских, башкирских⁹ и др. языковедов, в которых не всегда четко указывалось направление заимствования или этимологии предполагаемых заимствований в достаточной мере не верифицировались на основе известных в языкознании критериев [Бурганова 1967; Максютлова 1967; Ишбулатов 1970; Миржанова 1971; Арсланов, Исанбаев 1984; Баязитова 1991; Рамазанова 1991; и ряд др.], однако специальных монографических исследований диссертационного и/или монографического уровня в этой области еще не было.

Застрельщиком этого направления выступил еще в 70-е гг. XX века тюрколог Г. В. Лукоянов со своей монографией «Марийские заимствования в чувашском языке» [Лукоянов 1974], в которой сообщается о том, что в чувашском языке выявлено 287 марийских лексических заимствований [Лукоянов 1974: 104–111]. При этом весьма примечательны в ней такие слова: “Нам кажется, что указанное количество финно-угорских элементов в чувашском языке не может считаться окончательно установленным. (...) Дальнейшие исследования в области тюркских и финно-угорских языковых контактов дают возможности для выявления еще немало марийских слов не только в чувашском¹⁰ но и в татарском и башкирском языках” [Лукоянов 1974: 81]. И, действительно, последовавшие за ней через более чем три десятилетия исследования И. С. Насипова «Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке» [Насипов 2009]; «Языковые контакты в Волго-Камье: Марийские заимствования в татарском языке» [Насипов 2009а]; «Языковые контакты в Волго-Камье: Удмуртские заимствования в татарском языке» [Насипов 2013] и «Языковые контакты в Волго-Камье: Мордовские заимствования в татарском языке» [Насипов 2013а], а также кандидатская диссертация Н. А. Мукимовой «Финно-угорские заимствования в башкирском языке» [Мукимова 2014]

⁹ О публикациях башкирских лингвистов в области башкирско-восточнофинских языковых контактов подробнее см.: [Псянчин 2015]

¹⁰ Правда, количество марийских лексических заимствований в более поздней работе М. Р. Федотова было уменьшено до 247 [Федотов 1990: 5].

подтвердили провидческие замечания чувашского лингвиста-контактолога не только в отношении марийских заимствований в тюркских языках, но и удмуртских и мордовских. Так, по мнению И. С. Насипова в татарском языке зафиксировано “около 100 лексических единиц из марийского языка” [Насипов 2010: 20], “более 100 удмуртизмов” [Насипов 2010: 22] и “менее 100 лексических единиц из мордовских языков” [Насипов 2010: 25], т. е. в общей сложности “в словарном составе татарского языка функционирует около 300 лексических единиц, определяемых <...> как заимствования из финно-угорских (марийского, удмуртского и мордовских) языков, <...> а также лексемы от общих марийско-удмуртских, марийско-мордовских, марийско-удмуртско-мордовских лексических параллелей”, при этом “около 30 лексических единиц употребляются в литературном языке, и они зафиксированы в толковых и двуязычных словарях татарского языка” [Насипов 2010: 32]. Что касается башкирского языка, то финно-угорские лексические элементы в нем распределены Н. А. Мукимовой в следующие 7 групп: 1) из пермских (удмуртского и коми) языков – 35 лексических единиц; 2) из марийского языка – 28 слов; 3) из мордовских (эрзя и мокша) языков – 8; 4) из марийского или пермских языков – 8; 5) из марийского или мордовских – 1 слово; 6) из мордовских или удмуртского – 3 слова; 7) заимствования общефинно-угорского характера – 12 [Мукимова 2014: 125–143]; при этом почти половина лексических заимствований функционирует, по мнению диссертанта, не только в словарном составе отдельных диалектов, но и в литературном языке [Мукимова 2014: 156].

Относительно более полный анализ этих работ третьего периода ждет еще своего времени, однако на основе рецензии на диссертацию Н. А. Мукимовой [Кельмаков 2014] и рекогносцировочного просмотра некоторых трудов И. С. Насипова и их предшественников-тюркологов следует указать на те же самые просчеты, которые были названы в трудах финно-угроведов – это: 1) определенные неточности в фиксации иноязычных слов и реконструированных форм в цитатах; 2) недостаточность верификации этимологических выкладок в отношении к заимствова-

ниям по тем критериям, которые были перечислены самими же исследователями, и в первую очередь по важнейшему из критериев – фонетическому (см. об этом, напр.: [Откупщиков 2005: 192; Шелепова 2007: 22]; Камчатнов, Николина 2009: 212; и др.]).

По-видимому, всем нам (и финно-угроведам, и тюркологам) пора научиться быть “взаимно вежливыми” во имя нашей общей науки, т. е. более серьезно, более аккуратно, и даже трепетно, относиться как к фонетическому облику используемых в наших публикациях лексических материалов из других (да и из своих собственных – тоже) языков – при современной компьютерной технике это вполне достижимая задача, так и, естественно, к верификации предлагаемых нами этимологий по тем критериям, которые уже выработаны в этимологии и исторической лексикологии.

Список использованной литературы

Алатырев В. И. К вопросу о древнетюркских заимствованиях в пермских языках // Исследование финно-угорских языков и литератур в их взаимосвязях с языками и литературами народов СССР: Тез. докл. Всесоюз. науч. совещ. финно-угроведов 27–30 октября. – Ужгород, 1977. – С. 6.

Арсланов Л. Ш., Исанбаев Н. И. К вопросу о марийских заимствованиях в татарском языке // СФУ. – 1984. – № 2. – С. 104–114.

Баязитова Ф. С. Взаимовлияние татарского и удмуртского языков в говорах причепецких татар // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / Удмурт. ИИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С. 126–132.

Бурганова Н. Б. Удмуртские заимствования в татарском языке (на материале глазовских татар) // Тезисы и доклады Всесоюзной конференции по финно-угорскому языкознанию. – Ижевск, 1967. – С. 1–5.

Бутылов Н. В. Тюркские заимствования в мордовских языках. – Саранск. 2005. – 128 с.

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая (Татарские и башкирские заимствования) / Марийский НИИ ЯЛИ. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 176 с.

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Часть первая (Словарь татарских и башкирских заимствований) / Научный центр Финно-Угроведения. Марийский НИИ ЯЛИ. – Йошкар-Ола, 1994. – 208 с.

Иибулатов Н. Х. Лексические параллели в башкирском и финно-угорских языках // Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. – Уфа: БГУ, 1970. – С. 32–39.

Камчатнов А. М., Николина Н. А. Введение в языкознание: учеб. пособие. – 8-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 232 с.

Кельмаков В. К. Заметки по поводу древнетюркских заимствований в удмуртском языке // Многоязычие в образовательном пространстве: сб. ст. к 60-летию проф. Тамары Ивановны Зелениной: в 2 ч. / ГОУВПО «Удмуртский государственный университет», Ин-т иностр. яз. и лит. (ИИЯЛ), Науч.-образоват. центр (НОЦ), «Инновац. проектирование в мультилингв. образоват. пространстве». – М., 2009. – Ч. 1. Филология. Лингвистика. – С. 171–175.

Кельмаков В. К. О количестве болгаризмов в удмуртском языке (краткий обзор исследований) // *Fenno-Ugristica 2: Проблемы финно-угроведения, этнокультурных и межъязыковых контактов* (Труды Института финно-угроведения, вып. VI, посвященный 80-летию д-ра филол. наук, проф. Исанбаева Николая Исанбаевича) / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола: ООО «Издательский дом «Сельские вести», 2012. – С. 185–194.

Кельмаков В. К. [Рецензия] // *LU*. – 2008. – № 4 (LI). – С. 305–309.

Рец. на: *Мукимова Н. А.* Финно-угорские заимствования в башкирском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2014. – 215 с.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / Ин-т языкозн. АН СССР. Коми филиал. – М.: Наука, 1970. – 386 с.

Лыткин В. И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. IV / АН СССР. Ин-т языкозн. Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – С. 131–142.

Максютова Н. Х. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков // Вопросы финно-угорского языкознания. – Вып. IV. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – С. 149–153.

Миржанова С. Ф. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка // Археология и этнография Башкирии. – Т. 4. – Уфа, 1971. – С. 282–286.

Мукимова Н. А. Финно-угорские заимствования в башкирском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2014. – 215 с.

Лукоянов Г. В. Марийские заимствования в чувашском языке. – Чебоксары, 1974. – 118 с.

Насипов И. С. Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. – Казань, 2009. – 236 с.

Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье: Марийские заимствования в татарском языке / Стерлитамак. гос. пед. академия им. Зейнаб Бишевой. – Стерлитамак, 2009а. – 228 с.

Насипов И. С. Финно-угорские заимствования в татарском языке: Синопис и таксономия: Автореф. ... дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 2010. – 39 с.

Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье: Удмуртские заимствования в татарском языке. Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 173 с.

Насипов И. С. Языковые контакты в Волго-Камье: Мордовские заимствования в татарском языке. Монография. – Тобольск: ТГСПА им. Д. И. Менделеева, 2013а. – 155 с.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 320 с.

Псянчин Ю. В. Основные аспекты изучения башкирско-финно-угорских параллелей (середина 60-х – начало 70-х гг. XX века) // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: Сб. ст. – Ижевск–Будапешт: изд-во «Удмуртский университет», 2015. – С. 416–423.

Рамазанова Д. Б. О некоторых общностях говора пермских татар с пермскими языками // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология: Сб. ст. / Удмурт. ИИЯЛ. – Ижевск, 1991. – С.133–137.

Тараканов И. В. Иноязычная лексика в современном удмуртском языке: Учеб. пособие по лексикологии удмуртского языка для студентов высших учебных заведений / Удмурт. гос. ун-т. Каф. удмурт. яз. и лит. – Ижевск, 1981. – 105 с.

Тараканов И. В. Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. – Ижевск: Удмуртия, 1982. – 188 с.

Тараканов И. В. Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов: Сб. статей / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. Ижевск, 1982а. – С. 145–175.

Тараканов И. В. Межнациональные языковые контакты в Волжско-Камском регионе // *Тараканов И. В.* Удмуртский язык: становление и развитие. – Ижевск: Удмуртия, 2007. – С. 145–152.

Тараканов И. В. Удмуртско-тюркские языковые контакты: Теория и словарь. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1993. – 170 с.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с языками угрофиннов Поволжья и Перми. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 160 с.

Федотов М. Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. – 213 с.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Саратовского ун-та. Саран. филиал, 1990. – 333 с.

Шелепова Л. И. Русская этимология: теория и практика: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2007. – 126 с.

Csúcs S. Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1990. – 306 S.

Fokos-Fuchs D. R. Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // FUF. – 1937. – XXIV.

- Fokos-Fuchs D. R.* Aus dem Gebiete Lehnbeziehungen // ALHung. – 1958. – 111.
- Fokos-Fuchs D. R.* Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandschaft. – Wiesbaden, 1962. – 137 S.
- Hajdú P.* Finnugor népek és nyelvek. – Budapest: Gondolat, 1962. – 427 l.
- Munkácsi B.* Votják nyelvtanulmányok // NyK. – (Budapest) 1884. – XVIII. szám. – 35–155, 428–447 old.
- Munkácsi B.* Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. I. köt.: Magyar szójegyzék. – Budapest, 1901. – 669 l.
- Paasonen H.* Die türkischen Lehnwörter im mordwinischen. – JSFoU. 15. – Helsinki, 1897.
- Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. – Helsinki, 1920. – 274 S.
- Räsänen M.* Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen. – Helsinki, 1923. – 98 S.
- Rédei K., Róna-Tas A.* A permi nyelvek ősspermi kori bolgár-török jövevényszavai // NyK. – (Budapest) 1973. – 2 (74). szám. – 281–298 old.
- Rédei K., Róna-Tas A.* A bolgár-török-permi érintkezések néhány kérdése // NyK. – (Budapest) 1975. – 1 (77). szám. – 31–44 old.
- Rédei K., Róna-Tas A.* Ősspermi és votják jövevényszavak a csuvasban // NyK. – (Budapest) 1980. – 1–2 (82). szám. – 125–133 old.
- Sébastyén I. N.* Wichmann György születésnapjára // MNy. – 1928. – № 7–8 (XXVI). – 225–232 old.
- Szily K.* Hunfalvy Pál emlékezete // MNy. – (Budapest) 1910. – 1 (VI). szám.
- UEW 1988 – Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung 5. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988. – 469–593 S.
- Wichmann Y.* Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. – Helsingfors, 1903. – XXVIII + 171 S.
- Wichmann Y.* Die türkischen Lehnwörter im Tscheremissischen. – Helsinki, 1923.
- Zsirai M.* Budenz József (születésének századik évfordulójára). – Budapest, 1936.

УДК 811.511.131

Кибардина Татьяна Михайловна

филиал ФГБОУ ВПО «УдГУ» в г. Можге

Россия, г. Можга

**ТУАЛА УДМУРТ КЫЛЫН НИМКЫЛЬЁСТЫ КУТОНЭН
ГЕРЗАСЬКЕМ УЖПУМЬЭС**

**PROBLEMS CONNECTED WITH THE USE OF MODERN
UDMURT TERMINOLOGY**

Аннотация. В статье поднимается проблема использования неологизмов в удмуртских СМИ, вызванная зачастую противоречивым отношением к новой терминологии самих носителей языка. Общеизвестно, что язык имеет будущее, если он активно используется в научной и общественно-политической жизни. О необходимости образования новых слов взамен использования русских и других иноязычных терминов удмуртская интеллигенция: ученые и общественные деятели – понимали еще в 20-е годы XX века. Однако проблема не потеряла своей актуальности и в современных условиях. В статье разъясняется, что источником образования новых слов являются ресурсы самого языка, а в качестве подтверждения приводятся примеры из удмуртских словарей, относящихся к разным этапам становления удмуртского языка, и материалы работы Терминологической комиссии.

Ключевые слова: Удмуртские неологизмы, общественно-политическая терминология, способы образования новых слов, языковые ресурсы, терминологическая комиссия.

Abstract. The problem of using neologisms in Udmurt mass media is discussed in this article. Even the Udmurt language speakers have contradictory attitude to new terminology. Nevertheless, it is known that any language has the future only in the case when it is actively used in academic, social and political life. Although the necessity of formation of new Udmurt words instead of Russian ones was first raised in 1920s, the problem is still topical.

According to the research, the formation of new words should be conducted using the sources of the inner resources of the Udmurt language. The article provides examples from the dictionaries of Udmurt compiled in different stages of the Udmurt language history as well as the works of the

Terminology comission of the Udmurt Republic which prove that the given approach tends to be effective.

Keywords: Udmurt neologisms, social political terminology, methods of forming new words, language resources, Terminology commission.

Статьяын жутэм ужпум герзаськемын туалала удмурт кылын кутйськись выль кылъёс шоры учконэн. Ужпум туж тумошо луэ: одйг ласянь, удмурт кылын выль кылъёс кутйсько шуыса, шумпотйськомы, нош мукет ласянь, тросэзлэн нимкылъёслэн пуштроссы валантэмесь, огъя валанэз шугъято шуыса, тышкаськиськомы. Юан кылдэ: кулэ-а удмурт кылын нимкылъёсты кутыны, шонерак вераса – удмурт кыллы азинскыны?

Удмурт калык кыл – национальной кыл – со вань дауръёсы улэм удмурт адымиослэн огъя синпелетсы, кудйз дауръёс пыр азинскыса, вошгьяськыса, курадзыса но выльдйськыса, вуиз асьме нуналозь. Улон, мердунне одйг интыяз уг сыло, соос азинско. Улонэн ёш азинске вераськон кыл но. Вераськон кыллэн выль формаез луэ литературной кыл. Кыллэн литературной формаез вань ке, со кыл школаын дышетонин, книга-газет поттонин, телевидение но радио пыр вераськонин кутйське. Сыёе кыл кужмо луэ, сыёе кыл азинске, озыен, со пыр тодыны луэ калыклэсь но азинскемзэ. Та верам аксиома луэ, сое али кулэ өвёл ни валэктыны.

Литературной кыл герзаськемын вераськон кыллэн общественно-политической (мерлыко) улонын кутйськемын. Ёшатамы азьло дыре (XX-тй даурысь 80-тй аръёсы) удмурт кылын кутйськись кылъёсты: *Можгинской район, книжной магазин, железнодорожной станция, понедельник, национальной*, но мукет со выллем. Удмурт кыллэн шомыз өвёл та кылъёсын.

Кылем даурлэн кыкетй жыныяз со выллем югдур кылдэмлэн вань валэктонэз, со сярсы трос гожъямын ини. Вакчияк тодамы ваёмы, кызы азинскиз удмурт литературной кыл кызетй дауре.

Совето вакытэ, Удмурт автономия кылдэм бере, визьужасьёс (удмурт интеллигенция) калык пöлын туж уно валэктон уж нуизы. Соку сыёе «льöль малпан» вал: удмурт кыл эркын азинскоз, сое школаосын дышетозы, удмуртъёслэн асваланзы будоз. Соин

валче олоқыҕе но солань-талань кыскаськоньёс луизы: одйгез малпа вал, дышетонэз быдэсак удмурт кылын нуоно, мукетыз – удмурт кылэз дышетон предмет кадь гинэ сётоно, нош быдэсак дышетон ужез зуч кылын радьяно. Со вакытэ та ужпум, зэмзэ но, туж висьытйсь вал, малы ке шуоно, удмуртьёс пöлын дышетскем адямиос öжыт вал, зуч кылэз тодытэк, асьсэды ултйям чотын шöдылйзы, калыке потаны, вераськыны шугьяськоньёс кылдылйзы; соосты мыскыл карыса серекьян учырйёс уно вал. Со пумысен кудйз-огез кивалтэтын ужасьёс юн куроньёс пуктылйзы: удмуртьёслы, калыке потыку, ассэ йöно шöдон вылысь, зуч кылэз рос-прос тодоно, соин ик школаосын дышетон ужез зуч кылын радьяно. Таҕе пуктон нош ик зуч кылэз тодйсьтэм удмурт адымылы секытэн берыктйськыз: мар верало дышетйсьёс, мар гожтэмын дышетон книгаосын, валаны уг луы. Тодамы вайытыны кулэ на 30-тй арйёсты: со вакытэ мылысь-кыдысь уж борды басьтйськем муртьёсты жоген националистэн лыдыяны кутскизы, йöно удмуртьёсты янгыше уськытйзы (Кузубай Гердэз, Т. Борисовез, М. Коноваловез, Кедрa Митреез но мукетьёссэ). Калыкез кышкатйзы. Кивалтэтын пукисьёсты вылй косэмйсья гинэ ужаны лэзизы. Тйни озы шуггетьёс пыр ортчоно луиз анай кылмес дышетон ужлы. Котькудйз аслэсьтыз малпанзэ зэмос шуыса лыдыяз, зучьёс шуэмья, шобретэз ас вылаз кыскыз. Соин ик кызетй дауре удмурт кылэз дышетон уж чылкак удмурт кылын дышетонысь удмурт кылэз дышетон предмет гинэ кельтыса, собере нош воксё программаысь куштэмын луиз. Туннэ нуналэ унояз удмурт гуртьёсысь школаосын, карйёсысь школаосты вератэк, удмурт кылэз дышетон воксё аналтэмын.

Та вакчи ивортоньысь асьмеос адййськомы, вöлмыт сюрес вылэ султэм бераз, идеологиен валче макем курадзöно луиз асьмелэн анай кылмылы. Асьмеос малпанамы гинэ суред пуктыны быгатйськомы, кыҕе меда со азинскемын луысалыз туннэ нуналозь.

Туннэ валамон ини, анай кылмы уз азинскы, чебер, аспöрт-эмлыко уз луы, удмурт кылын нимкылтьёс, удыскылтьёс öз ке кутйське. Конечно, туж капчи зуч кылысь асэстыны, кылпумзэ

гинэ удмурт сямен кутыны – ваньмызлы ваньмыз валамон! Но луоз-а со соку удмурт кылын верам?

Та выль кыльёс шоры вожпотыса учконо өвөл, малы ке шу- оно, тросэз соос пöлысь анай кылмылэн «шыкысысьтыз» поттэм но «улзйтэм» вунэм кыльёс луо. Соос борды удмурт кылйтэтъёс кутйсько, яке кык кыльёс огазе луо – пöрме выль валатонэн кыл. Удмурт кылын гинэ өвөл – котькуд кылын со выллем кыл пöр- мытон амальёс ортчо, озы калык кыл ас катъёсызъя азинске. Тросэзлы лымшор удмуртъёслы туж ик иназ уг мыны *-ни* кылйтэтэз кутон амал: *сиськонни*, *эмъяськонни*, *дугдылонни* но со выллем мукет трос кыльёс, кудъёсыз возматомак интыез. То- дамы вайытэме потэ, удмурт кыл – со вань удмуртъёслэн огъя кылзы: лымшор, уйпал, камсьөр удмуртъёслэн. Соин ик литера- турной кылмы лыдэ басьтэ пöртэм интыосын улйсь уд- муртъёслэсь вераськон, кыл пöрмытъян амальёссэс. Туж кель- шымон со *-ни* кылйтэт. Сола луыса, асьмеос удмурт сямен вера- ны быгатйськомы сыче ужьюртъёсты (интыосты, учрежденио- сты), кудъёсыз зуч кылын кутйсько вал азьвыл. Нош ик пыкись- кеме потэ азьвыл гождьямъёс вылэ. М. Могилинлэн «Опыт крат- кой удмуртской грамматики» ужаз, кылсярысь, *-ни* кылйтэтлы сётэмын ‘здание’ валэктон: *Санапаль-тронни*, ‘оружейная пала- та’; *уқіо-лестонни*, ‘денежной дворь’; *начарьіось-улонни*, ‘бога- дельня’; *піось-дышетонни*, ‘школа’ [7: 50]. Т. К. Борисовлэн *-ни* валэктэмын тазы: “сокращённая форма от слова *инты* в слож- ных словах северного говора”: *улонни* – ‘жилище’, *шудонни* – ‘игрище’ [5: 194], *ягмулььянни* – ‘место, где собирают бруснику’ [5: 368]. И. В. Тараканов тодосчилэн гождтэмысьтыз шедьтйсь- комы: «Уйпал вераськетын вöлмемын *-ни*, *-тй* кылйтэтъёс. Та суффиксъёсын туж капчиен трос гинэ выль кыльёс кылдытыны луоно. Соосын удмурт шöмо вакчиесь гинэ удмурт кыльёс пöр- мо» [1: 17].

Удмурт кылэ выль кыльёсты пыртон но соосты кутон бор- дын трос тыршо тодосчиос, радио, телевидениын ужасьёс, газет- чиос, визьужасьёс. Соос пöлысь ик ёзчиос пыриьскизы 1995-тй арын Удмурт Элькун Кун Кенешлэн Тöроез бордын кылдытэм удмурт нимкыльёсья но шонер гождьяськонъя öрие. Соослэн

ужамзылэн емышез печатласа поттэмын 1998-тй арын 1-тй бичетын (Бюллетень № 1). Валче ужамзылэсь емышёссэс асьмеос туннэ вераськон но гожьяськон кыламы кутйськомы.

Нош мар вылэ пыкиськыса, кыче пунктэмьёсья со өриысь ёзчиос выль кылёс пөрмыгъязы? Та юанлы веран понна кыллюкамьёсы учконо луомы.

Али дыре трос тышкаськон верамьёсты кылоно луэ *кар* кыл пумысен. *Кар* кыллэн удмурт кылын одйгез валатонэз ‘город’ шуэм луэ. Тросэз шуо: «Мар кыл, пе, со луоз? Куака кар соку ик син азе пуксе». Нош *кар* кыл – со огъя перм вакытысь кыл луэ. Та кыллюкетэз асьмеос кылйськомы Коми улосвылысь шоркаръёслэн нимазы: Сыктывкар, Кудымкар. Нош удмуртъёслэн вашкала даурьёсы тушмоньёслэсь юн котыртэм улон интыоссы озьы ик та кыллюкетэн вал: Иднакар, Весьякар, Арчикар (Арск), Дондыкар. «Коми-пермяк-зуч» кыллюкамын *кар* – ‘город’ шуыса берыктэмын [2: 165]. Михаил Могилинлэн ужаз *каръ* кыл ‘городъ’ [7: 21], *карысь* – ‘городский’ [7: 55] шуыса берыктэмын. Нялгас вераны кулэ: ‘гнездо’ валатон М. Могилинлэн *пущаръ* кылэн сётэмын. З. Кротовлэн 1885-тй арын кыин гожтэм «Краткой вотской словарь с российским переводом» кыллюкамаз *кар* озьы ик ‘город’ шуыса берыктэмын [6: 76]. Т. К. Борисовлэн «Удмурт кыллюкамаз» *кар* кыллэн кык валатонэз возматэмын [3: 126]. Озьыен, *кар* кыл ‘город’ интые кутйськись удмурт кыл. Эшшо валэктомы на: кылёс одйг валатонэн гинэ уг луо, трос валатонэн но кутйсько (кылсярысь, *ныр* – *адямилэн нырыз*, *сапег ныр*, *дöдьы ныр*).

Азьвыл кыллюкамьёсын *кун* – ‘царь’ шуыса берыктэмын ([3: 16], [6: 101]). ‘Государство’ валатонэз солэн, озьыен, кыкетйез луэ. 1983-тй арын потэм «Удмурт-зуч словарьын» *кун* кыллэн кык валатонэз: 1) государство, государственный (сётэмын *уст.* – (устаревший) тодметэн), 2) царь [4: 230]. *Эль* кылэз та вылй верам кыллюкамысь гинэ шедьтй. Солэн валатонэз: 1) край, сторона; страна; 2) община, общинный [4: 522]. Нош валче кутыса, пөрме выль кыл: *элькун* – ‘государство. *Эль* кыл пумысь эшшо будэтыны кулэ на: сыче валатонэн ик та кыл кутйське пор кылын но *эл* – ‘отчизна, край, сторона’ (*Марий-Эл*). Мукет кылё-

сын но ваче кутыса пӧрмо выль валатоньёс: *кунпус* – ‘герб’, *кунмурт* – ‘гражданин’, *кунгож* – ‘граница’, *кункышет* (яке *куншет*) – ‘флаг’.

Кемалась-а асьме кылын кутйськыны кутскизы таӓе кылъёс: *мувӧй* – ‘нефть’, *ӓзчи* – ‘член сообщества’, *ӧнер* – ‘ремесло’, *ӧнерчи* – ‘специалист’. Туннэ нуналэ та кылъёс мур пыӓамын ини общественно-политической кыллюкаме, соосты вераськон кылэ валаса кутйськомы. Нош кукке но соос но валантэмесь вал. Арня нуналъёслэн но толэзь нимъёслэн вераськон кылын кутйськемзы озьы ик капчиен ӧз ортчы ас дыраз. Нош кӧня ке дыр ортчиз но, асьмеос со кылъёс шоры мукет сямен учкиськомы ини, соос аспӧртэмлыкoesь но чебересь кылйсько.

Озыен, ортчоз кӧня ке дыр, куд-огез валантэмесь кылъёс вераськон но гождяськон удысысь ышозы, уз кутйське, нош тросэз соос пӧлысь юн пыӓалозы кыллюкаме. И. В. Таракановлэн малпамезъя, «ваньмызлы тодмо выль кылъёс улонэ, калыклэн вераськоназ пыӓало трос аръёс ӓже кутйськыса гинэ» [1: 16].

Котькыӓе реформа шуген, секытэн улонэ пыӓа. Озьы ик выль нимкылъёслэн но удыскылъёслэн удмурт кылын кутйськемзы капчиен уг азинскы. Озьы ке но, тыршоно удмурт малпанэз удмурт сямен вераны. Со понна ик кыллюкамез но азинтоно. Веранмес йылпумъян понна, нош ик И. В. Таракановлэсь гождэмзэ лыдӓомы: «Асьмелы али ченгешонъёс ӓжетоно ӧвӧл, тросгес нуоно валӓктон уж, ӓемгес печатлано нимысьтыз кыл списокъёс, соослэсь пуштроссэс усьтыса но пӧрмемзэс валӓктыса. Озьы гинэ быгатомы удмурт кыллэсь лексиказэ чылкыт, чебер но узыр карыны. Кылэз узырмытон – со вань удмурт калыклэн огъя ужез» [1: 19].

Уже кутэм литература

1. Бюллетень № 1. – Ижевск 1998. – 117 с.
2. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М.: Рус.яз., 1985. 624 с. – Ин-т языкознания АН СССР, Пермский государственный педагогический ин-т.
3. Первая научная грамматика удмуртского языка. Введение и примечания В. И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1975.

4. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов/ А.С. Белов, В.М. Вахрушев, Н.А. Скобелев, Т.И. Тепляшина; Под. ред. В.М. Вахрушева. – М.: Рус. яз., 1983. – 592 с.

5. *Борисов, Т. К.* Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15000 слов / Т.К. Борисов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН СССР, 1991. – 384 с.

6. *Кротов, З.* Удмуртско-русский словарь: около 5000 слов / Предисловие Т.И. Тепляшиной. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. – 308 с.

7. *Могилин, М.* Краткой отяцка Грамматика опыт = Опыт краткой удмуртской грамматики/ Отв. Ред. Л.Е. Кириллова; Слово к читателю – Л.Е. Кирилловой; Предисл. К.И. Куликова; Прил. – Т.И. Тепляшиной. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 203 с.

УДК 811.511.13

Koivunen Tomi

Turun yliopisto, opiskelija

Suomi, Turku

PERMILÄISTEN KIELTEN ÄÄNNEJÄRJESTELMIEN JA OIKEINKIRJOITUSTEN VÄLISET SUHTEET

CORRESPONDENCES BETWEEN PHONETIC SYSTEM AND ORTHOGRAPHY OF PERMIC LANGUAGES

Аннотация. В этой статье я рассматриваю принципы орфографии пермских языков. Сначала я представляю языки и их фонологии и после того иерархию гласных знаков, употребляемую мной. Я даю примеры их конкретных форм слов. Последнее я рассматриваю сложные особенно для иностранцев морфонологические явления и принципы написания удмуртских сложных слов.

Ключевые слова: кириллица, коми язык, орфография, пермские языки, удмуртский язык, фонология.

Abstract. In this text I view the principles of the orthographies of the Permic languages. First, I introduce the languages and their phonologies, then the hierarchy of the Cyrillic vowel signs I use. I give concrete examples of word forms. Finally, I view some morphophonological phenomena,

which are difficult especially for foreigners, and principles of writing Udmurt compound words.

Key words: Cyrillic alphabet, Komi language, orthography, Permic languages, phonology, Udmurt language.

Tässä tekstissä käsittelen permiläisten kirjakielten oikeinkirjoitusten periaatteita. Aluksi esittelen tutkimuskohteet eli kielet fonologioinensa, minkä jälkeen siirryn käyttämäni kyrillisten vokaalimerkkien hierarkian käsittelyyn. Annan kirjoitusasuista esimerkkejä, jotka olen poiminut Udmurttilais-suomalaisesta sanakirjasta (2008) sekä FU-labin komin verkkosanakirjasta Большой коми-русский словарь. Tarpeellisia komipermjakin sanoja olen löytänyt selaamalla Коми-пермяцкий округ-sivustonkomipermjakin verkko-sanakirjaa Коми-пермяцко-русский словарь. Lopuksi käsittelen etenkin ulkomaalaisille hankalia kohtia sananmuodostuksen vaikutuksista oikeinkirjoitukseen sekä udmurtin yhdyssanojen oikeinkirjoitusperiaatteita.

Permiläisiä kieliä kirjoitetaan kyrillisin kirjaimin niin kuin kaikkia muitakin Venäjän virallisia kieliä. Kyrillinen kirjaimisto on alun perin suunniteltu slaavilaisille kielille, joten venäjän kirjoittamiseen se sopii hyvin. Kyrillisellä aakkostolla pienin lisäyksiin saisi toki luoduksi foneemiperiaatetta noudattavan kirjoitusjärjestelmän permiläisillekin kielille, mutta tähän ihanteeseen ei päästä, koska permiläisten oikeinkirjoitusten periaatteet on otettu suoraan venäjän mallista.

Käsittelen permiläisiä kirjakieliä udmurtia, komisyrjäniä ja komipermjakkia. Myös Jažvan komille on kehitetty kirjakieli, mutta se poikkeaa muitten permiläisten kirjakielten periaatteista eikä ole läheskään yhtä laajalti käytössä. Muitten permiläisten kirjakielten oikeinkirjoitusperiaatteet ovat lähes identtiset, joten on luontevaa käsitellä ne yhdessä. Aiheen käsittely vaatii pintapuolista venäjän kielen fonologisten ja ortografisten erityispiirteitten käsittelyä, vaikka venäjä ei olekaan tämän selonteon varsinaisena kohteena.

Permiläisten kirjakielten äännejärjestelmät ovat käytännössä identtiset. Erot ovat lähinnä distributionaalisella tasolla. Lisäksi tulkinnasta riippuen udmurtissa voi olla yksikomista puuttuva *u*-mainen puolivokaali, mutta tarkastelua helpottaa, jos sitä pidetään

diftongin osana; tällöin ero on ainoastaan distributionaalinen. Kyseinen äänne esiintyy udmurtin yleiskielessä ainoastaan *ui-* ja *ua-*yhtymissä. Hyvin samankaltaisten äännejärjestelmien (ks. liite 1) takia on luontevaa, että permiläisten kielten kirjoitusjärjestelmätkin ovat lähes identtiset. Erot liittyvät venäjän kirjoitusjärjestelmästä puuttuviin merkkeihin sekä kovan ja pehmeän merkin (ъ, ь) käyttöön.

Permiläisten kielten kirjoitusjärjestelmät käsittävät kaikki venäjän kirjakeielessä käytettävät merkit sekä lisämerkkejä, joita on udmurtissa viisi (ӱ, ӧ, ж, ӓ, ӥ) ja komin kirjakielissä kaksi (i, ö). Lisämerkkejä tarvitaan *i*-vokaalia edeltävän ei-palataalisuuden esittämiseksi, venäjästä puuttuvaa välistäkeskivokaalia varten sekä venäjästä puuttuvien affrikaattojen esittämiseksi.

Venäläisessä kyrillisen aakkoston variantissa vokaalifoneemeilla on kaksi merkkiä. Venäjän vokalismiin kuuluu viisi kardinaalivokaalia *i, e, a, o, u* sekä suppea lavea keskivokaali, jota merkitseen selvyuden vuoksi kirjaimella *y*. On perusteltua pitää venäjän *y*:ta *i*:n allofonina, sillä äänteet ovat keskenänsä täydennysjakaumassa: etisempi äänne esiintyy sanan alussa ja liudentuneessa ympäristössä, takaisempi liudentumattomassa ympäristössä. Näin ollen foneemilla *i* on venäjässä kaksi merkkiä и ja ы, *e*:llä e ja э, *a*:lla a ja я, *o*:lla o ja ө sekä *u*:lla у ja ю.

Olen jakanut vokaalikirjaimet primääreihin ja sekundaareihin siten, että yllä ensin esittämäni vokaalimerkki on primääri ja sen jälkeen esittämäni sekundaari. On otettava huomioon myös vokaalien vaikutus edeltävään konsonantiin. Venäjässä pääsääntöisesti etuvokaali liudentaa edeltävän konsonantin (jos edeltävällä konsonantilla on liudennuskorrelaatio) ja takavokaali jättää liudentamatta. Siispä primääreillä etuvokaalimerkeillä ja sekundaareilla takavokaalimerkeillä osoitetaan vokaalia edeltävän konsonantin liudentuneisuus ja päinvastoin sekundaarilla etuvokaalimerkillä ja primäärillä takavokaalimerkillä osoitetaan sen liudentumattomuus. Sanan alussa, vokaalin jälkeen sekä kovan tai pehmeän merkin jälkeen liudentavalla vokaalimerkillä merkitään äänneyhtymää *j + kyseinen vokaali*. Primääriä vokaalimerkkiä käytetään siis silloin, kun ei ole syytä käyttää sekundaaria vokaalimerkkiä. Tämä on permiläistenkin kielten oikeinkirjoituksen

lähtökohta, vaikka vokaalin laatu ei vaikuta konsonantin palataalisuuteen mitenkään.

Permiläisissä kielissä on yhdeksän palataalista konsonantti-foneemia *t', d', n', l', s', z', č', ʒ', j*, joista kuudella korostetulla on dentaalinen pari. Näitä kuutta nimitän parillisiksi palataalisiksi konsonanteiksi¹¹. Kun venäjän viittä fonologista vokaalia varten on käytössä kymmenen merkkiä, permiläisten kielten seitsemää vokaalia merkitään kahdellatoista kirjaimella: *i*:tä merkitään merkeillä и ja й/и, *e*:tä merkeillä е ja э, *a*:ta merkeillä а ja я, *o*:ta merkeillä о ja ө, *u*:ta merkeillä у ja ю, *y*:ta merkillä ы ja *ö*:ta merkillä ö. Merkitsen permin suppeaa laveaa keskivokaaliäännettä merkillä y ja välistä laveaa keskivokaaliäännettä merkillä ö; ne eivät siis vastaa suomen samoilla merkeillä kirjoitettavia vokaaleja. Myös yllä olevassa on ensin primääri ja sen jälkeen mahdollinen sekundaari merkki. Keski-vokaaleja y ja ö merkitään kumpaakin vain yhdellä merkillä, mitä käsittelen tarkemmin jäljempänä.

Kaikissa permiläisissä kirjakielissä on käytössä kaksi lisämerkkiä vokaaleille, udm. й ja ө, komi и ja ö. Käytöltänsä udmurtin й ja komin ivastaavat toisiansa, sillä kumpikin edustaa sekundaaria *i*:tä, ts. *i*-äännettä dentaalisen konsonantin jäljessä. Permiläisissä kielissä y on ilman muuta oma foneeminsa; sitä merkitään kirjaimella ы, joten siitä syystä tarvitaan ylimääräinen, venäjältä puuttuva sekundaarinen kirjain *i*-vokaalille.

Aiemmin mainitukuusi parillista palataalista konsonanttia merkitään kirjoituksessa siten, että kirjoitetaan ensin dentaali-konsonantin merkki ja sen perään liudentavan vokaalin merkki, esim. äännejono *t'e* kirjoitetaan *менлес* 'niljakas' (udm.), ja äännejono *t'a* kirjoitetaan *тяпайтон* 'nahjustelu' (udm.). Sekundaareja vokaalimerkkejä käytetään täten vain kuuden konsonanttimerkin jälkeen (sekä eräissä muissa asemissa, joista alempana), esim. äännejono *ta* on kirjoitettava *табань* 'pannukakku' (udm.), mutta

¹¹ Permiläisten kielten kontekstissa kyse on oikeastaan palataalisuudesta, ei liudentavasta. Käytän kuitenkin johdonmukaisuuden vuoksi nimitystä *liudentava vokaalimerkki* myös permiläisistä kielistä puhuessani, sillä kirjaimiston lähtökielessä venäjässä kyseessä on nimenomaan liudentavasta osoittava merkki.

äännejoono *te* kirjoitetaan sekundaarivokaalimerkillä *тэчыкы* 'toukka' (udm.).

Vokaaleilla *y* ja *ö* on vain yksi merkki. Näin ollen edeltävän konsonantin liudentuneisuutta ei voida merkitä vokaalimerkillä kyseisten vokaalien tapauksessa, vaan käyttöön otetaan pehmeä merkki *ь*. Esimerkiksi äänneyhtymä *śö* kirjoitetaan *сьöдсутэр* 'mustaviinimarja' (udm.) ja äänneyhtymä *śy* kirjoitetaan *сьыланкыв* 'laulu' (komi). Pehmeää merkkiä käytetään palataalisen konsonantin merkintään myös sellaisissa tapauksissa, joissa parillista palataalista äännettä ei seuraa vokaali, esim. *śk*-yhtymä merkitään *вераськыны* 'puhua' (udm.) ja sananloppuinen *ń* merkitään *вонь* 'vyö' (komi).

Permiläisten kielten oikeinkirjoitus tuntee oman merkin *j*-äänteelle, mutta venäjän mallin mukaan äännettä merkitään monin eri tavoin. Yksiselitteisesti *j*-äännettä edustaa merkki *й*, jota käytetään ennen konsonanttia, ennen vokaaleja *i*, *y* ja *ö* sekä sanan lopussa, esim. *сайканы* 'herätä' (udm.), *йи* 'jää' (komi), *мый* 'mikä' (komi). Sanan alussa *j*:n merkitsemiseksi käytetään muitten vokaalien yhteydessä liudentavia vokaalimerkkejä, esim. *ятыр* (*jatyr*) 'paljon ym.' (udm.), *ен* (*jen*) 'jumala' (komi).

Sanan sisällä konsonantin jälkeen tilanteessa, jossa seuraava vokaali ei ole *i*, *y* eikä *ö*, *j*-äännettä merkitään sitä edeltävän konsonantin laadusta riippuen joko kovan tai pehmeän merkin ja liudentavan konsonantin yhtymällä. Tällaisissa tapauksissa permiläisten kielten oikeinkirjoitusperinteet poikkeavat toisistansa jonkin verran.

Udmurtissa käytetään kovaa merkkiä *ь* aina silloin, kun ei ole erityistä syytä käyttää pehmeää merkkiä *ь*. Kovaa merkkiä käytetään kaikkien muitten konsonanttikirjaimien paitsi dentaalikonsonantti-merkkien perässä silloin, kun dentaalisen konsonantin merkillä osoitetaan palataalista konsonanttiäännettä, esim. *чабьяськыны* (*čabjaśkyny*) 'raapia'; *палэзьёс* (*paleźjos*) 'pihlajanmarjat'. Jos dentaalikonsonantin kirjain edustaa dentaalista konsonanttia, kirjoitetaan säännön mukaan kova merkki, esim. *бурдьёс* (*burđjos*) 'siivet'. Kirjaimen *й* jälkeen eli geminaatta *-j*:tä merkittäessä väliin ei tarvita kumpaakaan merkkiä, esim. *суйёс* (*sujjos*) 'käsivarret'.

Samoin on tilanne vokaalin jälkeen, esim. *сяськаяськыны* (*śaskajaśkynty*) 'kukkia'.

Komisyryjäänin malli on hyvin samankaltainen kuin udmurtin. Ainoa ero on se, että pehmeää merkkiä käytetään myös palataalisten affrikaattojen jälkeen, esim. *рочьяс* (*roćjas*) 'venäläiset'; udmurtiksi vastaavissa tilanteissa olisi pääsäännön mukaisesti kova merkki: *ڑучьёс* (*ڑ'učjos*) 'venäläiset'.

Komipermjakin tapa käyttää kovaa ja pehmeätä merkkiä eroaa muista permiläisistä kirjakielistä enemmän. Kun udmurtissa ja komisyryjäänissä kova merkki on ensisijainen, komipermjakissa ensisijainen onkin pehmeä merkki. Sitä käytetään aina, kun ei ole erityistä syytä käyttää kovaa merkkiä, ts. aina, kun merkkiä edeltävä konsonantti ei ole dentaalinen, esim. *медбөрья* (*medbörja*) 'viimeinen'; *асьюралан* (*asjuralan*) 'autonominen'. Vokaalin jälkeen myöskään komipermjakin kirjakieli ei käytä erottavaa kovaa tai pehmeätä merkkiä: *сия* (*sija*) 'hän'.

Permiläisissä kielissä on neljä affrikaattaa mutta venäjässä vain kaksi, joista toinen ei kuulu permiläisten kielten äännejärjestelmään. Permiläiset kielet ovat ratkaisseet ongelman eri tavoin: udmurtti on ottanut käyttöön lisämerkit *č*, *š* ja *ž*, kun taas komin kirjakielet käyttävät digrafeja *тш*, *дз* ja *дж*. Eri tavoin merkityt äänneet vastaavat kuitenkin täysin toisiaan: *č* = *тш* (postalveolaarinen soinniton); *š* = *дз* (palataalinen soinnillinen); *ž* = *дж* (postalveolaarinen soinnillinen). Neljättä, palataalista soinnitonta affrikaattaa kaikki permiläiset kirjakielet merkitsevät venäjästäänkin tutulla merkillä *ч*.

Permiläiset kielet merkitsevät pitkiä affrikaattoja eri tavoin. Udmurtissa käytetään affrikaattamerkin edellä samankaltaisen klusiilin merkkiä, esim. *утчаны* (*uččany*) 'etsiä', *адзыны* (*aڑ'ڑ'yny*) 'nähdä'. Komissa geminaatta-*č* merkitään kahdella affrikaatan merkillä, esim. *шойччыны* (*šojććyny*) 'levätä', mutta muut pitkät affrikaatat komin kirjakielet esittävät eri tavoin. Syryjäänissä digrafin alkuosa pidennetään, esim. *аддыны* (*aڑ'ڑ'yny*) 'nähdä', kun taas permjakissa loppuosa pidennetään, esim. *адзыны* (*aڑ'ڑ'yny*) 'nähdä'.

Permiläiset kirjoitusjärjestelmät aiheuttavat joitain epäselvyyksiä morfeemien rajoilla. Äänneen *j* merkintä aiheuttaa hankaluuksia

etenkin kyrilliikkaan tottumattomille, esim. udmurtin *valita*-merkityksisen verbin infinitiivimuoto *бырj-yny* kirjoitetaan *бырйыны*, mutta sen futuurin yksikön ensimmäisen persoonan muoto *бырj-о* tulee säännön mukaan kirjoittaa *бырjë* (ei ***бырйо*). Samoin käyttäytyy esimerkiksi komin *haluta*-verbi: infinitiivi *кӧсь-yny* kirjoitetaan *кӧсьыны*, mutta preesens-futuurin yksikön ensimmäisen persoonan muoto *кӧсь-а* kirjoitetaankin *кӧсья* (ei ***кӧсьа*).

Udmurtin yhdyssanat noudattavat erilaisia oikeinkirjoitusperiaatteita sanain rajalla. Toisinaan morfeemiraja jätetään näkyviin, toisinaan ei. On luonnollista, että puhujien mielessä etymologialtansa hämärtyneitten yhdyssanojen kirjoitusasussa morfeemirajaa ei näy, esim. *не(ре)сь* 'vanha' + *анай* 'äiti' → *песянай* 'isoäiti'. Morfeemiraja häivää myös eräistä uudismuodosteista, esim. *азь* 'etu' + *итэт* 'jatke; suffiksi' → *азитэт* 'prefiksi'; *кыл* 'sana' + *итэт* 'jatke; suffiksi' → *кылитэт* 'suffiksi, pääte'. Sen sijaan morfeemiraja jätetään näkyviin esim. sanoissa *нюр* 'suo' + *эмезь* 'vadelma' → *нюрэмезь* 'mesimarja' sekä *пинь* 'hammas' + *эмтодос* 'lääketiede' → *пиньэмтодос* 'hammaslääketiede'. Muodosteessa *уж* 'työ' + *юрт* 'talo' → *ужьюрт* 'laitos, virasto' kova merkki osoittaa oikean ääntämyksen. Myös komissa on vastaavia ortografisia ratkaisuja vaativia muodosteita, esim. *ныв* 'tyttö' + *эрт* 'ystävä' → *нывьэрт* 'tyttöystävä', mutta niihin en kajoa syvemmin tämän artikkelin puitteissa.

Lopuksi voidaan todeta, että vaikka permiläisten kielten oikeinkirjoitukset eivät noudata *yksi äänne, yksi merkki* -periaatetta, niillä saadaan mutkan kautta kaikki olennainen ilmaistuksi. Yhtäkään fonologisesti merkittävää eroa ei jää tulkinnan varaan, sillä kirjoitusjärjestelmät ovat loppujen lopuksi yksiselitteiset. Kyrilliset kirjaimet ja venäjän kirjoitusjärjestelmän hyvin hallitsevalle permiläisten kielten kirjoitusjärjestelmien omaksuminen on luultavasti hyvin helppoa, mutta erilaisten sääntöjen iso määrä tuottaa vaikeuksia varsinkin muihin kirjoitusjärjestelmiin tottuneille permiläisten kielten oppijoille.

Sanastolähteet

Udmurttilais-suomalainen sanakirja, toim. Maksimov, Sergej; Danilov, Vadim; Saarinen, Sirkka. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 79. - Turku, 2008.

FU-lab: Большой коми-русский словарь. [Verkkodokumentti. Saatavissa: <http://dict.komikyv.ru/index.php/index/4.xhtml>]

Коми-пермяцкий округ: Коми-пермяцко-русский словарь. [Verkkodokumentti. Saatavissa: http://komiperm.ru/komi-perm-rus_slovar]

Liite 1

Permiläisten kielten äännejärjestelmä.

Vokaalit. (Huom. typografisista syistä merkitsen keskivokaaleja y- ja ö-kirjaimilla).

i (и)	y (ы)	u (у)
e (э)	ö (ө)	o (о)
	a (а)	

Konsonantit.

puolivokaali	j (й)
likvidat	l (л); l' (л'); r (р)
nasaalit	m (м); n (н); n' (н')
spirantti	v (в)
sibilantit	s (с); z (з); s' (с'); z' (з'); š(ш); ž (ж)
klusiilit	p (п); b (б); t (т); d (д); t' (т'); d' (д'); k (к); g (г)
affrikaatat	č (ч); č' (ч'); č̣ (ч̣); č̣' (ч̣')

vierasperäiset

spirantit	x (х); f (ф)
sibilantti	š'š' (ш)
affrikaatta	c (ц)

Kuklin Anatolij Nikolajevich

Russia, Yoshkar-Ola

**PALEOHYDRONYMS IN THE URAL-VOLGA
REGION (STRUCTURAL AND SYSTEMATIC APPROACH
TO THE SEMANTIC RECONSTRUCTION)**

**ПАЛЕОГИДРОНИМИЯ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ
(СТРУКТУРНО-СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД
К СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ)**

Interest to waternames (river names) in toponomastics visibly has increased. However, the number of unfounded hypotheses about the origin of a name continues to multiply, that leads only to the likelihood or subjective speculation.

Without going into the subject matter of general methodology of onomastic science and individual methods of toponymic material, it should be noted that methodologically and theoretically weak foundation of individual research, unfounded and contradictory inferences, unproven nature of their postulates were direct consequences of the fact that the semantic content of many paleohydronyms and relict toponyms of the Ural-Volga region were misinterpreted. Moreover, much attention should be drawn to the complete absence of any criteria for choice of lexical material of relative and unrelative languages for the semantic interpretation and the reconstruction of the protoform or archetype of the hydronym.

It is easy to see that the choice of the linguistic data of different languages, made on the basis of the substantial and external similarity of genetically unrelated lexemes, creates significant difficulties in determining of appellatives.

In fact, it is impossible to define the ethymology of the ancient river names without determining of their linguistic affiliation. To establish the linguistic affiliation of paleohydronyms is possible only on the basis of the linguistic reality recreation of the historical antiquity of the Ural-Volga-region. What is more, hypothetically recoverable ethnic card must be confirmed by archaeological, paleoanthropo-

logical and other data, which not only would be contrary to one another, but would have been in a relationship of mutual complementarity. Furthermore, the degree of the semantic reliability of the reconstructed protoform can be viewed only if its content more or less corresponds to the physical and geographical realities of the Ural-Volga region.

Accordingly the most common deficiencies in the linguistic method application for reconstruction of paleotoponyms and appellatives based in river names should be noted.

1. Toponymic materials are often misinterpreted because a researcher loses sight of the linguistic data of the related and unrelated languages and their dialects.

2. The semantic content of hydronyms is often interpreted in a distorted form due to the fact that the researcher uses lexical data of a dialect, not having anything to this name. And isoglosses on a linguistic card are not installed by them, published materials are also not considered, that contain information about geographical features of the area.

So, a Mari linguist I. G. Ivanov in oikonym *Toryal* notices appellative *tor* and gives a meaning “a black, pine forest”. In this basis he generalizes, that *Toryal*- “a village in Blackwood” [Ivanov 1978: 14–15].

In fact, the word *tor* means “thicket”.

O. P. Vorontsova and I. S. Galkin absolutely agree with this interpretation: “I. G. Ivanov is right, that the word *tor* means “Blackwood”, *Toryal*- is “a village at Blackwood”.

Such statements clearly ignore the physical and geographical features of the area where *Toryal* is and totally do not coordinate with the linguistic data of related Finno-Ugric languages. So, M. N. Yantemir, describing *Toryal* canton of the Mari region (of Mari-El Republic now), points out, that there are such inflows of the *Nemda* river on the left: *Pukshalma*, *Tunya* and *Konga* (Konganur village is on it), *Shara* (*Sharanerka*), *Ona*, *Nurma*, ***Tor*** (we marked. – A.K.) (*Old Toryal* is on it), *Shukshan*, *Chucha*, *Talman* and *Vochka* [Yantemir 1929: 8].

So, it is easy to show that the oikonym comes from the hydronym.

A hydrolexeme *mop* is areal-linguistic isogloss in toponymy, because except the territory of Mari-El Republic, there is another region of Russia, where it can be. Compare, for instance, *Tor* – a river, right inflow of the river Nugusha in Meleuzovsky, Ishimbay regions of Bashkortostan Republic [Gareev 2001: 233].

Meanwhile, according to the semantics, a lexeme *tor* is more compatible with komi-zyrjanuop “stream”, but according to the phonetics – with mansimop “lake”. Therefore, we have every reason to believe about their homogeneous connection as they go back to the same original form.

V. I. Lytkin and E. S. Gulyaev, considering a hungarianer “stream”, more ancient their appearance remodel as *Šer3- or Šär3- [KESK, 322]. All this suggests, that anlaut occlusive [t] in the hydrolexeme *tor* is a later innovation, that emerged obviously from the primary spirant [*Š] based on mansi.

According to B. A. Serebrennikov s transferred into t in mansi (semerged from ancient ural Š, for instance: komi-zyran Šor “stream”, udm. Šur “river”, hungarianár “channel”, mansi tōr (< sōr) “lake”, khanty tor “lake”) [Serebrennikov 1965: 281; 1968: 296–301].

Outlined etymology definitely gives an indication of the fact, that *Tor* “river” is a paleohydronym, which had significant transformation on the base of adstrat and superstat.

Here it is marked only some errors in toponymists’ works in application of the research methods and techniques of interpretation in the analysis of paleohydronyms and reconstruction of their protoforms.

If toponymist confine in a simple comparison of the sounds and forms of the different languages, his interpretation of etymology of paleohydronym does not have a probative value.

In fact, the explanation of the origin of the river names becomes more compelling subject as a linguistic and extralinguistic, ethno-historical and cultural information that are exposed to typologically informed critical analysis, clearing from the inertia of tradition.

References

- Gareev A. M.* Rivers and lakes in Bashkortostan. – Ufa. 2001.
- Ivanov I. G.* The problems in studying of toponyms (about the names of some regional centres of Mari ASSR) // The issues of the Mari onomastics, p. I. – Yoshkar-Ola, 1978. – P. 12–19.
- KESK – Lutkin V. I., Gulyaev E. S. A Brief Etymology Komi dictionary. – M., 1970.
- About two convergent phonetic phenomenon in Samoyed and Ob-Ugric languages // The Soviet Finno-Ugric studying. – 1995. – №4(1). – P.281–284.
- Serebrennikov B. A.* About the Ural vocabulary of the East areal // Etymology 1966. – M., 1968. – P. 296–301.
- TRME – Vorontsova O. P., Galkin I. S. Toponymy of Mari-El Republic: the historical and etymological analysis. – Yoshkar-Ola, 2002.
- Yantemir M. N.* The description of the Mari region. Toryalkanton, p.8. – Yoshkar-Ola, 1929.

INTERACTION OF THE LANGUAGES IN TOPONYMY

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВ В СФЕРЕ ТОПОНИМИИ

The migration and infiltration of diverse ethnic cultural components occurred in the different historical times within the Volga-Ural regions. Also interassimilation of newcomers and local population and other ethnic processes caused by impulses of Social Development of the ethnic groups themselves and the interactions of external factors, impacted primarily on its toponymy, characterized by complexity of its formation, consisting of overlapping each other toponymic layers.

It is completely unfounded to represent the processes of formation of toponymic systems of the Volga-Ural peoples as right-lined, thereby ignoring exposure facts of substrate and superstrate phenomena.

As a rule, substrate phenomenon is an embarrassment to the novice researches, who tries to interpret toponymy by the language means of the modern citizens of the study area, without delving into the chronological and historical-genetic strata. Sometimes similar sounding names, dating back to the genetically different linguistic

sources, make researchers to draw a wrong conclusion about their origin. The procedure of etymological analysis, based on the external sound correspondences of heterogeneous toponyms and not taking into account the regional and ethnic aspects and historical character is very unstable and unreliable.

A vivid example illustrating this situation is the explanation of the origin of the hydronym Volga. So, a German slavist M. Fasmer thinks that *Volga* is a preslavic word **Vьlga*, in which a vowel [Ѣ] during the first labialization of sounds [e], [Ѣ] after hardening [l] changed into [л], which transferred into [o] in East-Slavonic: *vьlga* > *vьlga* > *volga*. As an evidence of this, in Fasmer's opinion, can be an east-slavonic word *Volgly*, which means 'wet' [Fasmer I: 336–337].

Other scientists, for instance, A. Preobrazhensky, T. Lersplavinsky, I. Rozvadovsky, M. N. Melheev suggest that there is a finno-ugric stem *valg-* 'white, light' in this name. They think that this stem was borrowed from finno-ugric language when there was no rules of transferring *tolt* > *tolot* in east-slavonic languages that times. Finno-ugric stem *valg-* can be found in the river names *Volozhinka* (in Belorussia) and *Vologda*.

The Mari linguist F. I. Gordeev points out that the hydronym Volga is from the Baltic language source. He compares it with Lithuanian appellative *valkka* and Latvian *valka*, *valks* 'puddle' [Gordeev 1983: 133].

Such opinions made on the basis of identification of words from various languages in their external consonance without genetic relationship are false.

M. V. Labzina thinks that this name *iul* has the same root as in a Turkic word *iyлга* with versions *elga*, *el'ga* 'river'. This word could be russified in East-slavic by means of the change front [jə] in *elga* into [o] on the second labialization of the vowel [e] and by means of the subsequent emergence of prosthetic sound [ɛ] before labialised [o]. Let's see the phonetic change of Turkic lexeme: *iyлга* > *elga* > *olga* > *волга*; or: *ostry* > *vostry*, *otchina* > *votchina* [Labzina 1994: 69].

Researches of the Slavonic languages suppose that [je] on East-Slavic language changed into [o] in the beginning of the word as a

result of loss of [j] and dissimilation of [e] with front vowel in the next syllable [Ivanov 1990: 133]. Compare the examples: old russian *lake, odin'*; bulgarian *ezero, edin* and polish *jeziro, jeden*.

It should be noted that in ancient times different water names meant just 'water, river', for instance, *Don* < Old Iran *don* 'river'.

In fact, performed reconstructive procedures often complicated by the later innovations, which arose under the influence of dialects of the inflected language. Thus, finno-ugric river names with Russian grammatical structure get marks of generic indicators. And grammatical adaptation technique has its own characteristics and a certain consistency: 1) End vowels in a river name (except [a] are replaced with long [a]: mari *Ono* > *Ona*, mari *Pembe* > *Pemba*. 2) Hydroonyms end consonants have –a generic indicator with diminutive suffix –k: mari *Isuy* – *Isuyka*, mari *Shoy* – *Shoyka*.

Reference

Gordeev F. I. Etymology dictionary of the Mari language. P. 2. – Yoshkar-Ola, 1983.

Ivanov V. V. Historical Russian grammar. A textbook for students of Pedagogical Institutes. – Moscow, 1990.

Labzina M. V. About the origin of the term Volga and the terms of the other rivers of the Volga-Ural regions // Development of the Russian vocabulary and grammar. Collection of scientific works. – Magnitogorsk, 1994. – P. 68–71.

Melheev M. N. Geographical names. The dictionary of toponyms. A manual for teachers. – M., 1961.

Fasmer M. Russian etymology dictionary. P.I. – Moscow, 1986.

УГОРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ТОПОНИМИИ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

UGRIC ELEMENTS IN TOPONYMY OF THE URALS-VOLGA REGION

Аннотация. Угорские элементы в географических названиях Урало-Поволжья должным образом не изучены, хотя эта проблема является весьма актуальной для решения этногенетических проблем финно-угров и самодийцев. Первым ученым, который считал существование угорской топонимии в Северной и средней части России

был Д. П. Европеус. Были приведены конкретные примеры в некоторых его работах, как и в «Къ вопросу о народахъ, обитавших въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянь».

Мы не собираемся отказываться признавать ценность его идей, но отметим, что Д. П. Европеус имел дело с географическими названиями средней и северной части Восточной Европы с точки зрения лингвистических данных. По данным Д. П. Европеуса, компонент *-енга* в гидронимах *Печенега, Успенега, Печеиенгъ* имеет угорское происхождение.

Лингвисты не отрицают существование угорских элементов в топонимии Заволжья. Вышеупомянутая проблема связана с языковым и национальным вопросами; наиболее важной из которых является проблема исторических и культурных связей угров с мари, мордвой, удмуртами и коми.

Ключевые слова: географические названия, Урал-Поволжье, гидроним, Угры элементов

Abstract. Ugric elements in geographic names of Urals-Volga region are not studied properly, though this problem is very actual to solve genetic problems of Finno-Ugric and Samoyed peoples. The first scholar who considered the existence of Ugric toponymy in Northern and Middle part of Russia was D. P. Europeus. Concrete examples were given in some of his works, as in “Ob ugorskom narode, obitavšem v srednei i severnoi Rossii, v Finliandii i v severnoi časti Skandinavii do pribytia tuda nynešnih ih jitel’».

Not refusing to admit the value of his ideas, it is important to note that D.P. Europeus dealt with geographic names of Middle and Northern parts of the Eastern Europe in terms of linguistic data belonging to Finnish group of languages. According to D. P. Europeus, the component *-enga* in hydronyms *Pechenega, Uspchenega, Pecheienga* has Ugric origin.

Linguists do not deny the existence of Ugric elements in toponyms of trans-Volga region. The above-mentioned problem is connected with linguistic and ethnic questions; the most important one is the problem of historical and cultural relations of Ugric people with Mari, Mordva, Udmurt and Komi.

Keywords: geographic names, Urals-Volga region, hydronim, Ugric elements.

Угорские элементы в географических названиях Урало-Поволжья до сей день остаются не до конца выясненными и ма-

лоизученными, хотя проблема эта очень актуальна для решения этногенетических проблем финно-угров и самодийцев. Первым из исследователей, высказавшим мысль об угорской топонимии в северной и средней полосе России и пытавшимся обосновать ее конкретными примерами, был Д. П. Европеус [9; 10; 11]. Так, в своей статье «Къ вопросу о народахъ, обитавших въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ» он выразился так: «Въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ я имѣлъ случай заниматься сравнительнымъ изученіемъ языковъ финско-венгерскихъ, при чемъ убѣдился, что эти дорусскія названія мѣстностей, встрѣчающіеся въ сѣверной и средней Россіи отъ Ледовитаго океана до рѣки Оки и до городовъ Витебска и Полоцка, большею частью югорскаго или угорскаго происхожденія, то есть, принадлежать языку пращуровъ нынѣшнихъ Венгровъ, или Мадьяровъ, Вогуличей и Остяковъ» [9: 58].

Как явствуют высказывания Д. П. Европеуса, вопрос о западном, южном и северном границах угорской топонимии был поставлен лишь им, и он пытался определить их в самом общем виде. Одна из важных задач, стоявшая перед исследователем, — вычленение из структуры топонимов однотипных окончаний, присущих, по его мнению, угорским языкам, и объяснение семантики топоосновы. В качестве иллюстрации можно привести следующие примеры: исходной формой речного названия *Вычегда* считает он композиту *Вытшагет*, где *выт* ‘вода’, *шагет* ‘рукав’, т. е. водяной рукав; приток, изобилующий водой. Гидроним *Вологда* возводится им к форме *Водшагет*, что означает ‘зверь-приток’. К окончаниям, ярко проявляющим свою продуктивность в гидронимообразовании, как он замечает, относятся: *-егда*, *-огда* (*Вычегда*, *Печегда*, *Вологда*, *Судогда*) с вариантами *тагет* (в хантыйском), *тагил*, *тагул* (в мансийском), восходящих к древнеугорскому *таит*, образованному из более древнего *шагет*, *шагеш* ‘рукав’; *-шера* (*Вышера*, *Нившера*); *-енга* (*Лапшенга*, *Мехренга*, *Нименга*) и др. Другой существенной задачей исследования угорских следов в топонимии Восточной Европы было, видимо, вычленение Д. П. Европеусом по возможности всех примеров угорского типа. Так, названий рек с окончанием

-енга в северной России насчитал он до 339, в Финляндии таких названий – 162 [9: 58–71].

Следует, впрочем, заметить, что указанная работа Д. Европеуса в сжатой форме охарактеризована А. В. Поповым в статье «К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии» [19: 131–132].

Под иным углом зрения рассматривает ее А. И. Туркин в тезисах своего доклада «Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX – начала XX вв.», отмечая, что «нельзя отрицать существования в севернорусской топонимике как угорского, так и других пластов уральского типа» [25: 26–28].

Кроме этой статьи, А. В. Попов анализирует еще 2 работы Д. Европеуса: «О курганных раскопках около погоста Бежец» (Журнал Министерства Народного Просвещения. Декабрь 1872) и «Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России, в Финляндии и в северной части Скандинавии до прибытия туда нынешних их жителей» (Санктпетербургъ, 1874). Сосредоточивая внимание на их основном содержании, А. В. Попов замечает, что в первой из них Д. Европеус снова подтверждает принадлежность угорскому языку окончаний *уга, юга, ого, его* и явное сходство с ними финских: речка *-joki*, саам., *joga*, хант. *jeaga, joga*; манс. *je, ja*, комиЗ *ju*; во второй им дается список 36 угорских окончаний названий местностей в Финляндии, в северной и средней России [19: 132].

Не отрицая в целом сущности постулируемой Д. Европеусом тезы, следует, однако, заметить, что географические названия средней и северной полосы Восточной Европы рассматриваются им исключительно сквозь призму угорских языков, что касается охвата лингвистических данных языков финской ветви, то они сведены до минимума, а элементы, имеющие параллели в самодийских языках, вовсе упускаются из поля зрения. Так, например, компонент *-енга* в гидронимах *Печенга, Успеченга, Печеиенгъ* возводится им к угорским источникам. По его мнению, «*Печеиенгъ* значит по-остяцки сосна-вода = сосновая вода, а также и просто *печенг* по-остяцки и по-вогульски значит сосновая» [9: 62]. В северной полосе России он насчитал 11 гидрообъ-

ектов с таким названием. Правда, в своей работе «Об угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей» он уверенно сообщает о наличии 15 рек с названием *Печенга*, из них 14 находятся в разных местах северной России, а одна – в северо-западной Финляндии.

К сказанному в порядке уточнения следует добавить, что реки с аналогичным названием встречаются также в Восточной Сибири и даже на Дальнем Востоке, ср., например, *Печенга* – один из притоков Енисейского Пита, а также средних притоков Алдана [18: 191].

Исходя из этого, надо полагать, что гидролексема *-енга/-еньга* представляет собой прафинно-угорский архаизм, унаследованный из эпохи диалектного развития уральского языка-основы, имевшего непосредственные контакты с диалектами тунгусо-маньчжурских языков. Поэтому в гидролексеме *-енга/-еньга* сибирских названий рек вполне допустимо видеть эвенкийское (тунгусское) *йенэ* ‘большая река; исток реки’ и селькупское *~га* (*-ка) ‘река’ [13: 190].

В этой связи уместно привести одно любопытное высказывание А. П. Дульзона: «Предшественниками кетов на нынешних местах их жительства (на Елогуе и Курейке – притоках Енисея – *А.К.*) были эвенки, а частью селькупы, что и отразилось в топонимике. Наряду с кетами на Курейке до сих пор проживают эвенки и селькупы, нередки браки между ними» [8: 64].

Необходимо, однако, отметить, что интерпретация географического названия на основе лишь внешних звуковых соответствий с данными какого-то определенного языка, не имеющего, быть может, никакого отношения к его возникновению, всегда оставалась далекой от реальной действительности, т. е. искусственной, а поэтому малоубедительной. Все это еще раз говорит о том, что анализ даже частных фрагментов, таящихся в семантической плоскости и морфонологической структуре реликтового названия, должен учитывать исторические и регионально-этнические обстоятельства, а также результаты влияния языка-субстрата.

Что касается этноисторических процессов Урало-Поволжья, то они весьма напоминают этнические процессы Севера Восточной Европы. Так, данные археологических раскопок свидетельствуют о том, что на территории Урало-Поволжья выявляется керамика, заметно отличающаяся от посуды местных культур эпохи бронзы своеобразной формой и элементами орнамента, одной из особенностей которой является широкое употребление налепных валиков, а также оригинального рельефного элемента в виде «змейки» – волнистого выпуклого валика, не имеющего прототипов в балановской и волосовской орнаментике и широко применявшегося при украшении чирковской керамики. Кроме того, один из сосудов, найденных в комплексе поселения Галанкина Гора, с внешней стороны украшен налетом в виде головы животного, очевидно, медведя и узким формованным валиком, расположенным параллельно краю горла. При этом Б. С. Соловьев подчеркивает, что поиски аналогий подобным изображениям уводят на восток, в районы Зауралья и Западной Сибири, и склоняется к мысли о том, что распространение сосудов с налепными валиками и сейминско-турбинских бронз явилось следствием единого процесса внедрения в лесную и лесостепную полосу Восточной Европы западносибирского населения, а наличие валиков керамики на поселениях – следами взаимодействия последнего с племенами Поволжья и Прикамья [23: 88; 24: 21–43].

Действительно, некоторые аналоги указанным сосудам обнаруживаются на памятниках восточной области Урала и примыкающей к ней части Западной Сибири. Так, специфическая керамика, украшенная отступающей и шагающей гребенкой, волнистыми валиками, идущими по тулову сосуда, была обнаружена на памятниках Кротово в Новосибирском Приобье. Что касается зооморфных изображений, то памятники Зауральско-Западносибирского района изобилуют различными изображениями зверей как плоскостными, так и объемными, налепными на глиняных посудах [15: 56–65; 16: 26–32].

Следует отметить также, что на сосудах, обнаруженных на месте современного мансийского селения Хурумпауль в За-

падной Сибири, «орнамент расположен горизонтальными лентами вокруг шейки. Его элементами являются крупнозубая гребенка, круглые глубокие ямки под валиком, штамп в виде змейки (одинарный и двойной)» [5: 168].

Как известно, территория, охватывающая Восточное Зауралье и прилегающие к нему районы Западной Сибири в пределах среднего и нижнего течений рр. Иртыша и Оби, представляет собой область, в которой происходило развитие восточно-уральской этнической общности, на базе которой выделились прасамоедские (прасамодийские – *А.К.*) и праугорские группы [16: 9].

В свою очередь, введение в научный обиход материалов по этноисторическим и антропологическим исследованиям финно-угров позволяет взглянуть на историю взаимодействия этнических групп Зауралья, Приуралья и Поволжья через призму новых лингвогеографических данных. Так, З. П. Соколова, рассматривая этническую историю хантов и манси с привлечением лингвистических данных А. Каннисто, замечает, что южные манси жили в прошлом по рекам Тура (верховья) с притоками Мулгай, Тагил и Нейва, Кама, Чусовая, Сылва, Ирень, Иньва, Уфа и Буй (верховья), Печора (верховья), Сысола, Вычегда, Пинега, Мезень (верховья), Вятка, Чепца, *достигая притоков Волги в районе Козьмодемьянска* (центр Горномарийского р-на Марий Эл. – *А.К.*) [22: 19].

На основании приведенных материалов можно говорить о тесных культурно-исторических связях горных мари с какой-то частью мансийского населения. Этим объясняется, видимо, близость манси и горных мари по комплексу антропологических признаков несмотря на их значительную нынешнюю разобщенность. Так, Г. Л. Хить, обобщая данные по дерматоглифике финно-угорских народов, отмечает, что луговых и горных мари разделяет очень небольшое расстояние (объем кожного рельефа 8,7), но первые еще ближе к северным удмуртам (6,0), а вторые – к саамам-сколтам (2,2), ивдельским и ляпинским манси (6,1 и 8,1) [27: 69].

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах – hug (3 + 3) N^3 – сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах – сага (2–5) M^1 – горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) – с удмуртами центральными (45,5) [26: 35–36].

Необходимо иметь в виду, что, по мансийским преданиям, род *пор* является не чисто мансийским, а смешанным с ханты [20: 229]. Интересно в этой связи отметить, удмуртское название мари – *пор*. Однако вопрос о наличии или отсутствия генетических связей мари с одной из фратрий обских угров – *пор* никем из исследователей не ставился.

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Урало-Поволжья как результат творчества только лишь ныне проживающих там народов, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование адстратных, субстратных и суперстратных явлений.

Сам факт наличия угорских элементов в топонимах лесного Низменного Заволжья и зоны тайги Высокого Заволжья не отрицается и современными исследователями. И не удивительно, поскольку эта проблема неизменно оказывается прямо или косвенно связанной с многочисленными вопросами как этнического, так и лингвистического характера. Наиболее существенной здесь является проблема историко-культурных взаимоотношений небольшой части обских угров с меря, мари, удмуртами и коми.

Так, Д. Е. Казанцев, исследуя вопросы формирования диалектов марийского языка в связи с происхождением марийцев, констатирует, что в начале II тысячелетия н.э. бассейны рр. Унжи и Ветлуги не пустовали: в бассейне первой могли быть редкие поселения обских угров, с которыми позднее смешались меряне, двигавшиеся с запада – со стороны Ростова и Суздаля и

с севера – со стороны Вологды; в Поветлужье, вероятно, еще жили потомки немногочисленных ананьинцев и отдельные мансийские племена. Исходя из этого, Д. Е. Казанцев заключает, что через посредство предков манси в марийский язык вошли слова угорского происхождения [12: 94–95].

В этой связи уместно отметить, что мансийский язык в какой-то степени может выступать в роли субстрата горного наречия марийского языка. Ср., например, горномарийские и мансийские слова, имеющие идентичные или близкие значения при определенных фонетических расхождениях, если учесть звуковые преломления, имевшие место в истории их развития:

слова горного наречия марийского языка	мансийские слова ¹²
<i>ӓтя лӓм</i> 'отчество'	<i>ӓце нӓм</i> 'отчество' [137]
<i>ви</i> 'сила; мощь; усилие'	<i>вӓ</i> 'сила' [147]
<i>виӓн</i> 'сильный, мощный'	<i>вӓң, вегың</i> 'сильный' [147]
<i>ванжак</i> 'переход, перекладина (через ручей)'	<i>вӓнсӓх, вӓнших</i> 'мост' [131]
<i>кенвацташ</i> 'выронить'	<i>кӓнпӓтых</i> 'выронить' [118]
<i>кӓртни</i> 'железо'	<i>кер</i> 'железо' [122]
<i>лӓпӓ</i> 'бабочка'	<i>лӓпх, лӓпх</i> 'бабочка' [113]
<i>левӓш</i> 'крыша'	<i>лӓп</i> 'крыша' [128]
<i>ылаш, улы</i> 'есть (имеется)'	<i>ӓлӓй</i> 'есть (имеется)' [122]
<i>ӓлӓмӓш</i> 'жизнь'	<i>олнӓйц</i> 'жизнь' [123]
<i>енгӓ</i> 'сноха'	<i>аньге</i> 'сноха (старшая)' [148]
<i>пӓкш</i> 'орех'	<i>пӓксӓм</i> 'орех' [136]
<i>пындаш</i> 'дно'	<i>пӓтът</i> 'дно' [212]
<i>пуаш</i> 'дать'	<i>пувелтӓх</i> 'дать' [120]
<i>вел</i> 'сторона'	<i>пӓл</i> 'сторона' [150]
<i>пеле-лош</i> 'пополам'	<i>пӓлӓй</i> 'пополам' [141]
<i>пӓӓргӓ</i> 'мужчина'	<i>пӓв, пыг</i> 'парень' [137]

¹² Иллюстративный материал по мансийскому языку выбран из книги Е.А. Кузаковой «Словарь манси (восточный диалект)» (М., 1994). После соответствующих слов указываются страницы из этой книги.

<i>пуалишы</i> 'опухоль'	<i>пувлáхтэп</i> 'опухоль' [136]
<i>пынан</i> 'покрытый шерстью, мехом'	<i>пўның</i> 'мохнатый' [131]
<i>сб́нзагомдыш</i> 'веко'	<i>сáм кáсэнтóв</i> 'веко' [115]
<i>сб́нзавын</i> 'ресница'	<i>сáмпáн</i> 'ресница' [145]
<i>шимемдáш</i> 'чернить'	<i>сэмыл лaх</i> 'чернить' [157]
<i>тел</i> 'зима'	<i>тáл</i> 'зима' [124]
<i>тонг</i> 'семя, ядрышко, зернышко, косточка'	<i>тойм</i> 'семя' [147]
<i>тб́вел</i> 'находящийся на той стороне; с той стороны'	<i>тўвeл, тўвeлнэл</i> 'оттуда' [137]
<i>тагачы</i> 'сегодня'	<i>тэхáтэл</i> 'сегодня' [147]
<i>оролаш</i> 'стеречь'	<i>урилáх</i> 'стеречь' [150]
<i>кужы</i> 'длинный'	<i>хй́ще</i> 'длинный' [121]
<i>колаш</i> 'умереть'	<i>холых, холилáх</i> 'умереть' [154]
<i>кўн</i> 'чей (чья, чье)'	<i>хон</i> 'чей [чья, чье]' [156]

Из-за отсутствия лексического материала по южномансийскому диалекту для сравнения взяты слова верхнекондинского диалекта (Юконда и Верхняя Конда).

Как явствует сравнительный анализ словаря верхнекондинского диалекта, в разных селениях одно и то же мансийское слово произносится различно, ср., например:

Юконда	Верхняя Конда	Русский перевод
лáнт	лынт	гусь [7]
хáль	кыль	береза [7]
сэмел	сымел	черный [7]

Следует отметить, что уже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры горного наречия и мансийского языка не может исключить предположения об общем их генезисе.

Если взять для сравнения материалы южномансийского диалекта, то, разумеется, круг лексических соответствий можно значительно расширить.

Определенный интерес, вместе с тем, представляют результаты изысканий Б. А. Серебренниковым гидронимии Кировской

области. Так, один из притоков *Сысолы*, как он отмечает, называется *Овдым*. Характеризуя его как речное название угорского типа, Б. А. Серебренников полагает, что имеются известные основания говорить о наличии каких-то угорских элементов в культуре мари [21: 286].

К сожалению, конкретные данные по смысловой наполненности потамонима *Овдым* им не приводятся. Поэтому его рассуждения об этнических взаимосвязях мари и угров носят чисто умозрительный характер. Однако, как свидетельствуют лексические данные марийского и угорских языков, потамоним *Овдым* по своему фонетическому облику наиболее близок к марийскому апеллятиву *овда*. Что касается семантического содержания этой лексемы, то в «Словаре марийского языка» (Т. 4: М - Ö /ма – öрчыктараш/. – Йошкар-Ола, 1998) указаны 4 ее значения: 1. *миф.* существо женского пола с длинными волосами, большими грудями, любившее ночью кататься на лошади; 2. *диал.* филин; 3. *бран.* неряха, растяпа; 4. марГ *уст.* обезьяна.

Прежде всего, бросается в глаза невероятная пестрота семантического содержания этого слова. Поэтому для этимологического анализа потамонима *Овдым* нужны не только диалектные данные марийского и угорских языков, но и лексические материалы родственных и неродственных контактирующих языков.

Большой интерес в этой связи представляют исследования И. С. Галкина. По его мнению, угорские элементы просматриваются в таких названиях, как *Визим* с вариантами *Визимка*, *Везим*, *Визюмка*, *Изюмка*; *Визымйёр*, ср. манс. *вис* 'низина с мягким травянистым покровом и источником' [3: 38–39; 4: 49–50]; *Вурзым* < *вир* 'лес' + *сом* 'речка', ср. морд. *вир* 'лес', манс. *вор* 'лес'; хант. *сом* 'ручей' [3: 75; 4: 123]; *Кундыш*, ср. хант. название реки *Конда* [3: 51; 4: 69–70]; *Помары*, ср. хант. и манс. *пам* 'травя' [3: 66–67; 4: 101–102]; *Турек*, *Турша*, ср. манс. *тур* 'озеро' [3: 54; 4: 120]; *Турья*, ср. манс. *тур* 'озеро' [3: 74; 4: 121]; *Шум* (*Сум*), ср. угорек, *сом* 'речка' [3: 84; 4: 142–143]; *Юнга*, ср. хант. *йынк* 'вода' [3: 85; 4: 146–147]; *Ярамарий* (Ярамор) –

угорск. Ханты р. *Норилку* называют *Ярынга* 'река Ярын' [3: 87–88; 4: 150].

Кроме того, в отдельных географических названиях, наряду с угорскими, И. С. Галкин усматривает и пермские лексические элементы, например: *Ронга*, *Турья*, *Шайра*, *Шашка*.

Однако не все из указанных этимологий получили всеобщее признание. Например, название р. *Визим* объясняется на материале пермских языков, ср. удм. *визыл* 'струйка', *визыланы* 'сильно (быстро) течь' или удм. диал. 'течь стружкой, струиться'. Следовательно, *Визым* – 'быстро текущая речка'. Р. А. Агеева, анализируя гидронимы Русского Северо-Запада, *Визуй*, *Визенка* (*Визынка*), *Визьма*, *Визма*, *Визва* (= *Изва*), а также *Визь-Нюр* (болото в Вологод. губ.) и *Виз* (Перм. губ.), предполагает об их финно-угорском (вепском?) происхождении и сравнивает их с коми *виз* 'поток, место с быстрым течением' [1: 213]. Однако вепский лингвистический материал в качестве иллюстрации ею не приводится.

Не являются бесспорными также объяснения топонимов *Помары*, *Шайра*, *Юнга*, *Ярамарий*. Для конструктивного решения их этимологии требуются дополнительные лингвистические изыскания, поэтому вопрос об истории их происхождения остается пока открытым.

Некоторые из отмеченных И. С. Галкиным названий встречаются в тех регионах, где угорского населения никогда не было. В этом отношении обращает на себя внимание название притока Ояти реки *Ронга*. По мнению И. И. Муллонена, оно восходит к саамскому *roG'G^E*, *roG'K^E* 'углубление', *jo³kk- roG'G^E* 'русло реки' [17: 79].

Однако, учитывая физико-географические особенности р. *Ронга* Республики Марий Эл, следует отметить, что ее русло извилистое, слабо разветвленное; берега устойчивые, местами крутые. Это обстоятельство является одним из факторов сопоставления гидронима с саамской лексемой *roniek* 'извилистая' [28: 737].

Не менее показателен также гидроним *Кундыш*, восходящий, возможно, также к саамскому источнику. Ср., например,

диалектные данные Кольских саамов: саамК *kuñ^dt* (имен, п.), *kuñD* (род. п.), саамНТ *koD't*, саамН *gud'dâ* 'хороший', а также субстратный гидроним Севера: *Кундыш* [14: 66].

Что касается топонима *Турья*, то он, по мнению А. И. Туркина, как нарицательное слово употребляется в значении 'северный; лапландец, саам', а в древних письменных источниках и в фольклоре (эпос «Калевала») *Турья* бытует со значением 'Лапландия или вообще Север, Северные края', например, *Turjanmeri* 'Северный ледовитый океан' [25:115-116].

С точки зрения М. Г. Атаманова, гидроним и ойконим *Турья* в Килемарском р-не Республики Марий Эл является воршудно-родовым именем удмуртов, состоящим из лексем *тур* 'тетерев' + *-я* - аффикс [2: 87]. Однако такое толкование названия *Турья* является весьма сомнительным.

Ареал распространения этого топонима на обширной территории не допускает его интерпретации как воршудно-родовое имя удмуртов и этимологизация, основанная на чисто внешних звуковых соответствиях, вряд ли будет оправданной, гарантирующей от случайности. В действительности же это название встречается не только в Республике Коми, Марий Эл, Удмуртии, Татарстане и Кировской области, но и в Западной Сибири, ср., например, приток р. Иртыша – *Турья*. По мнению Г. В. Глинских, оно восходит к мансийскому языку и означает 'озёрную реку' [6: 7]. Поэтому угорское происхождение этого названия не вызывает сомнения.

Гидроним *Шашка* (название притока р. Сары в Переславль-Залесском крае Ярославской губ.) Ф. И. Гордеев вслед за М. И. Смирновым объясняет при помощи мар. слова *шашка* 'норка', имеющего варианты *шайшкё* (в диалектах западного типа) и *шашке* (в говорах лугового и восточного наречий), которые, по его мнению, восходят к общемарийской форме **шайшке*. Анализируемый гидроним он сопоставляет с марийским *Шашка* (название правого притока р. *Малый Кундыш*) и вычленяет в его структуре суффикс *-шк(а)* [7: 74–75]. Однако такое утверждение не учитывает данные исторической морфологии марийского языка. На самом деле **шайшке* 'норка' по своей структуре явля-

ется непроизводным и звуковой отрезок *-шк* в его структуре нельзя квалифицировать как деривационный суффикс, ср. вепс. *h'ähk* [29: 105], фин. *häähkä* 'выдра', а также в семантическом отношении идентичные лексемы тюркских языков: чув. *šaškə*, башк. *šäškə*, тат. *čäškä*, *čäškə* 'норка', восходящие к марийскому источнику [29: 105].

И. С. Галкин совершенно справедливо считает неоправданным объяснение гидронима при помощи слова *шашке*, допуская возможность его возникновения из мансийской лексемы *шаш* (*шош*) 'ручей, маленькая речка' + рус. уменьшительный суффикс *-ка*. Причем суффикс *-ка* им выделяется в результате сопоставления названия этой реки с такими гидронимами, как *Шоша* (р., впадающая в Волжское водохранилище), *Шошма* (прав, приток р. Вятки) [3: 79].

Что касается гидронима *Шоша* (р. бассейна Шексны), то Р. А. Агеева, опираясь лишь на чисто внешние созвучия, интерпретирует его как финно-угорское при помощи мар. лексемы *шошо* 'весна, весенний' и словосочетания *шошо вјд* 'половодье, весенний разлив'.

Однако эта точка зрения никак не может быть поддержана, поскольку мар. *шошо* 'весна' и гидроним *Шоша* не имеют генетической связи. Рассматриваемый гидроним, несомненно, стоит в одном ряду с речным названием *Шошка* (название реки бассейна р. Великой) и ойконимом *Шошка* (название населенных пунктов Княжпогостского и Сыктывдинского р-нов Республики Коми).

По мнению А. И. Туркина, название указанных селений связано с ханты-мансийским личным именем *Шешка* – название одного из угорских родов. В этой связи заслуживает также упоминания его высказывание о том, что в XV–XVI вв. манси платили ясак на Выми, минуя русские города за Уралом [25: 134]. Сказанное лишней раз свидетельствует о мансийском происхождении общей для указанных названий основы. Однако попытки А. И. Туркина доказать, что ойконим *Шошка* – название двух селений – является отантропонимным, нельзя признать удачными. Указанные сёла расположены возле реки: первое – на

правом берегу р. Сысолы, а второе – на левом берегу р. Выми. Поэтому вполне естественно, что в основе их названий лежит манс. географический термин *шош*. Ср., напр., мансЗ *šoš* 'ручей', а также топонимы: *Шошинье* 'Ручьевая река', *Кынглишош* 'Перекатный ручей' [14: 72].

Принятые сокращения

башк. – башкирский язык, *бран.* – бранное слово, *вепс.* – вепсский язык, *зуб.* – губерния, *диал.* – диалектное слово, *комиЗ* – коми-зырянский язык, *манс.* – мансийский язык, *мансЗ* – западный диалект мансийского языка, *мар.* – марийский язык, *марГ* – горное наречие марийского языка, *миф.* – мифическое, *рус.* – русский язык, *саам.* – саамский язык, *саамК* – кильдинский диалект саамского языка, *саамН* – норвежский диалект саамского языка, *саамНТ* – нотозерский диалект саамского языка, *тат.* – татарский язык, *угорск.* – угорские языки, *удм.* – удмуртский язык, *уст.* – устаревшее слово, *фин.* – финский язык, *чув.* – чувашский язык.

Список использованной литературы

1. *Агеева, Р. А.* Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / Р.А. Агеева. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
2. *Атаманов, М. Г.* Удмуртская ономастика / М.Г. Атаманов. – Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 1988. – 83 с.
3. *Галкин, И. С.* Тайны марийской топонимики / И.С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 96 с.
4. *Галкин, И. С.* Кто и почему так назвал. Рассказы о географических названиях Марийского края / И.С. Галкин. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. – 158 с.
5. *Гемуев, И. Н.* Религия народа манси. Культурные места (XIX – начало XX в.) / И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев. – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
6. *Глинских, Г. В.* Классификация нарицательной лексики и топонимия / Г. В. Глинских // Вопросы ономастики: Межвуз. сб. науч. тр. / Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Свердловск, 1982. – С. 3–21.
7. *Гордеев, Ф. И.* О былых связях древнемарийских племен со своими соседями по данным ономастики / Ф.И. Гордеев // Вопросы марийской ономастики: сб. ст. / МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1985. – Вып. 5. – С. 72–113.
8. *Дульзон, А. П.* Былое расселение кетов, по данным топонимии / А. П. Дульзон // Вопросы географии. Науч. сб. Московск. филиала Географи-

чешк. об-ва Союза ССР: Географические названия. – М.: Мысль, 1962. Сб. 58. – С. 50–85.

9. *Европеусь, Д.* Къ вопросу о народахъ, обитавшхъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія славянъ / Д. Европеусь // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Июль мѣсяць. – С. Петербург, 1868. – Ч. 139. – С. 55–71.

10. *Европеусь, Д. П.* О курганныхъ раскопкахъ около погоста Бежець въ Бежецкомъ уезде Тверской губерніи / Д. Европеусь // Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Декабрь мѣсяць. – С. Петербург, 1872.

11. *Европеусь, Д. П.* Об угорскомъ народѣ», обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей / Д. Европеусь. – Санктпетсбургъ, 1874. – 23 с.

12. *Казанцев, Д. Е.* Формирование диалектов марийского языка (В связи с происхождением марийцев) / Д.Е. Казанцев. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 160 с.

13. *Куклин, А. М.* К вопросу об этимологизации гидронимов на *-енга* / *-еньга* / А.Н. Куклин // *Linguistica Uralica*. Ж./АН Эстонии. – Tallinn, 1995. – № 3 (XXXI). – С. 188–195.

14. *Матвеев, А. К.* Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем / А.К. Матвеев // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 3. – С. 58–73.

15. *Мошинская, В. И.* О Зауральских зооморфных изображениях, связанных с глиняной посудой (К вопросу о древних контактах в уральской среде) / В.И. Мошинская // Проблемы археологии и древней истории угров: сб. ст. советских и венгерских археологов / АН СССР. Ин-т археологии. – М., 1972. – С. 56–65, ил.

16. *Мошинская, В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири / В.И. Мошинская. – М.: Наука, 1976. – 132 с, ил.

17. *Муллонен, И. И.* Гидронимия бассейна реки Ояти / И.И. Муллонен. – Петрозаводск: Карелия, 1988. – 162 с.

18. *Мурзаев, Э. М.* Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с. с карт.

19. *Попов, А. В.* К вопросу о хорографии и палеоэтнографии Иркутской губернии / А.В. Попов // Очерки по землеведению и экономике Восточной Сибири: сб. секций Землеведения и Экономической / Изв. Вост.-Сиб. отдела Русск. географ. общ-ва. – Иркутск, 1926. – Т. 49; Вып. 2. – С. 131–140.

20. *Ромбандеева, Е. И.* Мансийский язык / Е.И. Ромбандеева // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / Ин-т языкозн. АН СССР. – М.: Наука, 1976. – С. 229–239.

21. *Серебрянников, Б. А.* Обсуждение докл. и сообщ. Ответы на вопр. / Б.А. Серебрянников // Происхождение марийского народа. Материалы науч. сессии, проведенной МарНИИ (23–25 декабря 1965 г.). – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1967. – С. 281–290.

22. *Соколова, З. П.* Обские угры (ханты и манси) / З.П. Соколова // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 8–47.

23. *Соловьев, Б. С.* О «валиковой» керамике поселения Галанкина Гора / Б. С. Соловьев // Археология и этнография Марийского края. Древние этнические процессы Волго-Камья: сб. ст. / МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1985. – Вып. 9. – С. 87–99.

24. *Соловьев, Б. С.* Валиковая керамика в Среднем Поволжье и Прикамье (к вопросу о сейминско-турбинском транскультурном феномене / Б.С. Соловьев // Археология и этнография Марийского края. Этногенез и этническая история марийцев: сб. статей / МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1988. – Вып. 14. – С. 21–43.

25. *Туркин, А. И.* Топонимический словарь Коми АССР / А.И. Туркин. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. – 144 с.

26. *Халдеева, Н. И.* Уральская раса по данным одонтологии / Н.И. Халдеева // Материалы к антропологии уральской расы / Башк. науч. центр УО РАН. – Уфа, 1992. – 152 с.

27. *Хить, Г. Л.* Саамы в дерматоглифической систематике финно-угров Евразии / Г.Л. Хить // Происхождение саамов (по данным антропологии и археологии). – М.: Наука, 1991. – С. 59–82.

28. *Lagercrantz, E.* Lappischer Wortschatz / E. Lagercrantz // Lexica Societatis Fenno-Ugricae VI. – Helsinki, 1939. – 1–II.

29. *Räsänen, M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen / M. Räsänen // Lexica Societatis Fenno-Ugricae. – Helsinki, 1969. – XVII, 1. – 533 S.

ЛЕВИНА МАРИЯ ЗАХАРОВНА

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Россия, г. Саранск

**КАТЕГОРИЯ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ
В МОКШАНСКОМ ДИАЛЕКТНОМ АРЕАЛЕ**

**CATEGORY OF DEGREES OF COMPARISON
IN THE MOKSHA DIALECTAL AREAL**

Аннотация. Категория степеней сравнения качественных прилагательных и наречий, выражающая относительную разницу или превосходство, присущем предметам или процессам. В мордовских (мокшанском и эрзянском) языках категория степеней сравнения образуется противопоставлением трех форм: положительной, сравнительной, превосходной, которые не имеют специальных морфологических маркеров, а указывают на большую или меньшую степень синтаксически.

Ключевые слова: диалекты и говоры мокшанского языка, ареал, грамматические признаки, степени сравнения, морфологические маркеры, аналитический способ.

Abstract. The category of degrees of comparison of adjectives and adverbs of quality, expressed in terms of difference or superiority, is inherent in objects or processes. The Mordovian (Moksha and Erzya) category of degrees of comparison has three forms: positive, comparative, superlative. These degrees do not have specific morphological markers, the extent of the degree is expressed by means of syntax.

Keywords: dialects and sub dialects of Moksha language, area, grammar characteristics, degrees of comparison, morphological markers, analytical method.

На современном этапе лингвистики категория степеней сравнения в мокшанских говорах отличается малой степенью изученности, а также необходимостью представления своеобразия языковых черт, что представляет значительный интерес как для мордовского, так и для финно-угорского языкознания.

Категория степеней сравнения выделяется как у наречий, так и у качественных прилагательных.

В настоящей статье рассматриваются способы выражения степеней сравнения прилагательных в диалектах мокшанского языка, как средство репрезентации актуальных черт диалектной языковой картины мира.

Отдельные аспекты грамматического строя адъективов не раз становились объектом исследований (Д. В. Бубрих [1953], Р. А. Заводова [1952], М. Е. Евсевьев [1963], С. З. Деваев [1963], А. П. Феоктистов [1975], Д. В. Цыганкин [1987, 2006] и др.). Исследованию категории степеней сравнения в мордовских языках посвящена работа Т. М. Тихоновой «Способы выражения степеней сравнения в мордовских языках» [1979].

Категория степеней сравнения прилагательных в мордовских языках традиционно рассматривается в рамках морфологических признаков имен прилагательных (Б. А. Серебренников, 1967; Основы финно-угорского языкознания, 1975; Грамматика мордовских языков, 1980; Мокшень кяль, 2000; Эрзянь кель, 2000). С одной стороны, такой подход, безусловно, оправдан, поскольку степени сравнения присущи прилагательному и являются его отличительным признаком. Но следует отметить, что в мордовских языках степени сравнения не имеют специального морфологического оформления, а указывают на большую или меньшую степень синтаксически. Поэтому нам представляется, что степени сравнения в современных мордовских языках целесообразно рассматривать как аналитические (сложные) формы.

Категория степеней сравнения имени прилагательного выражает количественные характеристики признака, обозначаемого прилагательным, или, другими словами относительную оценку признака предмета в сравнении с другими предметами, обладающими тем же признаком.

Формы степеней сравнения прилагательных в диалектах мокшанского языка достаточно разнообразны, разноструктурны, отличаются специфическими вариантами. Степени сравнения (положительная, сравнительная, превосходная) свойственны лишь для качественных прилагательных, обозначающих качество и свойство непосредственно, которые проявляются в предметах в большей или меньшей степени, тем самым отличаются

от относительных прилагательных, обозначающих признак предмета через отношение к другим предметам или действию.

В исследуемом мокшанском диалектном ареале положительная степень, как и в литературном языке не имеет никакой маркировки: центр. д. *akša(ə) (lov)* 'белый снег', *čebär / čiber' (lomań)*, юго-вост. д. *čiber' (lomań)*, зап. д. *gož (lomań)* 'хороший человек'; центр. д. *mazj (štär')*, зап. д. *maži (štär')* 'красивая девушка', юго-вост. д. *maži (mar')* 'красное яблоко'; центр. д. *šeňam / šiňan pančf*, юго-вост. д. *šiňan pančf*, зап. д. *šeňamə / šiňamə pančf* 'синий цветок'; центр. д. *jakštär'*, зап. д. *jakštärə(e) mar'* 'красное яблоко'. Некоторые ученые положительную степень прилагательных вообще не считают степенью сравнения, или же она считается слабым членом оппозиции.

Следует отметить, что в диалектах мокшанского языка имеется немало омонимичных форм прилагательного. Итак, в юго-восточном диалекте форма прилагательного *maži* употребляется только со значением 'красный', в других диалектах функционирует со значением 'красивый'. Прилагательное *jožu / jožo* в мокшанском диалектном ареале употребляется двояко: в говорах темниковско-атюрьевской подгруппы форма *jožo* функционирует со значением 'умный' (ср.: юго-вост. д. *joňu*, зап. д. *jonu*) и отличается расширением огласовки ауслота слов, приближаясь по этому признаку к эрзянскому языку; в говорах стародайговского ареала данное прилагательное употребляется со значением 'хитрый'.

В западном, переходном и частично центральном диалектах мокшанского языка употребляются формы прилагательных лексически отличающихся от прилагательных других говоров и диалектов, ср.: зап. д. *gož*, перех. д. *gož*, центр. д. *čebär / čiber'*, юго-вост. д. *čiber'* 'хороший'; центр. д. *kal'd'av*, атр. г. *resa*, темш. д. *bäräh*, зап. д. *resa, kal'd'av* 'плохой' и т. д.

В говорах темяшевского диалекта употребляются прилагательные часто характерные для эрзянского языка: *bäräh* 'плохой', *prävi* 'умный' и т. д. Данное явление связано с тем, что темяшевский диалект мокшанского языка представляет своеобразное сплетение мокшанского языка с отдельными грамматиче-

скими особенностями эрзянского, так как в прошлом граничило с эрзя-мордовскими сёлами, которые в последствии обрусели или покинули свои исконные места.

Качественное прилагательное в форме положительной степени имеет соотнесение с нормой, проявляющейся различным образом в зависимости от группы, в которую оно входит. Соответственно лексическому значению можно выделить четыре основные группы качественных имён прилагательных: 1) параметрические прилагательные, образующие антонимические пары, обозначают возрастные признаки, размер, положение в пространстве, временную протяжённость, физические качества людей и животных: *šeri /širi* 'высокий' – *alnä(e)* 'низкий', *šire(ə) / sijə* 'старый' – *od* 'новый', 'молодой'; 2) сенсорные прилагательные, обозначающие качества, воспринимаемые органами чувств, осязанием и т. д., например: *kajgi* 'звучный', *kažama(ə)* 'жёсткий', 'грубый', *šäpi* 'горький'; 3) оценочные прилагательные, обозначающие черты характера людей, животных, качество явлений природы и окружающей среды и т.д., например: *čebär / čiber', gož* 'хороший', *kald'av, bäreñ, řesa* 'плохой'; 4) прилагательные, обозначающие цвет: *akša(ə)* 'белый', *jakštär / jakštäre* 'красный', *šeñam / šinam / šeñame / šiname* 'синий' и т. д.

Сравнительная степень выражает большую или меньшую меру качества в предмете по сравнению с тем же качеством, которым этот предмет обладал в другое время. Основным способом выражения сравнительной степени в диалектах мокшанского языка является аналитический. Но также следует отметить, что в преобладающем большинстве мокшанских говоров, как и в мокшанском и эрзянском литературных языках, сохранился древнейший способ выражения сравнительной степени: применение конструкции, в составе которой существительное оформлено морфемой аблатива (синтетический способ), а прилагательное стоит в исходной форме, например: атр. г. *kšñədə kime* 'тверже железа'; темяш. д. *keludə mazj*, атр. г. *kilodə mazj*, зап. д. *keludə maži* 'красивее березы'. Данная форма сравнительной степени представляет собой трехкомпонентную структуру, она обя-

зательно включает в себя наименование предмета сравнения, основание сравнения, стандарт сравнения.

При отсутствии предмета, с которым сравнивается, употребляется частица *śada* 'еще' (аблатив от местоимения *śä* 'тот'): центр. д. *śada(ə) śire(ə)*, темяш. д. *śadə sijə*, шайг. г. *śadə sijə*, ельн. г. *śadə sijə*, юго-вост. д. *śadə śire* 'более старый'.

Для усиления интенсивности признака к форме аблатива существительного или к местоимению **śada** прибавляются пост-позитивные усилительные частицы **-nga**, **-ka**: атр. г. *śadənga(ə) oči / očo* 'более большой'.

Необходимо также отметить, что в диалектах мокшанского языка для усиления степени признака возможны «гибридные» формы, когда используются одновременно обе формы сравнительной степени – аблативная и с местоимением **śada**, например: кр.-синдр. г. *lomańda(ə) śada(ə) śeři*, темн.-атр. г. *lomańda(ə) śada(ə) śeři*, юго-вост. д. *lomańda(ə) śada(ə) śiri* 'еще выше человека'.

Аналитические конструкции сравнительной степени обозначают наличие признака в большей или меньшей степени. При этом аналитическом способе образования сравнительной степени конструируется факт абсолютного (притом постоянного, неизменного) преобладания какого-то качества в одном предмете по сравнению с тем же качеством в другом.

Превосходная степень означает абсолютное, неограниченное превосходство над всеми другими референтами вне сравнения; является сильным членом оппозиции.

На территории диалектов мокшанского языка её семантика передаётся несколькими способами: 1) сочетанием имени прилагательного в положительной степени со словами *śembəda(ə) / śimbəda(ə) / śiməda(ə)* (аблатив местоимения *śembə*), *śex̄ta(ə) / śix̄ta(ə)*, *śex̄ / śix̄, iñ / t̄naj, samaj / s̄mataj* 'най-', 'самый': центр. д. *śembəda(ə) / śimbəda(ə) kal'd'av*, темн.-атр. г. *śemədə kal'd'av*, ельн. г. *śiməda kal'd'av*, юго-вост. д. *śix̄ / śix̄tə kal'd'av*, зап. д. *śembəda(ə) / śimbəda(ə)*, *śex̄ta / śix̄ta, s̄mataj kal'd'av* 'самый плохой'; тмн.г. *śembədə / iñd'ədə jožoś*, атр. г. *śimbədə / iñd'ədə jožoś*, ельн. г. *śiməda jožuś*, юго-вост. д. *śimbəda / śix̄ jonuś*, 'самый умный';

2) повторением прилагательного в положительной степени: *ośi-ośi /ośo-ośo* 'большой-большой', 'самый большой'; 3) путём повторения прилагательных, к одному из которых агглютинируют формант аблатива **-da** и усилительная частица **-nga**, второе – в положительной степени: *akšədəŋda akšə* 'белее белого', 'самый белый'.

Нужно отметить, что в некоторых говорах центрального диалекта, а так же в темяшевском диалекте в значении превосходной степени используется форма сравнительной степени с усилительной частицей **-ga**: темн.-атр. г. *al'adəga jožo*, темяш. д. *al'adəga p'ravi* 'умнее мужчины даже'.

В отличие от других диалектов и мокшанского литературного языка, в темяшевском диалекте также для выражения высшей степени качества употребляется форма прилагательного на **-ska** в сочетании с этим же прилагательным в положительной степени [Бабушкина 1966: 118], сравни: темяш. д. *nolaska nola*, центр. д. *noladəŋga nola*, юго-вост. д. *noladəŋga nola* 'ленивый из ленивых', 'очень ленивый'; темяш. д. *śolaska śola*, центр. д. *af maštdəŋga af mašt* 'неумелый из неумелых', 'очень неумелый'; темяш. д. *bārāŋska bārāŋ*, центр. д. *kal'd'avdəŋga kal'd'av*, юго-вост. д. *kal'd'avdəŋga kal'd'av* 'плохой из плохих', 'очень плохой'.

В большинстве диалектов превосходная степень выражается также конструкциями, в которых функционируют слова *päk /pek* 'очень', *vel'f /vil'f*, *tuć* 'сверх', *ofši /jofši* 'вовсе', 'совсем'. В этом случае не производится сравнение с признаком в других предметах. Например: *päk /pek maŋi* 'очень светлый', *vel'f päškše(ə) /vil'f peškše(ə) / tuć peškše(ə)* 'букв.: наполненный доверху'.

В западном диалектном ареале функционируют слова *k'lok*, *səmataj*, *nətalinnaj*, *innaj* 'сверх', которые поясняют прилагательное, обозначающее положительное качество и придает ему значение превосходной степени: *k'lok gož* 'самый лучший', *k'lok ośi* 'самый большой', *nətalinnaj / innaj maži* 'сверх красивый'.

Элемент *k'lok*, возможно, указывает на воздействие татарского языка в образовании аналитической формы превосходной степени, которая выражает высший уровень концентрации того или иного качества в предмете. Аналогичные формы встречаются

ся и в говорах марийского языка, например: *клоп-кловой* 'очень голубой' [Галкин 1964: 98; Майтинская 1978: 83–84].

Также следует отметить, в исследуемом ареале выделяются усилительные частицы же *gərn*, *эхер*, *эхей*, *энд'ада(ə)* / *инд'ада(ə)*, *picəda* употребляемые в говорах мокшанского языка, поясняют прилагательное со значением отрицательного, неприятного качества и придают ему большой насыщенности качеством: зап. д. *gərn salu*, *gərn šapama*, *gərn koške*; центр. д. *эхер* / *эхей* / *picəda* / *инд'ада(ə)ə salu*, *эхер* / *эхей* / *picəda šapama*, *эхер* / *эхей koške*; м. лит. *päk / in salu* 'очень солёный', 'пересолённый', *päk / in šapama* 'очень кислый', 'до предела кислый', *päk / in* 'очень сухой', 'до предела сухой'.

В говорах атюрьевской подгруппы центрального диалекта встречаются вариант *proks*, см. *proks salu* «сверх солёный», который заимствован из русского языка, так как элемент *pro-* из русского *впрок* обнаруживается и в других славянских языках: украинском, древнерусском, болгарском, сербохорватском, чешском и др. [Фасмер 1971: 370–373].

Представляется интересным употребление конструкций в отдельных говорах юго-восточного диалекта, включающих слова *straχ* (от рус. *страх*), *avbəškej* (от мокш. *af* 'нет', *pəčkäj* 'подходит'), *turna*, которые выражают наивысшую степень качества: *avbəškej čibeř*, *straχ čibeř*, *turna oči*, м. лит. *šembəda / in čebär* 'лучший из лучших', 'наилучший'; *in oči* 'большой из больших', 'самый большой'.

В говорах смешанного диалекта мокшанского языка функционируют формы, где превосходная степень передается заимствованием из русского языка *очень*: кирт. г. *očenna / энд'ада čebär* 'очень хороший'.

Также следует отметить, что в мокшанском диалектном ареале вне системы степеней сравнения значение большого качества может придавать суффикс **-ňä** / **-ne**: центр. д. *vačkak usf očiňä(e)* 'наклади воз побольше', *keRt il'i kuvakaňä / kiRt il'i kuvakaňe* 'отрежь хворостину подлиннее'.

В говорах мокшанского языка встречаются прилагательные, которые в силу своего лексического значения (признак, называ-

емый этим прилагательным, является неизменным, он не способен проявляться в большей или меньшей степени), не могут иметь степени сравнения. Сюда относятся прилагательные, обозначающие состояние: *kula* 'мёртвый'; *sokər* 'слепой', 'лишенный зрения'; *šava* 'пустой'; *štada(ə)* 'голый', 'неимеющий на себе одежды' и т. п.

Таким образом, приведенный языковой материал дает основание утверждать, что в мокшанском диалектном ареале выявляется многообразие и разнохарактерность выражения степеней сравнения. В результате выборки и анализа фактического материала удалось установить, что формы степеней сравнения имени прилагательного не имеют специализированных морфологических маркеров, тем самым преобладает аналитический способ образования. Во всём многообразии средств выражения степеней сравнения прослеживается строгая система их функционирования и употребления в речи.

Список условных сокращений

атр. г. – говор атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка; *ельн. г.* – ельниковский говор центрального диалекта мокшанского языка; *зап.* – западный диалект мокшанского языка; *кирт. г.* – говор с. Киртели Тетюшского р-на Республики Татарстан; *кр.-синдр. г.* – краснослободско-синдровский говор центрального диалекта мокшанского языка; *м. лит.* – мокшанский литературный язык; *перех. д.* – переходный диалект мокшанского языка; *темн.-атр. г.* – говор темниковско-атюрьевской подгруппы центрального диалекта мокшанского языка; *темяш. д.* – темяшевский диалект мокшанского языка; *центр. д.* – центральный диалект мокшанского языка; *шайг. г.* – шайговские говоры центрального диалекта мокшанского языка; *юго-вост. д.* – юго-восточный диалект мокшанского языка

Список использованной литературы

Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. – Т. 4. – С. 16–225.

Бубрих Д. В. Историческая грамматика эрзянского языка – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. – 272 с.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1964. – Ч.1. – 203 с.

Грамматика мордовских языков. Фонетика, графика, орфография, морфология / под ред. Д.В. Цыганкина. – Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 1980. – 430 с.

Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – Т. 2. – С. 261–433.

Евсевьев М. Е. Основы мордовской грамматики // Избр. тр.: в 5 т. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – Т. 4. – 469 с.

Заводова Р. А. Имя прилагательное в мордовских языках: автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1952. – 11 с.

Левина М. З. Мокшень диалектологиясь = Диалектология мокшанского языка: учебное пособие / М. З. Левина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 176 с.

Майтинская К. Е. Участие заимствованных элементов в развитии форм степеней сравнения в финно-угорских языках // Советское финно-угроведение. – Таллинн, 1978. – № 2. С. 6–14.

Мокшень кяль. Морфология / под ред. Н. С. Алямкина. – Саранск: [б.и.], 2000. – 233 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1967. – 261 с.

Тихонова Т. М. Способы выражения степеней сравнения в мордовских языках / Т. М. Тихонова. – Сыктывкар: Наука, 1979. – 42 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1971. – Т. 3. – 827 с.

Феоктистов А. П. Мордовские языки // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. – М.: Наука, 1975. – С. 248–343.

Цыганкин Д. В. Словообразование в мордовских языках. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1987. – 80 с.

Цыганкин Д. В. Морфемика и словообразование мордовских языков: учебное пособие. – Саранск: [б.и.], 2006. – 59 с.

Эрзянь кель. Морфология. – Саранск: [б.и.], 2000. – 279 с.

Лобанова Алевтина Степановна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Россия, г. Пермь

**О ЯЗЫКЕ НАРОДНОЙ СКАЗКИ, ПРЕДСТАВЛЕННОЙ
В РАБОТЕ Н. А. РОГОВА
«ОПЫТ ГРАММАТИКИ ПЕРМЯЦКОГО ЯЗЫКА» (1860)¹³**

**ON THE LANGUAGE OF FOLK TALES, PRESENTED
IN THE WORK OF NIKOLAI ROGOV
"EXPERIENCE OF GRAMMATICS OF PERMYAK
LANGUAGE" (1860)**

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому анализу самого раннего коми-пермяцкого текста – народной сказки, представленной в работе Н. А. Рогова «Опыт грамматики пермяцкого языка» 1860-ого года издания. Впервые выявляется динамика развития кудымкарско-иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка в области фонетики и лексики. Особое внимание уделено синтаксическим особенностям анализируемого текста.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, язык фольклорного текста, словарный состав, фонетические изменения, синтаксический строй.

Abstract. The article deals with the linguistic analysis of the earliest Komi-Perm text, the folk tale, presented in Nikolai Rogov's "Experience of Grammatiks of Permyak language", published in 1860. The development of phonetic and lexical aspects in kudymkar-inven dialect of the Komi-Perm language is revealed in dynamics for the first time. Special attention is paid to the syntactic features of the analyzed text.

Keywords: Komi-Perm language, the language of folklore texts, vocabulary, phonetic changes, syntactic structure.

¹³ Работа выполнена при поддержке гранта 16-14-59602 Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте.

В современной лингвокультурологии и историческом языкознании не подвергается сомнению тезис, что язык фольклора является благодатной областью широких лингвистических исследований. В фольклорных текстах сливаются воедино языковое, этническое, мировоззренческое, историческое и другие составляющие этноса. Особенно это касается языков тех народов, чьи традиции нормированного литературного языка до настоящего времени довольно неустойчивы. Коми-пермяцкий язык можно отнести к числу таких языков.

До настоящего времени нет комплексных исследований, позволяющих судить о словарном составе коми-пермяцких фольклорных текстов, их морфологических особенностях и синтаксической составляющей. В этом направлении нами сделаны некоторые попытки лингвистического анализа народных загадок (2010) и языка детского фольклора (2015).

Считаем, что произведения, созданные и зафиксированные в письменных источниках на языке коми-пермяков в дореволюционный период, представляют большую ценность в плане исторического и культурологического аспектов изучения языка.

Объектом нашего внимания стала работа Н. А. Рогова «Опыт грамматики пермяцкого языка», изданная в 1860 году. Автор в ней поместил несколько фольклорных текстов: одну сказку, двадцать девять загадок, пятнадцать пословиц и девять прибауток (среди последних, возможно, две песни).

По нашим сведениям, этот источник является первым, в котором зафиксирован текст на национальном языке. В более ранних работах встречаются лишь отдельные выражения или словосочетания (например, в работе Ф. Любимова 1838 года написания). У того же Ф. Любимова есть вариант переводного церковного текста, датируемый 1823 годом (*Матвейсянь важся кыв*), который имеет свою специфику (религиозный стиль изложения, специфическая лексическая составляющая и т. д.). Фольклорные тексты в большей степени отражают народный язык, хотя общеизвестно, что язык фольклора и народный язык – это не тождественные понятия. Одним словом, попытаемся прокомментировать лингвистические особенности одного фольклорного текста

– сказки, запечатленной в названном издании, как наиболее архаичного текста, написанного на пермяцком языке.

В анализируемом тексте представлен вэовый диалект коми-пермяцкого языка, близкий к современному кудымкарско-иньвенскому диалекту (что не вызывает никаких сомнений, поскольку Н. Рогов жил и работал на территории распространения современного южного наречия коми-пермяцкого языка). Напомним, что Н. Рогов не был носителем языка, он не является этническим пермяком. Будущий исследователь родился в семье крепостного крестьянина, но получил образование в С-Петербурге. Долгое время работал лесничим, выучил пермяцкий язык и оставил после себя очень богатое наследство: Опыт грамматики пермяцкого языка (1860), Материалы описания быта пермяков (1860), Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь (1869). Это самые полные работы по языку и материальной культуре коми-пермяков XIX века.

Сказка

Сказка является самым объемным текстом из всех имеющих в Опыте грамматики пермяцкого языка. Автор обозначил наименование жанра – *висьтавѳм (каски)*, но оставил ее без названия. Сюжет сказки представляет собой переплетение мотивов двух русских народных сказок – «Волк и Лиса», «Лиса и Заяц». По этой причине нет возможности утверждать, что перед нами народная коми-пермяцкая сказка. Остается констатировать, что к тому периоду русские народные сказки каким-то образом уже были известны пермякам и служили своеобразным «строительным материалом» для появления своих, пермяцких, вариантов. Краткое содержание сказки таково. Волк и Лиса построили себе дома, деревянный и ледяной соответственно. Когда весной у Лисы ледяной дом растаял, она, давя на жалость, напросилась к Волку на временный постой. Как и следовало ожидать, стала проявляться ее воровская натура. Волк, недолго думая, Лису выгоняет. Далее демонстрируется еще одна ее черта – лживость: она выходит на дорогу и прикидывается мертвой, что позволяет ей оказаться в саях русского мужика. Как и в известной рус-

ской сказке, Лиса крадет всю рыбу. Сказка завершается тем, что обманутый Лисой Волк с замерзшим хвостом у проруби попадает в руки охотника, тот его убивает, шкуру Волка забирает себе, а мясо оставляет Лисе. Одним словом, сюжет построен по образцу двух русских сказок с уточнением конкретного этнического персонажа – русского, что довольно символично. Сказку выделяет довольно индивидуальное завершение – Лисе достается всё: деревянный дом, вся рыба и мясо Волка.

Теперь по поводу языка этого произведения. Сказка написана на чистом пермяцком языке, в ней практически нет заимствований. По одному разу встретились частицы *не*, *жõ* и *ну*, одна из которых фонетически адаптирована к пермяцкому языку; три сочинительных союза *а*, *да*, *и*; наречие *пора* и стилистически окрашенное слово *куманёк* (примеры представлены в современной орфографии – *А.Л.*). Вся лексика в анализируемой сказке (сто пятнадцать разных лексем) – это слова общенационального словарного фонда. Довольно много глаголов – 51 глагол, многие из которых повторяются. Их семантика довольно разнообразна. Среди них есть глаголы движения – *петны* ‘выйти’, *мунны* ‘идти’; глаголы действия – *косявны* ‘рвать’, *õктыны* ‘собирать’; глаголы, содержащие семантику субъективной оценки – *китсавны* в зн. ‘громко звать’, *чирзыны* в зн. ‘громко кричать, ругаться’, *серавны* ‘смеяться’, *кеймисьны* в зн. ‘умолять, упрашивать’ и т. д. По частоте употребления вслед за глаголами следуют существительные (24 лексических варианта) и наречия, отражающие семантику временных и пространственных отношений (*тõвнас* ‘зимой’, *тувыс* ‘весна’, *одзвань* ‘вперед’, *тõн* ‘вчера’, *õтõрõ* в зн. ‘в одну сторону’, *мõдõрõ* в зн. ‘в другую сторону’ и т. д.) В тексте представлены наименования фауны (*руч* ‘лиса’, *кõин* ‘волк’, *вõв* ‘лошадь’, *чери* ‘рыба’), наименования частей тела (*бõж* ‘хвост’, *кучик* ‘шкура’, *син* ‘глаз’), наименования, отражающие материальные ценности (*керку* ‘дом’, *додь* ‘сани’), и т. д. В тексте, пожалуй, два слова вызовут сомнения у современного носителя этого диалекта в плане определения их значения – это глагол *ваньмõtчыны* в зн. ‘прикинуться’ (в тексте *Ваньмõtчас кувõмõн* в зн. ‘прикинется мертвой’) и существительное *дзу-*

линьёй (в тексте *куминьёй тэ менам, дзулиньёй* ‘куманёк ты мой любезный’). Глагол *ваньмётчыны*, по всей вероятности, является производным от *ваньтны* ‘уснуть’. Метафоризация лексемы (уснуть – прикинуться) для современного коми-пермяцкого языка не характерна. Другая лексема – *дзулиньёй*, стилистически окрашенное слово, нынешнему носителю языка оно неизвестно, хотя в словаре того же Н. Рогова 1869 года издания зафиксирован вариант *дзуля* ‘любезно, мило’ [Рогов 1869: 277]. Вся остальная лексика не вызывает никаких затруднений в ее восприятии.

Некоторые моменты морфологического характера, которые хочется прокомментировать. Коми-пермяцкий язык – агглютинативный язык. Вся семантика субъективной оценки, степени качества, модальности, причинно-следственных отношений, однократности, многократности действия и т. д. передается с помощью суффиксов. К сожалению, эта красота в анализируемой сказке практически не представлена. Поскольку в тексте чаще всего встречаются глаголы, то их грамматические значения и формы наиболее разнообразны. Так в глагольных формах встречаются некоторые видовые и залоговые суффиксы: значение мгновенности и уменьшительности действия реализуют глагольные формообразовательные суффиксы *-ышт* и *-ёт* (*кыкыштас* ‘клянет’, *кыкышт* в зн. ‘быстро вытяни’, *чеччövтас* ‘спрыгнет’), суффикс *-ав* – значение длительности и рассредоточенности действия (*пукавис* ‘сидел’, *дзарьявис* ‘оглядывался’ и др.), суффиксы понудительного и возвратного залогов *-ёт* (*эн кынмёт* в зн. ‘не дай замерзнуть’), *-ч*, *-ись* (*видзчись* ‘жди’).

Если продолжить разговор о глаголе, то нужно сказать, что в Сказке представлены практически все формы времени глагола: форма настоящего времени (она употреблена в значении прошедшего времени, но это характерная черта для сказок) *мунё* ‘он идет’, *оз тöd* ‘он не знает’; будущего простого *вöгасяс* ‘рассердится’, *мунас* ‘уйдет’; будущего сложного *гусявны пондас* ‘красть будет’, *пондас юавны* ‘будет спрашивать’ (причем вспомогательный глагол то предшествует основному глаголу, то стоит после него); прошедшего очевидного *пукавис* ‘сидел’, *дзарья-*

вис 'оглядывался'; прошедшего неочевидного *керѡмась* 'оказывается, сделали', *вѡвѡм* 'оказывается, был', *мунѡм* 'оказывается, ушел'. Интересно, что представлена форма прошедшего очевидного незавершенного *ковѡ вѡви* 'надо было'. Последняя форма, надо отметить, в тексте Грамматики не описана.

В составе существительных четыре раза встречается уменьшительно-ласкательный суффикс *-иньѡй* (*ручиньѡй* в зн. 'лисонька', *кѡининьѡй* в зн. 'дорогой волк', *куминьѡй* 'куманек', *дзулиньѡй* в зн. 'любезный'), одновременно реализуя и свою стилистическую функцию. Немногочисленные примеры имен существительных в форме множественного числа позволяют предположить, что в словах с основой на согласный звук в тот период уже действовал закон уподобления, когда первый звук суффикса [-йэз] попадал под ассимиляцию предшествующего согласного (*кунь синнэтѡ* (< *синйэзтѡ*) 'закрой свои глаза'). В именах существительных на гласную основу при образовании формы множественного числа ассимилятивные процессы не наблюдаются, т. е. в этих случаях реализуется полная форма словоизменительного суффикса ([*керкуйэз*] 'дома').

В тексте сказки всего два прилагательных *ыджыт* (*туй*) 'большая (дорога)' и *роч* (*морт*) 'русский (человек)' и ни одного числительного; зато много местоимений: личные *ме* 'я', *тэ* 'ты'; вопросительное местоимение *мый* 'что', вопросительно-относительные местоимения *кыдз* 'как', *кѡр* 'когда'; усилительно-личное местоимение *ачыс* 'он сам'; отрицательное местоимение *нем* 'ничто'; указательное *сія* 'тот'.

Если лексический состав Сказки можно сравнить с материалами других письменных памятников XIX века, а грамматические формы и значения слов разных частей речи, представленных в анализируемом тексте, можно сопоставить с текстом Грамматики и выявить, что уважаемый автор описал, а что осталось вне поля его зрения, то синтаксические особенности ни сравнить, ни сопоставить не с чем. Поэтому этот аспект Сказки нам был в большей степени интересен.

В Сказке двадцать четыре предложения. Не обращая внимания на пунктуационные погрешности, можно констатировать,

что представлены как простые, так и сложные предложения. Шесть предложений оформлено как бессоюзные сложные предложения, четыре сложноподчиненных предложения, придаточная часть которых представлена союзными словами *кыдз* 'как', *мый* 'что', *көр* 'когда', *кытшым* 'какой'. Три сложносочиненных предложения с сочинительным противительным союзом *а*. Т.е., союзное сложное предложение в тот период было практически сформировано и довольно активно функционировало. Что бросается в глаза – обилие однородных сказуемых (другие однородные члены предложения не представлены): *мунё и кеймисьё* 'идет и умоляет'; *эн кынмёт, ведз* 'не застуди,пусти'; *мунас, петас и ваньмётчас* 'пойдет, выйдет и прикинется'; *эн вөрётчы, видзчысь* 'не шевелись, жди' и др. Они связаны то бессоюзной сочинительной связью, то с участием союзов *и*, *да*. В Сказке представлены предложения с прямой речью.

Таким образом, текст позволяет судить о некоторой динамике развития данного диалекта в области фонетики, в частности, употребления звука [в]: к настоящему моменту в этом диалекте практически не встречается [в] в интервокальном положении, но он (звук *в*) стабильно проявляется в текстах Н. Рогова. Сегодня более активны ассимилятивные процессы, связанные с уподоблением звука [й]. Лексический состав, нашедший отражение в Сказке, остался практически без изменений, за исключением одного-двух слов. Грамматические формы, представленные в тексте, не столь разнообразны, как в самой Грамматике, поэтому этот момент не представляет большой актуальности. А вот синтаксический строй в определенной степени демонстрирует предложение пермяцкого языка середины XIX века.

Список использованной литературы

Боба тэ, Боба, кытчё тэ ветлин? (Боба ты, Боба, куда ты ходил?). Детский фольклор коми-пермяков. Сборник фольклорных текстов и комментариев. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. XI / Авторы-составители: Т. Г. Голева, А. С. Лобанова, Н. А. Мальцева, И. А. Подкоков, А. В. Черных. – Санкт-Петербург, 2015. – 397 с.

Görd gögяян небойт тарласьö (Красный круг по небу катается). Коми-пермяцкие загадки. Сборник фольклорных текстов и комментарии / Авторы-составители: В. Н. Бойко, Т. Г. Голева, А. С. Лобанова, А. В. Черных. – Санкт-Петербург, 2010. – 142 с.

Краткія Грамматическія Правила Принадлежащія къ Знанію Пермьтскаго Языка, составленныя города Соликамска Свято-Троицкаго Собора Протоіереемъ Оеодоромъ Любимовымъ 1838 года февраля 8-го дня. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. V. Памятник культуры. Лингвистическое наследие. – Пермь, – 237 с.

Рогов Н. А. Опыт грамматики пермяцкого языка. – С-Пб., 1860. – 174 с.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков. – М., 1860. – 131 с.

Рогов Н. А. Пермьтско-русский и русско-пермяцкий словарь. – С-Пб., 1869. – 421 с.

УДК 811.511.131

Люкина Надежда Михайловна

Глазовский государственный педагогический институт

им. В. Г. Короленко

Россия, г. Глазов

НАРЕЧИЯ В БЕСЕРМЯНСКИХ ГОВОРАХ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

ADVERBS IN THE BESERMYAN DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности наречий в юндинском (Балезинский район УР) и лекминском (Юкаменский район УР) говорах бесермян. Как и в литературном удмуртском языке, дана лексико-семантическая классификация. На основе диалектного материала анализированы особенности употребления наречий в речи бесермян. В монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» (1970) наречия не исследованы.

Ключевые слова: удмуртский язык, бесермянские говоры, наречия, лексико-семантическая классификация, диалектный материал.

Abstract: this article addresses peculiarities of the use of adverbs in the Yunda (Balezino district of the Udmurt Republic) and the Lekma (Yukamensk district of the Udmurt Republic) dialects of the Besermyans. It pro-

vides a lexico-semantic classification similar to that of the standard Udmurt language. The peculiarities of the use of adverbs in speech of the Besermians are analysed based on field dialect materials. The monograph “The language of the Besermians” by T. Teplyashina (1970) does not examine the use of adverbs.

Key words: Udmurt language, Besermyan dialects, adverbs, lexico-semantic classification, dialect materials.

Материалом данного исследования послужили наречия, зафиксированные нами в процессе полевых наблюдений над бесермянскими говорами, которые распространены на территории Юкаменского и Бalezинского районов Удмуртской Республики. В монографии Т. И. Тепляшиной «Язык бесермян» (1970) особенности данной части речи не исследованы (по объективным причинам).

Общеизвестно, что наречие обозначает непроцессуальный признак действия или признак признака. В удмуртском языке наречия имеют следующие морфологические свойства: они не изменяются, некоторые (обстоятельственные) наречия имеют какую-то ‘застывшую’ падежную форму, лишь отдельные разряды имеют сравнительную степень. Лексическая семантика диалектных наречий во многом зависит от их отнесенности к тому или иному грамматическому разряду (обстоятельственные и определительные наречия). «Обстоятельственные наречия обозначают признак, внешний по отношению к его носителю» [ЯБЭС 2000: 322]. В бесермянских говорах, как и в удмуртском литературном языке, данные наречия выделяются на следующие семантические группы: наречия места, наречия времени и причинно-целевые наречия.

1. В исследуемых говорах наречия места обозначают место или направление действия, например: *arten* ‘возле, рядом’ *pedla* ‘на улицу’, *otân* ‘там’, *tatân* ‘тут’, *otis'en* ‘оттуда’, *tatis'en* ‘отсюда’, *kud'oke* ‘далеко (куда)’ и др.: (Юнд.) *gurez' ben no-kâtân no evel tatân uk*. ‘Горы ведь нигде здесь нет’; (Шам.) *dotovo mad'âli-zâ udmurt kalâked otân*. ‘Так пели там удмурты’; (Паж.) *mi otis'en bertim taččâ, tatis'en mil'em no-mâr posobije es s'o-tâle*. ‘Мы отсюда возвратились сюда, тут нам никакого пособия не давали’;

(Еж.) *kud'oke nui-zâ luoz, nave-rno, kud'oke*. 'Далеко увезли, наверное, далеко'.

2. Как и в литературном языке, в описываемых говорах наречия времени могут выражать различные темпоральные отношения к моменту речи с точки зрения говорящего. Функционируя во взаимосвязи с глагольными формами настоящего, будущего и прошедшего времен, наречия конкретизируют, уточняют отношения времен, которые выражены временными формами глагола, например: *askaz* 'завтра, на завтра, на следующий день', *uaz'* (~ *vaz'*) 'рано', *uall'o* 'раньше, прежде', (Шам. Жув.) *tâz'nal* ~ (Юнд.) *toz'nal* ~ *tiz'nal* 'на днях, несколько дней тому назад', *mijâm* (~ *mim*) 'в прошлом году', *lâ-mbât* 'целый день', *uj-nunal* 'день и ночь', *žâtaz'e* 'вечером', *sokâ* (~ *soku*) 'тогда', *tare* 'теперь, сейчас', *kal'* 'сейчас' и др. Рассмотрим примеры-предложения: (Жув.) *to-lbât no-mâr ez a-žžâlis'kâ, min'čoje gâne pârânâ lez'âli-zâ*. 'Всю зиму ничего не видали, только в баню отпускали домой; (Юнд.) *az'lo lâ-mbât aral'l'a-zâ, kiz'i-zâ kiân*. 'Раньше целый день жали, сеяли руками'; *uj-nunal užas'kiz, n'an' ej val*. 'День и ночь приходилось работать, хлеба не было'; (Шам.) *kal' va-n'ze uk to-dis'kâ n'i*. 'Сейчас я все уже не помню'; *sokâ no-mâre s'ijon ej val*. 'Тогда никакой еды не было'. Следует отметить, что в речи юндинских бесермян параллельно употребляются слова *kal'* и *al'i* 'сейчас': (Юнд.) *al'i kin' kâz'â bâgatem ule*. 'Сейчас кто как может, так и живет'; *mi ošes kâtkâlâsa užal'l'am, noš al'i doraz mânnâ kâškas'ko*. 'Мы работали, запрягая быка, а сейчас близко подойти боюсь'; *kal' žožomi no ug bâ-gatis'kâ veranâ, proč' no-mâre uk to-dis'kâ*. 'Сейчас огорчилась и не могу говорить, совсем ничего не знаю'; *val'l'o kuten vetli-mâ, kal' ud no a-žžâlâ n'i*. 'Раньше в лаптях ходили, сейчас и не увидишь уже'.

3. Причинно-целевые наречия обозначают причину и/или цель действия: *ju-nme*, 'напрасно, понапрасну, зря; бесцельно, попусту, впустую', *ju-ri* 'нарочно, специально, умышленно, намеренно', *malâ* 'почему', *malâ ke* 'почему-то', *to-kma* 'зря, напрасно, бесполезно': (Юнд.) *paska dârja zekjosâz čerke vetli-zâ, noš pinal'l'ostâ ez le-z'âle, ju-ri konsert puktâli-zâ, čerke medaz mâne šusa*. 'Во время пасхи взрослые в церковь ходили, а детям не

разрешали, специально показывали (ставили) концерт, чтобы (они) не пошли в церковь'; *malâ ben so til'ed kule?* 'Почему же вам это надо?'; (Шам.) *malâ ke vnuke tunne ez vu.* 'Почему-то внук мой не пришел сегодня'.

К основным семантическим группам определительных наречий относятся:

1. Наречия образа действия, обозначающие образ или способ совершения действия: *berlan'* 'обратно', *garak* 'настежь', *žog* 'быстро', *žes'* 'хорошо', *mârdem* 'еле-еле, кое-как; с трудом', *n'âmaz-n'âmaz* 'по отдельности', *oz'* 'так', *olan'-talan'* 'взад-вперед, туда-сюда, из стороны в сторону', *taz'* 'так', *tek* (~ *t'ek*) 'праздно, ничего не делая, без дела', *pâr* 'беспрестанно, непрерывно, всегда, постоянно, все время' и др.: (Юнд.) *jun žes' vetlim t o s k v a j e, n'il' nunal otân uli-mâ.* 'Очень хорошо ездили в Москву, четыре дня там жили'; *odig ar tek ulo.* 'Один год без дела буду жить'; (Жув.) *pânê vallon' vuze – zorož, ullan' – kulem murtlâ.* 'Собака воев мордой вверх – к дождю, мордой вниз – к смерти'; (Жув.) *bes'ermanjos žog veras'ko.* 'Бесермяне быстро говорят'.

2. Наречия меры и количества указывают на число, количество, меру действия: *dalaj* 'давно', *okpol* 'один раз, однажды', *t(â)ros* 'много', *la-čak* (~ *lača-k*) 'много, полным-полно', *ežtâk* 'ненадолго, немного' и др.: (Еж.) *ogn'am n'i tatân dalaj ulis'ko.* 'Одна уже давно тут живу'; *lu-kâr-lakâr kat'jas'ki no ežtâk, jaram kožaj n'i.* 'Немного лучше стало, подумала, что достаточно'; (Шам.) *sere n'âl'oj-vit'oj voz'o.* 'Потом четыре-пять дней держат'. Как видно из примеров, некоторые наречия одновременно указывают на количество и время.

Интересно заметить, что в речи юндинских и лекминских бесермян в одном предложении для усиления признака действия могут использоваться два наречия с одинаковым значением, слова-синонимы: (Юнд.) *pâr – jalan*, (Шам. Еж. Жув.) *pâr – ves'ak* 'беспрестанно, непрерывно, всегда, постоянно, все время': (Юнд.) *kon'ukân pâr uli jalan, skal kâski.* 'Постоянно, все время была конюхом, коров доила'; (Шам.) *užatân mon kolkožân pâr ves'ak.* 'Работала я постоянно, всегда в колхозе'.

3. Наречия степени указывают на степень проявления качества или действия: *dotovo* 'очень, слишком, чрезмерно', *l'e-kos* 'очень, слишком', *l'akâttem* 'очень, слишком', *tuž* 'очень', *jun* 'очень': (Жув.) *jun tros uža-zâ kalâk, k e k o r a n â n uža-mâ*. 'Очень много работали люди, в Кекоране мы работали'; *no-kin' no poda-rok es s'o-tâlâ, jun rod ulis'kom val*. 'Никто подарков не давал, очень плохо жили мы'; (Юнд.) *jun tros mânâs'ke val s'uane*. 'Очень много собирались на свадьбу'; *kâče mar ulemme ke verano, l'e-kos kema*. 'Если рассказать, что и как я жила, то очень долго'.

В речи юндинских и лекминских бесермян наблюдается употребление заимствованных наречий из русского языка, например: (Юнд.) *tolon žâtaz'e šuldâr n'i val, tunne opet' tače*. 'Вчера вечером уже хорошая погода была, сегодня опять такая'; *odigez sovs'em gurte no ez pâ-ra, primo-rskoj krajân koškemân, n'il'e-t'i pi*. 'Один совсем дома не был, уехал в Приморский край, четвертый сын'; (Паж.) *so vs'orovno mânes'tâm ual'l'on kuliz*. 'Она все ровно раньше меня умерла'.

Описание лексико-семантических особенностей наречий в исследуемых говорах может быть продолжено. Следует более детально и внимательно охарактеризовать специфику диалектных наречий, используя и другие материалы по бесермянскому диалекту. Всё это будет способствовать созданию обобщающих работ по особенностям функционирования наречий в современных бесермянских говорах.

Список условных сокращений названий населенных пунктов

Еж. – с. Ежево Юкаменского района; *Жув.* – д. Жувам Юкаменского района; *Паж.* – д. Нижняя Пажма Юкаменского района; *Шам.* – д. Шамардан Юкаменского района; *Юнд.* – с. Юнда Балезинского района.

Список использованной литературы

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Удм. НИИ ист., экон., языка и лит.; отв. ред. П. Н. Перевощиков. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Кельмаков, В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. – 386 с.

Кельмаков, В. К. Удмурт диалектология: Студентгёслы но аспирантгёслы юртгос / Удмурт кун университет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – 5-тӱез, тупатъяса, выльдуса но ватсаса поттэмез. – Ижкар: “Удмурт университет” книга потгон корка, 2002. – 175 б.

Тепляшина, Т. И. Язык бесермян // АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1970. – 288 с.

УКК – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкутӱсь ред. Н. Н. Тимерханова. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 408 б.

ЯБЭС 2000 – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2000. – 688 с.

УДК 811.511.13

Мальцева Надежда Александровна

Пермский научный Центр Уральского Отделения РАН
Россия, г. Кудымкар

К ЭТИМОЛОГИИ РУССКОГО СЛОВА ‘ПЕЛЬМЕНЬ’

**TO THE ETYMOLOGY
OF THE RUSSIAN WORD “PELMENI” (DUMPLINGS)**

Аннотация. В статье рассматривается этимология русского слова ‘пельмень’. Автор предполагает, что в истории происхождения данного слова допущены неточности и необходимы коррективы. На основе своих полевых материалов, а также этнографических работ и фольклорных источников показывает, что в основе лексемы ‘пельмень’ первая часть ‘пель’ означает не ухо, а имя языческого божества Пель, которому поклонялись в древности прафинские народы, занимавшиеся охотой и жертвовавшие своему покровителю мясо. С освоением земледелия пермские финны начинают преподносить своему божеству Пель в качестве угощения блюдо из мяса и теста, назвав его *пельнянь* ‘хлеб для Пеля’.

Ключевые слова: этимология, русский язык, коми-пермяцкий язык, пермские языки, прафинны, фольклор, этнография, пельмень, Пель.

Abstract. The article discusses the etymology of the Russian word “pelmeni” (dumplings). The author suggests that in the history of the origin of the word inaccuracies were admitted and adjustments are necessary. On the basis of the field data and ethnographic works and folk sources, the author shows that the basis of the lexeme “pelmeni” has the first part “pel” but it does not mean the “ear”, it notes the name of the deity Pel, who was worshipped long ago by ancient Finno-Ugric peoples. They were engaged in hunting and sacrificed meat to their patron. With the development of agriculture Perm Finns began to present their deity Pel dish of meat and dough as treats, calling it “pelnyan” which means “bread for Pel”.

Keywords: etymology, Russian, Komi Permian, Permian languages, ancient Finns, folklore, ethnography, pelmen, Pel.

‘Пельмени’, в единственном числе ‘пельмень’ словарь русского языка С. И. Ожегова растолковывает как «кушанье – род маленьких пирожков из пресного теста с мясом, употребляются в варёном виде. Приводится пример ‘сибирские пельмени’ [Ожегов 1984: 428].

Пельмени распространены по всей России. Свидетельством этого является популярное шоу с названием «Уральские пельмени», которое идёт уже не один год на телевизионном канале СТС.

Для слуха современного россиянина привычны сочетания ‘сибирские пельмени’ или ‘уральские пельмени’, приведённые выше, иностранному гостю предлагаем отведать ‘русские пельмени’, но никак не ‘коми-пермяцкие пельмени’ или ‘удмуртские пельмени’, хотя кушанье пельмени и их название пришло в русскую культуру из культуры пермских финнов.

Как отмечают лингвисты, пельмени были широко распространены в республиках многонационального Советского Союза. В современной Риге, столице Латвии, работают бистропельменные, известным блюдом пельмени являются и в Эстонии, о чём свидетельствует присутствие лексемы ‘pelmeni’ в ла-

тышском и 'pelmeen' в эстонском языке, заимствованные из русского языка [Тот 2006: 316].

О пельменях как блюде, а также о слове 'пельмень' имеется множество публикаций, в том числе и научно-исследовательского характера. Показана и этимология слова 'пельмень' Однако, по-нашему мнению, в историю происхождения данного слова необходимо внести коррективы в силу ниже-изложенных причин.

Исследователь проблем этимологии индоевропейских и финно-угорских языков и составитель этимологического словаря русского языка М. Фасмер объясняет происхождение слова 'пельмень' как заимствование из коми и удмуртского языков *pel'* 'ухо', *n'an'* 'хлеб', изделие получило такое название, по мнению учёного, из-за формы. Ссылаясь на В. Даля и Калиму, он приводит диалектные варианты: 'пельняни', 'пермени', 'пермяни', появление последних считает результатом сближения со словом 'Пермь' [Фасмер 1971: 230].

Заметим, в Коми-Пермяцком округе пельмени (на коми-пермяцком языке *пельняннез*, в единственном числе *пельнянь* 'пельмень') были в прошлом и, как показывают наши полевые исследования, остаются до сих пор предпочитаемым блюдом. В Ижевске, столице Удмуртской Республики, пельменю воздвигнут даже памятник. Более того, ряд удмуртских учёных утверждает, что именно под удмуртским названием *пельнянь* 'пельмень' это блюдо вошло в мировую кулинарию [Владыкин 2003: 327]. В то же время авторы краткого этимологического словаря коми языка В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев отмечают: «В русский литературный язык слово ('пельмень' – Н. М.) вошло через севернорусскую среду...» [Лыткин 1999: 219].

Возникает первый вопрос: где истина? И вслед за ним следующая проблема: а так ли уж важно, из какого пермского языка появилось заимствование в русском языке? На наш взгляд, важен факт, что слово 'пельмень' в русском языке является пермизмом. Данный пример ещё раз подтверждает, что пермские языки, как и любые национальные языки, способствуют обогащению и развитию других языков.

Объясняя происхождение русского слова ‘пельмень’, немецкий лингвист М. Фасмер обратил внимание только на внешнюю форму мучного изделия.

Коми учёные В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев основу происхождения коми слова *пельнянь* ‘пельмень’ находят также в форме изделия, которое напоминает человеческое ухо [Лыткин 1999: 219].

Однако наши полевые материалы свидетельствуют о том, что в северных районах Коми-Пермяцкого округа коми-пермяки используют в речи наряду со словом *пельнянь* ‘пельмень’ и слово-синоним *пели* с ударением на втором слоге; мясной фарш, а также мясо без костей, мякоть, называют *пелияй* (буквально: мясо для пели). Здесь же отметим: шумовку для вылавливания сваренных пельменей северяне называют *пелидар* (буквально: поварёшка для блюда пели) (ПМА).

Правы ли учёные, считающие, что в лексеме пермских финнов *пельнянь* и русской лексеме ‘пельмень’ первая часть *пель* означает ‘ухо’?

По-нашему мнению, необходимо обратиться к мифологии и фольклору финно-угорских народов, что, возможно, поможет установить историческую этимологию слова *пельнянь*, и, следовательно, и русского слова ‘пельмень’ и даст более объективную картину его происхождения.

Этнограф Л. С. Грибова отмечала в своём докладе на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в 1964 году, что в русских источниках сохранилось название божества Войпель (буквально: северный Пель), которому поклонялись коми-пермяки-язычники ещё в XVI в. (заметим, уже после принятия христианства – *Н.М.*). Учёный также подчёркивает, что образ коми-пермяцкого эпического героя Перы в некоторых преданиях приобретает черты сверхъестественного защитника и покровителя коми-пермяков и иногда называется Пель. Л. С. Грибова приводит ряд родственных коми-пермяцких слов к собственному имени Пера, в том числе имя божества Войпель / Войпер, которые, по её мнению, указывают на сакральный характер слова ‘*пер*’ [Грибова 1964: 7].

Как свидетельствует коми-пермяцкий фольклор, имя эпического героя в преданиях имеет варианты: Пера/Перя/Перша/Пеля [Гусев 1956].

Впервые коми-пермяцкое предание о богатыре Пере было зафиксировано в 1771 г. академиком И. И. Лепёхиным, который указывает «сей батырёк назывался Перя» (Гус., 65).

В 1948 г. на территории Коми-Пермяцкого национального округа был записан вариант предания о богатыре в стихотворной форме, в котором действует герой по имени Пеля (Гус., 69).

В вариантах преданий, записанных в селениях язьвинских коми-пермяков Красновишерского района Пермской области, богатырь именуется также Пеля (Гус., 64; 66–67). В вариантах преданий, записанных на территории Юрлинского района Коми-Пермяцкого округа, эпический герой Пера зачастую именуется Перша и даже Першин (Гус., 56–58).

По-видимому, в древности предки пермских финнов поклонялись сверхъестественному покровителю по имени Пель/Пер/Пеля/Пера.

Культ этого мифологического существа, которого почитали древние, возможно, существовал у финских народов ещё в прафинский период, а позже оно трансформировалось у кого-то в образ эпического героя, у кого-то в образ злого духа или стало божеством.

Так, по сообщению Кыйва Маре, научного сотрудника Эстонского литературного музея, с которой мы имели возможность пообщаться на V Всероссийской конференции финно-угроведов в Петрозаводске, у эстонцев сохранилось имя покровителя и защитника Пелл.

В фольклоре сету совершает подвиги во имя своего народа очень похожий на коми-пермяцкого богатыря Перу эпический герой Пеко [Реко 1995].

У удмуртов нарицательное слово *пери* означает злого духа, нечистую силу [УРС 1983: 339]. В мифологии этого народа встречаются собственные имена Вупери (водяной), Тёлпери (дух ветра) [Удмурты 1993: 233]. (Следует отметить, удмуртские эт-

нографы слово *peri* относят к татарско-мусульманским заимствованиям [Владыкин 1997: 112].)

По данным археологов, на Искорском городище Пермского края с коми-пермяцким населением существовало святилище, где вплоть до XV в. приносились жертвы языческому Перуну [Агафонова 1996: 96]. Думается, имя коми-пермяцкого языческого божества Пер/Пера изменено под влиянием имени славянского Перуна.

Как мы уже отмечали выше, у коми-пермяков в этнографических и фольклорных источниках упоминается божество Ойпель [Грибова 1964: 7; Жаков 1990: 309] (Ожег., 15).

У коми-зырян сохранилось имя всеслышающего, всеведущего божества Войпель [Мифология коми 1999: 111].

Обратим внимание, в названии древнего могущественного божества Войпель/Ойпель, в силу того, что финно-угорские языки агглютинативные, присутствует и легко выделяется слово 'пель'.

Как мы отмечали выше, исследователи предполагают, что вторая часть *пель* в слове 'Войпель/Ойпель' означает божество. В коми-зырянском языке слово *пӧль*, *пӧльӧ* сохранило значение 'дед, дедушка' (отец отца). В оригинале название божества 'Войпель/Ойпель' можно понимать как 'Владыка Севера' [Мифология 1999: 112].

Религиозные чувства древних людей, представления о сверхъестественных явлениях и силах воплощались в обрядах. В обряде почитания божества по имени Пель ему, по-видимому, преподносилось, жертвовалось кушанье «пельнянь» (мясо, завернутое в тесто), по представлениям прапермян самое калорийное (заметим, последнее важно в условиях сурового климата) и вкусное, что имели предки пермских финнов, мясо и хлеб.

Некоторые исследователи рассматривают пельмени только как праздничное блюдо, утверждая, что «их обрядовое употребление не фиксируется в исторических источниках» и якобы «не засвидетельствовано никем из исследователей» [Корчагин 2015: 88].

Как свидетельствуют наши полевые материалы 2015 года, у северных коми-пермяков до сегодняшнего дня пельмени являются не только праздничной, но и ритуальной пищей и обязательно готовятся в поминальные дни. В Кочёвском районе Коми-Пермяцкого округа до сих пор при выносе покойника всех, кто пришёл с ним попрощаться, угощают горячими пельменями, или поминают его ими не только что засыпанной могиле, чтобы умерший уходил в последний путь не голодным (ПМА).

Об этом в книге «Корни бытия» пишет и В. В. Климов, знаток и собиратель фольклора и этнографического материала коми-пермяков: «В день похорон бывает брага, водка и, конечно, пельмени. ...После полудня, перед обрядом прощания, присутствующих угощают пельменями. Их выносят в тарелке и предлагают каждому. Пельмень берётся рукой, едят стоя» [Климов 2007: 286].

Ещё в середине XIX в. управляющий графов Строгановых Н. А. Рогов, описывая быт коми-пермяков, подчёркивал: «Пельмени весьма уважаются пермяками и готовятся только в важных случаях: для невесты, зазванной в гости, для знатных гостей, в поминальные дни, во все розговенья и заговенья» [Рогов 2008: 112].

Позже профессор Казанского университета И. Н. Смирнов отмечал: «Большинство пермяков оставляет умершего в избе. Когда он испускает дух, семейные зовут кого-нибудь из родственников, живущих отдельными домами, или посторонних людей обмыть покойника и сделать гроб. На Иньвенской даче для изготовления гроба приглашают нечётное число 3, 5, 7 чел. Хозяйка принимается тем временем лепить пельмени» [Смирнов 1891: 240–241].

О пельменях как ритуальном блюде В. Я. Струминский писал, что коми-пермячки на семик (Семик, большой поминальный день, который отмечается в четверг перед Троицей – *Н. М.*), обязательно стряпают пельмени [Струминский 1904: 486].

Все эти примеры из научной литературы и наши полевые материалы доказывают, что пельмени были в древности и остаются до сих пор и ритуальной пищей.

Самое вкусное, питательное и труднодобываемое предназначалось в первую очередь тому, кто был покровителем и защитником человека, мифологическому существу по имени Пель/Пеля/ Пер/Пера, а также умершим предкам, которые, по представлениям коми-пермяков, аналогично божеству могли / могут защитить человека, но если их не поминать, могут и *мы-жжыны* ‘покарать’.

В своё время коми-зырянский исследователь К. Ф. Жаков удивлялся, что у коми-пермяков *ойпелем* называется часть животного, которая не съедается и делает вывод: «Какое отношение имеет несъедобная часть животного (ойпель) с богом Ойпелем остаётся тайною для современной финской мифологии» [Жаков 1990: 309].

Предки коми-пермяков, которые в основном занимались охотой и питались мясом, по-видимому, жертвовали первоначально своим покровителям тоже мясо. Возможно, часть животного, которая не съедалась, в древности предназначалась мифологическому существу по имени Ойпель (Северное Божество), почему и именовалась *ойпель*.

По-видимому, пельмени как кушанье появились тогда, когда предки пермских финнов, занимавшиеся охотой, научились выращивать хлеб. Однако, как мы уже отмечали в своих работах, в условиях зоны рискованного земледелия и сплошных таёжных массивов хлеб приобретает сакральность, к нему формируется у людей особое отношение, что отразилось в обычаях, обрядах, языке [Мальцева 2015: 357].

С появлением хлеба покровителю и защитнику начинают преподносить хлебное изделие с мясом, которое получает название *пели / пельнянь* ‘пельмень’, оно варится в воде. У некоторых групп пермских народов, по-видимому, был в качестве ритуальной пищи и жертвовался божеству Пель испечённый пирог. В диалектах удмуртского языка сохранилось слово *гурпельнянь* ‘подовый пирог’ (буквально: хлеб Пеля печной) [УРС 1983: 337].

О поклонении в древности мифологическому существу по имени Пель исторических предков финских народов свидетельствуют и названия несущих, важных конструктивных эле-

ментов жилища. У коми-пермяков матица дома называется *пелькер* (буквально: бревно Пеля). Заметим, в русском языке название потолочной балки «матица» произошло от слова ‘мать’ [Шанский 1975: 258].

У удмуртов бревно с пазом для потолочины – *пелькор* [УРС 1983: 337]. У вепсов слово *pel'* – косяк, притолока (верхний брус в дверях) [ВРРВУС 1995: 75]. У финнов слово *pieli* – косяк дверной, оконный [ФРРФС 2000: 117].

Интересно, что у северных коми-пермяков большой палец руки называется *пел*. У коми-зырян – *пев* [Безносикова 2003: 596].

Данный лексический материал также склоняет нас к мысли, что в древности финские народы почитали мифологическое существо по имени Пель, которому с появлением хлеба стали жертвовать кушанье из хлеба и мяса *пели* / *пельнянь* ‘пельмень’ (буквально: хлеб для Пеля).

Итак, в этимологии пермизма *пельнянь* и русского слова ‘пельмень’, как нам представляется, сыграла роль не форма мучно-мясного изделия, напоминающая человеческое ухо, а его предназначение древнему божеству по имени Пель. Слово *пель*, означающее ‘ухо’, и название забытого языческого божества Пель являются в пермских языках, в частности в коми-пермяцком языке, омонимами.

Список источников

Гус. – Коми-пермяцкие народные предания о Пере-богатыре. Сост. Д. И. Гусев. – Кудымкар: Комипермгиз, 1956. – 100 с.

Ожег. – Ожегова М. Н. Коми-пермяцкие предания о Кудым-Оше и Пере-богатыре. – Пермь, 1971. – 131 с.

ПМА – Полевые материалы автора.

Список использованной литературы

Агафонова Н. Н., Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Страницы истории земли Пермской. Прикамье с древнейших времён до начала XVIII века / Под ред. А. М. Белавина. – Пермь: Книжный мсир, 1996. – 176 с.

Безносикова Л. М., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Русско-коми словарь. Более 52000 слов. Под ред. Л. М. Безносиковой. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. – 1104 с.

Вепско-русский, русско-вепский учебный словарь. Ок. 14000 слов / Сост. Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен. – Петрозаводск: «Карелия», 1995. – 191 с.

Владыкин В. Е. Удмуртское блюдо пельнянь – пельмени / В. Е. Владыкин // Мон: О себе и других, о народах и Человеках, и... – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 326–332.

Владыкин В. Е., Христоролюбова Л. С. Этнография удмуртов: Учебн. пособ. по краеведению. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ижевск: Удмуртия, 1997. – 248 с.

Грибова Л. С. Культ «древних» у коми-пермяков. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. (Москва, август, 1964). – М.: Наука, 1964. – 9 с.

Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. Рассказы, очерки, сказки и предания. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. – 464 с.

Климов В. В. Корни бытия: этнографические заметки о коми-пермяках; на коми-перм. и рус яз. – Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2007. – 368 с.

Корчагин П. А. Коми-пермяцкое мясо-тестяное блюдо эпохи складывания всероссийского рынка, или антропология пельменя // Вестник Пермского научного центра. – 2015. – № 4. – С. 84–95.

Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 430 с.

Мальцева Н. А. Хлеб как сакральный продукт в пище коми-пермяков. // XI конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / Отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнёв. – Москва; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – 504 с.

Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина... / Науч. ред. В. В. Напольских. – М.: Изд-во ДИК, 1999. – 480 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой – 16-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1984. – 797 с.

Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков: стереотипное издание. – Пермь: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2008. – 224 с.

Русско-финский словарь: 15000 слов / Сост. И. В. Сало. 2-е изд. – Петрозаводск: Карелия, 1992. – 336 с.

Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк. – Казань, 1891. – 289 с.

Струминский В. Я. Современные пермяки в отношениях религиозном и нравственном // Пермские епархиальные ведомости. – 1904.

Тот С. Лексема ‘пельмени’ как опосредованный пермизм в эстонском и латышском языках // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., г. Пермь) / Отв. ред. Л. Г. Пономарёва; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 316–328.

Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев и др. Под ред. В. М. Вахрушева. – М. : Рус. яз., 1983. – 592 с.

Удмурты: историко-этнографические очерки / Научн. ред. В. В. Пименов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. – 392 с.

Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка в 4 т. Т. III. – М.: Изд-во «Прогресс», 1971. – 827 с.

Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.

Peko. Setu rahvuseepos. Setukaiseepos. The Setu Epic. Laulanut – Laulnud – Sung by Anne Vabarna / Toimittaneet – toimetanud – edited by Paul Hagu & Seppo Suhonen. – Kuopio: Snellman-instituutti, 1995. – 224 s.

УДК 811.511.152.1

Мосин Михаил Васильевич

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Россия, г. Саранск

СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭКСПРЕССИИ В ТЕКСТАХ ЭРЗЯНСКИХ ГАЗЕТ 20–30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

TOOLS AND MODES OF EXPRESSIVENESS IN THE TEXTS OF ERZYA NEWSPAPERS OF 1920s-1930s

Аннотация. В статье дается анализ стилистических особенностей текстов газет, издаваемых в 20–30-е года XX века. Выявляются средства и способы выражения экспрессии, используемые в первых газетах, публикуемых на эрзянском языке.

Ключевые слова: экспрессия, предложение, эмоциональность, императивный стиль, тексты, заимствование.

Abstract. The article presents the study of stylistic features of newspapers texts, which were published in 1920s-1930s. There are determined means and processes of expressiveness used in the first newspapers, published in the Erzyan language.

Keywords: expression, sentence, emotionality, imperative style, texts, borrowings.

Предлагаемая статья является продолжением описания языковых особенностей текстов эрзянских газет, издаваемых в 1920–90-е годы XX и в начале XXI века. Наряду с фонетическими, лексическими, морфологическими и синтаксическими показателями в газетных материалах рассматриваемого периода определенный интерес представляет также стилистика. Анализ показывает, что в синтаксической структуре текстов газет «Чинь стямо» («Восход солнца»), «Якстере сокиця» («Красный пахарь»), «Якстере теште» («Красная звезда») и «Эрзянь коммуна» («Эрзянская коммуна») преобладает разговорный синтаксис и просторечно-бытовой стиль. Как правило, в них употребляются короткие, отрывистые, неполные повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения, в которых не всегда прослеживается логическая последовательность высказываемого.

Эмоционально-экспрессивная особенность статей наблюдается уже в первых номерах газет 20-х годов. Это достигалось за счет использования специальной терминологии и эмоционально окрашенной лексики, сочетания стандартных и экспрессивных средств языка, а также различных способов употребления морфологических форм и грамматических выражений.

Эмоциональная наполняемость в текстах получилась за счет повторов одних и тех же морфологических форм или каких-либо словосочетаний, союзов, а именно:

а) за счет частого употребления форм притяжательности во множественном числе: *Минек* /-n'ek/ [~ -нек] *арасель мезенэкак*. *Заводнонок* /-nok/ [~ -нок] *эзь роботта чугуной кинек эзьтэ якак /jakak/ [~ яка], нефтанок, пенгенек, кшининэк /-nek/ [~ -нэк] арасель. Эрва эндо каршонок турсть /tur's't' / [~ тюрсть]. (ЧС 1920: 8). 'У нас не было ничего. Наши заводы не работали, чугунные дороги не ходили, нефти, дров, железа у нас не было. Со всех сторон против нас воевали'. И нейдяк /n'ejd'ak/*

эрзятне пяеть молемаст / päl'et' mol'emast / [~ пелить молемадо] школав. Сынъ сынцест / -st / [~ -ст] олясо амоеть / amol'et' / [~ а молить]. Сынянст эряве Петра I дубиназо. (ЧС 1921: 2). 'И теперь эрзяне боятся идти в школу. Они по своему желанию не пойдут. Им нужна дубина Петра I';

б) за счет повторов какой-либо части сочетания слов или союзов, сравните: **Буди** / bud'i / [~ бути] ломанентень ветаркасо берянь эрямс, тые вадря таркань вешине лияв. **Буди** ветаркасо мезеяк асатэ вешнесэй / asate vešn'esej / [~ а саты вешнесы] лия таркасто. Кода берянь эрямозо ломаненть илязо уль / ul' / [~ уле], а яло сон сонцензе прыanze ванстовлизе, яло теевель седе лучи эрямо-чи / lući er'ato-či / [~ седе паро эрямочи], яло лисе стака эрямосто и моле шождынька эрямос. Шождынька эрямость тееве тевень теезь. Но **буди** теень тевенть ули калавтыцязо, то тевень теень эрямозо зярдояк алучикстомс / alučikstoms / [~ а паролгады] (ЧС 1920: 8). 'Если человеку в одном месте жить плохо, уходит искать хорошее место куда-нибудь. Если в одном месте чего-нибудь не хватает, поищет в другом месте. Как плохо человеку не жилось бы, он всегда бережёт себя, всегда он делал бы жизнь получше, всегда выйдет из тяжелой жизни и идёт к лёгкой жизни. Лёгкая жизнь делается только через труд. Но если кто-то разрушает это дело, то жизнь трудящегося никогда не улучшится'.

Или в статье «Авань тевть» (ЯТ 1923: 1) «Женские дела» с текстом в 31 предложение союз **штобу** / štobu / [~ штобу] 'чтобы' выступает 10 раз, например: *Вот, авинет, и вануда штобо / vanuda štobo / [~ ванодо штобу] весе велень тевтьненень улист кочказть бедной трудия ломатть; цера эле ава уле велень тевэ, се яла теке, аныяк улизэ правильной ломань. Эщо аватьне пособлядо цера тынинень кооперативонь /kooperat'ivon' / [~ кооперативень] тееме. **Штобу** сюронь, оень, алонь и сякой таркань миима, рамама и полафтама улизэ авуль торговой маро / maro / [~ марто], а кооператив марто. А **штобо** / štobo / [~ штобу] улизэ седе ламо лишной миимс рамамс, эряве стараямс, штобо сюрось седе ламо чачузо и скотинась раштазо (ЯТ 1923: 1) 'Вот, женщины, и смотрите, чтобы всем*

сельским делам были избраны бедные трудовые люди; мужчина или женщина будет в сельском деле все равно, только должен быть правильный человек. Еще, женщины, помогайте мужчинам организовать кооператив. Чтобы торговля, купля и обмен зерна, масла, яиц и разных мест происходило не с торговым, а с кооперативом. Чтобы можно было больше лишнего продать, купить, нужно постараться, чтобы рождалось больше зерна и размножался скот’;

в) экспрессия также выражалась отдельными словами и выражениями, насыщенными эмоциональной окраской, отражающей пренебрежительность, недовольство и гнев свергнутому строю, его элементам: буржуазии, богатым, кулакам. Например: *Антанта минек лангс пееензэ ейсо чаве / реензе ејсе џаве / [~ пееензэ эјсэ чави], но мезејак амаштэ / а маџте / [~ амашты] тееме минек марто. Эръва масторонь, трудиця ломать кепсететь сынъџест паразит / параз’ит / лангс (ЧС 1920: 8). ‘Антанта скалит зубы на нас, но ничего не может с нами сделать. Трудящиеся каждой страны поднимаются на своих паразитов’. Советонь Республикас ламо еше кадовсть душмант. Сынъ, таракан ладцо / таракан ладцо / [~ таракан ладцо], кекинешть варява и шкань шка / џкан’ џка / [~ шкань-шкань] тейнетъ востаният... Сынъ эръветъ маштомс. Масторось ванъкстамс / ван’кстамс/ [~ вансъкавтомс] те заразадонтъ / заразадон’т’ / ней аволь стака (ЧС 1920: 9). ‘В Республике Советов много еще осталось врагов. Они, как тараканы, попрятались в норах и временами делают восстания... Их нужно уничтожить. Вычистить страну от этой заразы теперь не трудно’. Крестьянт! Илядо маняв ревень кядьџэ вергизнэнь / r’even’ käd’ce ver’giznen’/ [~ ревень кядьсэ вергизнэнь], илядо манявт верень потенень / ver’en’ pot’en’ / [~ верень потинень] (ЧС 1921: 1). ‘Крестьяне! Не давайте себя обмануть волку в овечьей шкуре. Не давайте себя обмануть кровососу!’ Инязоронтъ пингстэ тонавцть вейке вейкеде ярцамо / vejke vejked’e jarcamo / [~ вейке вейкеде ярсамо]. Инязоронь правительствасъ каџъ / кас’ / [~ кадсь] миненек ламо нузякст, ламо ашо кеднетъ (ЧС 1921: 8). ‘Во время правления*

Царя учили есть друг друга. Правительство Царя оставило нам много лентяев, много **белоручек**'.

Кода топоць тянза, квятия год /koda topoc' t'änza, kävät'ija god / [~ топодсть тензэ кеветее иеть] – сась революциясь... Микилай од тяфнинь ланкс и дох ачар кидя / doh ačar kid'a / [~ овсе а чарькоди], мясть тьянить ломатне: инязоронть таркастунза ердезь, бояртнынь кучкурдызь год / tarkastunza er'd'ez', bojartnen' kučkurdiž' / [~ таркастонзо ёртызь, бояртнынь кучкордызь] войнать лоткафтызь... (ЯС 1924: 21) 'Как исполнилось ему пятнадцать лет – пришла революция... Микилай новые дела совсем не понял, что делают люди: Царя с престола выбросили, боярам дали под зад, войну остановили'.

Вачо эри народось куть кулозо, а долконзо пандосо, а эсист – верьгезонь седий сюпавтнень / ver'gizon' s'ed'ij s'upavtn'en' / [~ верьгезэнь седей сюпавтнень], долкост эрявить простямс (ЯТ 1921: 4) 'В голоде живущий народ пусть хоть умирает, а долг свой пусть заплатит, а своих с волчьим сердцем богатых долги нужно простить'.

Эрзянь-мокшонь чопуда чись – попонь кором / čoruda čis' - rorop' korom / [~ чоподачись – попонь кором] (ЯТ 1924: 27) 'Отсталость мордвы – пища для попов'. Истят вредительтне мешить / vr'ed'it'el't'n'e mešit'/ колхозонь строямонть (ЯТ 1931: 15) 'Такие вредители мешают колхозному строительству'.

Эряви синдемс / er'avi s'in'd'emc / те тевсэнть кулацкой саботажонть, муемс конкретной чумотнень, конат а ютавить тевс партиянь решениятнень (ЭК 1933: 120). 'Нужно сломать в этом деле кулацкий саботаж, найти конкретных виновных, которые не реализуют в деле партийные решения'.

Муллась, кона маризе монь моронть, айгимем монь мешитс палкасо ды кармась сеереме: – Косо те марсевсь, штобу нулань ломаньтне / nilan' loman't'n'e / [~ нулань ломантне], тонавтовольть инязоронь судьятнень. Тон! Тазов пуло / tazov puło / ! Тонтъ теветь усковомс удадо / uskovoms udalo /, арсеме жо кисэть, пасиба пазонтень, мерезь прынтень (ЭК 1936: 94)

‘Мулла, который услышал мою песню, ударил меня палкой по груди и начал кричать: – Где это было слыхано, чтобы люди в рванье учили царских судей. Ты! Хвост в чесотках! Твое дело тащиться сзади, думать же за тебя, спасибо богу, разрешено главе’.

Сень кис, штобу искусственно теемс потребительтнень недовольства, троцкистской гадинатне / trockistskoj gad'inat'n'e / эсист звериной ненавистьсэст / zver'inoj n'navis't'sest/, наксавтсть, коласть товарт, продуктамтнень юткс кайсесть сулика пелькст, эскть / eskt' / [~ эскетъ] ды лият (ЭК 1938: 128) ‘Для того, чтобы искусственно создавать недовольства потребителей, троцкистские гадины со своей звериной ненавистью гноили, портили товары, в продукты бросали куски стекла, гвозди и другое и т. д.’;

г) или, наоборот, для выражения похвалы новой власти и ее политики использовались слова и выражения с одобрительной и похвальной семантикой, сравните: *Минек партиянок, минек властенек, те партиясь честной трудиця ломанень / čestnoj trud'ic'a loman'en' /, те властесь честной робочеень и крестьянонь / čestnoj rabočejen' i kr'es't'janon' / [~ честной робочеень ды крестьянинэнь]! (ЧС 1921: 8) ‘Наша партия, наша власть – это партия честных людей труда, эта власть честных рабочих и крестьян!’*

Октябрьской революциясь – трудицянь иниче: 25-кс чиста / trud'ic'an' in'eče:25+ks čista / [~ трудицянь инечи: 25-це чистэ] октября месяца живиясь / mes'acta živijas' / [~ ковсто живойгадсь] трудицятнень оляст. Те чись а эряве стуфтумс / a er'avi stuftums / [~ а эряви стувтомс] ячейкатнень, волисполкомтнэнь (ЯС 1922: 20) ‘Октябрьская революция – великий день трудящихся: в день 25 октября оживилась свобода трудящихся. Этот день не нужно забывать ячейкам, волисполкомам’. Лець / l'es' / [~ ледсь] Иванонь мельс се шкатне, кода сон ульнесь комунист. Да сон ульнесь комунист / da son ul'n'es' kotun'ist / [~ да сон ульнесь коммунист]. И – аволь кодамояк конев лангсо аштиця комунист (ЯТ 1926: 26) ‘Вспомнил Иван те времена, как он был коммунистом. Да он был коммунист. И – не

какой-нибудь только на бумаге числящийся коммунист'. *Партиясь ды советской властесь чиде чис кемексты национальной политиканть, те секс, што эрва нациянтень улезэ шождыне чаркодемс течень / t'eŋen' / [~ течинь] задачатнень, теке марто лездазо эрва трудиясь советэнь строительстванть* (ЭК 1932: 93) 'Партия и советская власть изо дня в день укрепляет национальную политику, это потому, что каждой нации стало бы легче понять сегодняшние задачи, вместе с этим пусть каждый трудящийся помогает строительству советов'.

Партийно-комсомольской минек организациятне истяг героинят ды руководительть кастасть ламо сядт / ist'at geroin'at di rukovod'it'el't' kastas't' lamo s'adt / . Те сынь саить кедьс-коморс сложной техниканть ды кропотливой черновой эсь роботасост теить вадря эрямонть / t'ejit' vadr'a er'amon't' / . ВКП(б)нь ды народтнэнь ине вожденть коммунизмань маршалонть Сталин ялганть руководстванть коряс сынь строить ды теить эстет маней уцяскав, зажиточной ды культурной эрямо / in'e vožd'emat' komun'izman' maršalon't' Stal'in jalgan't' rukovodstvan't' kor'as sin' stroit' di t'eit' es't'est man'ej uc'askav, zažitočnoj di kul'turnoj er'amo/ (ЭК 1936: 52) 'Наши партийно-комсомольские организации вырастили несколько сот таких героинь и руководителей. Это они берут в руки сложную технику и своим кропотливым трудом делают хорошую жизнь. Под руководством ВКП(б) и великого вождя народов, коммунистического маршала товарища Сталина они строят и делают себе светлую, счастливую, зажиточную и культурную жизнь';

д) другим способом выражения экспрессивности в статьях газет 20-х годов XX века выступают лозунги и призывы, порожденные революционным пафосом активно действовать в новой политической, общественной и экономической обстановке. Сравните: *Кеммунист и велень совет, кундадо тевс революциянь дисциплина марто / kemmun'ist i vel'en' sovet, kundado t'evs r'evol'uc'ijan' d'isc'ipl'ina marto/!* (ЧС 1920: 9) 'Коммунисты и сельский совет, возьмитесь за дело с революционной дисципли-

ной!’ Шумбрат улест минек якстере героенэк / *šumbrat ul'est min'ek jaks't'er'e gerojenek*! (ЧС 1920: 9) ‘Да здравствуют наши красные герои’. Ялгат! Илядо маняв кулакнень илинк ант нузяксонь /*jalgat! il'ado man'av kulakn'en' il'ink ant nuz'akson'* / (ЧС 1921: 1) ‘Товарищи! Не дайте обмануть себя кулаку, не кормите лодыря!’ Арядо / *ad'ado* / [~ аядо] дружнойста кундатанок роботантей / *kundatanok robotan't'ej* / [~ кундатано роботантень], штобу те стака вачидо годеньть /*vačidao god'en't'* / [~ вачодо годонтъ] кодаяк ютафтумс. (ЯС 1921: 1). ‘Давайте дружно вернёмся за работу, чтобы этот тяжёлый голодный год как-нибудь завершить!’ Эрьва кудос, эрьва ловныцянь туртов – ве газет / *ve gaz'et* / [~ вейке газета] «Од Эрямо»! (ОЭ 1926: 1). ‘В каждый дом, каждому читателю – одну газету «Од Эрямо» «Новая жизнь!» Чумбраста эрязо компартиясь сонза пакиазо комсомолось / *šumbrasta er'azo kompar't'ijas' sonza rakšazo komsomolos'* / [~ ...сонзэ...] (ЯС 1924: 21) ‘Да здравствует компартия, его детище комсомол!’ Кирдинькь эсь тонафтума тьявиньть, кирдинькь школанк / *kir'd'in'k es' tonaftuma t'evin't', kir'd'in'k školank* / [~ кирдинк эсь тонафтума тевентъ, кирдинк школанк] (ЯТ 1923: 14) ‘Держите дело своей учебы, держите свои школы’. Эрзянь учителть, келейстэ панжинк школань кенкишнень «Од кинень!» / *er'z'an' učit'el't', kel'ejste panžink školan' kenkšen't' od kin'en'* / [~ ...учительть...] (ЯТ 1926: 2) ‘Эрзянские учителя, широко откройте школьные двери «Новому пути!» Большевикекс вассынек тонафтума од иентъ / *bol'sevikeks vassin'ek tonavtn'ema od ijen't'* / [~ ... вастсынек ...] (ЭК 1933: 105) ‘По большевистски встретим новый учебный год!’ Шумбра улезэ мировой пролетариатонть ветцясь Сталин ялгась / *šumbra ul'eze mirovoj prol'etar'iato n't' vet'ic'as' Stal'in jalgas'* / ! (ЭК 1933: 120) ‘Да здравствует ведущий мировой пролетариат – товарищ Сталин!’ Таркань истямо национализманть, эряви панемс терминологиясто (ЭК 1934: 56) ‘Такой местный национализм нужно выгнать из терминологии’. Маштомс мордовиянь школатнесэ безграмотностень (ЭК 1936: 11) ‘Изжить безграмотность в школах Мордовии!’ и т. д.

Выражение экспрессии в форме призывности, побудительной тональности и лозунгово-декларативный стиль проявляется не только в текстах газет, но и в их заголовках. Особенно это характерно материалам первого (общественно-политического), второго (народно-хозяйственного), а в ряде случаев даже третьего (социального и научно-популярного) типа текстов. В заголовках проявляется инверсионный порядок слов, позволяющий поставить на первое место в предложении тему сообщения в форме повелительного предложения. В них преобладают конструкции их разговорной речи. Как правило, они сжаты, лаконичны, оформлены в виде обращений или восклицательных предложений, выражающих волевой акт. Этот стиль заголовков имеет место в газетах 3-х периодов. Сравните:

Тонафнеде! / *tonafn'ed'e* / [~ тонавфнеде] (ЧС 1920: 12) 'Учитесь!'; *Од ломать!* / *od lomaf'* / [~ ломанть] (ЧС 1921: 1) 'Молодые люди!'; *Мезе эряви миненек* / *mez'e er'avi min'en'ek* / (ЧС 1921: 2); *Эрзят* / *er'z'at* / (ЧС 1921: 2, 3) 'Эрзяне'; *Панинк сермас амаштыцянтъ!* / *pan'ink s'ormas amaštic'an't'* / [~ ... а маштыцянтъ ...] (ЧС 1921: 3) 'Выгоните безграмотного!'; *Мезе эрже Советонь республикантень* (ЧС 1921: 4) 'Что нужно Республике Советов'; *Курок, курок эржамось вадряксоми* / *kurok, kurok er'amos' vadr'aksomi* / [~ ... вадряктсоми ...] (ЧС 1921: 4) 'Скоро, скоро эизнь уллучшится'; *Тердимань серма эрзянь аватненень* (ЯС 1921: 1) 'Письмо-призыв эрзянским женщинам'; *Од ломатнинь праздник* (ЯС 1924: 21) 'Праздник молодежи'; *Кода ванстомс кором* (ЯТ 1922: 10) 'Как сохранить корм'; *Вейс пурнаводо* / *veys purnavodo* / (ЯТ 1924: 27) 'Соберитесь вместе'; *Кирть паро алаша* / *kir't' paro alaša* / [~ ... кирдть...] (ЯС 1924: 28) 'Держи хорошую лошадь'; *Анокстадо теленень кором!* / *anokstado t'el'en'en' korom* / (ЯТ 1924: 26) 'Заготовьте к зиме корм'.

Религиянтъ каршо туриманть васень таркас / *r'el'igijan't' karšo tur'ima n't' vas'en' tarkas* / [~ ... тюреманть ...] (ЭЖ 1932:58) 'Борьбу против религии на первое место'; *Синдемс кулаконь саботажонть* / *s'in'd'emс kulakon' sabatažan't'* / (ЭЖ 1933: 134) 'Сломать кулацкий саботаж'; *Кевейксэецентъ*

вастоманть / kevejksejec'en't' vanstoman't'en' / (ЭК 1933: 120) 'На встречу девятнадцатого'; *Лов алов сокамодо Обкомонь пленумонть кеме директиванзо улест тонавтозь / lov alov sokamodo obkoton' pl'enumon't' keme d'ir'ekt'ivanzo ul'est topavtoz' /* (ЭК 1932: 150) 'Твердые директивы пленума Обкома о вспашке под снег должны быть выполнены'; *Аравтомс сэрей тонавтомань качестванть / aravtoms ser'ej tonavtoman' kačestvan't' /* (ЭК 1936: 35) 'Поставить высокое качество учебы'; *Большевицкостэ организовамс видеманть анокстамонть / bol'shevistskojste organ'zovams vid'eman't'en' anokstamon' t' /* (ЭК 1938: 4) 'По-большевистски организовать подготовку к севу'; *Вадрялгавтомс торговлянтъ / vadr'algavtoms torgovl'an't' /* (ЭК 1938: 128) 'Улучшить торговлю'; *Сокиця ломатня, илинк ступфт те праздникинъ чинть, те чись тядидизь мода марта! /* (ЯС 1922: 20) 'Крестьяне, не забудьте этот праздничный день, этот день обеспечил вас землей'; *Путомс пе эрзянь кельсэ газетатнень мезекскак а путоманть / putoms pe er'z'an' kel'se gaz'etat'n'en' mez'ekskak a putoman't'en' /* (ЭК 1932: 93) 'Поставить конец не признанию газет на эрзянском языке' и т. д., т. п.

Стилистический анализ показывает, что императивный стиль заголовков в большей степени преобладает в газетах «Чинь стямо» («Восход солнца») и «Эрзянь коммуна» («Эрзянская коммуна»). Например, в газете «Чинь стямо» («Восход солнца») из 21 статьи заголовки 9 оформлены в форме повелительных предложений, что составляет 42,8% из общего числа рассматриваемых текстов. В газете «Эрзянь коммуна» («Эрзянская коммуна») таких заголовков гораздо больше, а именно. Из всех выбранных 49 текстов заголовки 23-х, т. е. 47% имеют такую же синтаксическую структуру оформления и призывной и лозунговой стиль изложения.

Наряду с этим надо заметить, что не во всех выбранных для анализа статьях функционирует публицистический стиль, так как в эрзянских газетах публиковались также тексты законов, указов, постановлений. Они имеют официально-деловой стиль и все переведены с русского языка, так как делопроизводство

на эрзянском языке, к великому сожалению, так введено и не было. Например, *Облисполкомонь президиумонь ды ВКП(б)-нь постановленияст* (ЭК 1933: 16) ‘Постановления Облисполкома и обкома ВКП(б)’. Сравните: *Обкомось ды облисполкомось / obkotos' di obl'ispolkotos' / теижстасызь, што Кочкуровань районось массово-разъяснительной роботанть / što kočkurovan' rajonos' massovo-razjas'n'it'el'noj robotan't' / виевстэ ютавтозь, кулаконь саботажонть ды самоснабжениянть / kulakon' sabotazon't' di samosnabžen'ijan't' / каршо решительнойстэ бороцязь январень / r'ešitel'nojste boroc'az' janvar'en' / 25 чис большевикекс / bol'sevikeks/ тонавтозые планонть / planon't' /: ... ‘Обком и облисполком подчеркивают, что Кочкуровский район сильно проводя массово-разъяснительную работу, решительно борясь против кулацкого саботажа и самоснабжения к 25 января большевистски выполнил план: ...’. Или: *Велень общественной судтнэнь роботадост / obšhčestvennoj sudtnen' robotadost* / (ЭК 1936: 40) «О работе сельских общественных судов» – *Кармавтомс главсудонть ды райисполкомтнэнь / glavsudon't' di rajispolkomtnen' / [~ райисполкомтнэнь] сеедьстэ ютавтомс велень общественной судтнэнь роботаст проверямо / obšhčestvennoj sudtnen' robotast prover'amo / ... ‘Заставить главсуд и райисполкомы часто проводить проверку работы сельских общественных судов ...’ и т. д., т. п.**

Если в текстах-оригиналах, т. е. написанных на эрзянском языке, как уже отмечали, наличествует большое число заимствований из русского языка, то в переводах их гораздо больше. В данных выше предложениях из переводных статей нами для убедительности выделены жирным шрифтом заимствования. Итак, в первом предложении, состоящем из 23 слов, 15 ключевых являются заимствованиями, что составляет 65% и только 8, т. е. 35% представляют исконную лексику. Во втором, состоящем из 11 слов – 6 заимствований и 5 исконных, т. е. 54,5% и 45,5% соответственно.

Список источников:

ЧС – Чинь стямо (Восход солнца) : обществ.-полит. газ. – Ульяновск, 1920–1922 гг.

ЭК – Эрзянь коммуна (Эрзянская коммуна) : обществ.-полит. газ. – Саранск, 1932–1957 гг.

ЯС – Якстере сокиця (Красный пахарь) : обществ.-полит. газ. – Саратов, 1921–1924 гг.

ЯТ – Якстере теште (Красная звезда) : обществ.-полит. газ. – Москва, 1921–1931 гг.

Список использованной литературы:

Ермушкин Г. И. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (эрзя-мордовский язык) / Г. И. Ермушкин. – Москва : Наука, 1984. – 142 с.

Мосин М. В. Синтаксические особенности газетных текстов 20–30-х годов XX века на эрзянском языке / М. В. Мосин // Мордовские языки : настоящее и будущее : сб. статей и докладов. – Саранск, 2010. – С. 164–173.

Солганик Г. Я. Стилистика публицистической речи / Г. Я. Солганик // Язык средств массовой коммуникации. – Москва : Альма Матер, 2008. – С. 456–468.

УДК 811.511.152.2

Моськина Светлана Ивановна

Учебный центр повышения квалификации и профессиональной подготовки «МОСДОР»

Россия, г. Москва

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ ВТОРОЙ СТУПЕНИ МОТИВИРОВАННОСТИ В МОКШАНСКОМ ЯЗЫКЕ

DERIVATIVE VERBS OF THE SECOND STAGE OF MOTIVATION

Аннотация. В статье впервые в мордовском языкознании выявляются семантические компоненты в производных глаголах второй ступени мотивированности. Анализ последних показывает все семан-

тические компоненты, которые могут обозначать производные данной ступени, являющиеся модифицирующими, выражающие значение видовых, залоговых и модальных оттенков.

Таким образом, цель настоящей статьи – выявить всевозможные семантические компоненты глаголов второй ступени мотивированности.

Ключевые слова: ступень, мотивированность, транспонирующий суффикс, модель, производная основа, интерфиксация, непосредственное присоединение, усечение, производящая основа.

Abstracts. The article for the first time in Mordovian linguistics reveals the semantic components in the derivative verbs of the second stage of motivation. Analysis of the materials shows all the semantic components which can denote the modifying derivatives, expressing the aspective, voice and modal meanings.

The purpose of this article is to identify various semantic components of verbs of the second stage of motivation.

Keywords: Grade, motivation, transposing suffix, model, generative stem, interfixation, direct adjunction, drop, generating stem.

Основной единицей в системе мокшанского глагольного словообразования является структурная схема выводимых (производных) с указанием суффиксов. Именно в них, прежде всего, и проявляется системность словопроизводства, поскольку схемы (образцы) отражают, суммируют особые закономерности интеграций компонентов, включая как внешние морфонологические моменты, так и внутренние, семантические компоненты. Для характеристики структурной схемы существенно, на какой ступени мотивированности образовано то или иное производное, а также наличие комбинации словообразовательных суффиксов. Один и тот же производный глагол в мокшанском языке может иметь несколько словообразовательных суффиксов. Их наличие связано со ступенями мотивированности. Каждая ступень имеет свои словообразовательные особенности, отличаются они и по количеству используемых в них суффиксов. Так, например, в производных первой ступени мотивированности используется тридцать четыре суффикса: -a-, -v-, -gɔd-/kɔd-, -da-(-d')/-ta-(-t'), -j, -žd-, -za-(-z'), -z'ɔv-, -ija-(-ija-), -k(-g-), -ksa-(-kša-), -ksta-, -kstɔm-,

-kšn'ǝ-, -lgǝd-, -la- (-l'-), -ld-(-l'd'-), -m-, -n'ǝ-, -nda-(-n'd'-), -nza-, -rda-(-r'd'-), -sǝ-(-s'ǝ-), -sta-(-s't'-), -tǝdǝv-, -ft-, -cǝnd-, -c-(-c'ǝ-), -čn'ǝ-, -šǝnd- (-sǝn'd'-), -ša-, -š'n'ǝ- (диал.), -št-(mol'i), -škǝd-(-s'kǝd-). Из всех этих суффиксов во второй ступени мотивированности используются лишь семь, среди них -kšn'ǝ-, -ft-, -v-, -ta-, -n'ǝ-, -s'ǝ-, -z'ǝv-. Все эти нетранспонирующие суффиксы присоединяются к морфологически разложимым (производным) основам т. е. инфинитивным основам первой ступени (обозначим данную ступень основы знаком $-V_1$). Рассмотрим каждую модель производных названной ступени в отдельности.

1. $V_1 + v \rightarrow V$. Общее значение производных по данной модели – возвратно-возможностное с оттенком длительности, многократности, а иногда и невольного действия. Базовыми являются морфологически разложимые основы первой ступени мотивированности, финальная часть которых осложнена:

1) суф. -a-: *c'ot-a-v-ǝms* 'мочь быть сосчитанным' ← *c'ot-a-ms* 'считать' ← *c'ot* 'чет';

2) суф. -gǝd-: *ǝzraj-gǝd-ǝv-ǝms* 'взрослеть' ← *ǝzraj-gǝd-ǝms* 'вырасти, подрасти' ← *ǝzraj* 'зрелый, взрослый';

3) суф. -ija-, -ja-: *jarmak-ij-a-v-ǝms* 'обзаводится деньгами' ← *jarmak-ija-ms* 'обзавестись деньгами' ← *jarmaku* 'денежный'; *ǝr'vä-j-a-v-ǝms* '(мочь) жениться' ← *ǝr'vä-j-a-ms* 'жениться' ← *ǝr'vä* 'невестка, жена, супруга';

4) суф. -kst-: *varža-kst-ǝv-ǝms* '(мочь) взглянуть' ← *varža-kst-ǝms* 'взглянуть' ← *varžams* 'осмотреть, посмотреть';

5) суф. -n'ǝ-: *šät'-n'ǝv-ǝms* '(мочь) топтаться' ← *šät'-n'ǝms* 'случаться (лишь о птицах)' ← *šät'ams* 'наступить'; *n'ef-n'ǝv-ǝms* 'выщипываться, ощипываться, теребиться' ← *n'ef-n'ǝms* 'выщипывать и т. д.' ← *n'eft'ams* 'выщипать и т. д.';

6) суф. -nd-(-n'd'ǝ-): *vad'ǝn'd'ǝv-ǝms* 'обмазываться' ← *vad'ǝn'd'-ǝms* 'обмазывать, намазывать' ← *vad'ams* 'обмазать, намазать'; *azǝnd-ǝv-ǝms* 'иметь возможность рассказать' ← *azǝnd-ǝms* 'рассказать' ← *azams* 'сказать'; *kul'ǝn'd'-ǝv-ǝms*

'(мочь) слышать' ← *kul'ǝ-n'd'-ǝms* 'слышать' ← *kul'ä* 'новость, известие, слух';

7) суф. -r'd'-: *s'in'e-r'd'-ǝv-ǝms* 'покраситься в синий цвет (о полотне, ткани)' ← *s'in'e-r'd'-ǝms* 'покрасить в синий цвет (о полотне, ткани)' ← *s'in'emǝ* 'синий';

8) суф. -s'ǝ-: *vatk-s'ǝv-ǝms* 'вычищаться' ← *vatk-s'ǝms* 'очищать' ← *vatkams* 'очистить (например, картофель)'; *usk-s'ǝv-ǝms* 'возиться, тащиться' ← *usk-s'ǝms* 'возить (водить)' ← *uskǝms* 'везти; вести'; *kar'-s'ǝv-ǝms* 'обуваться' ← *kar'-s'-ǝms* 'обуться' ← *kar'* 'лапоть';

9) суф. -st(-sta-): *n'il'k-st-ǝv-ǝms* 'пресытиться, надоесть' ← *n'il'k-sta-ms* 'надоесть' ← *n'il'gǝd'ǝms* 'наестся до пресыщения';

10) суф. -ta(-d'-): *vaL-t-ǝv-ǝms* 'в состоянии спуститься' ← *vaL-t-ǝms* 'попросить сойти, слезть' ← *valgǝms* 'сойти, спуститься, слезть'; *ǝž-d'-ǝv-ǝms* 'нагреться, согреться' ← *ež-d'-ǝms* 'согреть' ← *ǝž-ǝms* 'согреться'; *pinks-ta-v-ǝms* '(мочь) надеть обруч на что-л.' ← *pinks-ta-ms* 'надеть обруч на что-л.' ← *pinks* 'обруч, обод';

11) суф. -ft(-fta-): *počka-ft-ǝv-ǝms* 'становиться дырявым, продырявиться' ← *počka-ft-ǝms* 'проколоть' ← *počkǝd'ǝms* 'продырявиться'; *t'äl'k-fta-v-ǝms* '(мочь) поместиться, (мочь) втиснуться' ← *t'äl'k-fta-ms* 'вместить, поместить' ← *t'äl'gǝms* 'лезть, влезть';

12) суф. -c'ǝ-: *lat'-c'ǝv-ǝms* 'успокаиваться' ← *lat'-c'ǝms* 'успокаивать' ← *lad* 'способ, лад, обстановка';

13) суф. -št'-: *il'ǝšt'-ǝv-ǝms* 'невольнo засучиться' ← *il'ǝšt'-ǝms* 'засучить' ← *il'ežǝms* (диал.) 'засучиться';

14) суф. -šǝnd-: *sa-šǝnd-ǝv-ǝms* 'попадаться' ← *sa-šǝnd-ǝms* 'приходить, прибывать' ← *sams* 'прийти, прибыть'. Морфология производных по данной модели заключается в том, что присоединение суффикса к производящей основе происходит, как правило, посредством интерфиксации гласной ǝ:

в некоторых из них между глаголообразующими суффиксами -ft-, -j- и суффиксом инфинитива появляется гласный a.

2. **V₁ + -kšn'ǝ-** → **V**. Семантика глаголов, образованных по образцу этой модели – длительно совершающееся действие с оттенком фреквентативности, т. е. такое, которое невозможно совершить одним непрерывным актом. Базовыми для нее являются инфинитивные основы первой ступени мотивированности, имеющие в финальной части:

1) суф. -a-: *verǝ-a-kšn'ǝ-ms* '(много раз) ягниться' ← *verǝ-a-ms* 'ягниться' ← *verǝ* 'ягненок';

2) суф. -v-, -va-: *obža-v-kšn'ǝ-ms* 'обижаться' ← *obža-v-ǝ-ms* 'чувствовать себя обиженным, обидеться' ← *obžams* 'обидеть'; *tobu-va-kšn'ǝ-ms* 'добывать' ← *tobu-va-ms* 'добыть' ← *tabǝc'ä* 'добыча';

3) суф. -gad-, -gǝd-: *nol-gat-kšn'ǝ-ms* '(порою) лениться' ← *nol-gad-ǝ-ms* 'лениться' ← *nola* 'ленивый'; *sumbar-gǝ-kšn'ǝ-ms* '(порою) бывать пасмурным' ← *sumbar-gǝd-ǝ-ms* 'стать пасмурным' ← *sumbara* 'пасмурный';

4) суф. -d'-: *n'ežǝt'-kšn'ǝ-ms* 'подпирать' ← *n'ežǝd'-ǝ-ms* 'подпереть' ← *n'ežǝ* 'подпорка';

5) суф. -za-: *puR'c-ǝ-za-kšn'ǝ-ms* 'пороситься' ← *puR'c-ǝ-za-ms* 'опороситься' ← *puR'c* 'поросенок';

6) суф. -ija-, -ijǝ-: *pǝs't'-ijǝ-kšn'ǝ-ms* '(часто) лягать' ← *pǝs't'-ijǝ-ǝ-ms* 'лягать' ← *pǝs't'id'ǝms* 'брыкнуть копытом'; *l'eš-ij-a-kšn'ǝ-ms* 'покрываться инеем' ← *l'eš-ija-ms* 'покрыться инеем' ← *l'eš* 'иней';

7) суф. -ksa-: *kul'a-ksa-kšn'ǝ-ms* 'наводить справки' ← *kul'a-ksa-ms* 'навести справки' ← *kul'ä* 'весть, известие';

8) суф. -ksta-: *puŋ-ksta-kšn'ǝ-ms* 'застегивать' ← *puŋ-ksta-ms* 'застегнуть' ← *puŋ'ä* 'пуговица';

9) суф. -kšn'ǝ-: *är'ät'-kšn'ǝ-kšn'ǝ-ǝ-ms* '(порою) болеть, хворать, (порою) ныть' ← *s'är'ä t'-kšn'ǝ-ms* '(часто) хворать' ← *s'är'äd'ǝms* 'болеть'; *päškǝ-kšn'ǝ-kšn'ǝ-ǝ-ms* '(порою) звать, кри-

чать' ← *päskâ-kšn'âms* 'громко кричать, звать' ← *päskâdâms* 'крикнуть';

10) суф. -l-: *pežâk-la-kšn'âms* '(много раз) божиться' ← *pežâk-la-ms* 'божиться' ← *pežâ* 'грех' [Паасонен 1994:1638];

11) суф. -m-: *maz'â-m-kšn'âms* 'становиться красивым, красным' ← *maz'â-m-âms* 'покраснеть' ← *maz'i* 'красный, красивый';

12) суф. -n'â-: *pot-n'â-kšn'âms* '(очень часто) пятиться' ← *pot-n'â-ms* '(часто) пятиться' ← *potams* 'пятиться'; *kan'-n'â-kšn'âms* 'разнашивать' ← *kan'-n'â-ms* 'носить, приносить' ← *kandâms* 'нести, принести'; *t'âr'f-n'â-kšn'âms* '(часто) квасить' ← *t'âr'f-n'â-ms* 'квасить' ← *t'âr'ft'âm* 'закваска' [Паасонен 1996:2366];

13) суф. -nd-: *kasâ-n-kšn'âms* '(постоянно) расти' ← *kasâ-nd-âms* 'расти' ← *kasâms* 'вырасти'; *kadâ-n-kšn'âms* '(много раз) оставлять, покидать' ← *kadâ-nd-âms* 'оставлять, покидать' ← *kadâms* 'оставить, покинуть'; *suskâ-n-kšn'âms* '(много раз) кусать' ← *suskâ-nd-âms* 'кусать' ← *suskâm* 'кусочек';

14) суф. -s'â-: *tok-s'â-kšn'âms* '(часто) двигать, трогать' ← *tok-s'â-ms* 'двигать, трогать' ← *tokams* 'тронуть'; *ram-s'â-kšn'âms* '(часто) покупать' ← *ram-s'â-ms* 'покупать' ← *ramams* 'купить';

15) суф. -c'â-: *an-c'â-kšn'âms* '(много раз) просить' ← *an-c'â-ms* 'просить' ← *anamms* 'попросить'; *kun-c'â-kšn'âms* '(очень часто) схватывать, хватать' ← *kun-c'â-ms* 'схватывать, хватать' ← *kundams* 'схватить';

16) суф. -čn'â-: *vas'â-čn'â-kšn'âms* '(время от времени) встречать, посещать' ← *vas'â-čn'â-ms* 'встречаться' ← *vas'âd'âms* 'встретиться'; *s'el'm'â-čn'â-kšn'âms* '(часто) завидовать' ← *s'el'm'â-čn'â-ms* 'сглазить' ← *s'el'm'd* 'глаз';

17) суф. -škâd- (-s'kâd-): *valda-škâd-kšn'âms* 'немного светлеть (о дне)' ← *valda-škâd-âms* 'светать' ← *valdâ* 'светлый, ясный'; *urma-s'kâd-kšn'âms* '(часто) болеть' ← *urma-s'kâd-âms* 'заболеть' ← *urma* 'болезнь'. Морфонологию производных по данной модели можно охарактеризовать следующим образом: а)

производные, имеющие в конце морфологически разложимой основы суффиксы *-kšn'ǝ-*, *-s'ǝ-*, *-c'ǝ-*, *-n'ǝ-*, *-la-*, *-čn'ǝ-* присоединяются к последним посредством интерфиксации; б) производные же, имеющие в финальной части основы суффиксы *-a-*, *-za-*, *-ija-*, *-la-*, *-ksa-*, *-ksta-*, *-nd-*, *-m-*, *-v-*, *-gad-*, *-gǝd-*, *-d'-*, *-škǝd-* (*-s'kǝd-*) присоединяются к данным морфемам непосредственно.

3. **V₁ + -n'ǝ- → V.** Данная модель явилась образцом образования для восьми глаголов со значением многократного действия, производящая основа V₁, имеющая в своей структуре:

1) суф. *-ft-*: *vaja-ft(t)-n'ǝms* 'обмакивать, погружать' ← *vaja-ft-ǝms* 'обмакнуть, погрузить' ← *vajams* 'погрузиться, идти ко дну'; *suva-ft(t)-n'ǝms* 'просить входить, вносить' ← *suva-ft-ǝms* 'попросить выйти, внести' ← *suvams* 'войти'; *t'äšt'-ft(t)-n'ǝms* '(часто) просить метить' ← *t'äšt'-ft'-ǝms* 'попросить метить' ← *t'äšt'ε* 'звезда, знак';

2) суф. *-š(t)-*: *nola-š(t)-n'ǝms* 'скользить' ← *nola-št-ǝms* 'поскользнуться' ← *nolaža* 'гладкий (о льде)' [Паасонен 1994: 1344]. Суффикс присоединяется к производящей основе непосредственно.

4. **V₁ + -s'ǝ- → V.** По образцу данной модели образованы глаголы со значением повторяемости или многократности действия, финальная часть V₁ имеет следующие суффиксы:

1) суф. *-n'ǝ-*: *kar-n'ǝs'ǝms* (диал.) '(часто) запрещать' ← *kar-n'ǝms* 'запрещать' ← *kardams* 'запретить';

2) суф. *-ija-*: *vaš-ij-ä-s'ǝms* '(часто) жеребиться' ← *vaš-ija-ms* 'ожеребиться' ← *vašǝ* 'жеребенок'. Суффикс *-s'ǝ-* присоединяется к основе благодаря интерфиксации.

5. **V₁ + -ta- → V.** Единичные производные выражают однократное действие. Базовая основа этой модели может иметь суффикс *-s-*: *kep-s-ta-ms* 'зажать воз гнетом и веревками' ← *kep-s'ǝms* 'прижимать гнетом, гнетовать' ← *kerams* 'прижать гнетом' [Москина 2008: 94]. Суффикс присоединяется к производящей основе непосредственно.

6. **V₁ + -z'ǝv- → V.** Производные в этой модели обнаруживают в себе значение начинательного действия. Производящими

основами для суффикса -z'ǫv- являются производные, имеющие в финальной части:

1) суф. -a-: *mor-a-z'ǫv-ǫms* 'запеть' ← *mor-a-ms* 'петь' ← *mor* 'песня';

2) суф. -nd-: *s'alǫnd-ǫz'ǫv-ǫms* 'начинать спорить, начинать бранить' ← *s'alǫnd-ǫms* '(часто) хулить, ругать' ← *s'alǫms* 'хаять, хулить, ругать'. Морфонология модели: суффикс -z'ǫv- присоединяется к морфонологически разложимым основам посредством интерфиксации (перед морфемой -nd-) и непосредственного присоединения, если перед суффиксом имеется суффикс -a-.

Итак, все производные второй ступени мотивированности образованы суффиксами, имеющими модифицирующее значение, проявляющееся в образованиях видовой и залоговой направленности. Морфонология производных базируется на явлениях или непосредственного присоединения анализируемых суффиксов в производящей основе, или интерфиксации.

Список использованной литературы

1. *Москина С. И.* Сравнительное словообразовательно-морфонологическое описание производных глагольных структур в мокшанском и эрзянском языках. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т, 2008. – 114 с.
2. *Paasonens H.* Mordwinishes Worterbuch. Мордовский словарь Х. Паасонена / H. Paasonens. Helsinki, 1994. – Band III. – С. 1306–1927.
3. *Paasonens H.* Mordwinishes Worterbuch. Мордовский словарь Х. Паасонена / H. Paasonens. Helsinki, 1996. – Band IV. – С. 1927–2703.

Мызников Сергей Алексеевич

Институт лингвистических исследований РАН

Россия, г. Санкт-Петербург

**ЭТИМОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ
ДАНЫХ ПЕРМСКОГО И ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ**

**ETYMOLOGY OF SOME MYTHOLOGICAL WORDS
OF PERM AND BALTIC-FINNISH ORIGIN
IN RUSSIAN DIALECTS**

Аннотация. В данной статье представлен этимологический анализ некоторых лексем, относящихся к мифологической лексике: лембой, вергой, куль, шуликун. Материалы рассматриваются в общем контексте взаимодействия данных финно-угорского и русского происхождения.

Ключевые слова: пермские языки, коми язык, русские говоры

Abstract. This article presents an etymological analysis of some lexemes, belonging to the the mythological lexicon: lemboi, vergoi, kul, shulikun. Materials are considered in the overall context of the interaction of the words of Finno-Ugric and Russian origin.

Keywords: Permian languages, Komi, Russian dialects

В работе анализируются некоторые данные, относящиеся к мифологической лексике, которые были получены в ходе сбора материалов для АСЗЛ. Большая часть фиксаций относится к западной части исследуемого ареала, и их прибалтийско-финская природа имеет более или менее надежное подтверждение. Наиболее представительна лексико-семантическая группа, в которую входят лексемы с семантикой 'черт, нечистая сила'. Наиболее широкий ареал на Северо-Западе слов с этим значением имеет гнездо **ле'мба, ле'мбой, ле'мбуй, ле'мбос** с фиксациями в Беломорье, Обонежье, Посвирье. Я. Калима, имея в распоряжении только материалы Подвысоцкого и Куликовского, справедливо говорит об их прибалтийско-финском характере, ср. ливв. *lemboi*, люд. *l'emboi*, кар. *lembo, lempro* 'злой

дух, дьявол' [Kalima 1915: 152]. См. также: Погодин, 1904, 40; Фасмер, 2, 480. Ср. также ливв. *l'emboi* 'черт' [СКЯМ: 182], вепс. *lemboi* 'черт' [СВЯ: 283].

Более узкий ареал имеет лексема **ве'ргой** 'черт', отмечаемая в Заонежье и Пудожском районе Карелии. Она фиксируется также и в лексикографических источниках, репрезентируясь, обычно, в бранных выражениях: – Пой в **ве'ргой** (Заонежье) [Куликовский; СРНГ 4: 125]; – **Ве'ргой** тя носит (Медвежьегор. Карел) [СРГК 1: 173]; – Неси тя **ве'ргой** (Пудож. Карел) [СРГК 1: 173]; – Пой к **ве'ргою** (Медвежьегор. Карел) [СРГК 1: 173].

Я. Калима предлагает в качестве этимона фин. *verkanen* 'черт' [Kalima 1915: 85]. См. также Фасмер 1: 293. Авторы SKES предполагают в качестве источника кар. **verka*, **verga*, хотя и делают оговорку, что в восточной Карелии не отмечается карельское соответствие финского слова [SKES: 1706]. Причем, последнее не исконно на прибалтийско-финской почве, а восходит, в свою очередь, к скандинавским источникам, ср. др.-сканд. **dverga*, швед. *dvärg* 'карлик, гном' [SKES, 1706], норв. *dverg* 'карлик' [EONDS: 122].

Лексема **шиш** 'черт, нечистая сила' с дериватами имеет широкий ареал в новгородских говорах, а также в смоленских и донских. Прибалтийско-финская версия ее происхождения, эст. *siśś* 'разбойник, грабитель' не подтверждается, поскольку фин. *sissi*, эст. *siss* 'партизан, разбойник', по мнению авторов SKES, восходят к русск. **шиш** [SKES: 1045]. Причем латыш. *sisis* 'убийца, разбойник' – из эст., а польск. *szysz* 'партизан, разбойник', коми *šiš* 'бродяга' – из русских источников [SKES: 1045]. Хотя Е. А. Хелимскому кажется естественным и привлекательным прибалтийско-финский источник [Хелимский 1997: 359], ср. фин. *hiisi* 'место, где приносят жертвы язычники', 'лесок, возвышенность', 'плохое место', 'дух леса, леший' [SKES: 74]. Однако, вряд ли следует, на наш взгляд, думать о переходе др.-новг. [хи-] из [hi-], поскольку реконструируемая прафинская [саамско-финская] форма **siit-*, должна быть реализована и реализуется на русской почве в топонимии как **шид-**, ср. **Шидозеро**, **Шиднема**, **Шидбой** [см. Муллонен 1994: 120]. А

результат более поздних контактов фиксируется уже в топооснове **хиж-** или **гиж-**, ср.: **Хижезеро, Гижезеро** [ПФГДК: 30]. Кроме того, авторы SSAP возводят прибалтийско-финские данные к результатам скандинавского влияния, ср. др.-сканд. **hīdī, hīpi* > норв. *hide* 'нора, логово дикого животного', 'заросли, лесок' [SSAP 1: 162].

Ряд мифологических единиц фиксируется в зоне пермско-русских языковых контактов и, хотя, в ряде случаев они имеют спорные этимологические версии. **Куль** 'в суевенных представлениях – черт' Тобол., 1899 [СРНГ 16: 73]. **Куля'ш** 'в суевенных представлениях – чертенок или водяной' Волог., Вят. [СРНГ 16: 78]. **Куля'жки** 'ряженные [на святках]' Верхотур. Перм., 1852 [СРНГ 16: 77]. **Кулиши** 'в суевенных представлениях – маленькие чертенята разных цветов, появляющиеся во множестве в деревьях на святках' Глазов. Вят. [СРНГ 16: 69].

Данный материал рассматривался как заимствование из хант. *kol* 'то же', также *kul'* [Karjalainen 1: 397]. См. также: Фасмер 2: 412; Черепанова: 1979: 106; Черепанова 1983: 87; Аникин 2000: 320. Однако, на наш взгляд, он явно восходит к коми источникам, ср.: коми летск., печор., среднесысол. *кул* 'водяной, обитатель вод' [ССКЗД: 39], коми *куль* 'бес, черт', при удм. *кыль* 'болезнь [всякая]', общеперм. **kul'* 'злой дух', на основании чего авторы КЭСКОЯ справедливо рассматривают эти данные на пермской почве [КЭСКОЯ: 145]. Кроме того, авторы SKES вводят коми слово в общий финно-угорский контекст, при фин. *kolja* 'великан', *koljo* 'гигантских размеров', 'угрюмый, мрачный, холодный', 'имя великана в фольклоре', эст. *koll* 'приведение, призрак, пугало, страшилище' [SKES: 210]. Причем слово распространено на пермской почве, ср.: удм. глазов. *kil'* 'брюшной тиф', удм. елабуг. *kil'* 'чума, инфекционная болезнь, холера', коми *kul'* 'гнилая душа – ругательство' [SKES: 210]. По мнению авторов SKES из коми языка слово было заимствовано в мансийский и хантыйский, ср. манс. пелым. *kul'* 'бес, дух леса', хант. *kōl* 'бес, водяной' [SKES: 211]. Причем на финно-угорской почве это гнездо также неисконно, возводится к индоевропейским дан-

ным, ср. готск. *halja* 'ад, преисподняя', др.-норв. *hel* 'богиня царства мертвых', др.-швед. *hæl* 'тот свет, смерть' [SKES: 211].

Е. Л. Березович пытается рассматривать, вероятно, уже контаминационные единицы на исконной почве: **Кулешме'нец, кулешме'ничик** 'нечистая сила, появляющаяся на Святки': – *Кулешменцы на шкурах йиздили, по деревне люди-то видали. Кулешменчики из рички выскочат и в ричкю вернутся. У их из рота огонь. На шкурах издют. Кулешменцы бегают в Страшныё вечера. У их шкуры мохнатые, шапки треугольные, из рота дым и огонь. Плеханы-те по ричку придут – кулешменцы в воду.* Костром. [Березович 2016: 20]. Кроме того, для лексемы **куля'ш**, аргументация имеет ареальный характер: «Факт появления слова **куля'ш** в орловских говорах укрепляет нас в мысли о том, что стоит допустить и версию об исконном происхождении обсуждаемого слова» [Березович 2016: 21]. Однако, следует сказать, что по картотеке СРНГ слово фиксируется в Орловском уезде Вятской губернии, что снимает ареальную аргументацию этимологической версии.

Имеет крайне запутанную историю этимологизации следующий материал: **шиликун, шуликун, чиликун**.

Шили'кун 'колдун, человек, знающийся с бесами, являющийся в виде разных животных или просто в образе человека, но не естественного, а обладающего чем-нибудь бесовским' Енис. [КСРНГ, 1906]. **Шили'кун** 'черт, бес, нечистый дух' Перм. [КСРНГ, 1848]. *Шилику'н черт, который бегаёт в Крещенье на кочерге.* Поддор. [НОС 12: 93]. **Шилику'н** 'черт, бес' Сольвыч., Ярен. Волог. [КСРНГ]. Перм., Верхот. Перм., Сиб. [КСРНГ]. 'Черт, дьявол' Ирбит., Тугар. [СРГСУ 7: 50]. 'Святочный черт, бес' Вят., Слобод., Котельн. Вят. [КСРНГ, 1848]. Шадр. Перм., Яран. Вят. [КСРНГ]. 'Бесы, являющиеся по народному поверью в образе людей с железными зубами, в остроконечных шапках в святочное время' Каргоп. [Б. Шалга] [Куликовский]. **Шили'кун**. Тобол. [КСРНГ]. 'Безобразный, смешной человек' Тюмен., Тобол. Ишим. [КСРНГ]. «Шиликунами зовут людей, имеющих голову, вытянутую в вертикальном

направлении». Каргоп. [Б. Шалга] [Куликовский]. **Шили'кун** 'озорник' Курган. [КСРНГ].

Имеются также и другие значения, связанные с празднование Рождества, гуляний на Святочной неделе.

Шили'ку'н 'ряженный в Святки' Арх. [КСРНГ]. Вят., Камч., Сиб. [Опыт]. Соликам. Перм., Южн. Сиб. [КСРНГ]. Полев. Свердл. [КСРНГ]. **Шили'кун** 'ряженный в Святки' Тугар. Свердл. [СРГСУ 7: 59]. «**Шиликунами** называются такие нарядчики, которые одеваются в белое [покойницкая одежда], на голову надевают остроконечный берестяной колпак, в рот вставляют репные зубы, лицо расписывают себе углем и белой глиной» Тобол. [КСРНГ]. 'Домовой' Иркут. [Опыт]. ∇ **Шелико'нов затапывать** 'зимой во время больших праздников ездить на запряжённых лошадях по деревне' – *В само' Крешиэ'нье шели'конов зата'пывали, когда' ма'ски зако'нчатся ходи'ть; у'тром на ко'нях всё е'здят, то'пчут, то'пчут доро'гу-то.* Усть-Цильма [Ставшина 2008]. ∇ **Шелико'нов топтать** 'то же': – *Крешиэ'ньё – зимо'й на коня'х гоне'ли, пе'рвой пра'зник по'сле Рожества', по дере'вне е'здят, на вечёрках куде'сят до Крешиэ'нья, а в Крешиэ'ньё шули'конов то'пчат, бе'сов.* Печор. [Верховская] [Ставшина 2008]. ∇ **Шули'конов топтать** 'то же': – *На ко'нях е'здят ребя'та в после'днюю ночь, шулико'нов то'пчат, на ко'нях гоне'ют на между'тке, по у'лице, и да'вят шули'конов.* Печор. [Ставшина 2008]. ∇ **Шулюко'нов топтать** 'устроить шумные игры, танцы, пляски накануне или во время больших праздников': – *Дак мы шулюкунов топтали: одна изображала ёлочку, а мы вокруг неё прыгали, скакали, плясали, притопывали, сами музыку изображали – губами, подпевали. Хохотали-то! Называлось: шулюкунов топтали.* Печор. [Ставшина 2008]. **Чиликун** 'ряженный на святках' Арх. [КСРНГ]. **Чили'куны** 'дух, выходящий из воды во время святок' Каргоп. Арх. [КСРНГ, 1928]. **Чилику'н** 'нечистая сила' Пинеж. (Кушкопала, Шотово) [Сими́на]. **Шули'куны** 'нечистая сила' Пинеж. (Сульца, Шиднема, Нюхча) [Сими́на]. **Шулико'ничать, шулику'ничать** «ходить, ездить переряженным во время Рождественских Святков. Отсюда **шулико'нство, шулику'нство** – переря-

жание в Святки; **шулико'н, шулику'н** [также **свя'тошник**] – переряженные на Святки. Несмотря на повсеместный обычай переряжаться на святках [делается это только от Рождества до Богоявления], сами **шуликоны** считают это грехом, для очищения которого [чтобы смыть с себя личину беса] нередко погружаются обнаженными в прорубь тотчас после водосвятия в день Богоявления. Повсеместно, за исключением Мез. и Кем. уездов и Кольского полуострова, где **шиликоны** называются: **ху'хольник, ку'кольник, калику'ла, а шиликоничать – ху'хольничать, ку'кольничать**». [Подвысоцкий: 194]. **Шулюханы** 'ряженные' Терск. [СРГК 5: 133].

М. Фасмер считает этимологию этого гнезда неясной [Фасмер 4: 438]. Поиски истоков слова **шуликун** идут в разных направлениях, Д. К.Зеленин еще в 1930 г. предложил в качестве источника конструкт тюрк. *sülük-kan* 'хан пиявок' [Зеленин 1930: 237].

Ахметьянов полагает, что коми слово *шулейкин* «маленькие злые подводные духи, которые выходят из воды в день Нового года и до Крещения разгуливают свободно, по ночам пугая людей» [Ахметьянов 1981; Белицер 1958: 319], ср. также мар. *шўльыш* 'дух' [РМС: 86], можно сопоставить с тюркскими данными, ср. татар. диал., башк. *шүлгән* 'злой дух, один из двух сыновей первочеловека, впоследствии подводный царь, который имеет под водой бесчисленные стада' [БХИ: 33–144, 145–187], якут *сулукун* «хозяева подводного мира, которые выходят в дни Нового года из воды» [Пекарский: 348].

Много работает над происхождением данного слова О. А. Черепанова, выдвинувшая различные этимологические версии, причем взгляды о его источниках претерпевало различные трактовки, большей частью в контексте поисков иноязычных этимонов. Одна из таких версий, на наш взгляд, бесперспективная – предположение о том, что лексемы **шули'ку'н, шили'ку'н** в значениях 'ряженный', 'бес, черт' возникли на основе заимствования из морд. *шылыган, шлыган* 'головной убор мордовских женщин по форме напоминающий капюшон' [Черепанова 1975: 135; Черепанова 1979: 108]. Кроме того, она высказы-

вает мысль о возможности связи с эвенк. *хуликун* 'маленький [по размеру]' [Черепанова 1975: 136]. Следует отметить, что такого рода семантические преобразования с мифологической лексикой при заимствовании происходят крайне редко. Кроме того, миграция диалектных слов в западном направлении с восточных территорий не имеет серьезных подтверждений для диалектной лексики. Позднее проводилось сопоставление с мар. *шўлыкан* 'грустный, унылый, мрачный, тоскливый' [Черепанова 1975: 135], коми данными [Черепанова 1984: 101].

На наш взгляд, данный материал является преобразованием, вызванным иноязычным [финно-угорским] влиянием, первично русского – **со ликом**, - соликом, соликун – шиликун – **чиликун** – **шиликун**, ср. например: **личины**, **наличники** (маски ряженных [Фамицын 86-87], **ликственник** 'ряженный', т. е. с маской, с ликом [Черепанова 1979: 101].

Таким образом, рассмотренные материалы представляют собой результат взаимодействия пермского, прибалтийско-финского и русского диалектного континуумов.

Список использованной литературы

Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск, 2000. – 768 с.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1981. – 144 с.

Башкорт халқ ижады. Эпос. – Уфа, 1972 (В тексте БХИ).

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов Коми: XIX – начала XX в. // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Новая серия, 1958. – Т. 45.

Березович Е. Е. «Кулешу накулеси, накулеси...»: еще раз о происхождении русского диалектного демони́ма кулеш // Демонология как семиотическая система. Тезисы докладов IV Международной научной конференции. Москва, РГГУ, 15–17 июня 2016 г. / Сост. и ред. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М., 2016. – С. 19–23.

Васильев М. В., Учаев З. В. Русско-марийский словарь. – Йошкар-Ола, 2003 (В тексте МРС).

Зеленин Д. К. Загадочные демоны шуликуны // *Zud swołański*. – Kraków, 1930. – Т. 1, ст 2. – S. 220–238.

КСРГК – *Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей»* (хранится в Словарном кабинете им. Б.А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).

КСРНГ – *Картотека «Словаря русских народных говоров»* (хранится в Словарном отделе ИЛИ РАН).

Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.

КЭСНЯ – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999.

ПФГЛК – *Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. – Петрозаводск, 1991.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимики. – СПб., 1994. – 154 с.

НОС – *Новгородский областной словарь*. Отв. Ред. В.П. Строгова. Вып. 1–12. – Новгород, 1992–1995.

Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Вып. 1–13. – Петербург, Петроград–Ленинград, 1907–1930.

СВЯ – *Зайцева М. И., Муллонен М. И.* Словарь вепсского языка. – Л., 1972.

Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.

Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // *Варшавские университетские известия*. – 1904. – № 4. – С. 1–72.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.

Симина Г. Я. Картотека пинежских говоров, собранная под руководством Г.Я. Симиной (хранится в ИЛИ РАН).

СКЯМ – Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г. Н. Макаров. – Петрозаводск, 1990.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Гл. ред. А. С. Герд. Тт. 1–6. – СПб., 1994–2005.

СРГСРУ – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под. ред. А.К. Матвеева. Тт. 1–7. – Свердловск, 1964–1988.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Тт. 1–48. – Л., СПб, 1965–2015.

ССКЗД – Сравнительный словарь коми зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.

Ставшина Н. А. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры. – Сыктывкар, 2008.

Фамицын А. С. Скоморохи на Руси. – СПб., 1899.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1–4. – М., 1964–1973.

Хелимский Е. А. Два шиша: Turkic šiš(ik) and Fennik hīsi in Russian // Компаративистика, Уралистика. Лекции и статьи. – М., 2000. – С. 358–362.

Черепанова О. А. Демонологическая лексика севернорусских говоров // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 2. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. – С. 131–137.

Черепанова О. А. Об одной семантической модели в севернорусских говорах (о названиях ряженных в севернорусских говорах) // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 3 / Отв. ред. Н.А. Мещерский, А.С. Герд. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1979. – С. 99–111.

Черепанова О. А. Мифологическая лексика русского Севера. – Л., Изд-во Ленинградского университета, 1983.

Черепанова О. А. Шуликуны. Образ и слово // Севернорусские говоры. Межвузовский сборник. Вып. 4 / Отв. ред. А.С. Герд, В.В. Колесов. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. – С. 97–106.

EONDS – Etymologisk ordbog over det norske og det danske sprog. – Oslo, 1999.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. – Helsingfors, 1915.

Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch. Bd I, II. – Helsinki, 1948.

KKS – Karjalan kielen sanakirja. O. 1–5. – Helsinki, 1968–1997.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. – Helsinki, 1955–1981.

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. – Helsinki, 1992–2000.

УДК 811.511.152.1(045)

Натуральнова Галина Андреевна

Мордовский государственный педагогический институт им.

М. Е. Евсевьева»

Россия, г. Саранск

**ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ СОГЛАСНЫХ ЗВУКОВ
В РУСИЗМАХ ШОКШАНСКОГО ДИАЛЕКТА
ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА**

**THE FEATURES OF CONSONANT ASSIMILATION
IN RUSSIAN LOAN-WORDS OF SHOKSHA DIALECT
OF THE ERZYA LANGUAGE**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности освоения согласных звуков в русских заимствованиях шокшанского диалекта эрзянского языка на материале говоров сёл Теньгушевского района Республики Мордовия.

Проведенный фонетический анализ русских заимствований показал, что большинство из них оформляется по законам звуковой организации шокшанской речи, с учетом особенностей диалекта. Рассматриваемый материал дает ценную информацию не только о процессе заимствования русских слов, но и о фонетической системе шокшанского диалекта, о котором к настоящему времени в мордовском языкознании существуют лишь незначительные сведения.

Ключевые слова: эрзянский язык, шокшанский диалект, заимствование, русизм, фонетическая система, прогрессивная (регрессивная) ассимиляция

Abstract: The article presents the features of the assimilation of consonants in the Russian loan-words in the Shoksha dialect of the Erzya language. The analysis is based on the dialect materials of villages in Tengushevskiy district of the Republic of Mordovia.

The phonetic analysis of Russian loans shows that most of them developed according to laws of sound organization in the Shoksha speech, taking into account the dialect characteristics. The material gives important information not only about the process of borrowing of Russian words, but also about the phonetic system of the Shoksha dialect. At present, there is only some knowledge about Shoksha dialect in Mordvin linguistics.

Key words: the Erzya language, Shoksha dialect, loan word, Russian loan word, phonetic system, progressive (regressive) assimilation

Шокшанский диалект среди других диалектов эрзянского языка занимает особое положение. Это связано с тем, что в силу исторических и территориальных причин он долгое время развивался в отрыве от эрзянского языка в окружении русских народных говоров. Давние контакты с русским населением привели к тому, что в лексике и грамматике анализируемого диалекта обнаруживаются элементы, свойственные русскому языку. Они отражают процесс длительного экономического, культурного и бытового общения русского населения и мордвы-шокши, в результате которого в словарный состав шокшанских говоров проникло большое количество русских слов, адаптировавшихся к фонетической системе говоров и получивших новое звучание.

Следует отметить, что большая часть русизмов адаптируется в шокшанском диалекте так же, как и в эрзянском языке. Это можно объяснить тем, что процесс заимствования общих слов происходил в далеком прошлом, до отрыва шокшанского диалекта от эрзянского языка, либо в пору самостоятельного развития шокшанский диалект развивался по языковым законам, заложенным в прамордовском языке-основе. Другая часть заимствований имеет отдельные звуковые отличия от русских заимствований эрзянского языка, продиктованные спецификой фонетической организации шокшанской речи.

Из фонетических изменений в области согласных звуков, наиболее регулярно встречающихся при заимствовании русских слов, можно назвать следующие.

1. Твердый [ц] в заимствованных словах шокшанского диалекта заменяется на [т'], чаще в конце слова (в суффиксах): р. *церковь* – ш. [т'ер'кóв]; р. *улица* – ш. [ул'ин'т'а]; р. *больница* – ш. [бал'ин'т'а]; р. *кузница* – ш. [куз'н'ит'а]; р. *мельница* – ш. [м'ел'ин'т'а]; р. *поленница* – ш. [пол'ин'т'а]; р. *Троица* – ш. [Троит'а].

В некоторых заимствованиях из русского языка [ц] перешел в [с']: р. *пятница* – ш. [п'ен'с'á]; р. *пьяница* – ш. [п'йан'с'á]; р.

станция – ш. [стан'с'á]; р. *Троица* – ш. [Тройс'á] (в говоре с. Стандрово Теньгушевского района РМ).

Рассматриваемые фонетические изменения возможны, так как аффриката [ц] – это сложный фрикативно-взрывной звук, сочетание звуков [т] и [с]. Поэтому в одних словах фонема <ц> реализуется в звуке [т'], в других – [с'].

Русский твердый [ц] в эрзянском языке заменялся мягким [ц']: *церькова*, *ульця*, *больница*, *кузница*. В шокшанском диалекте встретилось только одно слово с [ц']: р. *кольцо* – ш. [кол'ц'á].

Следует сказать, что в настоящее время в шокшанском диалекте русские слова заимствуются с твердым [ц]. Например: р. *цилиндр* – ш. [цыл'индра]; р. *цикл* – ш. [цы́кла]; р. *цистерна* – ш. [цыстэ́рна]; р. *цирк* – ш. [цырк]; р. *циркуль* – ш. [цы́ркуль].

2. Во многих заимствованиях (чаще в ранних) в шокшанском диалекте, как и в эрзянском языке, вместо русского всегда мягкого звука [ч'] произносится [ц']: р. *бочка* – э. *боцька*, ш. [боц'ка́]; р. *кочерга* – э. *коцькерьган*, ш. [коц'к'ыр'ган]; р. *кучка* – э. *куця*, ш. [куц'ка́]; р. *кирпич* – э. *кирьпечь*, ш. [к'ирп'эц']; р. *внучка* – э. *нуцька*, ш. [нуц'ка́]; р. *блинчик* – ш. [бл'инца́] / [бл'инса́]. Причиной такого фонетического освоения большого количества заимствований могло явиться то, что в мордовских языках, как и в шокшанском диалекте, аффриката [ч] только твердая, поэтому русский мягкий звук [ч'] заменялся на сходный по месту и способу образования звук [ц']. По другой версии, русские слова проникли из соседствующих с мордвой русских говоров, где звуки [ч'] и [ц'] не различались, реализуясь в виде мягкого [ц'] [Цыганкин 1962: 187; Шеянова 1999: 19].

В большинстве слов анализируемых говоров [ч'] в русских заимствованиях заменялся на [т'], реже на [с]. Здесь, видимо, произошел переход: [ч'] > [ц'] > [т'] / [с]. Ср.: р. *чулан* – ш. [т'улан] (ср. э. *цюлан*); р. *чулок* – ш. [т'улка] (ср. э. *цюлка*); р. *куча* – ш. [кут'а] (ср. э. *куця*); р. *печёный* – ш. [п'ет'онкат] 'печёный картофель'; р. *калач* – ш. [калат'а]; р. *четверг* – ш. [т'ет'в'ер']; р. *Починки* (название деревни) – ш. [Пот'инка]; р. *блинчик* – ш. [бл'инса].

Рассматриваемое изменение звуков типично и для собственно шокшанских слов. Эрзянскому звуку [ц'] соответствует шокшанский [т']. Ср.: э. *цёра* – ш. [т'ора]; э. *паця* – ш. [пат'а], э. *пеняцямс* – ш. [п'ен'ет'амс].

Реже наблюдается переход [ч'] в [к] (в абсолютном конце слова): р. *паралич* – ш. [прал'ик]; р. *щёлочь* – ш. [шчолк].

Наряду с рассмотренными фонетическими изменениями в рассматриваемых говорах встречаются заимствования, в которых [ч'] не изменяется, что можно объяснить активным русско-шокшанским языковым общением: р. *чугун* – ш. [ч'угун]; р. *число* – ш. [ч'исла]; р. *чай* – ш. [ч'ай]; р. *численник* – ш. [ч'исл'ин'ик]; р. *час* – ш. [ч'ас].

Некоторые шокшанские говоры Теньгушевского района Республики Мордовия, например говоры сел Сакаева, Стандро-ва, переняли из русских народных говоров мягкое произношение аффрикаты [ч'], которое распространилось и на собственно шокшанские слова: [ч'ийер'] 'мышь', [ч'ийимс] 'бежать'.

3. Русская мягкая долгая фонема <ш'> в шокшанском диалекте, как и во многих эрзянских говорах, передается звуко сочетаниями [шт'], [шч] (в говоре с. Шокша) или звуками [ч] и [ш]. Например: р. *щука* – ш. [шчука]; р. *щиколотка* – ш. [шт'икылка]; р. *щепка* – ш. [чепка]; р. *щетина* – ш. [шечина]; р. *счастливый* – ш. [часл'ивый].

В настоящее время в речи среднего и молодого поколений **ш** передается в виде долгого мягкого [ш'].

4. Губно-зубной [в] опускался:

а) перед лабиализованными гласными [о], [у] в начале слова: р. *воля* – ш. [ол'а]; р. *ворожить* – ш. [оржыйамс]; р. *воронка* – ш. [оромка]; р. *вор* – ш. [ор]; р. *вовсе* – ш. [ойс'е]; р. *ворох* – ш. [орух]; р. *вожжи* – ш. [ожд'ат];

б) перед согласными в начале слова во избежание стечения согласных звуков: р. *внучка* – ш. [нуц'ка]; р. *вдруг* – ш. [друк] 'вместе'; р. *время* – ш. [р'ема]; р. *всё-таки* – ш. [с'о-тък'и]; р. *всякий* – ш. [с'акуй].

Данная особенность фонетического освоения также исходит из специфики звуковой организации шокшанской речи. В сере-

дине слова в сочетаниях *-ово-*, *-аво-*, *-ов-*, *-во-* и др. звук [в] не произносится: р. *жаровня* – ш. [жару́н'а]; р. *двойня* – ш. [дойн'á]; р. *двойняшка* – ш. [дойн'áшка]; р. *ухват* – ш. [ухáт]. В некоторых словах сочетание *-во-* переходит в полугласный [ў], средний между [в] и [у]: р. *вдоволь* – ш. [дбóул']; р. *новость* – ш. [нóўс'т']. Следует сказать, что такое изменение отличает шокшанский диалект от эрзянского литературного языка, где сочетания с [в] произносятся четко. Ср.: э. *каволямс* – ш. [каўл'амс] 'жевать'; э. *новолемс* – ш. [ноўл'имс] 'опуститься'; э. *суволемс* – ш. [суўл'амс] 'ковырять'; э. *пувордамс* – ш. [пуўрдамс] 'повернуть'; э. *сювордамс* – ш. [с'уўрдамс] 'сжать'.

Иногда в заимствованных словах на месте звука [в] встречается звук [с]: р. *вновь* – ш. [снох]; р. *вкус* – ш. [скус]. В первом случае переход [в] > [с] можно объяснить дистантной регрессивной ассимиляцией по признаку огубленности, во втором – дистантной регрессивной ассимиляцией по месту образования (губной звук [в] под влиянием переднеязычного [с] уподобился последнему).

5. Для мордовских языков несвойственно оглушение конечных звонких согласных звуков, поэтому глухие согласные в конце русских слов в эрзянском языке трансформируются в звонкие: э. *плу*[г] – р. *плу*[к], э. *кру*[г] – р. *кру*[к]. Этот процесс наблюдается и в шокшанском диалекте: р. *сад* [сат] – ш. [сад], р. *мазь* [мас'] – ш. [маз'].

По аналогии подвергаются озвончению и русизмы, оканчивающиеся на глухой согласный звук. Ср.: р. *тёс* – ш. [т'оз], р. *лист* – ш. [л'из], р. *крест* – ш. [кр'оз], р. *рост* – ш. [роз] 'росток'; р. *омут* – ш. [омуд] 'множество'. Это произошло в результате контактной (регрессивной) ассимиляции в сочетании данных слов со словами, начинающимися на звонкий согласный звук. Ср.: [с'ормáдумс л'из наџкс] 'написать на листе', [ст] → [з]; [путьумс т'оз наџкс] 'положить на тёс', [с] → [з]. Впоследствии данные слова, употребляясь одиночно, приобрели звонкое произношение.

В настоящее время в шокшанском диалекте можно встретить двоякое произношение: со звонким [маз'] и глухим [мас'] согласным на конце.

В некоторых заимствованных словах в результате прогрессивной ассимиляции (под воздействием конца предыдущего слова, оканчивающегося на звонкий согласный) происходит озвончение начального глухого согласного:

[х] → [г]: р. *хамса* – ш. [гамзá] (с → з);

[к] → [г]: р. *кружева* – ш. [гружу́ват];

[ш] → [ж]: р. *шар* – ш. [жар] 'мяч'.

6. В системе согласных шокшанского диалекта, как и в эрзянском языке, отсутствует фонема <ф>. В словах, заимствованных из русского языка, вместо нее, произносится [х], реже – [к] и [п], либо она вообще опускается:

[х]: р. *фамилия* – ш. [хам'íl'ийа]; р. *фартук* – ш. [харту́к]; р. *ферма* – ш. [х'ерма́]; р. *торф* – ш. [торх]; р. *фляга* – ш. [хл'ага́]; р. *портфель* – ш. [порх'íl']; р. *туфля* – ш. [тухл'á]. Большое количество заимствований – христианские имена: р. *Фёкла* – ш. [Х'екла́]; р. *Федот* – ш. [Х'едо́т]; р. *Федора* – ш. [Х'едо́ра]; р. *Ефрем* – ш. [Эхр'эм]; р. *Фоломей* – ш. [Халам'эй]; р. *Фома* – ш. [Хамá]; р. *Филя* – ш. [Х'ил'á]; р. *Фока* – ш. [Хока] [Натуральнова 2016];

[к]: р. *фуфайка* – ш. [кухай́ка]; р. *Февронья* – ш. [Кавра́]; р. *Фрол* – ш. [Крола́];

[п]: р. *шкаф* – ш. [шкан];

[]: р. *просфора* – ш. [прас'у́ра].

7. В более ранних заимствованиях заднеязычный звук [х] заменился близким по месту образования звуком [к]: р. *хохол* – ш. [коклáк]; р. *хромой, хромать* – ш. [крамо́й], [крамо́йд'амс] 'хромать'; р. *соха* – ш. [сока́]; р. *хрен* – ш. [кр'он]; р. *хозяйка* – ш. [коз'эйка]; р. *хмель* – ш. [комл'á]; р. *Христос* – ш. [Кр'исто́с], [кростозча́ума] 'шиповник'.

8. Русский звук [ж] в некоторых словах перешел в [з]: р. *грыжа* – ш. [грызá]; р. *жабры* – ш. [з'ебр'эт']. Такое фонетическое освоение могло произойти вследствие того, что звуки [ж] и

[з] одинаковые по способу (фрикативные) и месту (по активному органу – переднеязычные) образования.

9. В мордовских языках нет мягких парных согласных фонем <б>, <в>, <п>, <м>, <ф> и др., поэтому в заимствованных словах они теряют палатализацию: р. *церковь* – ш. [т'ер'кóв]; р. *морковь* – ш. [м'ер'кóв]; р. *озимь* – ш. [оз'ím]; р. *насыть* – ш. [насы́т]; р. *цепь* – ш. [цеп].

В отдельных случаях депалатализация наблюдается и в сфере конечных парных по мягкости-твердости согласных, чаще сонорных: р. *студень* – ш. [студ'ín]; р. *корень* – ш. [кор'ín]; р. *крендель* – ш. [кл'ендур]; р. *площадь* – ш. [пло'ш'ín]; р. *трутень* – ш. [трут'ín] (в говоре с. Сакаево).

Таким образом, проведенный фонетический анализ русских заимствований показал, что большинство из них оформляется по законам звуковой организации шокшанской речи, с учетом особенностей диалекта. Рассматриваемый материал дает ценную информацию не только о процессе заимствования русских слов, но и о фонетической системе шокшанского диалекта, о котором к настоящему времени в мордовском языкознании существуют лишь незначительные сведения.

Список условных сокращений

р. – русский язык; *ш.* – шокшанский диалект эрзянского языка; *э.* – эрзянский язык

Список использованной литературы

Натуральнова Г. А. Имена родства в антропонимии шокшанского диалекта эрзянского языка [Электронный ресурс] // Филология и литературоведение. – 2016. – № 3. – Режим доступа: <http://philology.snauka.ru/2016/03/1930>

Цыганкин, Д. В. Фонетическое и грамматическое освоение слов, заимствованных из русского языка и через русский язык (по материалам говоров эрзянского языка) // Труды МНИИЯЛИЭ. – Саранск, 1962. – Вып. 23. – С. 117–196.

Шеянова, Т. М. Русские заимствования в мордовских языках. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1999. – 36 с.

Пантюхина Татьяна Владимировна

Удмуртский государственный университет

Россия, г. Ижевск

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ И ИНКЛЮЗИВНОЕ *МЫ* В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

EXCLUSIVE AND INCLUSIVE *WE* IN THE UDMURT LANGUAGE

Аннотация. Рассматриваются эксклюзивное и инклюзивное местоимения 1-го лица мн. числа удмуртского языка. Выявляется многозначность усилительно-личного местоимения *асьмеос* 'мы, мы сами'. Особое внимание уделено семантике эксклюзивного и инклюзивного местоимений и различиям употребления в императивных выражениях.

Ключевые слова: инклюзивные и эксклюзивные местоимения, удмуртский язык, императивные выражения.

Abstract. The article deals with the exclusive and the inclusive pronouns of the 1-st person plural of the Udmurt language. The research reveals the polysemy of the pronoun *асьмеос* 'we, ourselves'. Special attention is paid to the semantics of exclusive and inclusive pronouns and differences in the use of imperative expressions.

Keywords: inclusive and exclusive pronouns, the Udmurt language, imperative expressions.

Обязательное вхождение адресата в коллективное первое лицо называется инклюзивностью (соответствующие местоимения же называются инклюзивными), а его обязательная исключенность из коллективного первого лица называется эксклюзивностью (соответствующие же местоимения – эксклюзивными) [Плунгян 2011: 232]. Противопоставление личных местоимений 1-го лица множественного числа по инклюзиву – эксклюзиву наблюдается в ряде кавказских, дравидских, африканских, американских [Майтинская 2009: 162–164], тунгусо-маньчжурских [Невская 2012: 75] и других языков. К. Е. Майтинская в научном исследовании «Местоимения в языках разных систем» делает категоричное заключение, что «в финно-угорских языках место-

имения по включению – исключению собеседника не противопоставляются» [Майтинская 2009: 162].

В удмуртском языке не всё так однозначно. Наличие в языке двух *мы* отражено в словаре Т. К. Борисова [Борисов 1991: 20, 182], «Удмуртско-русском словаре» [УРС 2008: 50, 432]. Наряду с традиционным личным местоимением *ми* 'мы', сходным значением обладает и усилительно-личное местоимение *асьмеос* 'мы, мы сами'. Доктор философских наук, кандидат филологических наук А. Г. Красильников, отмечал, что в удмуртском языке имеются два притяжательных местоимения (фактически – форм генетива личных местоимений) со значением 'наш': *милям* и *асьмелэн*, и связывал их семантическое различие с мировоззрением народа: у слова *асьмелэн* значение шире, объемнее, космогоничнее, *милям* по значению уже [Красильников 2013: 56].

Чем отличаются *ми* и *асьмеос* с семантической и грамматической точки зрения? На основании многочисленных примеров из художественной литературы нами выявлено, что личное местоимение 1-го лица множественного числа *ми* 'мы' служит для выражения единства говорящего с каким-либо лицом или с неким кругом лиц, но адресат речи не входит в данный круг, исключается из него: *ми* – это «я + он (она)», «я + они», «мы без тебя (или вас)». *Ма, милем воксё «хи-хи»-ен йырин өвёл* (Перев., 294) 'Ну, нам (мне и маме) вовсе не до хихиканья'. Местоимение *асьмеос* используется в значении 'мы' равном «я + ты (или вы)», «мы с тобой (или с вами)». *Асьмеос туннэ чош бертом, Сергей* (ИГ, 389) 'Сегодня мы (я и ты) вместе пойдём домой, Сергей'.

Для определения того, насколько чётко противопоставлены исследуемые местоимения по признаку к्लюзивности был проведён статистический анализ. Методом сплошной выборки собраны примеры из художественного текста объёмом 250 страниц десяти классиков удмуртской литературы. В 100 % случаях (109 примеров) местоимение *ми* 'мы' позиционируется как эксклюзивное местоимение. Местоимение *асьмеос* 'мы' выступает в качестве инклюзивного так же в 100 % случаев (81 пример). Хотя К. Е. Майтинская отрицает наличие эксклюзивного и ин-

кклюзивного *мы* в каком-либо из финно-угорских языков, в удмуртском такое противопоставление налицо.

Ми 'мы' эксклюзивное может употребляться в следующих значениях:

«я + он»:

Кухня кошкиз, ми нош ик чошен кылим (МП, 84). 'Кухня уехала, мы остались вдвоём'.

«я + они»:

– Ойдо келя *милемыз*, – Алымов, пилэн тазаезлы синмась-кыса, сое уробо нырын пукись ямщик вёзы пуксьыны косйз (Конов., 31). '– Давай проводи нас, – Алымов, которому понравилась сила парня, приказал ему сесть рядом к сидевшему на козлах ямщику.'

«мы без тебя (или вас)»:

Со понна табере атабайёс, кытчы ке палэнэ вуылыкузы, маке сямен одно ик верам каро: «Милям алигес клуб пуктйзы, пушказ пырид ке, паймыса бырод!» (Крас., 9–10) 'Зато теперь атабаевцы, когда уезжают куда-нибудь на сторону, в разговоре между прочим обязательно вставят: «У нас недавно клуб поставили, когда заходишь внутрь, удивлению нет конца!»'

Асьмеос 'мы' инклюзивное имеет значения:

«я + ты»:

– *Асьмеос туж шудо луомы, – сипыртйз Гриша, – мон тындыд зеч карт луо...* (АС, 22). 'Мы будем очень счастливы, – прошептал Гриша, – я буду тебе хорошим мужем...'

«я + вы»:

Асьмеос, егитъёс, ке жадимы, соку пересъёс ма шуозы? (СШ, 216). 'Если мы, молодёжь, будем уставать, тогда что скажут старики?'

«мы + вы»:

Как, пе, асьмелэн кинэ ке кытчы ке бырьё, асьсэды соку ик туж бадзым начальник кожаны кутско (Перев., 305). 'Мол, как только у нас кого-нибудь куда-нибудь выберут, они себя сразу же начинают мнить большими начальниками'.

По происхождению местоимение *асьмеос* 'мы' является усилительно-личным, но при употреблении в качестве инклюзивного семантика выделения лиц, связанных с действием, воз-

вратности отсутствует. Значение усилительности у местоимения *асьмеос* 'мы сами' в пределах одной предикации, как правило, проявляется в сочетании с местоимением *ми* 'мы'. *Ми сое, Сидор Петрович, асьмеос командировать каримы* (СШ, 208) 'Мы его, Сидор Петрович, сами командировали'. Субъект речи и действия выражен местоимением *ми* 'мы', а местоимение *асьмеос* 'мы сами' является усилительным приложением к нему. Имеются лишь единичные случаи употребления местоимения *асьмеос* в усилительном значении не в сочетании с личным местоимением, однако, показатель лица в суффиксе глагола:

Пумитазы бызе ни Атаманов. Дышетйсьёс доры матэ вуытэк ик, со кеське:

– *Максим Мартемьянович кошкем ни...*

– *Валэз татын-а?*

– *Татын.*

– *Иське, асьмеос ик кытком* (Вал., 304).

‘Навстречу им бежит уже Атаманов. Ещё не добежав до учителей, он издали кричит:

– Максим Мартемьянович уже ушёл...

– Лошадь его здесь?

– Здесь.

– Тогда мы сами же и запряжём’.

Местоимение *асьмеос* 'мы, мы сами' является многозначным: при самостоятельном употреблении в большинстве случаев служит для обозначения инклюзивности, в сочетании с местоимением *ми* 'мы' сохраняет первоначальное значение усилительности, в косвенных формах – возвратности.

Противопоставление личных местоимений по инклюзиву – эксклюзиву в удмуртском языке наблюдается на синтаксическом уровне в императивных высказываниях. Призыв к исполнению совместного действия говорящего и собеседника выражается глаголом-сказуемым 1 лица мн. числа *-м, -ме*. [Синтаксис 1970: 33] По терминологии некоторых авторов глаголом «совместного лица» [Репина 2007: 67]. Они могут сочетаться с частицами *ой-долэ* 'идемте', *вай* 'давай', *ваелэ* 'давайте', *я 'ну'* [Синтаксис 1970: 33]. *Ой, кыче шудо мон тонэн! Кырза, жингыра кадь улон.*

Я вай асьмеос но туннэ Баян съёры чош гурлалом (Белоногов) 'Ой, как я счастлив с тобой! Как будто жизнь поёт, звенит. Ну давай и мы сегодня За баяном вместе поворкуем'. В данной императивной конструкции *асьмеос* 'мы' инклюзивное часто бывает опущено. *Бен, вай, Тимофей, пуксём, вераськом.* (М. Петров. Жардон азын). 'Так давай, Тимофей, сядем, поговорим' (пример из: ГСУЯ 1962: 210). В подобных императивных выражениях замена *асьмеос* 'мы' инклюзивного на *ми* 'мы' эксклюзивного без потери значения совместного действия невозможна. *Я вай асьмеос кырзалом* 'Ну, давай споем'. *Я, вай, ми кырзалом* 'Ну, разреши, мы споём'.

Рассматриваемая оппозиция не является грамматической категорией, как например, в тунгусо-маньчжурских языках [Невская 2012: 75]. Посессивный суффикс 1-го лица мн. числа *-мы* функционирует вне зависимости от категории эксклюзивности – инклюзивности. *Врачъёсмы милям туж умоесь* (Крас., 14). 'Врачи наши очень хорошие'. *Оло, асьмелэн гуртамы колхоз вань-а?* (ГМ, 13) 'Неужели в нашей деревне есть колхоз?'

Личная форма глагола тоже не связана с данной категорией. Суффикс *-м-* является единственным показателем 1-го лица мн. числа. *Тани, шуом, кылдэм ке, ми Чачабеен шудо луом, нош тii?..* (Конов., 33) 'Вот, скажем, если суждено, мы с Чачабей будем счастливы, а вы?..'. *Вунэти́м уни асьмеос сое* (АС, 17) 'Забыли мы уже его (Бога)'

Таким образом, в удмуртском языке имеются 2 личных местоимения 1-го лица множественного числа *асьмеос* и *ми*, противопоставленные друг другу по признаку включения (инклюзив) или невключения/исключения (эксклюзив) собеседника. *Асьмеос* 'мы' инклюзивное функционирует в императивных выражениях побуждения к исполнению совместных действий. Специальных морфологических маркеров для обозначения инклюзивности – эксклюзивности в удмуртском языке нет.

Список источников

АС – Ар-Серги В. Тулкымъёс вылын – пыжед: Повестьёс, веросьёс, кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 1993. – 224 б.

Белоногов – Белоногов А. Шудо жыт. – Электронный ресурс: <http://udmmusic.ru/category/tip-stati/teksty-pesen?page=2>. Дата посещения: 15.05.2016.

Вал. – Валишин Р. Г. Тӧл гурезь: Повестьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1978 – 276 б.

КМ – Кедр Митрей. Секыг зйбет: Роман, повестьёс, веросьёс, кыльбурьёс, поэма, тодэ ваёнён/ Азыкылэз П. Поздеевлэн. – Ижевск: удмуртия, 1988. – 392 б.

Крас. – Красильников Г. Д. Тонэн кылыско: Роман. Повесть. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 390 б.

Конов. – Коновалов М. А. Гаян: Романъёс но веросьёс/ Азыкылэз Ф. К. Ермаковлэн. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – 384 б.

МП – Петров М. П. Люкам сочинениос. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – Т. 3. – 280 б.

Перев. – Перевошиков Г. К. Йӧвалег: Роман-дилогия. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 504 б.

СШ – Ширококов С. П. Яратон ке ӧвӧл: Комедия // Вакытлэн гурьёсыз: Кылбурьёс, поэмаос, басняос, веросьёс, гожгэтъёс, статьяос. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 202–249 б.

Список использованной литературы

Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тыс. слов / Т. К. Борисов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. – 384 с.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология / Под ред. П.Н. Перевошикова. Удм. НИИ ист., экон., яз. и лит. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Красильников Г. – Кыче со удмурт лул-визь дунне? // Инвожо. – 2013. – № 08–09. – С. 52–57.

Майтинская К. Е. Местоимения в языках разных систем. Изд.2-е, испр. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 312 с.

Невская И. А. Категория инклюдива и эксклюдива в алтайских языках // Вестник ТГПУ. – 2012. – № 1 (116). – С. 75–81.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. – М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011. – 762 с.

Репина Т. Ю. Императив и его морфолого-прагматические особенности функционирования в удмуртском языке // Филологические науки. – 2007. – № 5 (1). – С. 63–68.

Синтаксис – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения / Под ред. В. И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 252 с.

УРС – Удмурт-ӵуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т.Р. Душенкова, А.В. Егоров, Л.М. Ившин, Л.Л. Карпова, Л.Е. Кириллова, О.В. Титова, А.А. Шибанов; Отв. ред. Л.Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.

УДК 811.511.131

Пишлӧгер Кристиан

Венский университет,

стажер университета Турку в МарГУ

Австрия, г. Вена

ЕЩЕ РАЗ ОБ АНАЛИТИЧЕСКИХ ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

UDMURT ANALYTIC CONVERB CONSTRUCTIONS REVISITED

Abstract. Analytic converb constructions, or "paired verbs", in Uralic languages are considered to be loans from respective neighbouring Turkic languages. In comparison with other languages of the Volga-Kama region (Mari, Tatar, Bashkir, Chuvash) analytic converb constructions in Udmurt exhibit a lower number of verbs that can serve as auxiliaries, and these are used comparatively less frequently. Moreover, some specific features suggest that the process of grammaticalization in Udmurt has not reached the same stage as it did in other languages. The article at hand revisits similarities and differences between Udmurt analytic converb constructions and their counterparts in other languages.

Keywords: analytic converb constructions, Udmurt language.

0. Введение

Так называемые, «спаренные глаголы», или аналитические деепричастные конструкции, в марийском и удмуртском языках являются, по общепринятому мнению, заимствованием из тюркских, особенно под влиянием татарского, башкирского и чувашского языков. Если аналитические деепричастные конструкции

в марийском языке, несомненно, стали живым элементом морфо-синтаксиса, то в удмуртском, по сравнению с отмеченными выше языками, и частота и количество аналитических деепричастных конструкций значительно меньше. Кроме этого, мы встречаем в удмуртском еще формы, которые указывают, что степень грамматикализаций этих конструкций тоже не так развит, как в других языках региона. В статье рассматриваются еще раз сходство и различие аналитических деепричастных конструкций удмуртского языка с другими языками региона.

1. Частота удмуртских аналитических деепричастных конструкций

Несмотря на то, что уже есть некоторые статьи об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке (например, Кельмаков 1975, Каракулова 1987, Пишлөгер 2013, Тараканов 2013, Чхаидзе 1967, Honti 2005, Pischlöger 2001, Тараканов 1980, и т.п.), мы там не найдем данные о частоте этих конструкций. И в других языках региона, которые часто сравнивают в этом плане с удмуртским, где встречаются аналогичные явления, как в марийском языке, и тюркских языках – татарский, башкирский, чувашский, имеются качественные, но не количественные сравнения. Единственный вопрос, который интересен в количественном плане, – это вопрос о количестве вспомогательных глаголов. Это относится не только к удмуртскому, даже Клаус Шёниг (Schönig 1984: 3–4), посвятивший аналитическим деепричастным конструкциям самое обширное исследование этого феномена в татарском языке, изучал в количественном плане только количество глаголов, которые могут выступать в качестве вспомогательных. Другие авторы, кажется, также не занимались вопросом частоты аналитических деепричастных конструкций (там же).

Относительно удмуртского языка количественные вопросы задаются, по имеющейся у меня информации, только благодаря Лауре Хорват (Laura Horváth). К сожалению, в статьях, которые мне известны, упоминаются или только количество вспомогательных глаголов (соответственно деепричастных аналитических конструкций) без указания корпуса (Horváth 2013: 114), или

использованный корпус без указания количества аналитических деепричастных конструкций (Horváth 2015: 111).

Однако в докладе на VII Уральском Воркшопе в Будапеште (The Seventh Uralic Workshop), где исследователь наряду с другими вопросами затрагивала и аналитические деепричастные конструкции, Л. Хорват упоминала использованный ею корпус и частоту этих конструкций (Horváth 2014). Использованный ею материал интересен тем, что Лаура Хорват анализирует этот вопрос на материале онлайн дневников двух блогерш – Марии Векшиной («Marajko»: <http://marajko.blogspot.com>) и Марины Сергеевой («Udmurto4ka»: <http://udmurto4ka.blogspot.com>), обе – носители южных диалектов. Значит, используемый ими язык, содержит много элементов устной речи и отражает современное состояние языка двух молодых удмурток из ареала южных диалектов, то есть в тех диалектах, где, согласно научной литературе, спаренные глаголы представлены большим количеством в результате тесных контактов с татарским языком.

В результате получается следующее: блогерша Мария Векшина (корпус примерно 19 100 слов) использует 16 разных вспомогательных глаголов в 56 аналитических деепричастных конструкциях, блогерша Марина Сергеева (корпус примерно 19 200 слов) использует 18 разных вспомогательных глаголов в 53 аналитических деепричастных конструкциях. На мой взгляд, это относительно немного. Дж. Брэдли, например, нашел в марийском языке 66 разных вспомогательных глаголов (Bradley 2016: 5) в 5 370 аналитических деепричастных конструкциях (Bradley 2016: 131). Притом надо отметить, что у него корпус с 994 097 словами (Bradley 2016: 109) намного объемнее, так что прямые сравнения невозможны.

Но еще интереснее будет рассмотреть частоту отдельных вспомогательных глаголов (как часть аналитических деепричастных конструкций) у Хорват (2014). Вспомогательные глаголы, используемые обеими блогершами следующие (в скобках частота их применения, указание М – обозначает блогершу Марайко, U – Удмурточку.): *ветлыны* 'ходить, ездить' (М 12, U 8), *пукыны* 'сидеть' (М 11, U 5), *вуттыны* 'доставить, довести; успеть' (М 6, U 1), *сылыны* 'стоять' (М 4, U 4), *бырыны*

'скончаться, умереть; кончиться, кончатся' (М 3, U 1), *улыны* 'жить' (М 3, U 3), *кошкыны* 'уйти, уходить' (М 3, U 6), *кыльыны* 'отстать; остаться' (М 3, U 2), *кельтыны* 'оставить; покинуть' (М 2, U 3), *куштыны* 'бросить, кинуть' (М 2, U 1), *вуыны* 'прийти, приходить' (М 2, U 0), *мыныны* 'идти' (М 1, U 2), *кыллыны* 'лежать' (М 1, U 4), *возыны* 'держать; хранить' (М 1, U 1), *потыны* 'выйти, выходить' (М 1, U 3), *пырыны* 'войти, входить' (М 1, U 0). Блогерша Удмурточка дополнительно использует еще четыре вспомогательных глагола, не встречающиеся у Марайко: *лэзыны* 'отпустить, пустить' (М 0, U 5), *быдтыны* 'закончить' (М 0, U 1), *поттыны* 'вынести, выносить' (М 0, U 1), *сётыны* 'дать' (М 0, U 2). Примеры показывают, что отдельные вспомогательные глаголы встречаются очень редко, и даже те, которые чаще, и то не в очень большом количестве (все данные приводятся из доклада Лауры Хорват [Horváth 2014]). Это свидетельствует, что спаренные глаголы не используются часто, по крайней мере, этими двумя блогершами из южного диалектного ареала.

2. Аллегроформы («беглое произношение»)

Аллегроформа – это словесная форма, которая в отличие от лентоформы, возникает при «беглом произношении» («*schnelles Sprechen*») как неполная, сокращенная форма («*die L[entoform] gilt als die normale deutlich formulierte Vollform, A[llegroform] dagegen als die abgeschliffene, verkürzte Form*») (Bußmann 1990: 69). В марийском языке такие аллегроформы спаренных глаголов вели к образованию новых слов, например: О (= луговомар.) *namijem* 'bringen' < *nalân mijem*; (Alhoniemi 1993: 222), О *nangajaš*, W (= горномар.) *nängeäš* 'wegbringen' < О *nalân*, W *nälân* 'nehmend' + О *kajaš*, W *keäš* 'gehen', О *kamβozaš*, W *kenβazaš* 'umfallen' < О *kajen*, W *ken* 'gehend' + О *βozaš* 'sich legen' (Alhoniemi 1993: 155). И в тюркских языках можно констатировать «большое значение» («*große Bedeutung*») деэпричастных конструкций, «не в последнюю очередь на основании широкого распространения и частого слияния обеих частей» («*nicht zuletzt an ihrer weiten Verbreitung und den häufigen Verschmelzungen beider Glieder*») (Schönig 1984: 10): башк.: *apar-*

< **alip bar-* (Миржанова 1979: 71), тув.: *ekkel* < **alip kel-* (TuvRS: 579), туркм.: *äkitmek-* < **alip ketmek* (Benzig 1939: 51. цит. по Schönig 1984: 10). (Клаус Шёниг [Claus Schönig] не считает их конструкциями с вспомогательными глаголами, а конструкциями с полными глаголами, но эта проблема в данный момент не относится к рассматриваемому в статье вопросу). Некоторые вспомогательные глаголы произошли из аллегрформ, например: *ġibār* < *īdū bér* (Schönig 164), так же: тат.: *анпару* < *алып бару* (Ганиев 1982: 102), чув.: *парсар* < *парса яр, сырса яр* > *сырсар* (Сергеев 1994: 66).

Аллегрформы, как в марийском или татарском, башкирском, чувашском, по имеющимся данным, не встречаются в удмуртском. Это, вероятно, свидетельствует о том, что их лентоформы, именно аналитические деепричастные конструкции, в удмуртском используются значительно реже и/или появились позже.

3. Грамматикализация

Камасинский – это уральский язык, в котором аналитические деепричастные конструкции возникли тоже под влиянием тюркских языков, особенно хакасского (Klumpp 2005: 397). Уже в самостоятельной жизни камасинского в некоторых случаях вспомогательные глаголы получили не только семантическую редукцию, значит характерную для вспомогательных глаголов утрату их значения как полные глаголы, но и формальную редукцию (Klumpp 2005: 405), где из этих глаголов образовались суффиксы. На первом этапе этого процесса грамматикализации между деепричастием и финитным глаголом могут внедриться и другие элементы, и порядок слов свободен; граница между полным глаголом и вспомогательным глаголом неустойчива. Но если финитный глагол выступает в роли «аспектуального вспомогательного глагола» («aspectual auxiliary»), тогда порядок слов уже не свободен, и никакой другой элемент не может внедриться между деепричастием и финитным глаголом (Klumpp 2005: 399). После семантической утраты значения полного глагола эта «фиксация» является следующим шагом в процессе грамматика-

лизации на пути к формальной редукции, и этот процесс можно описать так: семантическая редукция → фиксация → формальная редукция («semantic reduction → fixation → formal reduction») (Klumpp 2005: 397).

Ни в одном из языков региона (удмуртский, марийский, татарский, башкирский, чувашский) не произошла формальная редукция, несмотря на родственное явление вышеупомянутых аллегроформ, то есть слияния деепричастия и вспомогательного глагола в некоторых случаях, но это явление не привело к парадигматизации («paradigmaticization», Klumpp 2005: 397), как в камасинском (за исключением, например, второго прошедшего времени в марийском языке типа: *налын улына* > *налынна* 'мы взяли, мы брали'). Однако, порядок слов в марийском, татарском, башкирском и чувашском языках является, кажется, фиксированным. Кроме этого, между деепричастием и вспомогательным глаголом не может находиться другой элемент. Это, кажется, не имеет силу для удмуртского (сравни со следующим разделом).

4. «Своеобразие» удмуртских аналитических деепричастных конструкций

В сравнении с марийским, татарским, башкирским и чувашским удмуртские аналитические деепричастные конструкции имеют некоторые особенности. Так, например, «при эмфазе» деепричастие может стать финитным глаголом и союз может вводится между деепричастием и финитным глаголом: удм. *биз'са кошко* > *би•з'о но кошко* 'убегу (букв. побегу и уйду)' (Кельмаков 1975: 96). Но этот феномен обнаруживается не только в удмуртском, похожие формы имеются в таджикском, где аналитические деепричастные конструкции возникли в результате влияния узбекского языка: тадж.: *murd raft* ~ *múrd-u raft* 'он умер' (Расторгуева 1964: 101).

В удмуртском, кроме союза, и другие элементы могут вводиться между деепричастием и финитным глаголом, например (Каракулова 1987: 181):

а) подлежащее: *кисьтыса со лэзе, бызьыса Ларисамы лыктэ,*

б) дополнение: *сѣтыса кузьым лэзе,*

в) обстоятельство места: *пезьдыса пыд улаз усиз, сое донгыса котыртэме поттѣзы,*

г) обстоятельство образа действия: *учкыса кема сылиз на.*

Кроме этого, даже некоторые «знаменательные слова» могут внедриться между деепричастием и финитным глаголом, например: *кыскаса солэн скальѣсызлы нуиз, бызьыса огнал пумысеныз мукет пал пумозяз шыр кадь кошкиз* (Каракулова 1987: 181). Это позволяет сделать вывод: «Материал удмуртского языка показывает, что между компонентами спаренных глаголов, даже типичных и бесспорных, могут оказаться не только служебные, но и знаменательные слова» (там же). В марийском языке между деепричастием и вспомогательным глаголом могут внедриться только клитика и отрицательные глаголы (Bradley 2016: 74), похожая ситуация имеется и в татарском (Каракулова 1987: 181, цитирует Ганиев 1963: 38). Но и порядок слов в удмуртском не так четко фиксирован в сравнении с другими языками региона, например: *лэзь кисьтыса, мед быдтоз уни вераса,* и т. п. (Каракулова 1987: 181).

Таким образом, и возможное внедрение «знаменательных слов» между деепричастием и финитным глаголом (Каракулова 1987: 181), и в сравнении с другими языками региона относительно свободный порядок слов указывают на слабое проявление грамматикализации в удмуртском языке (сравни «Syntagmatic variability decreases with increasing grammaticalization», Lehmann 158). Во всяком случае, эти формы являются особым развитием в удмуртском языке.

5. Продуктивность

Отсутствуют как квантитативные исследования частоты появления аналитических деепричастных конструкций, так и исследования продуктивности этих конструкций в удмуртском и в других языках. Все же имеются некоторые указания, позволяющие сделать выводы о возможной продуктивности, а именно: конструкции, где деепричастие является заимствованием из русского, например, в марийском языке: *бинтоватлен пытарааш* '(сплошь) забинтовать, закончить бинтовать' и другие (Сибатро-

ва 2016). С. С. Сибатрова (2016) называет девять вспомогательных глаголов в тридцати пяти деепричастных конструкциях; Джереми Брэдли (Bradley 2016: 270) отмечает также в марийском – тридцать пять вспомогательных глагола в ста двадцати четырех деепричастных конструкциях. По мнению М. П. Чхаидзе конструкции этого типа полностью продуктивны: «эти глаголы освоены марийским языком и употребляются совершенно на тех же правах, что и коренные марийские глаголы» (Чхаидзе 1960: 72). Менее оптимистична в своем мнении С. С. Сибатрова: «Итак, глаголы-русизмы, как и другие группы глаголов по происхождению, способны сочетаться с вспомогательными глаголами видовых значений и образовывать составные глаголы. Однако, во всяком случае судя по материалам использованных источников, ряд вспомогательных глаголов при них, как и суффиксов, значительно меньше, чем при остальных марийских глаголов» (Сибатрова 2016).

В современном удмуртском языке имеется два способа заимствования русских глаголов:

1) аналитический: русский инфинитив + вспомогательный глагол *карыны* 'делать' (или возвратный *карыськыны*, если глагол, заимствованный из русского тоже возвратный);

2) синтетический: русский инфинитив + суффикс *-ты-* (или *-чкы-*, если глагол, заимствованный из русского, возвратный) (Winkler 2011: 124).

Конструкции с *карыны* в современном удмуртском очень часты и продуктивны, однако в аналитических деепричастных конструкциях типа «русский инфинитив + карыса + вспомогательный глагол» они едва встречаются как и синтетические формы, например: *переключатьтыса улко* (← *переключатьтыса улйсько*, приведенная Лаурой Хорват в своем докладе на конференции «Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы нормативной и исторической фонетики, лексикологии и стилистики» 2016 в Ижевске) или *печатласа поттэмын* (Кельмаков 2016: 48. Форма *печатланы* не типичное заимствование, так как не принадлежит к вышеупомянутым способам заимствования в современном удмуртском языке. Кроме

этого возможно и прямая калька из татарского языка, сравни: *бастырып чыгару* 'отпечатывать, отпечатать, напечатать'. ТРС).

И редкость новых образований с русскими глаголами на месте деепричастия может служить примером, что аналитические деепричастные конструкции, по крайней мере, в современном удмуртском языке не или едва продуктивны. Может быть, иную картину покажет ситуация в южных или периферийно-южных диалектах.

6. Заимствование

Среди уральских языков аналитические деепричастные конструкции встречаются в марийском, удмуртском, ненецком, селькупском, камасинском и маторском (Pischlöger 2013: 202). Кроме этого, есть похожие формы и в эрзянском языке, например: *varaka liv'až tuž virev* 'die Krähe flog weg in den Wald', где *liv'až tuž* дословно значит 'летая ушёл' ('ist fliegend weggegangen') (Bereczki 1984: 312). По мнению Габора Берецки, это не значит, что есть такая категория в мордовском, и эти формы, скорее всего, «кальки с некоторых выражений из татарского» («Lehnübersetzungen einzelner Ausdrücke aus dem Tatarischen») (Там же: 312). Кальки есть и в марийском, где аналитические деепричастные конструкции широко представлены во всех диалектах и литературных языках, и эта категория вполне продуктивна, например: «Das tscheremissche Konverbgefüge *ijân kajem* 'wegschwimmen, fortschwimmen' (eig. 'schwimmend gehen') ist eine Lehnübersetzung von tschuw. *išse kaj-* id.» (Bereczki 2013: 22); «*kâlden šândem* 'anbinden' (eig. 'bindend setzen, stellen') < tschuw. *šixsa lart* 'id.'» (Bereczki 2013: 56). Н. И. Исанбаев также делает вывод относительно марийского языка, что «[...] многие из этих образований являются кальками татарских или чувашских составных глаголов, [...]» (Исанбаев 1978: 88).

В этом отношении интересен вывод В. К. Кельмакова: «Абсолютное большинство моделей удмуртских спаренных глаголов типологически тождественно моделям спаренных глаголов татарского языка» (Кельмаков 1975: 104). Этим выводом он противопоставляет тринадцать аналитических деепричастных конструкций из удмуртского литературного языка и их соответствия

в татарском языке (там же), в результате чего складывается впечатление, что это, скорее всего, не живая грамматическая категория, а калькирование с татарского языка.

7. Выводы

Хотя аналитические деепричастные конструкции, на первый взгляд, дают единую картину, удмуртский язык отличается от марийского, татарского, башкирского и чувашского в некоторых аспектах:

1. Аналитические деепричастные конструкции, как кажется, в удмуртском используются значительно реже, чем в других языках региона.

2. В отличие от других языков региона, в удмуртском языке отсутствуют аллегрформы, которые возникли из сочетания с вспомогательными глаголами, что также указывает на значительно более редкое их использование.

3. Процесс грамматикализации в удмуртском, кажется, не пошел так далеко, как в других языках региона. На это указывают, с одной стороны, относительно свободный порядок слов, с другой стороны, тот факт, что один или даже некоторые элементы могут внедриться между деепричастием и финитным глаголом.

4. Продуктивность аналитических деепричастных конструкций кажется ограниченной, может даже вызывать сомнение, по крайней мере, относительно современного литературного языка, также всех диалектов, кроме, может быть, южных и периферийно-южных диалектов.

5. Дословные совпадения между удмуртскими и татарскими формами указывают, скорее всего, на калькирование, чем на живую грамматическую категорию.

Благодарю Лауру Хорват (Laura Horváth) за предоставленную презентацию доклада «Зучомем. И мар?» (Horváth 2014), представленного на VII Уральском воркшопе (7th Uralic Workshop), и Джереми Брэдли (Jeremy Bradley) за помощь с предоставлением некоторых цифровых изданий литературы и информацию про марийский язык, С. С. Сибатрову

за предоставление доклада, прочитанного на Игнатовских чтениях в Козьмодемьянске (2016 г.).

Список использованной литературы

Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке. – Москва, 1982.

Исанбаев Н. И. Общее и отличительное в составных глаголах марийского и поволжско-тюркских языков // Вопросы марийского языка. – Йошкар-Ола, 1978. – С. 59–90.

Каракулова М. К. О некоторых особенностях удмуртских спаренных глаголов. // Советское финно-угроведение [=Linguistica Uralica] 23. – Tallinn, 1987. – С. 179–185.

Кельмаков В. К. Спаренные глаголы в удмуртском языке: На материале кукуморского диалекта // Вопр. удмурт. яз.: Сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 90–105.

Кельмаков В. К. Удмурт кылосбурлэн дырсюресысьтыз тодмотэм тодмо бамъёс: Азьпечатлос / Удмурт кун университет. Удмурт кылосбур факультет. Огъя но финн-угор кылтодонъя кафедра. – Ижкар: Удмурт университетлэн книгапоттонниез, 2016.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. – Москва, 1979.

Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. – Москва, 1964.

Сергеев Л. П. Заметки о трансформации словосочетаний в говорах // Вестник чувашской национальной академии 2. – Чебоксары, 1994.

Сибатрова С. С. Грамматическое освоение русских заимствованных глаголов в марийском языке: выражение видовых значений. Игнатовские чтения. – Козьмодемьянск, 2016.

Тараканов И. В. Аналитические глагольные образования в удмуртском языке // Проблемы изучения финно-угорских языков / Вестник Удмуртского университета 2. – Ижевск, 2013. – С. 3–7.

ТРС = *Асылгараев Ш.Н., Ганиев Ф.А., Закиев М.З., Миннуллин К.М., Рамазанова Д.Б.* Татарско-русский словарь / Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова. – Казань, 2007.

Чхаидзе М. П. Спаренные глаголы в марийском языке. – Йошкар-Ола : Марийск. кн. изд-во., 1960.

Чхаидзе М. П. О происхождении и функциях марийских и удмуртских спаренных глаголов // Вопросы финно-угорского языкознания / УдНИИ. – Ижевск: Удмуртия, 1967. – Вып.4. – С. 247–261.

Benzig J. Über die Verbformen im Türkmenischen. (= Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, westasiatische Abt., Nr. 42.). – Berlin, 1939.

Bereczki G. Die Beziehungen zwischen den finnougrischen und türkischen Sprachen im Wolga-Kama-Gebiet // NyK (1984): – С. 307–314.

Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari) – Der einheimische Wortschatz, Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 86. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2013.

Bradley J. Mari Converb Constructions: Productivity and Regional Variance. – Wien, 2016. (2016 представлена в качестве диссертации в Венском университете).

Bußmann H. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Stuttgart, 1990.

Honti László. Uráli „páros igék”. Folia Uralica Debreceniensa 12. – Debrecen, 2005. – С. 33–46.

Horváth L. On the aspectual markers of the Udmurt language: Expressions of aspect in dialects. // Csepregi Márta, Kubinyi Kata, and Jari Sivonen (eds.), Grammatika és kontextus – új szempontok az uráli nyelvek kutatásában III. – Budapest: Uralisztikai Tanulmányok 20. Eötvös Loránd Tudományegyetem, Finnugor Tanszék. – С. 108–124.

Horváth L. «Зучомам. И мар?» Attitűdök és határozói igeneves szerkezetek udmurt blogokban. Презентация на конференции 7th Uralic Workshop in Budapest («Будапештский Уралский Воркшоп»). – Будапешт, 2014.

Horváth L. Habitualitás kifejezése udmurt nyelvjáráásokban // Kiss Katalin, Hegedűs Attila, and Pintér Lilla (eds.) Nyelvelmélet és dialektológia 3. PPKE BTK. Elméleti Nyelvészeti Tanszék – Magyar Nyelvészeti Tanszék. Piliscsaba, 2015. – С. 99–125.

Klumpp G. Aspect markers grammaticalized from verbs in Kamas // Acta linguistica hungarica. Vol. 52. – Budapest, 2005. – С. 397–409.

Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization (LINCOS studies in theoretical linguistics 1). – Lincom Europa, München & Newcastle. 1995

Schönig C. Hilfsverben im Tatarischen – Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen. – Wiesbaden, 1984.

Tarakanov I. V. Analytische Verbalbildungen in den permischen Sprachen // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum – Pars II: Summa dissertationum. Suomen kielen seura, Turku, 1980. – С. 161.

ТувРС = Пальмбах, А. А. Тувинско-русский Словарь. – Москва, 1955.

Winkler E. Udmurtische Grammatik. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011.

Поляков Осип Егорович

Национальный исследовательский Мордовский государствен-
ный университет им. Н.П. Огарева

Россия, г. Саранск

**СИСТЕМА ПРАФИННОУГОСРКИХ СОНАНТОВ
В ВОЛЖСКИХ (МОРДОВСКИХ И
МАРИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)**

**THE SYSTEM OF PROTO-FINNO-UGRIC SONANTS IN THE
VOLGAIC (MORDVIN AND MARI) LANGUAGES**

Аннотация. В статье рассматривается развитие системы прафинноугорских сонантов в волжских (мордовских и марийском) языках и в их диалектах. В статье даются сведения об употреблении сонорных согласных в современных волжских языках. Особое внимание уделяется истории образования глухих сонорных p^x , p^{α} , l^x , l^{α} , \dot{y}^x в мокшанском языке, истории развития древнего носового $^x\eta$. Автор высказывает свое мнение о причинах появления 'глухих' согласных сонорных, об изменении древнего $^x\eta$.

Ключевые слова: мокшанский язык, эрзянский язык, марийский язык, волжские языки, сонант, сонорный, общемордовский язык.

Abstract. The article discusses the proto-Finno-Ugric sonant system development of the Volgaic (Mordvin and Mari) languages and their dialects. The article provides information about the use of sonorous consonants in the modern Volgaic languages. Particular attention is paid to the history of unvoiced consonants p^x , p^{α} , l^x , l^{α} , \dot{y}^x in the Moksha language as well as the history of the ancient $^x\eta$. The author discusses the causes of the emergence of 'deaf' sonorous consonants, the change of the ancient $^x\eta$.

Keywords: Moksha language, Erzya language, Mari, Volgaic languages, sonant, sonorous, All-Mordvin language.

Волжские языки – условное классификационное название мордовских и марийского языков. Эти языки – отдельная подгруппа финно-угорской подсистемы уральской языковой семьи. Письменность как марийского, так и мордовских языков образо-

валась на основе русской графики – кириллицы и связана с распространением христианской религии.

Марийский язык имеет луговое, горное, восточное и северо-западное наречия. Мордовские языки (мокшанский и эрзянский) – два самостоятельных языка мордовского народа. Различия между ними обнаруживаются на всех уровнях языка. Мордовские языки характеризуются большим количеством переходных и смешанных говоров.

Известные исследователи уральских языков считали, что прафинно-угорская система сонантов состояла из следующих фонем: *m, n, n', ŋ, l, l', r, j* [Collinder 1960: 416]; *m, n, ŋ, l, l', r, j* [Posti 1953: 91]; *m, n, n', ŋ, l, l', r, j* [Hajdu 1965: 51]; *m, n, n', ŋ, l, l', r, j* [Sammallahti 1971: 44].

Прафинноугорская система сонантов в современных волжских языках и их диалектах получила неодинаковое развитие. В современном марийском языке употребляются сонанты: *м, н, н', н², л, л', й, р, р'*. Все эти фонемы, кроме *р'*, встречаются во всех диалектах (Грузов 1965: 200). В современном эрзянском языке употребляются сонанты *м, н, н', л, л', й, р, р'*, в мокшанском – *м, н, н', л, л', л^x, р, р', р^x, р^x, й, й^x* [Феоктистов 1993: 178–181, 190–192].

Во всех волжских языках неограниченно употребляется сонорный *м* < **t* и может быть в разных фонетических положениях: *малаш* ‘спать’, *тумо* ‘дуб’, *там* ‘вкус’ (мар.); *максъ/максо* ‘печень’, *тума/тумо* ‘дуб’, *л'йм/л'эм* ‘суп’ (мокш./эрз.).

В волжских языках территориально неограниченно употребляются носовые сонанты *н* и *н' < *n* и **n'*: *н'ер* ‘нос’, *налаш* ‘брат’, *мын'ар* ‘сколько’, *сугын* ‘завет’, *пунаш* ‘вить’, *пун* ‘волос’ (мар.); *н'яр/ н'эр* ‘лицо’, *нар* ‘трава’, *кона* ‘который’, *пан'эмс/пан'эмс* ‘выгнать’, *тон* ‘ты’, *мин* ‘мы’ (мокш./эрз.).

Латеральные *л* и *л'* в марийский язык и его диалекты пришли из древнемарийского языка, в мокшанский и эрзянский языки и их диалекты пришли из общемордовского языка. Во всех волжских языках по частотности употребления фонема *л* является более распространенной, встречается она в большем числе случаев

и в разных фонетических положениях: *шоло* ‘кишка’, *вулно* ‘свинец’, *кол* ‘раба’, *тылзе* ‘луна’ (мар.); *лафча/лавио* ‘слабый’, *лов* ‘снег’, *с’ула/с’уло* ‘кишка’, *пълхтамс/пултамс* ‘сжечь’, *кал* ‘рыба’, *нумъл/нумоло* ‘заяц’.

Хотя в мордовских и марийских языках палатализованный сонант *л’* употребляется в различных фонетических положениях, он имеет гораздо меньшую распространенность, чем *л*: *л’еп* ‘селезенка’, *л’увык* ‘неряха’, *ол’ан* ‘медленно’, *ил’е* ‘сырой’, *шол’о* ‘младший брат’ (мар.); *л’эм* ‘имя’, *л’ийа* ‘другой’, *кӓл’ь/кӓл’* ‘язык’, *кал’* ‘ива’ (мокш./эрз.). В марийских словах *л’* не может быть в исходе слова.

В современном марийском языке употребляется только один сонорный вибрант *р* в разных фонетических положениях: *ры-выж* ‘лиса’, *курук* ‘гора’, *поро* ‘добрый’, *ваштар* ‘клен’. Палатализованный *р’* встречается только в некоторых диалектах, например, в уфимском и кильмезском, где он, как считают марийские языковеды, является вторичным.

А на мордовской почве этот палатализованный вибрант широко употребляется как в мордовских литературных языках, так и их диалектах: *р’ӓтамс/р’этамс* ‘жарить’, *р’изкс/р’искс* ‘горе’, *эр’амс* ‘жить’, *мӓр’гмс/мэр’эмс* ‘сказать’, *пр’ӓфт/пр’эв* ‘руководитель’, *кӓр’/* ‘кора’, */вэр’* ‘кровь’ и др. Можно предположить, что палатализованного *р’*, как и в древнемарийском языке, в общем языке мокши и эрзи не было.

В современных волжских языках в разных положениях слова широко употребляется прафинноугорский среднеязычный *й*. Этот согласный в большинстве случаев восходит к древнему **j*. Однако, может употребляться и на месте других фонем; так, в марийском языке *й* может быть связан с ранним *н’*: *мийам* ‘прийти’, мордов *мӓн’ьмс/мэн’эм* ‘освободиться’, коми мун-, финск. *тепе-*; *пий* ‘собака’, мордов. *пин’ь/пин’э*, финск. *peni*, венг. *fene*.

В мордовских языках *й* может восходить: а) к древнему **к*: *н’ӓйьмс/н’эймс* ‘видеть’ (ОФЯ I: 415); б) к заднеязычному носовому **ŋ*: *пэй* ‘зуб’ < *piŋe* (КЭСК: 326). В словах типа *куй* ‘змея’,

вий ‘сила’ звук *й* оказался в результате выпадения конечного гласного.

Прафинноугорский заднеязычный носовой согласный **ŋ* сохранили марийский литературный язык и его диалекты. В середине слова он употребляется либо перед согласным, либо в интервокальном положении и в конце слова: *он^а* ‘доска’, *ен^ыж* ‘малина’, *он^{го}* ‘петля’, *он^с* ‘грудь’, *чан^с* ‘колокол’.

В мокшанском и эрзянском языках этот сонант не сохранился, однако, можно предположить, что *ŋ* широко употреблялся в общемордовском языке, поскольку в настоящее время этот сонант употребляется в некоторых эрзянских диалектах, например, в приалатырском, где он может быть а) в составе корня: *пен^с* ‘зуб’; б) как суффикс прилагательных: *сэр^{эн^с}* ‘высокий’; в) как суффикс направительного падежа: *кудон^с* ‘домой’, г) как суффикс дробных числительных: *вэт^{эн^с}* ‘на пять частей’ [Марков 1961: 18–19].

Большой интерес у исследователей мордовских языков вызывает употребление и образование «глухих» сонорных *л^х*, *л^{хх}*, *р^х*, *р^{хх}*, *й^х*, которые противопоставляются звонким *л*, *л’*, *р*, *р’*, *й*. «Глухие» сонорные выступают только в инлауте и могут быть: перед показателем множественного числа *т* (*т’*) имен и глаголов: *кал^хт* ‘рыбы’, *кал^{хх}т* ‘ивы’, *куй^хт* ‘змеи’, *мол^хий^хт* ‘идут’; в форме объектного сопряжения: *н^хй^хт^а* ‘я тебя вижу’, *кер^хт^а* ‘я тебя срублю’; в формах императива: *уй^хт* ‘плыви’, *кал^хт* ‘иди вброд’; 2) перед глухим *к*: *кър^хка* ‘глубокий’, *вэй^хксь* ‘восемь’, 3) перед аффрикатами *ц*, *ц’*: *кур^хц^а* ‘коромысло’, *нор^хцад^хьмс* ‘дернуть’; 4) перед *ч*: *кар^хчт* ‘хворост’, *къл^хчяйн^х’а* ‘крещение’; 5) перед сонорным *н*: *мар^хн^х’ь* ‘яблоки’, *кал^хн^х’ьн* ‘этих ив’; 6) перед сонорным *м* (*р^х* и *р^{хх}*): *вар^хмьд^х’мс* ‘рассветать’, *кър^хмад^х’ьмс* ‘кольнуть’.

Носители городищенского диалекта на месте глухого *й^х* произносят *й^с*: *увай^с’т* ‘дуют’, *йутай^с’т* ‘идут’ – мокш. лит. *уфай^хт*, *йцтай^хт*’.

Причины появления мокшанских ‘глухих’ сонорных пытались выяснить многие финно-угроведы. Например, Х. Паасонен

считал, что они появились перед *т, ц, ч, к* (Paasonen 1903: 51), по мнению Д. В. Бубриха они образовались перед *к, т, т', ц, ц', ч* (Бубрих 1953: 180).

Нет сомнения в том, что 'глухие' сонорные появились перед глухими согласными, однако, на этот счет у нас есть свои соображения.

В определенный период развития мокшанского языка в формах генитива указательного склонения единственного числа перед *т* выпали гласные: например, в слове **каре́ть* 'этого лаптя' образовались *ка́р'т* 'этого лаптя' и *ка́р'т* 'лапти', в результате изменения **ви́р'ет* образовались *ви́р'т* 'этого леса' и *ви́р'т* 'леса', то есть формы генитива перестали отличаться от форм номинатива множественного числа. Глагольные формы объектного спряжения после выпадения гласных также перед *т* совпали с формами 3 лица множественного числа безобъектного спряжения: **кундаит* 'ты их поймай' > *кундайт* 'ты их поймай' и *кундайт* 'они ловят'.

Эти факты говорят о том, что в мокшанском языке (наряду с фонетической) появилась и другая причина – морфологическая, которая дала толчок к началу развития процесса оглушения; в результате образовавшиеся *л^х, л^х, р^х, р^х, й^х* (как бы в качестве компенсации потери гласных) стали глухими коррелятами звонким *л, л', р, р', й*. То есть переход звонких сонорных в глухие не был явлением фронтальным, а носил, в основном, функциональный характер, иначе говоря, служил для различения форм слов.

Точное время начала процесса оглушения сонорных установить довольно трудно. В этом вопросе мы имеем два ясных момента: 1) в раннем мокшанском языке 'глухих' сонорных не было; 2) эти 'глухие' сонорные появились не раньше выпадение гласных перед показателем генитива. Глухие *л^х, л^х, р^х, р^х, й^х*, употребляющиеся в современных формах множественного числа указательного склонения перед суффиксом =*н'ä* оказались в результате выпадения гухого *т*: **кал'т'н'ä* > *кал^хт'н'ä* > *кал^хн'ä*. В общемордовском языке 'глухих' сонорных не было [Поляков 1984: 20]. В эрзянском языке не было условий для оглушения

звонких сонорных. Так, формы генитива единственного числа указательного склонения отличались и отличаются от форм номинатива множественного числа: *вир'энт'* 'этого леса' и *вир't'* 'леса'. А в некоторых эрзянских диалектах глухие сонорные появились под мокшанским влиянием.

Как показывает исследованный материал в волжских языках, некоторые сонорные в системе их консонантизма сохранили свое древнее качество, развитие же других в этих языках шло разными путями, что и привело к различным результатам.

Список использованной литературы

Грузов Л. П. Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении / Л. П. Грузов. – Йошкар-Ола, 1965. – 200 с.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. И.* Краткий этимологический словарь / В. И. Лыткин, Е. И. Гуляев. – М., 1970. – 326 с.

Марков Ф. П. Приаральский диалект эрзя-мордовского языка / Ф. П. Марков. – ОмД I. – Саранск, 1961. – С. 18–19.

Поляков О. Е. Мокшанские глухие сонорные / О. Е. Поляков // Советское финно-угроведение. – Талин, 1984. – С. 20.

Феоктистов А. П. Мордовские языки / А. П. Феоктистов // Языки мира. Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 178–181, 190–192.

Collinder B. Comparative Grammar of the Uralic Languages. – Stockholm, 1960. – 416 s.

Hajdu P. Bevezetes az urali nyelvtudományba. – Budapest, 1965. – S. 51.

Posti Z. From Pre-Finnic to Zate Proto-Finnic/ FUF XXXI. – Helsinki. – S. 91.

Sammallahti P. Über die Zaut und Morphemstruktur der Uralihen grundsprache zeitschrift. – FUF XLIII. – Helsinki, 1971. – S. 44.

Репина Татьяна Юрьевна

Удмуртский государственный университет

Россия, г. Ижевск

МОРФОСЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ УДМУРТСКИХ ИМПЕРАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

MORPHOLOGICAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF UDMURT IMPERATIVE CONSTRUCTIONS

Аннотация. Статья предлагает анализ удмуртского императива в рамках классических трудов по типологии императивных конструкций; подчеркивается важная социальная и коммуникативная роль императивных высказываний в языке и в речи, рассматривается их многообразие, морфологическая оформленность глагольных словоформ в зависимости от речевой ситуации и участников императивной ситуации.

Ключевые слова: императив, каузация, морфологические маркеры, говорящий-прескриптор, слушатель-исполнитель, апелляция, участники императивной ситуации.

Abstract. The article analyses Udmurt imperatives within the frames of basic classical works in imperative typology; highlights the importance of Imperative constructions in communication, their functioning in various speech acts and their morphological markers which are the effect of the speech act and the participants of the imperative situation.

Keywords: Imperative, causation, morphological markers, speaker, imperative roles, listener, addressee, appeal, participants of the imperative situation.

В традиционной грамматике удмуртского языка вопрос об императивных высказываниях возникает при классификации предложений по коммуникативной установке (целям высказывания) на повествовательные, побудительные и вопросительные [ГСУЯ 1970: 22–35]. Однако, принимая во внимание факт вербоцентричности построения элементарного предложения, т. е. о центральном месте глагола в семантической структуре предложения, т.к. именно глагол считается одним из основных

знаменательных частей речи, играющей ключевую роль в построении как предложения, так и текста в целом [Храковский 1992: 18], что является возможным благодаря богатству категорий и разнообразию его форм, развитости финно-угорского глагола как части речи, справедливо отмеченном Б. А. Серебренниковым [1963: 231], выделяя при этом стандартный набор категорий лица-числа, наклонения, времени, вида, залога, способа глагольного действия, которые «в агглютинативных языках в плане содержания (семантики) представляют собой конъюнкцию граммем любой глагольной словоформы, а в плане выражения (формальной структуры) – линейно упорядоченную цепочку морфологических сегментов» [Володин, Храковский 1975: 172]. В дальнейшем Е. А. Цыпанов предлагает обозначить иерархию морфологических категорий глагола 2 видов: в общеглагольном плане центральными являются категории залога и способа глагольного действия для всех форм, кроме финитных глаголов, инфинитивов, причастий, деепричастий. Доминантной категорией для последних является категория наклонения, которая взаимодействует с категориями лица-числа и времени, обеспечивая основную функцию глагола – предикативную [Цыпанов 2005: 18]. Наклонение есть грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом и выражающая оценку реальности связи между действием и субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи [Виноградов 1938: 581].

Авторы монографии «Семантика и типология императива» уточняют это определение. По их мнению, «наклонение выражает точку зрения говорящего относительно реальности / нереальности сообщаемого факта, т. к. формы разных наклонений не обозначают разные отношения между сообщаемым фактом и его участниками. Именно в индикативе излагается точка зрения говорящего на сообщаемый факт как сопутствующий, предшествующий или будущий реальности» [Храковский, Володин 1986: 64]

Из этой системы явно выбивается императив, что создает огромное поле деятельности для лингвистов. Еще Р. О. Якобсон заметил, что «подлинный императив обособляется от остальных глагольных категорий». В. В. Виноградов отмечал, что «императив находится в периферии глагольной системы: интонация, синтаксические значения, строение повелительного наклонения решительно выдвигают его из общей системы глагола и других наклонений» [Виноградов 1938: 459].

В теоретических концепциях первой половины XX в., как отмечает В. С. Храковский, повелительным предложениям уделялось относительно мало внимания, несмотря на то, что они составляют значительную часть речевой продукции человека и с их помощью регулируется общественно-производственная деятельность. Как и предполагают, это связано с тем, что язык моделировался как система, относительно независимая от говорящего человека. Исследователей в основном интересовало устройство языка, а не проблемы его использования человеком, а также кажущаяся простота структуры повелительных предложений не привлекала исследователей.

В свете же нового подхода к языку как к средству коммуникации возникает проблема делового общения и правил, которые надо соблюдать в процессе речи. Поэтому с коммуникативной точки зрения императив определяется как некая форма или особое наклонение, противопоставленное индикативу как косвенное прямому, со значением апелляции, т. е. прямого волеизъявления говорящего относительно исполнения называемого действия, т. е. направленное на преобразование ирреальной ситуации в реальную. Таким образом, мы имеем «реальность в перспективе» [Володин, Храковский 1975: 81]. При этом императивный предикат включает в себя: а) акт волеизъявления, при котором говорящий берет на себя роль субъекта волеизъявления и направлен на слушателя, на которого возлагается роль посредника или исполнителя; б) конкретное лексическое значение данного волеизъявления [Володин, Храковский 1975: 81].

Сами императивные высказывания, обязывающие, запрещающие, разрешающие выполнить некоторое действие, отно-

сятся к нормативным высказываниям, прескриптивное содержание которых определяется отношениями в момент побуждения между двумя объектами, из которых первый обязывает второго выполнить/не выполнить каузируемое действие [Бирюлин 1985: 32], и мы имеем следующих участников речевого акта: говорящего-прескриптора и слушателя-исполнителя.

В языке, в том числе и в удмуртском, который является объектом нашего исследования, императивный предикат выражается главным образом глагольными словоформами прямого повелительного наклонения, называемыми прототипическими [Бондарко 1990: 327] или ядерными, представляющими ядро данной категории (или центр ФСП императивности). Безусловно, это формы глаголов 2-го лица единственного и множественного числа, побуждение в которых непосредственно адресуется слушателю-исполнителю, что обуславливает ситуацию прямого общения. С морфологической точки зрения такие формы являются синтетическими, т. е. грамматическое значение побуждения передается посредством одной глагольной словоформы, и в речи реализуются согласно формуле:

1. А – Говорящий (= Прескриптор) – Б – Слушающий (= Исполнитель)

В удмуртском языке данная модель императивного высказывания осуществляется предложением, где сказуемое выражено глаголом в форме повелительного наклонения 2-го лица единственного и множественного числа.

Мын, кытчы мынэмед потэ. ‘Иди, куда хочешь’.

Вузэлэ валдэс. ‘Продайте коня’.

Формы единственного числа I и II спряжения совпадают с основой инфинитива, и поэтому являются немаркированными: *мын-ыны* ‘идти’ – *мын, ужа-ны* “работать” – *ужа* (2 л. ед. ч.); показателем же множественного числа 2-го лица является суффикс *-э (-е)/-а* или *-лэ: мын-э(-лэ), уж-а(-лэ)*. Данную маркировку повелительного значения в удмуртском языке считают ядерной, основной, а иногда и единственной. Например, Т. И. Тепляшина выделяет только вышеуказанные словоформы императива, а В. И. Лыткин приходит к выводу, что в пермских языках

находит отражение лишь минимальное количество словоформ императива – 2 (2Sg/Pl), в то время как в индикативе 6 личных форм [Серебренников 1963: 270; 1963: 275]. Грамматика современного удмуртского языка в свою очередь не согласна с данным несколько категоричным утверждением и приводит достаточно разнообразные аналитические и синтетические формы выражения императивности [Ушаков 1990: 33].

Анализ вышеназванных работ показал, что исследованию в свое время подвергались в основном глагольные формы, но, как справедливо отмечает в своей работе Р. А. Микушев, список словоформ, передающих значение волеизъявления, далеко не полон. Учитывая все это разнообразие языковых средств и, исходя из этических, этикетных и др. соображений, предполагается включить в данную группу другие различные способы передачи волеизъявления, так как они не составляют большинства среди волеизъявительных форм в обычной речи. Именно поэтому автор предлагает пользоваться более нейтральным термином «побудительные средства» [Микушев 1992: 15].

Таким образом, выражая солидарность в употреблении данного термина, Грамматика современного удмуртского языка в свою очередь категоричным утверждением приводит достаточно разнообразные аналитические и синтетические формы побудительных средств [ГСУЯ, 33]: форма глагольной словоформы 1 лица с суффиксами *-м / -ме*, которые по своей семантике выражают призыв к совершению действия в будущем. При этом обычно имеется в виду, что в исполнении данного действия будет участвовать и само говорящее лицо [Володин, Храковский 1975: 33].

Выд-о-ме но из-ё-ме ‘Давайте ляжем и поспим’, или *Выд-о-м но из-ё-м* ‘Давай ляжем и поспим’ т. е. говорящий=прескриптор (я) – слушатель = исполнитель (я + мы). Распределив речевые роли, следует отметить, что данные примеры выражают не категоричное волеизъявление, а призыв, как было отмечено выше.

Следует заметить, что довольно часто подобные глаголы-сказуемые сочетаются с частицами *ойдо/ойдолэ* ‘давай/давайте’, *вай/ваелэ* ‘давай/давайте’ и т. д., которые тоже содержат в себе

семантику совместного действия и являются морфологически маркированными. Например, *вай-Ø* (2 л. ед. ч.), *ва-е(-лэ)* (2 л. мн. ч.), *ойдо-Ø* (2 л. ед. ч.), *ойдо-лэ* (2 л. мн. ч.): *Ойдо выдом но изём* 'Давай ляжем и поспим', *Ойдолэ выдом но изём* 'Давайте ляжем и поспим'.

Сюда же следует отнести императивные высказывания, где глагольная словоформа выражена будущим временем, т. к. это не противоречит тому, что действие направлено на преобразование настоящего в будущее [Храковский Володин 1986: 81], поскольку «презентно-футуральная рамка является компонентом его значения» [Храковский 1996: 30]:

Мон съоры мынод, сузэрдэ возьматод! 'Поедешь со мной, сестру покажешь!'

Нырысь гыроды, собере шутэтскоды! 'Сначала вспашете, потом отдохнете!'

За счет синтагматического фразового ударения данные глагольные формы выражают довольно категоричное повеление-приказ. Часто в письменной речи такие предложения являются восклицательными.

В удмуртском языке также используются и другие побудительные средства. Прежде всего, это аналитические конструкции типа частица + глагол, где частица относится к соответствующему семантическому классу [Цыпанов 2005: 43], т. е. они выражают волеизъявление, призыв, побуждение. Глагол же, в свою очередь, формально представлен в будущем времени, что не противоречит семантике императива в целом, т. к. каузируемое действие всегда направлено на реализацию нереального или это есть «перспектива в будущем» [Храковский, Володин 1986: 80]. Сюда же входят формы других наклонений, различные части речи и др., где часто слушающий 2-го лица не является исполнителем действия, но побуждение адресовано 1-му или 3-му лицу. В этой связи существует полемика среди лингвистов, относить ли данные формы к императиву. В этой проблеме ставит точку над і Л. А. Бирюлин [Бирюлин 1985: 28–36]. Суть его высказывания сводится к тому, что данные императивные высказывания, во-первых, имеют значение побуждения, во-вторых, в них просто

меняются речевые роли, т. е. это ситуация косвенного побуждения; и в-третьих, это есть чистые аналитические формы императива, которые представлены по модели *II. А – Говорящий (= Прескриптор) – Б – Слушающий (≠ Исполнитель)*.

Приводимая здесь речевая формула реализуется в побудительных предложениях, в которых глагол-сказуемое состоит из частицы *мед* (пусть) и глагольной словоформы, которая совпадает с формой будущего времени в индикативе. Это аналитический способ выражения императива:

Соос книга мед басьтозы, собере тйледлы мед сётозы.
'Пусть они купят книгу и отдадут вам'.

Со туннэ мед гыроз. 'Сегодня он пусть пашет'.

В данных предложениях слушатель не эксплицирован, зато исполнитель *со/соос* 'он (она, оно)/они' выражен местоимением 3-го лица ед./мн. числа и в предложении выполняет синтаксическую функцию подлежащего.

Также аналитическим способом при помощи повелительной частицы *мед* образуется императив для 1Sg/Pl и 2 Sg/Pl. Частица *мед* во всех случаях является неизменяемой, а глагол имеет форму будущего времени: 1Sg *мед мын(ом)*, 2Sg *мед мынод*; 1Pl *мед мыномы*, 2Pl *мед мыноды*.

Для 2-го лица в данном случае соответствует речевая формула I. Частотность употребления этих форм по сравнению с речевой формулой I практически одинакова, что нельзя сказать о 1Pl/Sg, поскольку коммуникация предполагает наличие 2 собеседников как минимум, а существование форм 1-го лица можно объяснить как волеизъявление относительно самого себя.

Далее по аналогии можно представить и следующие речевые модели: *III. А – Говорящий (≠ Прескриптор) – Б – Слушающий (= Исполнитель)* четко вырисовывается в следующих предложениях:

1. *Анай монэ вераны косйз, дорын дырыз дыръя, пе, мед лу-од.* 'досл. Мама меня просила передать: будь дома вовремя', где *анай* – прескриптор → *монэ* – транслятор → 2Sg – слушатель-исполнитель. Как мы видим из примера 1, чаще всего формы III типа передаются посредством косвенной речи с помощью кауза-

тивного глагола *кoсiз*, который вводит прескрипцию, представленную во второй части предложения по типу речевой формулы II. Важно наличие частицы *ne* (буквально непереводаима), которая означает, что прескрипция передается транслятором со слов другого (лица-прескриптора). Транслятор представлен эксплицитно – местоимение 2-го лица единственного числа в косвенном падеже.

2. *Анай тонэ дорын дырыз дырря луыны кoсiз*. ‘Мама просила тебя быть дома вовремя’. В этом предложении речевые роли те же самые, но примеры 1 и 2 отличаются тем, что в первом каузация представлена аналитической глагольной формой (частица + глагол 2Sg) в повелительном наклонении, а во втором – волеизъявление в косвенной речи с каузативным по своему лексическому значению глаголом *кoсiз* + инфинитив *луыны* ‘быть’, который несет в себе семантику прескрипции. Транслятор представлен имплицитно.

Формула IV, где А – *Говорящий* (\neq *Прескриптор*) – Б – *Слушающий* (\neq *Исполнитель*) представлена в речи довольно обширным контекстом, где каждой речевой роли отводится свое место (а их здесь будет 4) и выражается описательно посредством сложных синтаксических повелительных конструкций, но которые в целом имеют побудительное значение.

Кроме того, в состав вышеназванных средств передачи волеизъявления можно включить наречия (типа *Азылань!* – ‘Вперед!’) и т. д., которые называются эллиптическими или безглагольными конструкциями, и характеризуются отсутствием императивной формы глагола, называющей каузируемое действие [Цыпанов 2005: 173–175]. Основной формальный признак – повелительная интонация. Вследствие последних характеристик, а именно отсутствия глагольной словоформы и соответствующего морфологического оформления, данные формы не могут быть отнесены к центральной зоне поля императивности.

Периферийную зону побудительных средств в удмуртском языке, несомненно, заполняют такие императивные высказывания, в которых сказуемое выражено причастием на *-оно/-ёно*. С точки зрения прагматики в данных высказываниях отсутству-

ют роли говорящего и слушателя, и из трех элементов (говорящего, слушателя и собственно каузируемого действия) здесь присутствует лишь последний: *Туннэ лапасэз лип-оно*. ‘Сегодня надо покрыть крышей сарай’. Хотя вышеуказанные элементы могут быть представлены в авторских ремарках: «*Туннэ лапасэз лип-оно*» (каузируемое действие) – *шуиз Петыр Иван* (говорящий) *Васялы* (слушающий). – ‘«Сегодня надо покрыть крышей сарай», – сказал Иван Петрович Васе’. С морфологической точки зрения причастия или другие неизменяемые формы глагола лишены грамматических категорий лица, времени, наклонения в силу своей грамматической природы. К тому же интонационно данные высказывания оформляются более ровным тоном, чем это характерно для подлинно императивных. Поэтому из-за своих ограниченных возможностей и отсутствия формальных показателей императивности будет целесообразно отнести подобные предложения к группе периферийных форм передачи императивности, но, несомненно, что они являются одним из многочисленных способов передачи побуждения.

Таким образом, в удмуртский язык представляет собой пример с широко представленными способами выражения побуждения и основным является морфологическая глагольная форма 2-го лица единственного и множественного числа. Но нельзя отрицать наличие многочисленной группы средств передачи побудительности, морфологически, синтаксически и семантически дифференцированных от 2Sg и 2Pl.

Список использованной литературы

- Бюрюлин Л. А.* Императивы в акте речи // Лингвистические исследования. Грамматические категории в разносистемных языках. – М.: Наука, 1985. – С. 28–36.
- Бондарко А. В.* К анализу категориальных ситуаций в сфере модальности: императивные конструкции // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 80–90.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Наука, 1938. – Вып. 2. – С. 459.
- Володин А. П., Храковский В. С.* Типология морфологических категорий глагола (на материале агглютинативных языков) // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. – М.: Наука, 1975. – С. 170–196.

ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – С. 22–35.

Лыткин В. И. Пермские языки. Введение // Языки народов СССР. – М.: Наука, 1966. – Т. 3. – С. 270–274.

Микушев Р. А. Система побудительных средств в коми языке. Дис. канд. филол. наук. – Йошкар-Ола, 1992. – 181 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.

Тепляшина Т. И. Удмуртский язык // Языки народов СССР. – М.: Наука, 1966. – Т. 3. – С. 275–279.

Ушаков Г. А. Textoобразующие функции удмуртских междометий // Вопросы грамматики и контактирования языков. – Ижевск: Удмуртия, 1990. – С. 39–44.

Храковский В. С. Типология императивных конструкций. – СПб.: Наука, 1992. – 315 с.

Храковский В. С. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия)//Межкатегориальные связи в грамматике. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. – С. 22–42.

Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императивных конструкций. Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 360 с.

Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. – Сыктывкар, 2005. – 284 с.

УДК 811.511.152.2

Рогожина Валентина Федоровна

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Россия, г. Саранск

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УСИЛИТЕЛЬНО- ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ В МОКШАНСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

FUNCTIONING OF AMPLIFYING-SECRETORY PARTICLES IN MOKSHA COLLOQUIAL SPEECH

Аннотация. В статье анализируются усилительно-выделительные частицы в мокшанской разговорной речи, указывается их основная функция.

Ключевые слова: речь, частицы, разряд, вопросительные, восклицательные, ограничительные, выделительно-ограничительные, модальные, экспрессивность, выразительность, оттенок.

Abstract. The article contains analysis of amplifying-secretory particles in the Moksha colloquial speech, with a focus on their basic function.

Keywords: speech, particles, rank, interrogative, exclamatory, restrictive, secretory-restrictive, modal, expressivity, expressiveness, tint.

Со второй половины XX века в лингвистике возрастает интерес к субъективному фактору, т. е. внимание все больше привлекает не совокупность языковых средств, представляющих внеязыковое содержание текста, а индивидуально-личностные свойства и качества как говорящего, так и реципиента, а именно: их интересы, убеждения, мотивы, оценки и т. п.

Известно, что при отборе языковых средств автор всегда ориентируется на адресата в стремлении донести до него содержание с максимальной убедительностью, чтобы привлечь на свою сторону. В связи с этим отправитель речи становится центральной прагматической категорией в современных исследованиях. В фокус внимания попадают средства, к которым он прибегает, чтобы эффективно воздействовать на реципиента. К числу таких средств относятся и конструкции экспрессивного синтаксиса. Описание частиц в конструкциях экспрессивного синтаксиса – это специфическая проблема, связанная как с исследованием самих частиц, так и экспрессивных синтаксических конструкций – относительно нового явления в синтаксическом строе мокшанского языка.

В мокшанской разговорной речи используется огромное количество незначимых слов, различного рода частиц. С одной стороны, из-за безударности они являются средством создания разговорного волнообразного ритма речи. С другой стороны, они являются вынужденными заполнителями пауз. Разговорная речь – речь непринужденная, но, поскольку человек вынужден при этом мыслить и говорить одновременно, он делает паузы, подыскивая необходимое ему слово. Приблизительность в передаче смысла того, о чем идет речь, попытка найти нужное

слово сигнализируется при помощи разных частиц. В разговорной речи все эти сигналы приблизительности, неточности и простые заполнители пауз необходимы.

Вопрос о частицах в разных языках решался не одинаково. Большинство частиц в справочной литературе маркированы как разговорные, поэтому их исследование проводится главным образом на материале диалога, и он считается наиболее благоприятным (в отличие от монолога) полем исследования частиц. Подобные исследования дали определенные результаты, поскольку изучение частиц в диалоге позволило выяснить их роль по отношению к смысловым структурам предшествующих и последующих реплик, а привлечение к описанию модальных частиц аппарата теории речевых актов способствовало выявлению прагматического потенциала частиц, наиболее сильно раскрывшегося в иллокутивной семантике. Однако ограничивать анализ частиц только сферой диалога неправомерно, поскольку функции частиц в диалоге и монологе существенно различаются и поэтому, на наш взгляд, требуют специального рассмотрения.

Большой вклад в разработку проблемы классификации частиц в русском языке внес В. В. Виноградов. Ученый дал наиболее полное определение этому разряду слов: «частицами называют классы слов, которые обычно не имеют самостоятельного значения, а вносят главным образом дополнительные оттенки в значение других слов и в значение предложений. Основная функция частиц – сообщать словам и предложениям новые оттенки, сосредотачивать внимание на определенном значении, выражать эмоциональные и экспрессивные оттенки. Семантический объем этих частиц очень широк, а их лексико-грамматические значения очень подвижны» [Виноградов 1986: 544].

Заслуживающим внимания, на наш взгляд, является и определение «частицам», предложенное О. С. Ахмановой. «Частицы – разновидность служебных слов, объединяемая как часть речи общей семантико-синтаксической функцией выражения отношения говорящего к высказываемому с особым выделением или

уточнением какого-либо момента или стороны в этом высказывании (Ахманова 1966).

Говоря о функциональных особенностях частиц, Е. А. Стародумова подчеркивает, что подлинная картина функционирования частиц в русском языке может быть представлена только на основе описания каждого слова во всех его употреблениях [Стародумова 1980: 43].

Необходимо отметить, до 70-х годов прошлого века частицы редко попадали в поле зрения исследователей диалектов мордовских языков. Преимущественно рассматривались основные части речи, исключение составляют лишь работы некоторых авторов: В. С. Щемерова (Щемерова 1975), Г. И. Ермушкин (Ермушкин 1975), М. Д. Имайкина (Имайкина 1975).

Вопрос о частицах в мордовских языках в конце 80-х годов частично был затронут Н. Н. Воробьевой, которая, анализируя, союзные сравнительные конструкции в мордовских языках, обратила внимание на то, что сравнительные союзы в разных случаях выступают то в функции союзов, то в функции частиц. Автором проводится граница между союзом, как синтаксическим понятием, словоформой, которая призвана соединять синтаксически равноправные слова и предложения друг с другом, и частицей – словоформой, служащей для выражения компаративной модальности. По мнению Н. Н. Воробьевой, частицы служат для создания эффекта условного сравнения, связующего слова разных логических категорий [Воробьева 1987: 96].

Существенный вклад в разработку проблем частиц в мордовских языках внесла О. В. Ерина, которая констатирует, что частицы могут передавать субъективную и объективную модальность [Ерина 1997: 14].

Об использовании так называемых средств связи сложного синтаксического целого эрзянского языка говорится в исследовании Л. П. Водясовой. В эрзянском языке в функции фразовых скреп чаще всего употребляются указательные, выделительно-ограничительные, усилительные, вопросительные. Кроме того, частицы обладают коннотативностью, т. е. они привносят допол-

нительную характеристику в высказывание, придают речи большую выразительность, эмоциональность [Водясова 2000: 91].

Частицы в финно-угорских языках, по мнению К. Е. Майтинской, имеют определенные свойства, к которым она причисляет невозможность частиц выступать в качестве самостоятельных членов предложения, неизменяемость, отсутствие общехарактерных синтаксических свойств [Майтинская 1982: 116].

В своей работе по исторической морфологии мордовских языков Б. А. Серебренников затрагивает вопрос о частицах и при этом придерживается мнения, подавляющее большинство частиц, употребляемых в современных мордовских языках, представляет собой заимствования из русского языка [Серебренников 1967: 256].

В Грамматике [ГМЯ 1980: 401] отмечено, «частицы – служебные слова, которые вносят различные добавочные смысловые, эмоционально-экспрессивные и модальные оттенки в значение других слов, группы слов, предложений».

М. Н. Коляденков к частицам относит слова, которые сами по себе вещественного значения не имеют, а вносят в значение других слов, группе слов или предложений различные смысловые оттенки [Коляденков 1962: 350]. Основным грамматическим признаком частиц является их неизменяемость. Как отмечает ученый, частицы, являясь служебными словами, не могут быть членами предложения.

По мнению Н. С. Алямкина, частицы относятся к вспомогательным средствам выражения актуального членения предложения [Алямкин 2010: 89].

Довольно трудно говорить о существовании какой-то определенной системы рассмотрения частиц в разных диалектах и говорах разных финно-угорских языков. Большей частью этот разряд служебных слов обходится стороной, а если и рассматриваются, то только с позицией каждого конкретного автора.

В мокшанской разговорной речи функционируют частицы разных разрядов: вопросительные, восклицательные, ограничительные, выделительно-ограничительные, модальные и т. д.

По нашим наблюдениям, усилительно-выделительные, выделительно-ограничительные, определительно-уточняющие, указательные, отрицательные и утвердительные частицы употребляются, в основном, для выделения самостоятельного слова, служебного слова, или сочетания слов.

Усилительно-выделительные частицы *-га, -ге, -ка, -ке, -вок, -нга* употребляются тогда, когда нужно эмоционально подчеркнуть те слова, к которым они примыкают. В этом случае они сигнализируют о необычайной важности, неординарности того, что называется выделяемым ими словом в данной ситуации. Их присутствие подчеркивает утвердительный, всеобъемлющий характер значения предшествующего высказывания или части высказывания. Основное коммуникативное назначение той частей высказывания, в которых содержатся эти частицы, заключается в том, чтобы дополнительно подтвердить содержание предыдущей части. Частица не только акцентирует определенный компонент предложения, но и делает его интонационно выделенным. Например:

а) **частица -вок:** *А народной моротне въдь эрявихть кочсемс, а то кулыхть сиретне, мархост туйхть моротневок.* «А народные песни ведь нужно собирать, а то умрут старики, с ними уйдут и даже песни». – *Ну и, Тишка, тонь ёрвя! Пилетивок аф каяват, кядце аф саты...* . «– Ну и, Тишка, у тебя жена. Даже по ушам не надаешь, рука не достает»;

б) **частица -ка:** *Аф стак инакинесе Аринакась цёранц – сереска, лафтуска удалась.* «Недаром расхваливала своего сына тетя Арина – и даже ростом, и даже плечами удалась».

Наиболее ярко эмоционально-выделительная семантика этих частиц проявляется в пословицах, поговорках или крылатых выражениях, в которых они сообщают словам новые оттенки, сосредотачивают внимание на определенном значении и усиливают эмоциональную и экспрессивную сторону высказывания. Например: **частица -нга:** *Мокшетне корхнихть: «Кафта тол ёткса, толфтомонга палат».* Мокшане говорят: «Среди двух огней, даже без огня сгорить».

Экспрессивный оттенок, который придают суффиксальные усилительно-выделительные частицы тем или иным словам в речи, проявляется в особенности в том случае, когда частица входит в состав отрицательного предложения. Частицы при этом подчеркивают невозможность осуществления чего-либо в соответствующих условиях. Например: *Аф стак корхнихть, цебярь ялга мархта кафта тефт тият, а кальдявь мархта фкявок аф тиеви.* «Недаром говорят, с хорошим другом два дела сделаешь, а с плохим другом **даже** одного не сделаешь».

По мнению О. В. Ериной, ведущая функция **-ге, -киге** «же» частиц – усиливать, подчеркивать значения тех лексических единиц, с которыми они составляют единое целое и имеют общее ударение. Чаще всего они примыкают к определенному типу слов – к наречиям [Ерина 1997: 44]. Функционирование частиц с наречиями отмечает и Г. И. Ермушкин [Ермушкин 1978: 203].

Суффиксальные частицы **-ке** «тоже, также», **-вок** «даже» с усилительно-выделительным значением употребляется в речи для выражения соотношения высказывания с той информацией, которая дана ранее, или с каким-либо фактом, который уже произошел. Например: *Одолеть тон эстовок, тянивок най одат, вдь поэттне вестевок сиреши аф содайхть.* «Ты и тогда даже был молодым, и даже сейчас постоянно молод, ведь поэты никогда даже не знают старости».

Конструкции **-ке** «тоже, также» отражают логическую деятельность говорящего, направленную на выявление и конституцию сходства между явлениями или фактами реальной действительности.

В мокшанской разговорной речи частицы **-ге, -киге** употребляются для подчеркивания говорящим временного промежутка, в течение которого что-то происходит или следует что-либо сделать. Например:

а) *Сичаскиге мърдак! – кяжиста мярьгсь Гавря и валгсь крандазста.* «Сейчас же вернись! – сказал со злостью Гаврил и сошел с телеги»;

б) *Сань знакомствань службав. Няихтень тонь. Туть мялезон. А мес, кьда тейнек... Мон анокан модемс ЗАГС-у и*

тячкигге сяфта мархтон. Пришел в бюро (букв. : службу) знакомств. Увидел тебя. Понравилась. А почему, если нам... Я готов пойти в ЗАГС и сегодня же возьму с собой».

Необходимо отметить, в разговорной речи частицы *-ге, -киге* синонимичны частице *-ёк*. Например: – *А мес ботинкатнень аишить кая? Разве можна кяшендемс синь ару вельхтердать алу. Тяниёк стяк и каяйт ботинкатнень.* « – А почему ботинки не снял? Разве можно прятать их под чистое покрывало. Сейчас же встань и сними ботинки».

В мокшанской разговорной речи функционируют также усилительно-выделительные частицы: *мяк, мянь, нльня, нлтай* «даже». Они служат для усиления и выделения смысла отдельного слова или предложения в целом, придают им большую выразительность и убедительность. Эти частицы могут относиться к любому слову в предложении, усиливая значение именно того слова, которое необходимо выделить в данный момент. Усилительно-выделительные частицы очень часто употребляются в речи, когда есть необходимость отметить действие, факт, признак как необычный, неожиданный. Например: *Вера Степановна шнамга мянь люкштядезе пряну.* «Вера Степановна ради похвалы даже мотнула головой».

Частица *мянь* «даже» употребляется для интенсификации экспрессивной оценки. Например: *Да тяса нинге Федул кърнась, мянь стенатне шерьхксть.* «Да здесь еще Федул храпел, даже стены дрожали».

Благодаря своей семантике, усилительно-выделительные частицы *нльня, нлтай* «даже» используются для того, чтобы подчеркнуть действие, факт или признак. Они всегда стоят рядом с тем словом, значение которого следует подчеркнуть или усилить. Например: – *Сявсамак мархтот? Коза, кона ульцяв? Или кодамовок району, шять, нльня вели?* «– Возьмешь с собой? Куда, на какую улицу? Или даже в какой район, может, даже в село?»

Рассмотренные усилительно-выделительные частицы *мяк, мянь, нльня, нлтай* «даже» очень близки по своим семантическим свойствам. По мнению Р. Н. Бузаковой, эти

частицы являются полными синонимами, способными взаимно заменять друг друга в любом контексте [Бузакова 1970: 277].

В мокшанской разговорной речи функционирует заимствованная из русского языка усилительная частица *и*. Эта частица служит для привлечения внимания к определенному предмету, явлению, признаку. Довольно продуктивно эта частица используется в речи, где есть усилительно-выделительные частицы. Например: *А вона и Костявок сай*. «А вот и Костя идет». *И – мезень кувалма Федя вестенгя ашезь арьсекшине эряфсонза – повсь сон работама музыкально-драматическай театрань сценав* (Ю. Кузнецов «Сёксень пизелхт», 1979: 250). «И – о чем Федя ни разу не думал в своей жизни – попал работать на сцену музыкально-драматического театра».

В мокшанской разговорной речи для усиления, выделения, привлечения внимания к действию, предмету, признаку функционируют усилительные частицы *хоть*, *хуш* «хоть, хотя». Например:

а) *Хоть тяникигя мода варять пачк тулеть! Хоть ульцяса-коса машина алу поволеть! – сувсь-сюдось авась*. «Хоть сейчас же сквозь землю провалился! Хоть на улице или где под машину попал!» – причитала-проклинала женщина»;

б) *Кадомак покойс хоть тьяса*. «Оставь меня в покое хоть здесь»;

в) *А Света арьсекшinessь, кодама принц ладяй Наташанцты? Улема, врач, учитель, военной али хуш журналист*. «А Света размышляла, какой принц подойдет к ее Наташе. Наверное, врач, учитель, военный или хотя журналист».

Необходимо отметить, в мокшанской разговорной речи одни частицы могут иметь постоянное место, другие – перемещаться в зависимости от смысла высказывания. Таким относятся усилительная частица *ни* «уже, уж». Частица *ни* придает речи определенную эмоционально-экспрессивную окраску. Например: *Ворьхть ни, тьямак пееде, мон сроду тьяфтама парши кргазон ашень повфне*. «Уйди уж, не смейся надо мной, я никогда такую красивую вещь не вешала на шею».

В мокшанской разговорной речи некоторые частицы выделяют то слово, к которому относятся. Например: *Мон / вьдь аф Микан*. «Я ведь не Дмитрий». *Вдь* «ведь», *ну и* «ну и» вносят в высказывание такие оттенки, с помощью которых создается впечатление, что говорящий стремится убедить собеседника в необходимости или важности того, о чем говорится в данном высказывании.

Усилительные частицы (препозитивная *а* «а» и постпозитивные *ина*, *жа* «же») чаще всего употребляются для подчеркивания и уточнения субъекта, места, времени и образа действия. Например: *А мон / тячи сань велеста*. «А я сегодня приехал из деревни».

Вопросительные и восклицательные частицы *ина*, *жа* «где же» способствуют усилению и конкретизации вопросительной и восклицательной семантики предложения. Например: *Косот ина / инжихне?* «Где же гости?».

Таким образом, экспрессивно-выделительные частицы выполняют в речи важные коммуникативно-прагматические задачи. В мокшанской разговорной речи широко используются частицы, которые выражают эмоционально-оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания или же к высказыванию собеседника. Варьирование оттенков семантики частиц зависит от контекста и от речевой ситуации, в которой частицы появляются, поэтому принято говорить о преобладающем у той или иной частицы значении. В разных разрядах частиц встречаются заимствования и из русского языка, которые в разговорной речи в некоторых случаях приобретают собственные оттенки значений, не совпадающие с оттенками значений в языке-источнике. Будучи маркерами разговорной речи, частицы придают авторскому монологу динамичность, особенно наглядно это свойство частиц проявляется при оформлении в тексте вопросительных высказываний с нестандартной семантикой. Их использование имеет ярко выраженную адресную направленность. Частицы, являясь средством выражения субъективной модальности, способствуют корректировке восприятия читателем поступающей информации. Этому также способствует взаимодействие частиц

с различными типами выдвигания, формальными показателями которого они выступают.

Список использованной литературы

Алямкин Н. С. Роль частиц в актуальном членении предложения / Н. С. Алямкин // Лексика мордовских языков : проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. юбилею Х. Паасонена, г. Саранск, 17–19 дек. 2009 г./ редкол.: М. В. Мосин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2010. – С. 89–92.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Наука, 1996. – 608 с.

Бузакова Р. Н. Словарь синонимов эрзянского языка / Р. Н. Бузакова. – Саранск : Мордов. кн. изд-во. – 1982. – 190 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 639 с.

Водясова Л. П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке / Л. П. Водясова. – Саранск : Мордов. пед. ин-т, 2000. – 155 с.

Воробьева Н. Н. Сравнительные конструкции в мордовских языках: (Микрополе равенства функционально-семантического поля сравнения) / Н. Н. Воробьева. Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Тарту, 1987. – 17 с.

ГМЯ – Грамматика мордовских языков : фонетика, графика, орфография, морфология : учебник для национальных отделений вузов / Под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Мордов. госуниверситет им. Н. П. Огарева, 1980. – 431 с.

Ерина О. В. Частицы в мордовских языках : дис ... канд. филол. наук / О. В. Ерина. – Тарту, 1997. – 150 с.

Ермушкин Г. И. Местоименные слова тень, мезе, от-мее в эрзя-мордовском языке / Г. И. Ермушкин // Вопросы финно-угроведения. – Саранск, 1975. – Вып. 6. – С. 50–56.

Имайкина, М. Д. Фузия в мордовских языках / М. Д. Имайкина // Вопросы финно-угроведения. – Саранск, 1975. Вып. 6. – С. 69–74.

Коляденков М. Н. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч.1. Фонетика и морфология / М. Н. Коляденков. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1962. – 376 с.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / К. Е. Майтинская. – М. : Наука, 1982. – С. 116.

Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1967. – 262 с.

Стародумова Е. А. Характер синтаксичности частиц / Е. А. Стародумова // Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. – Иркутск, 1980. – С. 41–55.

Щемерова В. С. К вопросу об употреблении отрицательных слов арась, аш в мордовских языках / В. С. Щемерова // Вопросы финно-угроведения. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1975. – С. 269–273.

Самарова Мира Анатольевна

Удмуртский государственный университет

Россия, г. Ижевск

ИДЕНТИФИКАТОРЫ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

IDENTIFIERS OF PROPER NAMES

Аннотация. В статье анализируются нарицательные слова, выступающие в качестве определителей имен собственных в художественных произведениях удмуртских писателей. Использование различных вариаций имен собственных в сочетании с нарицательными позволяет автору раскрыть семейные и социальные отношения героев, избежать повторов в сюжетном течении произведения.

Ключевые слова: ономастика, имена собственные, антропонимическая формула, литературный антропоним, постоянные идентификаторы, единичные идентификаторы, этикетные слова.

Abstract. The article analyses common nouns acting as determinants of proper nouns in the works of Udmurt writers. The use of different variations of common nouns allows the authors to disclose characters' family and social relationships as well as to avoid repetitions in the plot of literary works.

Key words: onomastics, proper nouns, anthroponymic formula, literary anthroponym, persistent identifiers, individual identifiers, etiquette words.

В сочетании с индивидуальными именами нередко используются лексемы, указывающие на звание, профессию, семейные отношения, социальное положение и статус объекта. Сочетания имен с этикетными словами (господин, госпожа, сеньор, сеньорита, мисс, миссис, сэра и т. д.) и другими различными идентификаторами согласуются с языковыми нормами, принятыми в обществе.

В официальном обращении в современном обществе зачастую используется формула называния по фамилии с прибавлением дополнительной семы, обозначающей звание, положение человека, либо профессию: *профессор Иванов, сержант Павлов, терапевт Самохвалов, директор Васильев, ректор Журавлев.*

В законодательных органах (в суде, в полицейских участках, при оформлении юридических документов) к фамилии добавляется лексема *гражданин*: *гражданин Комаров, гражданка Светлова*. В советское время в качестве идентификатора довольно часто использовалось слово *товарищ*, имеющий кроме основного значения ‘человек, близкий по взглядам, деятельности, по условиям жизни’, ‘друг’, и содержание ‘обращение или упоминание применительно к члену коммунистической или дружественной партии’ [Ожегов, 788]. В удмуртской среде в данном значении, кроме номинативной единицы *товарищ*, используется и удмуртская лексема *эш* ‘товарищ’: *товарищ Васильев, Максимов эш*.

К устойчивым идентификаторам в удмуртской системе именования относятся лексемы, выражающие семейные отношения: *Илья пиез* ‘(его) сын Илья’, *Петя выны* ‘(мой) брат Петя’, *Света апай, Анна кенак* и т. д.

Маркеры вежливости выражаются словами со значением ‘дядя’, ‘тетя’, ‘дедушка’, ‘бабушка’, т. е. в качестве дополнительных компонентов выступают термины родства: *агай* ‘старший брат’, ‘дядя’, *песятай* ‘дедушка’, *апай* ‘старшая сестра’, ‘тетя’, *кенак* ‘жена брата’, ‘тётя’, *песянай* ‘бабушка’: *Катя апай, Педор агай*. У северных удмуртов в качестве дополнительных сем выступают заимствованные из русского языка слова *тётя, дядя*: *дядя Саша, тётя Оля*.

Для создания реальности событий в литературных произведениях используются существующие в ономастике антропонимические формулы. В данной работе рассмотрим идентификаторы литературных антропонимов, использованные удмуртскими авторами в художественных произведениях.

Восприятие имени собственного художественного текста невозможна без непосредственного окружения антропосемы. Антропонимы в пределах макро- и микроконтекста снабжаются апеллятивными лексемами, которые являются семантическим дополнением для создания литературного образа, для наполнения содержания денотатного значения поэтоантропонима. Номинативные единицы языка помогают восприятию антропонима, способствуют раскрытию имплицитных характеристик героя. В произведениях идентификаторами имен могут служить одиноч-

ные лексемы, сочетания лексических единиц или целостные фразы, выраженные причастными оборотами, уточнениями. Дополнительные семы могут располагаться справа или слева от имени, или с обеих сторон.

Подбирая имена, автор ориентируется на реальный именник, на принятые в обществе антропонимические формулы, с помощью которых можно передать информацию о социальном положении, профессии, должности, возрасте литературного персонажа. Состав и сочетание антропонимов зависит от социальной и эстетической позиции автора художественного текста, от общей культуры писателя и культуры той среды, в которой живет персонаж [Волкодав 2006].

Различаются постоянные и единичные идентификаторы. К постоянным идентификаторам относятся чаще всего однословные атрибуты, указывающие главным образом на профессию, родственные отношения персонажа. Единичные идентификаторы встречаются как в речи автора, так и в речи персонажей, и представляют собой выражение различных эмоций по отношению к денотату [Лопатина 2008, Системные... 157]. Единичные и чаще всего постоянные идентификаторы широко употребляются в произведениях, позволяя автору разнообразить систему номинации персонажей. Использование различных вариаций синонимических замен: кодифицированных и некодифицированных форм антропонимов, местоимений, постоянных и единичных идентификаторов, является эффективным средством создания художественного образа.

Лексические единицы, упоминающие лицо по профессии, должности, характеру семейных отношений, возрасту, относятся к устойчивым квалификаторам.

– *Мон та, фельдшер Римма, – ачиз но со чылкак Надя кадь али. Туэ гинэ медучилищеез быдтэмын* (Архипов1. С. 41). ‘– Это я, фельдшер Римма, – сама еще как Надя. В этом году только медучилице закончила’.

Пичи Сандй кышкаменыз бызьыса потйз (Архипов2. С. 36). ‘Маленькая Сандй, испугавшись, убежала’.

Лексема, обозначающая должность или профессию, может сочетаться в микроконтексте с различными вариантами кодифицированных имен: полной формой имени (имя, отчество, фамилия), именем и фамилией, именем и отчеством, или просто фамилией.

Райкомлэн нырысети секретарез Андрей Кузьмич Гаврилов жёк съорысьтыз султуса ик пумитаз Тоняез, пальпотыса жечбурьяськиз (Самсонов. С. 5). 'Первый секретарь райкома Андрей Кузьмич Гаврилов, встав из-за стола, встретил Тоню, улыбаясь поздоровался'.

Главной бухгалтерен Парамон Кузьминэн, солэн мукет ужасьёсыныз чош зэмзэ ик та уйёсы но пукылізы кадь сельхозинститутысь вуэм специалистъёс (Самсонов. С. 11). 'Словно вместе с главным бухгалтером Парамоном Кузьминым и его работниками в эти ночи сидели прибывшие из сельхозинститута специалисты'.

Главной бухгалтермы Парамон Семенович кытысь ке шедьтыса сётіз (Самсонов. С. 12). '(Наш) главный бухгалтер Парамон Семенович нашел откуда-то и отдал'.

Пудга райсоветлэн исполкомаз... «Кизили» колхозлэн председателезлэсь Е. М. Матвеевлэсь докладной (Самсонов. С. 12). 'В исполкоме Пудгинского райсовета... докладная председателя колхоза «Кизили» Е. М. Матвеева'.

Для подчеркивания официальности в вымышленных речевых ситуациях авторы художественных произведений в качестве обращения используют антропонимическую формулу реальной действительности: т. е. фамилию дополненную компонентом *эи* или *юлтош* 'товарищ'. Данные обращения всегда сочетаются только с фамилией:

– *Туж умой лэсьтіллямды, Баранов эи* (Гаврилов. С. 130.).
'– Правильно сделали, товарищ Баранов'.

Тіни кыче ужъёс, Воронин юлтош, – малпа Баранов (Гаврилов. С. 142). 'Вот такие дела, товарищ Воронин, – думает Баранов'.

Идентификаторами литературных антропонимов могут быть термины родства, которые в произведении являются либо опре-

делителями семейных отношений, оснащенные притяжательными суффиксами, либо выступают маркерами вежливости. В отличие от лексем, указывающих родственные отношения персонажей, маркеры вежливости не оформляются притяжательными суффиксами.

Анайзы Сэдык, лапег но чырткем кышномурт, гур азын табань пыже (Архипов2. С.6). ‘(Их) мать Сэдык, низкорослая и шустрая женщина, перед печкой лепешки печет’.

Яша сое нырысьсэ веръяз Маркел несятай дорын (Самсонов. С. 75). ‘Яша впервые попробовал это у бабушки Маркела’.

– *А, Иван агай! – кизэ сётйз со* (Архипов2. С. 32). ‘– А, дядя Иван! – подал он руку’.

Большой интерес представляют сочетания, в которых литературный персонаж характеризуется посредством отношения к другим лицам. Герой произведения может быть представлен через родителей, супруга, брата, сестры и т. д.

Корка бызьыса пыриз Иванлэн нылыз Сандй (Архипов2. С. 35). ‘Домой убежала дочь Ивана Сандй’.

Егит ныл Марина, табере ини Надялэн мемиез, пукиз клубазы куинетй радын (Архипов1. С. 18). ‘Молодая девушка Марина, сейчас уже мама Нади, сидела в клубе в третьем ряду’.

В функции официального именования антропоним может выступать в сочетании с различными указателями социальной принадлежности его носителя.

Отец Никонор юыны яратэ вал, озыы ик кузьымъёс басьяляз (Гаврилов. С.145). ‘Отец Никонор любил пить, также принимал подарки’.

Для интерпретации литературного образа в произведениях используются сочетания антропонимов с эмоционально-оценочными квалификаторами [Маслова 2012]. В качестве идентификаторов в данном случае могут выступать прилагательные и причастия.

Мусо Митрее, – гожтйз со, – ванъзэ ик ас кыным дасяй (Архипов2. С. 64). ‘Милый (мой) Митрей, – написала она, – все приготовила своими руками’.

Ведь та пинал почтальон солэн картэзлэсь, яратоно Олександрэзлэсь, гожтэтсэ вуттйз (Архипов2. С. 36). – ‘Ведь этот молодой почтальон принес письмо ее мужа, любимого Олександана’.

Для коррекции восприятия референта имени собственного, авторы нередко прибегают к распространённым идентификаторам. Ближайшее окружение антропонима может быть выражено причастным оборотом либо уточнением.

– Тынад ужед со, Всеволод Кириллович, – палэнын кунулаз портфелен сылйсь Возняков шоры вазиз со (Самсонов. С. 46). – ‘Это твоя работа, Всеволод Кириллович, – сказал он стоящему с портфелем под мышкой в сторонке Вознякову’.

Отын вал Петров Захар, чиед мугоро, пичиесь гордэктэм синмо, кузялэс ымныро егит ни (Архипов2. С. 24). ‘Там был Петров Захар, молодой человек худошавого телосложения, с маленьким красными глазами, вытянутым лицом’.

Для демонстрации чувств в момент визуального контакта используются сочетания имен собственных с притяжательными местоимениями *мынам* ‘мой, моя’, *милям* ‘наши’. Эмоционально-оценочные обращения связаны с приятными переживаниями, которые испытывает адресант при мысли о собеседнике. В них прослеживается оттенок непринужденности в общении, данные идентификаторы обладают положительной коннотацией и сигнализируют о нежных чувствах.

Ой, югыт куазе, эн кушты вал, уть вал мынэсьтым Олександрме... (Архипов2. С. 39). – ‘Ой, Господи, не бросай, спаси моего Олександана...’

Мынам мискинй Митрее, оло, кот музеймын ини, – шуак жэожомиз Чумой (Архипов2. С. 39). – ‘Мой бедный Митрей, может уже в сырой земле, – вдруг огорчилась Чумой’.

Различные антропонимические вариации, сочетания имен с аппеллятивными лексемами, местоимениями образуют самобытную систему именования персонажей. Имя и персонаж скрепляются в тексте посредством идентификаторов, которые несут о данном предмете дополнительную информацию и позволяют сделать образ героя более рельефным, запоминающимся.

Список источников

Архипов1. – *Архипов Т. А.* Вормы астэ ачид : повесть / Т. Архипов. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 274 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.unatlib.org.ru/pdfpreview/bitstream/handle/123456789/7710/udm_book_1017.pdf?sequence=1 (дата обращения 20.07.2015)

Архипов2. – *Архипов Т. А.* Лудзи шур дурын: Роман-дилогия. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 524 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elibrary.unatlib.org.ru/pdfpreview/bitstream/handle/123456789/7769/udm_book_1037.pdf?sequence=1 (дата обращения: 15.08.2015).

Гаврилов И. Асьме адыми // Люкам сочинениос. 3 томен. 1-тй том. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 496 с.

Кедра Мутрей. Секыт зйбет. – Ижевск: Удмуртия, 1973. – 148 с.

Самсонов С. А. Дыдыккёс бус пёлы уг йыромо. Роман. – Ижевск: Удмуртия, 1979. – 384 с.

Список использованной литературы

Волкодав Т. Вымышленные имена собственные в контексте фэнтезийного произведения // Научно-культурологический журнал. – №6 [128]. 16.03.2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/wa/Main?textid=922&level1> (дата обращения: 20.03.2016).

Звягинцева В. В. Обращение в семейном дискурсе. Автореферат дисс. ... к. филол. н. Курск, 2011. – 21 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/jazyko-znanie/obrawenie-v-semejnom-diskurse.html> (дата обращения: 25.02.2016).

Зиннатуллина Г. Х. Типы и функции апеллятивных идентификаторов (на примере художественных текстов татарской литературы) // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 3. – С. 227–231. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://journals.tsu.ru/sjp/&journal_page=archive&id=1317&article_id=23997 (дата обращения: 2.03.2016).

Лопатина К. В. Антропонимический мир романа К. Х. Селы «Улей». Автореф. дисс. ... к. филол. н. – Воронеж, 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/antropnimicheskij-mir-romana-k-h-selyuley#ixzz4FhX7uMJt> (дата обращения: 2.03.2016).

Маслова Э. Ф. Структурно-семантические и функциональные особенности антропонимов в романах Людмилы Улицкой "Даниэль Штайн, переводчик" и "Искренне Ваш Шурик". Автореферат дисс. ... к. филол. н. Елабуга, 2012. // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/strukturno-semanticheskie-i-funktionalnye-osobennosti-antropnimov-v-romanakh-lyudmily-ulit#ixzz48ek2SZ9V> (дата обращения: 6.06.2016).

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / РАН; Российский фонд культуры. 2 изд-е, испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.

Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю. А. Рылов, В. В. Корнева, Н. В. Шеминова, К. В. Лопатина, Е. В. Варнавская / под ред. проф. Ю. А. Рылова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. – 390 с.

УДК 81'373 : 811.511. 152. 2

Седова Полина Егоровна

Национально-исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Россия, г. Саранск

ЛЕКСИЧЕСКИЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ В МОКШАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

LEXICAL INNOVATIONS IN MOKSHA LITERARY TEXT

Аннотация: Мокшанский литературный язык характеризуется лексическими новообразованиями, которые являются индивидуально-авторскими, и они не относятся к неологизмам. Целью и актуальностью темы данной статьи является определение уровня изучения, создания и употребления авторских новообразований в художественных текстах мокшанского языка.

Ключевые слова: слово, новообразование, литературный язык, художественный текст, автор, лексические новообразования.

Annotation: The Moksha language is characterized by lexical innovations, developed by individual speakers of Moksha, which can not be classified as neologisms. The purpose and relevance of this article is to analyse the use of individual lexical innovations in the Moksha language.

Keywords: word, innovation, literary language, literary text, the author, lexical innovation.

Каждый активный период развития мокшанского литературного языка характеризуется некоторым изменением лексического состава. Общеупотребительная часть лексики письменного литературного языка остается в основном неизменной, но харак-

теризуется новообразованиями, которые не всегда находят отражение в словарях. Индивидуальное авторское словотворчество является неизменным и обязательным атрибутом художественной литературы, в частности прозы. Языковое новаторство – одно из ярких проявлений индивидуального стиля автора: «новообразования органически входят в словесную ткань его произведений и, наряду с другими речевыми средствами, выступают в качестве важнейших элементов, определяющих индивидуальность и своеобразие его произведений» [Ефимов 1973: 227].

Окказиональные слова в мокшанском языкознании изучены недостаточно, вопросы функционирования и изменения лексического состава мордовских языков (мокшанского и эрзянского) отражены в работах Д. В. Цыганкина [2006], М. В. Мосина [2000], П. Е. Седовой [2008]. Слова с индивидуальным значением анализируются в работах русских исследователей А. Г. Лыкова [1976], А. И. Ефимова [1973], Г. С. Бояринцевой [1984].

Актуальность темы определяется уровнем современного мордовского языкознания, изучением особенностей употребления лексического состава, выявлением употребления новообразований в письменно-литературном языке.

Несмотря на то, что авторские новообразования всегда привлекали внимание исследователей, активное исследование окказиональности начало развиваться относительно недавно. Материалом для исследований чаще всего служат литературные произведения, так как индивидуально-авторское словообразование является яркой особенностью, прежде всего, художественной речи.

Словотворчество присуще многим мокшанским художникам слова, в произведениях которых с яркостью воплотилось окказиональное творчество, лексические новообразования они создают вместо активно встречающихся в речи русизмов. Общеизвестно, что окказиональность проявляется на всех уровнях языка, вместе с тем наибольший интерес исследователей вызывают такие области окказионального образования, как лексика и словообразование, предоставляющие авторам гораздо больше возможностей для словотворчества, нежели, например, грамматика. Слова-

окказионализмы представляют собой явления, которые не имеют аналогичных и подобных слов в предшествующий период развития языка, они употреблялись как заимствования. В настоящее время в письменно-литературном языке активны слова мокшанского языка, вместо заимствованных слов находят применение новообразования. Частично находит отражение в индивидуальном стиле писателя вариантность.

Окказиональное слово нельзя считать неологизмом, т. к. между ними существует определенная разница. Неологизм (о чем говорит и сам термин) – это новое, недавно появившееся в языке слово, которое обозначает какое-либо явление или предмет. Окказионализм – это факт речи, индивидуально-авторское образование, использованное в том или ином произведении данного автора, им самим созданное и не вошедшее в систему языка [Лыков 1976: 11]. Кроме того, неологизм – это слово, которое только начинает свою жизнь в языке. Позже оно может стать обычным, каноническим словом. Как случилось, например, с неологизмами XIX и XX веков: *пуромкс* «собрание», *вачаши* «голод», *валмора* «стихотворение», *эськодемс* «пригвоздить» и др.

Ознакомившись с научными работами по данной теме, выяснилось, что в современной лингвистике существует множество взглядов на сущность явления окказиональности. Впервые данный термин был употреблен в работе Г. Пауля «Принципы истории языка», где он говорил о том, что в узуальном плане слово многозначно, а в окказиональном – всегда однозначно, при этом оно всегда богаче узуального по содержанию и уже его по объему [Пауль 1960].

Русский языковед Л. П. Терентьева [1983: 92] в своей работе называет следующие признаки, отличающие окказиональное слово от узуального:

- 1) незафиксированность в словаре;
- 2) нарушение норм употребления;
- 3) невоспроизводимость в «готовом виде» в акте коммуникации (то есть принадлежность к определенному автору);
- 4) осязаемая новизна восприятия слова;

- 5) необычность употребления;
- 6) обязательная экспрессивность значения.

Необходимо отметить, что значение и окказиональный смысл слов могут быть правильно истолкованы лишь в контексте, в котором они были употреблены, однако создавать их может любой носитель языка. Окказионализмы – это слова, которые создаются в определенных целях, чаще всего художественных, по законам словообразования или же нарушая их и которые отсутствуют в языковом узусе. Очевидно и то, что принадлежность окказионализмов к речи, а не к языку, их создание, одноразовость и т. д. представляют собой отличительные признаки авторских новообразований [Седова 2008: 123–126].

Опираясь на опыт многих ученых, можно сделать вывод, что наиболее распространенными типами семантических изменений являются метафора и метонимия. Однако необходимо обратить внимание на следующие виды семантических изменений, такие как расширение и сужение значения.

По своей структуре мокшанский язык характеризуется агглютинативным способом словообразования, когда центральное место занимает образование производных слов путём присоединения суффиксов со словообразовательным значением к основам мотивирующих слов. Знание значений суффиксов помогает определить значение незнакомых слов, образованных при их помощи от знакомых слов. Так, при образовании частей речи существуют регулярные и продуктивные словообразовательные морфемы [Цыганкин 2006: 29]. Чем больше слов образовано при помощи словообразовательного типа, тем он регулярнее.

В работах Д. В. Цыганкина суффиксы существительного **-кс**, **-фкс** являются регулярными и участвует в регулярных словообразовательных типах с раннего периода развития мокшанского письменно-литературного языка: **касыккс** – *касомс* «расти», *касыккс* – растение (то, что растет вверх). *Вяри касыкксне якайхть тонафнемя* (Чер., 64). – «Молодые (досл.растущие вверх) ходят учиться».

Чаще лексемы с суффиксами **-кс**, **-фкс** обозначают предмет, обладающий тем, что обозначено производящей основой: **ко-**

няфкс «налобное украшение» – коня «лоб», **шамафкс** «маска» – шама «лицо»: *И кодак стирсь пачкодсь малазонза, кодак **ко-няфксть** путозе прызонза* (Мокш., 78) – «И как только девушка подошла к нему, положила венок ему на голову»; *Сельминголенза лийсть шамат, шамат, синь няевсть **шамафксокс** – келазень, офтонь, шийтанонь* (Миш. 2002, 68) – «Перед глазами летали лица, лица, они казались масками – лисьей, медвежьей, дьявола».

Современный мокшанский письменно-литературный язык обогащается лексемами, которые чаще появляются в переводных произведениях (чаще в художественно-публицистическом журнале), где морфологический тип словообразовательния служит для образования новых слов: **алгакс** – **алга** «под», **алгакс** «днище». *Синь корабльснон **алгаксснон** вачкиесазь ни сереса. Нарде, аф наксады* (Лоб., 34). – «Они покрывают днище корабля медью. Крепкий, не гниет». В мокшанском языке в активную лексику входит слово **потмакс** «днище», которое также отражено в художественной литературе: *А минь **потмаксоньке** ракакудса ацафт* (Лоб., 34). – «А у нас днище ракушками устлано». В словаре мокшанского языка данные слова даны как синонимы.

В письменных текстах можно встретить существительные, образованные при помощи нерегулярного суффикса **-лксть**: *Ушаконь эрь шиня васетькинесь оцязоронь **кучелксть** Томаронь мархта...* (Лоб., 48) – «Ушakov каждый день встречался с посылным от царя Томаром...». В словаре такой формы данного слова нет.

В словарях современного мокшанского языка отражены формы с наиболее употребительным словообразовательным суффиксом - **ф**: **кучфсь** «посол». О чем свидетельствуют многие отглагольные существительные из активного лексического запаса мокшанского языка: *маряф* «слух», *ризф* «печаль»... *Тя **маряфть** сире тядясь пачфтезе Фёдоронди* (Лашм., 61) – «Услышанное старая мать донесла до Фёдора»; *Равчкодсь **ризфть** эзда вирсь, аварьгодсь вармась* (Миш. 2002, 20). – «Почернел от горя лес, заплакал ветер»; *Тройцянь шиня **тяфтамоль** обуцясь – ашкотфнень ёрямс ведти* (Миш. 2015: 10) – «В день Троицы был такой обычай – бросать венки в воду».

Суффикс **-год** участвует в активных словообразовательных глагольных формах от других частей речи: *сокоргодомс* «ослепнуть», *равчкодомс* «почернеть» и др. Так называемые потенциальные слова, т. е. единицы лексики, которые образованы по высокопродуктивной языковой модели отличаются от окказиональных слов. Можно широко обсуждать, например, неологизмы В. Мишаниной, мокшанского автора-драматурга, хотя, в сущности, все ее лексические новообразования – окказионализмы. В произведении этого автора мы читаем: *«Максимка копорьгодсь и сетьмось. Мъзьярдовок теенза ашель стака шабанзон мархта, фалу синь ульсть теенза кенярдема востокс* (Миш. 2015, 11). – «Максимка сторбился и затих. Никогда ему не было тяжело с детьми, они всегда для него были радостью»; *Эжсь, вандолгодсь кудботмоцка* (Миш. 2015, 23). – «Стало тепло, светло в доме». В словарях, учебных пособиях по лексике мокшанского языка рассматриваемые слова не находят отражение, это действие чаще объясняется заимствованием *горбонгадомс* «горбиться» [Иванова 2014], [РМС 2012].

В современном мокшанском языке продуктивной словообразовательной моделью является суффикс **-ка**, который продолжает образовывать новые существительные: *валгомка* «лестница», *уемка* «корабль», *уендемка* «корабль». *Туркатне таяскодсть, синь ёфси ашесть арьсекшине няемс тяса рузонь уемкат* (Лоб., 46) – «Турки остолбенели, они не ожидали увидеть здесь русские корабли»; *Новопавловскаяйса кенерсть ни тиемс коймзяра уендемка* (Лоб., 47). – «В Новопавловске успели сделать уже сколько-то кораблей». О продуктивности данного суффикса свидетельствует большое количество активно употребляющихся существительных в мокшанском языке, но представленные примеры свидетельствует о постоянном пополнении лексического запаса внутриязыковыми способами образования новых слов.

Лексический пласт языка наиболее доступно отражает художественная литература, где каждый писатель вносит свой вклад в обогащение лексики мокшанского языка. В мокшанском языке самостоятельные слова *ши* «день, солнце», *пря* «голова» служат для образования существительных с абстрактным значением, но

которые сохраняют материальное сходство со словами: *ляпоши* «мягкость» – *ляпе* «мягкий», *нардеши* «твёрдость» – *нарде* «твёрдый», *маштомашши* «умение» – *маштомс* «уметь». Д. В. Цыганкин в своих работах рассматривает данные слова как суффиксоиды [Цыганкин 2006: 37]. *Бта эрясь-ащесь модать лангса Куля баба, сонь ляпошиц эжнезе аф аныцек эсь ваймонц, но и солафнезень ломаттнень седиснон* (Миш. 2002, 92). – «Как-будто жила на земле баба Куля, ее доброта грела не только ее душу, но и растапливала сердца людей».

В ранней литературе рассматриваемые слова встречаются еще как самостоятельные единицы: *Вача шись работафтомть сидеста вятънесы эсьпрянь юмафтомати* (Чер., 67). – «Голод часто приводит безработного к гибели».

Изучение создания авторских окказионализмов весьма увлекательный процесс, где новое слово раскладывается на компоненты, и каждый компонент, в свою очередь, изменяет значение, «трансформируя» его в окказиональное.

В письменном мокшанском языке имеется немало производных слов, в которых присутствует безаффиксальный способ словообразования. Активным способом словообразования является *сложение*, с помощью которых образуются сложные слова (компиты). Словосложение лежит в основе древнейших процессов формирования грамматического строя агглютинативных языков. Слова отличаются от суффиксальных производных наличием более чем одной мотивирующей основы и в сложном слове два, реже более, самостоятельно употребляемых слов. Лексическая неразрывность компонентов сложного слова состоит в том, основным признаком считается твердый порядок составных частей сложного слова. Между компонентами сложного слова нельзя вставить какое-либо слово. Значения составляющих сложного слова не расходятся от значения тех слов, при помощи которых оно образовано: *шкайги* – *шкай* «Бог», *ки* «дорога», *потмовий* – *потма* «нутри», *вий* «сила», *озксвяти* – *озкс* «молитва», *вати* «ведущий». *Сон аф смелста ванць Катянь лангс, сонь маштсть пильговиенза, вастстонзовок изь шерьхов, аськолкс изь тиев* (Мокш., 83). – «Она несмело смотрела на Катю, у нее не было

сил в ногах, она не могла сделать ни шага». *Пильге* «нога» - *вий* «сила»; *ёжмаряма* «мышление» – *ёж* «чувство, сознание», *марямс* «слышать». *Сяс и надиянь: корхни ялгазень, улема, тяфтама ёжмарямац* (Андр., 58) – «Поэтому и надеялся: у собеседника, наверное, такое мышление». Новобразования употребляются как синонимы в тексте, чаще отображая разговорную речь: *И нинге мон сатан моря потмакссста ракакудня. Корхтайхть, кда ладямс пилезт морянь ракакуднять, то марясак оцюведень вайгяльть. Оцюведесь тяфта корхни-тошкси манельть мархта* (Миш. 2002, 39)

Мокшанский язык богат новообразованиями, у которых значения отрываются от образующих элементов: *сёдьвальмя* «уголь» – *сёдь* «уголь», *вальмя* «окно». *Сявозе каминть маласа ащи кшинь шорямкать, шерьфтезень крфай сёдьвальмятнень* (Лоб., 64) – «Взял стоящую недалеко от камина железную мешалку и помешал пылающие угли».

Отдельную группу новообразований в мокшанском литературном языке составляют так называемые *парные слова*. Компоненты данных образований сохраняют фонетическую и грамматическую самостоятельность, хотя и выражают несколько новое значение: *щант-карянт* «одежда-обувь» в значении «одежда», *кольсемс-аварькинемс* «плакать», *пидемс-панемс* «варить-готовить» в значении «готовить» и др. В современном письменном-литературном языке появляются новые формы более сложного характера, в состав парных слов включаются сложные слова: *эряфки-наваз... Эряфки* «эряф+ки» «жизнь+дорога», *наваз* «счастье» – «жизненная дорога-счастье». *Улема, тяфтама ни эряфкице-навазце: кивок мзярдовок тейть аф мярьги* «алаяй» (Мокш., 71)». – «Видно, такое у тебя счастье: тебе никогда никто не скажет «отец».

В мокшанском языке частое явление – морфологосинтаксический способ лексических новообразований. Для этого от данного слова образовывается другое слово по определенному различию в значении и определяется значение слова в целом. *Теенза найфоль, ушетф корхтамась тевс аф пачкоди, стясь, срхкась тума* (Лоб., 98) – «Ему стало видно, начатый разговор

до дела не дойдет, встал, собрался уходить»; *Мон ушедонь луво-ма шра лангса ащи книгать и ашень лоткав. Ушеткссь ульсь аф кальдяв* (Мокш., 123) – «Я начал читать книгу, которая лежала на столе, и не мог остановиться. Начало было неплохое». *Алёшка кассь цебярь лездыкс, тонафнесь лац, ванць сазорнянц мельге* (Мокш., 70) – «Алешка вырос хорошим помощником, учился хорошо, смотрел за сестренкой». *Вакссонза ульсь лезды стирнянц, конань ашель мялец тумс куватьсь тядянц эзда* (Мокш., 80) – «Рядом с ней была помощница-дочка, у которой не было желания надолго уезжать от матери» *Лезды – сущ. «помощник», лезды – прич. «помогающий»; ушетф – прич. «начатый», ушеткс – сущ. «начало».*

В мокшанском языке имеется немало омонимичных слов – звуковых комплексов, которые благодаря синтаксической конверсии могут соотноситься по нескольким частям речи. Лексико-семантический способ не так активен, но встречающиеся в художественной литературе лексемы свидетельствуют о присутствии данного способа словообразования наряду с выше рассмотренными: *валда* «слова», «свет»; *лакси* «кипит», «строгает топором», *учат* – «овцы», «ждешь», *тума* – «дуб», «надо идти». *Перьфпяле арась ёфси валда, мьзярда минь пачкодеме велеть малас* (Мокш., 96) – «Вокруг стало совсем светло, когда мы дошли до окраины села»; *Морасыне валда тэфнень-китнень* (Мокш., 87) – «Поет про светлые дела-дороги»; *Кудса нинге марявсь танцти шиненя, мярьгат, панакудса тянемс лакси лем* (Мокш., 53) – «Дома еще чувствовался вкусный запах, как будто до сих пор в печке кипят щи»; *Алязе кудть ваксса фалу мезе-бди лакси, тевфтома аф ащи мзярдовок* (Мокш., 83) – «Отец около дома всегда что-то строгает топором, без дела никогда не сидит», *Учат мзярда мон, еврейсь, тейть панжан иколат?* (Миш., 2002, 67) – «Ждешь, когда я, еврей, открою тебе школы?»; *Давид Маркович тись копоркскя и эряскодсь тума, кле, тейне аф эрявихть юкснемс инжсиеньке* (Миш., 68) – «Давид Маркович сделал глоток и собрался уходить, мол, мне нельзя забывать про гостей».

На основе предоставленного материала можно заключить, что лексические новообразования делают мокшанский язык разнообразным, придают определенную стилистическую окраску. Они являются постоянным средством пополнения мокшанской лексики, которые нередко не отражены в изданных словарях. Их значение раскрывается по словообразовательным характеристикам. Они встречаются в художественных произведениях, переводных материалах, раскрывая неисчерпаемое богатство мокшанского языка.

Список источников:

- Андр. – *Андреанов Ф. А.* Улемаль тейне... Мокша. – № 3, № 8. – 2006. – С. 53–64.
- Лашм. – *Лашманов И.* Сяпи пильгокит. Азкс. Мокша. – №8. – 2015. – С. 59–68.
- Лоб. – *Лобанов В.* Ушаков адмиральсь / Ганичев В/ Мокша. – №7. – 2013. – С. 30–55.
- Мокш. – Мокша // Литературно-художественной и общественно-политический журнал. – № 1. – № 5. – 2013.
- Миш. 2015 – *Мишанина В.* Эсь берякозонза. Повесть. Мокша. – №12. – 2015. – С. 4–36.
- Миш. 2002 – *Мишанина В.* Вальмафтома куд: Повесть, азкс, пьесат. – Саранск: Мордов. кн. изд-вась, 2002. – 320 с.
- РМС – Русско-мокшанский словарь. Мин-во образования и науки РФ ; МГУ им. Н. П. Огарева. – Саранск: Тип. «Крас.Окт.», 2012. – 560 с.
- Чер. – *Черапкин И. Г.* Мокшень кяль. Лафчста сёрмас содаеньди тонафнема книга. – Государственной учебно-педагогической издательствась: Москву, 1934. – 104 с.

Список использованной литературы:

- Бояринцева Г. С.* Специфика образных средств в художественной речи. – Саранск: Морд. госун-т, 1982. – 94 с.
- Иванова Г. С., Седова П. Е.* Тяниень пингонь мокшень кялень лексикология. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 84 с.
- Евсеев М. Е.* Основы мордовской грамматики. Избранные труды. Т.4. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. – 470 с.
- Ефимов А. И.* О языке художественных произведений. – Москва: Учпедгиз, 1954.
- Лыков А. Г.* Современная русская лексикология: русское окказиональное слово: учеб. пособие для филол. факультетов ун-тов. – М.: Высшая школа, 1976. – 119 с.
- Мосин М. В.* Мордовские (мокшанский и эрзянский) литературные языки: состояние, проблемы и перспективы развития. Материалы II Всероссий-

ской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III тысячелетия» /Правительство Респ. Мордовия, МНИИЯЛИЭ, МГУ им. Огарева, МГПИ им. Евсевьева; Редкол. М.В. Мосин (отв. ред.) и др. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2000. – С. 11–19.

Пауль Г. Принципы истории языка: учеб. пособие. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 93–139.

Седова П.Е. Окказионализмы в мокшанском литературном языке. *Finno-Ugria 1: Проблемы языков, литератур и фольклора народов Урало-Поволжья: Труды Института финно-угроведения*, вып. 5, посвященный 60-летию д-ра филол. н. проф. Куклина Анатолия Николаевича/ Мар. Гос. Ун-т финно-угроведения. – Йошкар-Ола: МУП «Сельские вести», 2008. – С. 123–126.

Терентьева Л.П. Семантика и прагматика лексических окказионализмов: автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1983. – С. 92.

Цыганкин Д. В. Морфемика и словообразование мордовских языков. Учебное пособие. – Саранск: Изд-во «Крас. Окт.», 2006. – 60 с.

УДК 811.511.151

Сергеев Олег Арсентьевич

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева
Россия, г. Йошкар-Ола

МАРИЙСКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ И НЕКОТОРЫЕ НОРМЫ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

THE MARI PERIODICAL PRESS AND SEVERAL NORMS OF MODERN LITERARY LANGUAGE

Аннотация. В работе рассматривается проблема нормы современного марийского литературного языка и использование их в периодической печати. При написании данной статьи основными иллюстративными материалами послужили публицистические статьи из республиканской газеты «Марий Эл». Частично материал также взят из отдельных номеров газеты «Кугарня». Анализированный материал показал, что не соблюдение норм, или частичное не соблюдение, проявляется на разных уровнях языка: лексика, грамматика, стилистика. Некоторые упущения наблюдаются в орфографии и в пунктуации. Газете характерно использование отдельных форм и конструкций, обра-

зованных моделью русского языка. Особенно это наблюдается на грамматическом уровне.

Ключевые слова: газета, грамматика, издание, норма, периодика, публицистика, стиль.

Abstract. The paper considers some problems of norms in the contemporary Mari literary language. The main illustrating material of the given work covers publicistic articles of Republican newspaper «Mari El». Partial material is also taken from a whole range of the issues of «Kugarnya» newspaper. The results of analysis showed that noncompliance *with* language norms, or partial noncompliance, appears at different levels of the language: lexis, grammar and stylistics. The neglect is also found in orthography and punctuation. It is typical of the newspapers to use particular forms and constructions formed by means of the models of the Russian language. It occurs especially at the grammatical level.

Keywords: newspaper, grammar, issue, norm, periodicals, publicist, style.

Первым периодическим изданием на марийском языке является газета «Война увер» («Военные вести», 1915–1917), редактором которой был представитель восточных мари П. П. Глезденев. В 2015 году газете исполнилось 100 лет.

В 20-е гг. XX века на марийском языке издавалось множество газет. Многие из них печатались большим тиражом и в течение многих лет. В число них можно отнести такие периодические издания, как, например: «Ўжара» (Казань), «Йошкар кече» (Казань, 1918–1922; Краснококшайск, 1922–1925; Йошкар-Ола, 1926–1931), «Йошкар салтак» (Казань, 1919), «Незерын шамакшы» (Казань, 1919), «Төр» (Казань, 1919–1920; Козьмодемьянск, 1920–1922) и нек. др.

В 30-е гг. продолжают выходить новые издания на родном языке: «Марий ұдырамаш» (Йошкар-Ола, 1932), «Рвезе коммунар» (Йошкар-Ола, 1933), «Марий ял» (Москва, 1927–1931) и др. Кроме того, в 30-е же годы стали издаваться районные газеты [подробно см. Сергеев 1971: 222–225].

Для марийского населения печатаются и общественно-политические, литературно-художественные, сатирические журналы. В количественном отношении их также было не мало, ср.:

«Марий календарь», «Куралше» (Казань, 1918), «Юк» (Казань, 1920–1922), «У илыш» (Казань, 1922; Москва 1923–1927), «У вий» (Йошкар-Ола, 1926–1937), «Марий ўдырамаш», «У сем» (Козьмодемьянск, 1930–1935), «Якшар знамы» (Козьмодемьянск, 1936) и нек. др. Издается также педагогический журнал для учителей на родном языке: «Туныктымо паша» (Йошкар-Ола, 1928–1930).

На страницах газет и журналов печатались тексты самых различных жанров, начиная от простой газетной информации общественно-политического или иного содержания до художественного произведения, включая богатые произведения устного народного творчества. Материалы издания имели весьма разнородный стиль.

В истории возникновения и развития марийской печати, языка и литературы газеты и журналы того периода оставили неизгладимый след. В них выработывался, отшлифовался стиль марийского языка.

Для сравнения в настоящее время на марийском языке издаются газеты республиканского уровня «Марий Эл», приложение к ней «Сурт-пече», молодежная газета «Кугарня», детская газета на лугово-восточной и горномарийской литературной норме «Ямде лий» («Йамды ли») и несколько малотиражек районного назначения; в том числе две местные газеты Республики Башкортостан, адресованные для многотысячного марийского населения, проживающих в этом этнотерриториальном регионе. Из журналов функционируют такие марийские издания, как «Ончыко», «Кече», «У сем», «Пачемыш» и «Марий сандалык».

При написании настоящей статьи и при раскрытии соотношения «языка и стиля» периодической печати с нормами современного марийского литературного языка мы опирались на иллюстративные материалы газеты «Марий Эл». Частично использованы материалы и из отдельных номеров газеты «Кугарня» и журнала «Ончыко». Выбор газеты «Марий Эл», как доминирующей, не случаен: во-первых, она, как центральная газета, лучше всех других изданий отражает и направляет нормы литературного языка; во-вторых, имеет длительную и положительную

историю в формировании нормы марийского литературного языка; в-третьих, является республиканским периодическим изданием универсального характера и пользуется бóльшей популярностью среди марийских читателей, о чем свидетельствует и ее тираж (в 2015 г. тираж 3000 экз., в 2016 г. – 3000–3500 экз.). К сожалению, частотность главного периодического издания с 2015 г., по сравнению с последующими годами, упала на 2,5 раза. В настоящее время газета выходит два раза в неделю, тогда как в прошлые времена выходила пять раз в неделю. Ради справедливости можно сказать то, что прибавились страницы; вместо 4-х страниц сегодня газета занимает 16 (отдельные номера доходят до 20) страниц. Несомненно, газета «Марий Эл» имеет значительное влияние на формирование письменной (и устной) речи современных марийцев.

Формулировка «язык и стиль» периодической печати занимает довольно большое понятие. В настоящей статье объектом анализа будут лишь некоторые из них.

1.0. Газете характерно использование отдельных форм и конструкций, образованных моделью русского языка, в частности:

1.1. В марийском языке имена существительные, следующие за числительными, выступают всегда в форме единственного числа. Часто на страницах газеты «Марий Эл» имеются нарушения правила марийской грамматики, например: *Тый, Юрий, «Марий коммунышто» ыштымет годым кум марий ватешамыч нерген серенат ыле* (МЭ) (вм. *кум марий вате нерген*). ‘Ты, Юра, когда работал в редакции газеты «Марий коммуна» написал было о трех марийских женщинах’. *Нунын* (рекрут-влак – О.С.) *деч ончыч ныл Мазик руш эрге-шамыч комиссийым эртенят улмаш* (МЭ) (вм. *ныл Мазик руш эрге*). ‘До них четыре русские парни из д. Мазиково прошли комиссию’ и др.;

1.2. В конструкции родительный падеж + притяжательный суффикс встречается не согласование в категории числа: *Куд художникын лучко радынашт ончыкталтыт* (МЭ) (вм. *куд художникын* (сүретчын – О.С.) *лучко радынаже ончыкталтеш*). ‘У шести художников показывается пятнадцать картин’. *Емыж саскам да мойн ужален шогышо кок ўдырамашын ойлымышт*

почеш, *ўмаште радам мучко витле, тулеч шукырак тенге денат оксам поген каеныт* (МЭ) (вм. *кок ўдырамашын ойлымыжо почеш*). ‘По рассказам двух женщин, продающих ягоды и прочие, в прошлом году по рядам собирали пятьдесят и более рублей’ и нек. др. В предложении вместо литературного единственного числа употреблено множественное. Сравните следующее предложение: *Мемнан шкенан клоунна ситат* (МЭ) (вм. нормированного *клоунна сита* или *клоунна-влак ситат*). ‘У нас и своих клоунов хватает’. Существительное *клоун* стоит в единственном числе, то и глагол должен оформляться в соответствующем числе. Анализируя язык газеты «Коммунизм верч» («За коммунизм»), на чрезмерное употребление суффикса *-влак* без надобности отметил еще 50-е гг. XX века И. Андреев [1958];

1.3. Вещественные имена существительные; имена существительные, обозначающие явления природы; существительные, обозначающие парные предметы; отвлеченные имена существительные употребляются только в формах единственного числа. Однако и здесь наблюдается грубое нарушение норм языка, ср.: *Жаритлыме шыл, шоган, пурьыс, коштымo тўрлo шудо-влак пуш, иктъиш ушнен, йырваш шарлат* (Онч.) (вм. *шудо*). ‘Запах копченого мяса, лука, перца, разных сушеных трав, соединяясь вместе, пахнут ароматом’. *Кенета чурийже ваишталтаи тўнгале, шинчаже-влак өрмалген шарлаш тўнгальыч* (Онч.) (вм. *шинчаже өрмалген шарлаш тўнгале*). ‘Вдруг начал измениться лицо, от неожиданности и глаза вытаращились’ и т.д. [подробнее об этом см.: Сергеев 2010: 6–18; 2011];

1.4. Часто в статьях газеты встречаем неверное употребление формы количественных числительных вместо порядковых: *Тиде верыште 39 армийын 31-ше гвардейский стрелковый полкшын 1-ше стрелковый ротыштыжо мемнан землякна гвардий ефрейтор Василий Иванович Соловьеват лийын* (МЭ) (букв. ‘у 39 армии’, вм. *39-ше армийын*). ‘На этом месте в 1-ой стрелковой роте 31-го гвардейского полка 39-ой армии был наш земляк гвардии ефрейтор Василий Иванович Соловьев’. *Йошкар-Олаште, Советский урем, 100 адрес дене верланьше тюрмаште, у режимный корпусым чонген шуктымo, тидын дене*

кылдалтын, тушто мероприятий эртаралтын (МЭ) (букв. 'расположенный по 100 адресам', вм. 100-шö адрес дене верланьыше, ср. также: 100-шö номеран адрес дене верланьыше или 100-шö номеран пöртыштö верланьыше). 'В Йошкар-Оле, в тюрьме, расположенной по адресу ул. Советская д. № 100, построен новый режимный корпус, в связи с этим там проводилось мероприятие' и т. п. На такую же аналогичную ошибку указывают и исследователи по другим языкам, например, удмуртского [см. Кельмаков 2004: 131–132].

Действительно, замещение порядкового числительного количественным приводит не только к стилистической неточности устной и письменной речи, но и к смысловой несуразице. Сравните простое предложение с арабскими цифрами с *-ше* (*-шо*, *-шö*) и без него: *Мый 5-ше классыште тунемам* 'Я учусь в 5-ом классе', *Мый 5 классыште тунемам* 'Я учусь в пяти классах'. Конечно, последнее предложение вызывает не что иное, как комический эффект. Не случайно, новое орфографическое правило после цифр, обозначающих порядковые числительные, предлагает писать суффикс *-ше* (*-шо*, *-шö*) [МММ 2011: 16–17].

2.0. В номерах газеты встречается немало случаев нарушения грамматики и стилистических норм марийского языка. Такие случаи можно было бы условно разделить на следующие группы:

2.1. Общеизвестно, по нормам современного литературного языка после указательного местоимения *нине* 'эти' постпозитивное слово всегда требует множественное число. Газета «Марий Эл» почти регулярно нарушает это правило: *У ий, Шорыкйол... Нине пайрем деч ме эре мом-гынат уым, ушандарышым ма ушандарыдымым, но кеч-кунамат сайым вучена* (МЭ) (вм. *нине пайрем-влак деч*). 'Новый год, Рождество... От этих праздников мы всегда ждем что-то нового, хорошего или не хорошего, но всегда надеемся на лучшее'. *Лишыл жапыште тудо* (евро окса – О.С.) *нине элысе национальный валютым вашталта* (МЭ) (вм. *нине элласе*). 'В ближайшее время оно (евро – О.С.) меняет национальную валюту в этих странах' и др. Немало примеров, где в одном и том же номере газеты встречаются два варианта,

ср., например: *Нине автобус-влак тўн шотышто междугородный ден пригородный маршрутлаш лектыт* (МЭ) ‘Эти автобусы, в основном, выходят на междугородные и пригородные маршруты’. *Нине ўдыр шотан ава лийыт манын, ўшанаши неле* (МЭ) (вм. *нине ўдыр-влак*). ‘В будущем эти девушки будут хорошими мамами, верить трудно’;

2.2. Показатель групповой множественности суффикс *-мыт* употребляется со словами, обозначающими родственные отношения и с собственными именами лиц: *А мерангмытет тарванылыт, коеш, палат вет, кунам ен таза омо дене мала* (МЭ) (вм. *меран-влакет*). ‘А зайцы то бегают, знают ведь они, когда человек спит крепким сном’. *Тўшкан погынен шогат! Сайлан огыл... Шорыкмытшо кузела койыт?..* (вм. *шорык-влакше*). (Онч.). ‘Стоят в куче! Не к хорошему... А овцы-то как выглядят’ и нек. др. В обоих предложениях нарушен закон грамматики. Немало примеров, где видим обратное применение, т.е. вместо нормированного показателя *-мыт*, в газете употребляется суффикс *-влак* или его синонимичный вариант *-шамыч*, например: *Теве ала-кў-шамыч тўмырым талын да чўчкыдын кыраш тўнгальыч* (МЭ) (вм. *ала-кўмыт*). ‘Вот только что какие-то незнакомые начали сильно и часто бить барабан’. *Кў-влакым ўжыныт, фамилийыштымат ончыктыммо ыле* (МЭ) (вм. *кўмытым*) ‘Кого пригласили, объявлены были и их фамилии’. *Кенета мўндырчынак имне кудалме йўк шоктыш. Кў-шамыч, кушеч палет?* (Онч.) (вм. *кўмыт*). ‘Вдруг издалека послышался стук копыт лошадей. Откуда знаешь, кто такие?’ Вопросительные и неопределенные местоимения всегда требуют суффикс множественности *-мыт*;

2.3. Не всегда четко наблюдается согласование между подлежащим и сказуемым: *Тыгай годым ўнгышў, скромный койыш огыт полишо* (Кут.) (вм. *койыш огеш полишо*). ‘В таком случае безропотность, скромность не помогает’. Ю. *Таныгинын моло пашажат моткоч онгай улыт* (МЭ) (вм. *моло пашажат – онгай [улеш]*). ‘И другие работы Ю. Таныгина очень интересные’. Касаясь конструкции с глаголом *улеш* (3 л., ед. ч., нач. ф. *улаш* ‘быть, находиться’), следует констатировать, что она главным

образом характерна диалектным вариантам, ср. также: *Маргарита Почитаева республикысе социальный экологический ушемьн сопредседательже улеш* (МЭ) (вм. *Маргарита Почитаева – республикысе социал экологий ушемьн сопредседательже*). ‘Маргарита Почитаева является сопредседателем республиканского социально-экологического союза’. Поэтому, желательно, в литературном языке избегать таких «незвучных» предложений;

2.4. Плеоназм в использовании словообразовательных и словоизменительных суффиксов: *Кечанан, ояр годым гына саранча мура: шенгел йол копажым ваш йыген, чужлымо йўкым луктеш* (МЭ) (вм. *кечан*). ‘Только в ясную и солнечную погоду саранча поет: с задними ногами издает шипящий звук’. *Ойлалал колталеш – кумылетымак налеш* (МЭ) (вм. *ойлал*). ‘Как станет разговаривать, так и за душу возьмет’; ср. также другие примеры: *шулдакашан* ‘дешевый’, *ватылыкашем* ‘моя будущая жена (супруга)’, *виянле* ‘сильный’, *ойганле* ‘печальный’, *сўретчызё* ‘художник’, вм. *шулдо акаш/шулдакаш* или *шулдакан, ватылык, виян, ойган, сўретче*. В приведенных иллюстративных материалах к основе слова прибавлены два словообразовательных суффикса (-аш + -ан; -лык + -аш; -ан + -ле; -че (-чо, -чё) + -зе (-зо, -зё), оба которые образуют имена прилагательные;

2.5. С точки зрения грамматики марийского языка неверное оформление предложений:

1) часто предложения начинаются с сочинительными или подчинительными союзами, иногда в начале предложения встречается даже подряд два союза: *...тудо кызыт пеш шуко өрдыжкё кая. Да сату лийын огыл, а сырьё семын* (МЭ). ‘...он (материал – О.С.) в настоящее время очень много уходит в сторону. Да не как товар, а как сырьё’. *А «Росльнопеньковолокно» АО «Марилен» гай организаций кўшеш ила. Но Марий Эл вельым тушко отчислений ок мий. Сандене польшат ок тол* (МЭ). ‘А «Росльнопеньковолокно» существует за счет организации, как АО «Марилен». Но отчисление от Марий Эл туда не поступает. Поэтому и помощи нет’. *Но а тўн паша нерген ойлаш гын, ондак иктаж 15 журнал ден лу газетым налына ыле* (МЭ). ‘Но а

если говорить о главной, раньше мы подписывали около 15 журналов и газет' и т. д. Таких предложений можно привести в огромном количестве;

2) отдельные номера газет наполнены «отрывистыми» предложениями. Порядок слов в предложении несколько не соблюдается. Подобное оформление характерно разговорным стилям: *Марий поэзийыште ўдырамаш-влакын возымышт молан лудшылан лишыл? Калык деч огыт торло, сандене* (МЭ). Досл. 'Почему в марийской поэзии стихи, написанные женщинами, близки читателю? Ближе к народу, поэтому'. *Тачысе кечылан латшыым школ кужу жаплан забастовкым увертарен. Пашада-рым тўрыс налмешке* (МЭ). Досл. 'На сегодняшний день семнадцать школ объявили забастовку на длительный срок. До получения зарплатy'. ...*Сандене палымемын историйже дене лудшо-влакымат палдараш лийым. Вес пўрєен-влак тыгай ситуацийыш ынышт логал манын* (МЭ). Досл. 'Поэтому с историей моего знакомого хотел познакомить и читателей. Чтобы другие мужчины не попали в такую ситуацию' и т.д.;

3) тавтология: *Григорьев лўмеш да кава йымалсе музейлаште юбилей лўмеш ятыр экспонантым ончыкташ ямдылыме, ветеран-влак дене вашлиймашым эртарат* (МЭ) *вм. Григорьев лўмеш да кава йымалсе музейлаште юбилей вашеш ятыр экспонантым ончыкташ ямдылыме, ветеран-влак дене вашлиймашым эртарат*. 'В музеях им. Григорьева и под открытым небом к юбилею подготовлено много экспонатов, проводятся встречи с ветеранами'. *Очыни, пенгыдынрак йодаш перна. Кенгежым йўдым уремым черет дене оролена. Тидымат шинча ончылно кучаш перна* (МЭ) *вм. Очыни, пенгыдынрак йодаш перна. Кенгежым йўдым уремым черет дене оролена. Тидымат шинча ончылно кучаш логалеш* 'Наверное, надо требовать жестче. В летнюю ночь улицу охраняем поочередно. И это надо держать зорко'. Многократное использование показателя *-ым* также создает трудности в чтении предложения. Таких примеров можно привести довольно много, ср. также, например: *Тыге кызыт Мамич Бердей тыге шонен* (Онч.). Досл. 'Так сейчас Мамич Бердей так думал'. *Тений тиде тудын идалыкыште тудын* –

кокимшио сольный концертше! (МЭ), досл. ‘Это в год его – его второй сольный концерт’! *Тыглай ончалмаште йодыш изи да тыглайла чучеш...* (МЭ). Досл. ‘Если так посмотреть вопрос кажется маленьким и простым...’;

4) употребление без стилистических нужд вместо литературных слов диалектизмов: *Шумат-рушарня деч вара Сомбатхейысе пазарыш миен лектат гын, шўкшакым кышкыме верыште улметла веле чучеш* (МЭ) (вм. шуматкече ‘суббота’). ‘Если после субботы и воскресенья сходишь в сомбатхейский рынок, чувствуешь себя, будто ты находишься на свалке’. *«Колышын паштенге йодмыжым шуктымман маныт», – шонкален, йонгыдо кабинетыште теньыш-оньыш коштеш* (МЭ) (вм. пытартыш ‘последнее’). «Говорят, надо исполнить последнюю просьбу умершего», – думая над этими словами в большом кабинете ходит взад и вперед’.

3.0. Нарушение правил марийской орфографии и пунктуации:

1) раздельное написание сложных слов, например: *кок йола, пел кида, кем йола, кок кида*, вм. *кокйола* ‘с обеими ногами’, *пелкида* ‘с одной рукой’, *кемйола* ‘в сапогах’, *коккида* ‘с обеими руками’;

2) грамматические ошибки, ср., например: *лўймō семын* вм. *лўйымō семын* ‘стреляющий как; относящийся к выстрелу’; страдательное причастие образовано от глагола II спряжения;

3) двоякое выделение одних и тех же конструкции пунктуационным знаком (иллюстративный материал взят из одного номера): *Ончылийысе дене тангастарымаште ўмаште пассажирым 400 тўжемлан шукырак шупшыктымо*. ‘Если сравнивать с позапрошлым годом, то пассажиры перевезены на 400 тысяч больше’. *Ончылийысе дене тангастарымаште, тидыже ныл пачаши шукырак* (МЭ). ‘Если сравнивать с позапрошлым годом, то это больше на четыре раза’;

4) ошибочная запятая (заключена в квадратные скобки) в предложении: *Кызыт У Торъял район [,] Кузнечыште школ, Юрино район [,] Козиковыштат школ, тудым пачаши тиде ий мучаште колтышаш улыт, Звенигово район [,] Ташнурышто тыгак школым чогаши тўнгалме* (Куг.). Досл. ‘Сейчас в Ново-

торьяльском районе в д. Кузнецы и в Козиково Юринского района строятся школы, их должны пустить в эксплуатацию в конце этого года и в д. Ташнур Звениговского района также начали строить школу’;

5) неверное употребление знаков препинания при сложных предложениях с подчинительным союзом *молан манаш гын* (синонимом также выступает *потомушто*) ‘потому что’: *Да, имне кўтымаште тый тетла ик ганат лийын отыл, молан манаш гын, шыжым армийыш каенат* (МЭ). ‘Да, ты больше никогда не был пастбище коней, потому что осенью тебя призывали в армию’. *Тиде кайык (шёрлого – О.С.) леве игечым поснак пагала, молан манаш гын, тыгай годым нунын кочкиш «ўстельышт» поян лиеда* (МЭ). ‘Этой птице (козодой – О.С.) особенно нравится теплая погода, потому что в такое время их «столовая» богатая’. *ГИБДД службынат пашаже пешыжасак ок куандаре. Молан манаш гын, моло служба-влаклан пеш начарын полиша* (МЭ). ‘И служба сотрудников ГИБДД также слишком не радуется. Потому что другим службам помогает очень мало’ и т. п. Во всех предложениях после союза *молан манаш гын* запятая не ставится;

б) противоречащее действующим правилам необособление деепричастного оборота запятыми: *Тидым палемдыде нигузеат ом керт, молан манаш гын, ондак тыгай полыш лийын огыл* (МЭ). ‘Никак не могу не отметить этого, потому что раньше не было такой помощи’ и нек. др. – после отмеченного полужирным шрифтом деепричастного оборота должна стоять запятая.

Не стоило бы акцентировать внимание на построение отдельных предложений и в выборе соответствующих лексем, например: *Икымше марий ученыйын илыш корныжо, марий йылме наукушто, фольклористыкыште, этнографийыште суапле пашаж нерген тудо* (Лидия Валерьевна – О.С.), *тыгак ученый-влак: А. Китиков, И. Иванов, И. Галкин, А. Кузнецова, Г. Сепеев, С. Сабитов да молат шарнен ойланыт* (МЭ). ‘О жизни и творческой деятельности первого марийского ученого, о его вкладе в марийскую науку – язык, фольклористику и этнографию – рассказывала она (Лидия Валерьевна, дочь В. М. Васильева – О.С.), также вспоминали ученые: А. Китиков,

И. Иванов, И. Галкин, А. Кузнецова, Г. Сепеев, С. Сабитов и другие'. Речь идет о марийском ученом В. М. Васильеве (1883–1961). Действительно, фольклорист А. Е. Китиков, языковеды И. Г. Иванов и И. С. Галкин, этнограф Г. Сепеев были лично знакомы, даже в какое-то время работали вместе с В. М. Васильевым. Они знали и могли выступить со своими воспоминаниями об ученом. А доцент С. С. Сабитов и молодой журналист А. Кузнецова никогда не видели, не общались с В. М. Васильевым. Тогда как они могли выступить со своими воспоминаниями перед публикой? Данное предложение, выбирая соответствующие слова, должно было строиться совсем по-другому.

Возьмем другое предложение из страницы той же газеты «Марий Эл»: *А виеш але шке кумылын ушнымо шотышто теве мом каласем: **В. М. Васильев лўмеш Марий научно шымлыше институтышто тырышыше профессор-влак** (мут толмашеш, чыланат нуно марий улыт) Марий кундем Россий кугыжанышыш шке кумылын ушнен манын шонат* (МЭ). Досл. 'А на счет того, что насильно или добровольно соединился, вот что скажу: профессора, работающие в Марийском научно-исследовательском институте [языка, литературы и истории] им. В. М. Васильева (к слову, все они по национальности мари), думают, что Марийский край соединился в состав Российского государства по доброй воле'. В этом предложении допущены две большие ошибки: во-первых, в МарНИИЯЛИ нет профессоров марийцев, все они работают в Марийском государственном университете; во-вторых, в научно-исследовательском институте нет должности профессора. Она присваивается, заслужившим этой должности, ученым высших учебных заведений.

Невнимательность в указании населенных пунктов, относящихся к той или иной административной территории, также не украшает текст газетной статьи. Например, в одной из номеров «Марий Эл» говорится о ветеране педагогического труда Г. П. Павлове. Он родился в деревне Большой Кулеял Моркинского района, закончил Азъяльскую школу. Однако журналист вместо Азъяльской школы Моркинского района пишет, что

Г. П. Павлов учился в Азьяльской школе Волжского района. Аналогичную ошибку мы наблюдаем, когда родину народного поэта Марийской АССР (Республики Марий Эл) Миклая Казакова указывают д. Кучукенер (Күчыкэнгер), расположенной вблизи д. Большие Шали вместо деревни с аналогичным названием Кутюк-Кинер (Күчыкэнгер), но находящейся вблизи д. Коркатово того же Моркинского района [АТД 1993: 62]. Из-за одноименного названия деревень в народе эти населенные пункты называются *Коркан Күчыкэнгер* и *Шале Күчыкэнгер*.

В заключении хотелось бы остановиться еще на одном языковом факте, как, например, употребление в периодических изданиях, выходящих на лугово-восточной литературной норме, букв. *ӓ* и *ӓ̄*. Обе буквы отсутствуют в графической системе лугово-восточной литературной нормы. В алфавите – 36 букв. Однако, в орфографических и пунктуационных правилах, обновленные и переработанные варианты которых опубликованы в 2011 г., дается примечание, где отмечено: «Йот йылмыла гыч пурышо шкелүм-влак (собственный лүм-влак) марий йылмылан кельштаралт возалтыт: *Гөтеборг, Гөттинген...* (йот йылмыла гыч пурышо мутлаште *ӓ* буква возалт кертеш) *Йӓвӓскӓля, Мартти Рӓсэнен*» ‘Собственные имена существительные, вошедшие из иностранных языков приспособляются к марийскому языку... (в словах, вошедших из иностранных языков, может писаться буква *ӓ*)...’ [МОМ 2011:12]. Возникает вопрос, можно ли говорить о буквах, которые отсутствуют в графике того или иного литературного языка? К примеру, специфические буквы *ӓ, ӓ̄, ӓ̄̄* в русскоязычных текстах оформляются как *о (э, ё, е), я, ю (у, и)*, ср.: *Ӗ. Веке – Э. Беке, А.Ӗ. Sjögren – А.Ӗ. Шӓгрен (Шегрен), Ӗрша – Орша, К. Нӓккинен – К. Хяккинен, Н. Рӓтсеп – Х. Рятсеп, Ӛшӓт – Юшут, G. F. Mӓller – Г. Ф. Миллер* (в некоторых источниках *Мюллер*), *Jyvӓskylӓ – Ювяскюля* (мар. *Йӓвӓскӓля*) и др. Для марийской буквы *н* также найден вариант в форме литеры *н* и буквосочетания *нг*: *Энерӓмбал – Инеримбал, «Эренер» (роман) – «Эренгер», Шолэнгер – Шелангер* и др. Транслитерацию мы наблюдаем также и в других языках.

Например, в немецком письме буквы русского алфавита *ш* и *ч* передаются посредством сочетаний графем *sch, tsch*.

Хотелось бы также на страницах газет увидеть марийский вариант названия месяцев, как, например, это делает марийское радио ВГТРК «ГТРК Марий Эл». Марийские названия месяцев (хотя с разными вариантами) мы видим только в красочно оформленных календарях.

Мы полностью согласны с мнением профессора В. К. Кельмакова [2004:138], и, перефразируя его мысль, отметим: задача газеты (прессы) – на своих материалах учить читателей правильной и красивой письменной (и устной) речи на родном языке, воспитывать в читателях культуру марийского языка.

Сокращения:

Куг. – газета «Кугарня»; *МЭ* – газета «Марий Эл»; *Онч.* – журнал «Ончыко».

Список использованной литературы

Андреев И. Йылме поянылыкым кучылт моштыман («Коммунизм верч» газетын йылмыже нерген) // Марий коммуна. – 1958. – 22 февраля, № 38.

Кельмаков В. К. Газета «Удмурт дунне» и некоторые нормы удмуртского литературного языка // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V Международного симпозиума / Удмуртский государственный университет. Факультет удмуртской филологии. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2004. – С. 122–139.

МОМ – Марий орфографий мутер / В. М. Васильев лүмеш Йылмым, литературым да историйым шымлыше марий институт. – Йошкар-Ола, 2011. – 368 с.

Республика Марий Эл. Административно-территориальное деление. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – 150 с.

Сергеев М. Т. Возникновение и развитие печати Марийской АССР. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1971. – 244 с.

Сергеев О. А. Марий йылме. Стилистика. I ужаш. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010. – 208 с.

Сергеев О. Эреак чын возена мо? // Ончыко. – 2011. – № 8. – С. 128–139.

Сибатрова Серафима Сергеевна

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В.М. Васильева
Россия, г. Йошкар-Ола

**МЕСТО РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СИСТЕМЕ
ЭТИКЕТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ
МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА**

**RUSSIAN BORROWINGS IN THE SYSTEM OF ETIQUETTE
WORDS AND PHRASES OF MARI LANGUAGE**

Аннотация. Статья посвящена одному из неисследованных вопросов марийского языкознания – происхождению этикетных слов и выражений, прежде всего заимствованиям из русского языка. Целью является определение места последних в системе марийских лексических средств речевого этикета. Для этого на основе источников установлен общий состав этикетных слов и выражений (по семантическим группам), среди них выявлены собственно марийские и иноязычные – тюркские и русские единицы. Из более чем 100 единиц к русским источникам восходят 9: *здравствуй(те)*, *здорово*, *привет*; *пока*, *до свидани*; *насибо/спасибо*; *пожалуйста*; *проститлаш/простяи*, *извинитлаш*.

Ключевые слова: марийский язык, этикетные слова и выражения, собственно марийские, исконные и иноязычные компоненты, тюркские заимствования, русские заимствования.

Abstract. The paper is devoted to one of the questions of Mari linguistics, which still remain unresearched, – the origin of etiquette words, especially the words borrowed from Russian language. The aim of the paper is to establish the place of the latter in the system of lexical means of speech etiquette in Mari language. During the research on the base of different sources the list of etiquette words and phrases (divided into semantic groups) of Mari language was made up. Among them the words of Mari, Turkic and Russian origin were found. 9 of more than 100 items were established as of Russian origin: *здравствуй(те)* 'good afternoon', *здорово* 'hi', *привет* 'hello'; *пока* 'bye', *до свидани* 'goodbye'; *насибо/спасибо* 'thank you'; *пожалуйста* 'please'; *проститлаш/простяи* 'to forgive'; *извинитлаш* 'to forgive'.

Keywords: Mari language, etiquette words and phrases, Mari origin, original and borrowed elements, Turkic borrowing, Russian borrowing

Этикетные слова и выражения, или формулы речевого этикета, играют важную роль в повседневной жизни, способствуя установлению дружелюбных контактов между говорящими в самой разной обстановке, поддержанию общения в уважительной тональности. Речевой этикет «составляет функционально-семантическое поле единиц доброжелательного, вежливого общения в ситуациях обращения и привлечения внимания, знакомства, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, просьбы, приглашения, совета, предложения, согласия, отказа, одобрения, комплимента, сочувствия, соболезнования и т. п.» [ЛЭС 1990: 413].

В русском языкознании этикетные слова и выражения по своим семантическим и грамматическим признакам включаются в категорию междометий, при этом квалифицируются или как примыкающие к эмоциональным междометиям («не сливаясь» с ними) [ГРЯ 1953: 677], или как образующие «особый ряд» единиц, являющихся «своеобразными звуковыми жестами, которыми обмениваются соответственно общественному этикету знакомые или встречные в разных случаях жизни» [Виноградов 1947: 757], единиц, обслуживающих «сферу этикета» [КРГ 1989: 342–343; ЛЭС 1990: 290].

В марийской лингвистике этикетные слова и выражения не подвергались специальному научному исследованию. Однако, судя по иллюстративным материалам и отдельным высказываниям в работах по грамматике (прежде всего по морфологии) современного марийского языка, их также относят к междометиям [СМЯМ 1961: 314, 316–317; Коведяева 1976: 90; Учаев 1985: 175; Саваткова 2002: 284–285; Мустаев 2013: 333–335; Гаврилова 2014: 85–86]. При этом их представляют в рамках эмоциональных междометий в качестве одной из многих подгрупп, как выражающие: «благодарность» – *tau* ‘спасибо’ [СМЯМ 1961: 317; Коведяева 1976: 90]; доброжелательность («поро кумылым» ончыктышо) – *neih tau* ‘большое спасибо’,

кызытеш чеверын 'пока до свидания' [Учаев 1985: 175]; «приветствие, благодарность, прощание» – *шйля* 'здравствуй(те)', *тау* 'спасибо', *цеверын* 'до свидания', *цеверын ке* 'счастливо отправляться', *цеверын код* 'счастливо оставаться' [Саваткова 2002: 285]; «восклицания и приветствия при встрече, расставании, при услугах, а также при доставлении кому-либо неудобства, беспокойства» – *салам* 'здравствуй(те)', *чеверын* 'до свидания', *вуетш ида нал* 'извините, простите', *тау* 'спасибо' [Мустаев 2013: 333–334; также 2008: 117].

Помимо грамматик, интересные сведения об особенностях этикетных слов и выражений, богатый фактический материал имеются в некоторых других работах. Компактный материал по лексическим средствам речевого этикета содержится в русско-марийских разговорниках В. Н. Васильева (4 изд-я: 1989, 1998, 2004, 2009) и Р. П. Игнаевой (1999), где в разделах «Беседы по отдельным темам» (в изданиях В. Н. Васильева) и «Речевой этикет» (в книге Р. П. Игнаевой) под соответствующими заглавиями представляются этикетные слова и выражения: приветствия («саламлалтмаш»), прощания («чеверласымаш»), изъявления благодарности («тауштымаш»), извинения («извинитлалтмаш», «извиненийым йодмаш»), знакомства («палыме лиймаш»), просьбы («йодмаш») и повеления («кўштымаш»), пожеланий («тыланымаш») и поздравлений («саламлымаш»), согласия («келшымаш», «кõнымаш»), несогласия («келшыдымаш») и отказа («отказатлымаш», «тореш лиймаш») [см. Васильев 1989: 25–31; Игнаева 1999: 9–20]. Кроме того, Р. П. Игнаевой в раздел речевого этикета включены «речевые модели», «реплики», «образцы реплик» с заглавиями «Обращение» («Ўжын каласымаш»), «Как поживаете?» («Кузе иледа?»), «Предложение и приглашение» («Ўжмаш»), «Сочувствие. Утешение» («Чаманымаш. Лыпландарымаш»), «Совет» («Канаш»), «Вопросы» («Йодыш-влак»), «Сомнение» («Кокытеланымаш»), «Выражение эмоций» («Чоншижмашым ончыктымаш»), «Комплимент. Одобрение» («Мокталтымаш. Сайлан шотлымаш»), «Тосты» («Тост-влак»), «Надпись и подпись» («Надпись ден кидпыштымаш») [см. Игнаева 1999: 9–20]. Надо заметить, данные разговорники составле-

ны на базе аналогичных изданий по другим языкам, в первую очередь по русскому языку, поэтому они в немалой степени ориентированы на передачу на марийский язык русских этикетных слов и выражений и носят переводной характер (по этой причине материалы из них используются нами выборочно и ограниченно).

Отдельный небольшой раздел о словах «речевого этикета» представлен в пособии для факультативных занятий в старших классах Е. Н. Мустаева «Йылме молан вашталтеш?» («Почему меняется язык?», 1990). В нем на примерах из художественной литературы в популярной форме излагаются слова и выражения приветствия, благодарности, извинения, пожелания, прощания; автором приведено более 30 таких единиц (не считая форм числа). Внимание обращено и на происхождение отдельных этикетных слов, главным образом заимствованных, в том числе из русского языка. В качестве последних названы слова *здравствуйте, пасибе*, («в разговорной речи») *пожалуйста, проститле* и *извинитле* [Мустаев 1990: 66, 68]. Е. Н. Мустаев опубликовал на страницах республиканского журнала «Ончыко» («Вперед») научно-популярную статью «Мо тугай йылме этикет?» («Что такое речевой этикет?»), в целом написанную на основе выше-рассмотренного раздела, однако содержащую и некоторые дополнения. Например, в ряд русских заимствований им включено также междометие *пока* 'пока' [Мустаев 2008: 116].

Настоящая статья посвящена происхождению марийских этикетных слов и выражений, прежде всего заимствованиям из русского языка. Чтобы определить место последних в системе марийских единиц речевого этикета, предварительно устанавливается общий состав марийских этикетных слов и выражений; причем это делается по семантическим группам. Затем, опираясь на существующие мнения специалистов, рассматривается история этикетных слов и выражений и их компонентов. Особое внимание при этом уделяется русским заимствованиям, определению их количества в семантических группах и в ряду марийских этикетных единиц в целом. В случаях наличия представля-

ются по имеющимся источникам аналогичные параллели русских заимствований в эрзянском и удмуртском языках.

Анализ марийских этикетных слов и выражений проведен на основе материалов, собранных из десяти томного «Словаря марийского языка» (1990–2005), вышеуказанных разговорников и научных работ по современному марийскому языку, а также из диалектных словарей (Саваткова 1981; Вершинин 2011). При необходимости привлекались данные лексической картотеки МарНИИЯЛИ. (К сожалению, фактические материалы даются в работе без ссылок).

Этикетные лексические единицы обладают разными коммуникативными значениями, в связи с этим их делят на несколько групп, каждая из которых объединяет ряд синонимичных слов и выражений. Богатство синонимичных рядов единиц речевого этикета «обусловлено вступлением в контакт разных по социальным признакам коммуникантов при разных социальных взаимодействиях» [ЛЭС 1990: 413].

В марийском языке можно выделить прежде всего следующие семантические группы этикетных слов и выражений: приветствия, прощания и пожеланий при прощании, благодарности, пожелания, просьбы, извинения. Лексические средства этикета обращены, как правило, к собеседнику или собеседникам, поэтому глаголы и отглагольные имена в них часто выступают в форме 2 л. ед. и мн. ч. Они могут остаться без личного оформления, так как в конкретной речевой ситуации адресат понятен и без специального показателя; в данном случае отглагольное имя употребляется в основной форме. Ниже этикетные единицы приводятся во всех возможных формах лица и без личной формы (при подсчете такие формы, а также диалектные слова, различающиеся фонетически, будут рассматриваться как одна единица).

Слова и выражения **приветствия**, как известно, используются для выражения доброго и уважительного отношения, расположения и почтения к тому человеку, которого встретили. Они образуют наибольший ряд (в источниках обнаружено более 40 единиц):

л. *салам* (*лийже*), г. *шӑлӑ* 'привет; здравствуй, здравствуйте';

л. *поро* (*лийже*), г. *пуры* (*лижӑӑ*) 'здравствуй, здравствуйте (букв. пусть будет добро)'; г. *пуры ли* 'здравствуй (букв. будь добрым)', *пуры лидӑ* 'здравствуйте (букв. будьте добрыми)';

л. *поро эр* (*лийже*), г. *пуры ирок* (*лижӑӑ*) 'доброе утро, с добрым утром';

л. *поро кече* (*лийже*), г. *пуры кечӑӑ* (*лижӑӑ*) 'добрый день';

л. *поро кас* (*лийже*), г. *пуры вады* (*лижӑӑ*) 'добрый вечер';

л. *поро жӑпет лийже* 'доброе тебе времени', *поро жӑнда лийже* 'доброе вам времени';

л. *кузе илет?* г. *кыце ӑлет?* 'как поживаешь?', л. *кузе иледа?* г. *кыце ӑледӑ?* 'как поживаете?'; л. *могай ылымаш?* г. *махань ӑлӑмӑш?* 'как (букв. какова) жизнь?', л. *могай ылымашет?* г. *махань ӑлӑмӑшет?* 'как (букв. какова) жизнь у тебя?', л. *могай ылымашда?* г. *махань ӑлӑмӑшда?* 'как (букв. какова) жизнь у вас?'; л. *кузе ылымаш?* 'как жизнь?', *кузе ылымашет?* 'как жизнь у тебя?', *кузе ылымашда?* 'как жизнь у вас?' (в материалах по горному наречию конструкции с *кыце* 'как' не обнаружены; также и ниже);

л. *кутырет?* г. *кытырет?* '(как) живешь-здоровуешь?', л. *кутыреда?* г. *кытыредӑ?* '(как) живете-здоровуете?'; л. *кузе кутырет?* 'как живешь-здоровуешь?', *кузе кутыреда?* 'как живете-здоровуете?'; л. *могай кутырымаш?* г. *махань кытырымаш?* 'как (букв. каковы) жизнь и здоровье?', л. *могай кутырымашет?* г. *махань кытырымашет?* 'как (букв. каковы) жизнь и здоровье у тебя?', л. *могай кутырымашда?* г. *махань кытырымашда?* 'как (букв. каковы) жизнь и здоровье у вас?'; л. *кузе кутырымаш?* 'как жизнь и здоровье?', *кузе кутырымашет?* 'как жизнь и здоровье у тебя?', *кузе кутырымашда?* 'как жизнь и здоровье у вас?';

л. *илет-кутырет?* г. *ӑлет-кытырет?* *кытырет-ӑлет?* '(как) живешь-здоровуешь?', л. *иледа-кутыреда?* г. *ӑледӑ-кытыредӑ?* *кытыредӑ-ӑледӑ?* '(как) живете-здоровуете?'; л. *кузе илет-кутырет?* г. *кыце ӑлет-кытырет?* *кыце кытырет-ӑлет?* 'как живешь-здоровуешь?', л. *кузе иледа-кутыреда?*

г. *кыце ёледә-кытыреда?* *кыце кытыредә-ёледә?* 'как живете-здравствуете?'; л. *ылымаш-кутырымаш?* г. *ёльмәш-кытырымаш?* 'как жизнь и здоровье?'; л. *ылымашет-кутырымашет?* г. *ёльмәшет-кытырымашет?* 'как жизнь и здоровье у тебя?'; л. *ылымашда-кутырымашда?* г. *ёльмәшдә-кытырымашда?* 'как жизнь и здоровье у вас?'; л. *могай ылымаш-кутырымаш?* г. *махань ёльмәш-кытырымаш?* 'как (букв. каковы) жизнь и здоровье?'; л. *могай ылымашет-кутырымашет?* г. *махань ёльмәшет-кытырымашет?* 'как (букв. каковы) жизнь и здоровье у тебя?'; л. *могай ылымашда-кутырымашда?* г. *махань ёльмәшдә-кытырымашда?* 'как (букв. каковы) жизнь и здоровье у вас?'; л. *кузе ылымаш-кутырымаш?* 'как жизнь и здоровье?'; *кузе ылымашет-кутырымашет?* 'как жизнь и здоровье у тебя?'; *кузе ылымашда-кутырымашда?* 'как жизнь и здоровье у вас?';

л. *илет-шўлет?* г. *ёлет-шўлет?* '(как) поживаешь (букв. живешь-дышишь)?'; л. *иледа-шўледа?* г. *ёледә-шўледә?* '(как) поживаете (букв. живете-дышите)?'; л. *кузе илет-шўлет* 'как поживаешь (букв. как живешь-дышишь)?'; *кузе иледа-шўледа* 'как поживаете (букв. как живете-дышите)?'; л. *могай ылымаш-шўлымаш?* г. *махань ёльмәш-шўльмәш?* 'как жизнь (букв. каковы жизнь и дыхание)?'; л. *могай ылымашет-шўлымашет?* г. *махань ёльмәшет-шўльмәшет?* 'как жизнь (букв. каковы жизнь и дыхание) у тебя?'; л. *могай ылымашда-шўлымашда?* г. *махань ёльмәшдә-шўльмәшдә?* 'как жизнь (букв. каковы жизнь и дыхание) у вас?'; л. *кузе ылымаш-шўлымаш?* 'как жизнь (букв. как жизнь и дыхание)?'; *кузе ылымашет-шўлымашет?* 'как жизнь (букв. как жизнь и дыхание) у тебя?'; *кузе ылымашда-шўлымашда?* 'как жизнь (букв. как жизнь и дыхание) у вас?';

г. *кытырет-шўлет?* 'как жизнь у тебя (букв. здравствуешь-дышишь)?'; *кытыредә-шўледә?* 'как жизнь у вас (букв. здравствуете-дышите)?'; *кытырымаш-шўльмәш?* 'как жизнь (букв. здоровье и дыхание)?'; *кыце кытырет-шўлет?* 'как жизнь у тебя (букв. как здравствуешь-дышишь)?'; *кыце кытыредә-шўледә?* 'как жизнь у вас (букв. как здравствуете-дышите)?'; *махань кы-*

тырымаш-шўльмәш? 'как жизнь (букв. каковы здоровье и дыхание)?';

л., г. *здравствуй* 'здравствуй', *здравствуйте* 'здравствуйте', *здрасте* 'здравствуй, здравствуйте';

л. *здорово*, г. *здорово*, *здоровы* 'здорово; здравствуй, здравствуйте';

л., г. *привет* 'привет'.

Нужно добавить, в восточном наречии и отдельных говорах лугового наречия, географически близких к восточному, активно используются приветствия со словом *сай* 'хороший' – синонимом к *поро* 'добрый, хороший': *сай* 'здравствуй, здравствуйте', *сай ма (мо)?* 'как жизнь? (букв. хорошо ли?)'; *сай улат?* 'как жизнь у тебя? (букв. хорош ли ты?)', *сай улыда?* 'как жизнь у вас? (букв. хороши ли вы?)'; *сай ма кутырет?* 'как (букв. хорошо ли) поживаешь?', *сай ма кутыреда?* 'как (букв. хорошо ли) поживаете?'; *сай ма кутырымаш?* 'как (букв. хороша ли) жизнь?', *сай ма кутырымашет?* 'как (букв. хороша ли) жизнь у тебя?', *сай ма кутырымашда?* 'как (букв. хороша ли) жизнь у вас?'; *сай илет?* 'как (букв. хорошо ли) поживаешь?', *сай иледа?* 'как (букв. хорошо ли) поживаете?'; *сай илет-кутырет?* 'как (букв. хорошо ли) поживаешь-здравствуешь?', *сай иледа-кутыреда?* 'как (букв. хорошо ли) поживаете-здравствуете?' В некоторых восточных говорах встречается также приветствие *эсен улат?* 'здравствуй (букв. здоров, хорош ли ты?)', *эсен улыда?* 'здравствуйте (букв. здоровы, хороши ли вы?)'.

Из вышеперечисленных приветствий наиболее употребительным (универсальным) является л. *салам (лийже)*; г. *шәлә* используется более всего как имя существительное, в качестве единицы этикета речи встречается реже, чем соответствие из лугового наречия. Как видно, марийцы, встречаясь, в качестве приветствия желают друг другу добра, всего хорошего (л. *поро*, г. *пуры*), доброго времени (суток) – утра (л. *поро эр*, г. *пуры ирок*), дня (л. *поро кече*, г. *пуры кечй*), вечера (л. *поро кас*, г. *пуры вады*), вообще времени (л. *поро жапет лийже*); также спрашивают друг у друга о жизни (л. *кузе илет?* г. *кыце ёлет?* л. *могай ылымаш?* г. *махань ёльмәш?* и др.), жизни и здоровье (л.

кутырет? г. кытырет? л. могай кутырымаиш? г. махань кытырымаиш? и др.), поэтому многие из таких выражений, в особенности глагольной и отглагольной формы, произносятся с вопросительной интонацией, тем самым побуждают собеседника к ответу или даже к началу разговора.

По своему происхождению приветствия большей частью, в первую очередь выражения, состоящие из двух и более слов, являются собственно марийскими. Однако при этом их составные части могут быть как исконными, восходящими к уральскому периоду или разным временам финно-угорского родства, так и иноязычными.

Исконными являются компоненты: л. *поро*, г. *пурь* 'добрый' [Галкин 1958: 130; 1986: 28; КЭСК 1999: 42; Bereczki 2013: 195], л. *кече*, г. *кечй* 'день' [Галкин 1958: 127; 1986: 24; КЭСК 1999: 155; Bereczki 2013: 47–48], г. *вады* 'вечер' [Гордеев 1983: 8], л. *лияиш*, г. *лийиш* 'стать, быть' [Галкин 1958: 131; 1986: 25; КЭСК 1999: 161; ОФУЯ 1974: 417; Bereczki 2013: 114–115], л. *илаиш*, г. *йльйиш* 'жить' [Галкин 1958: 130; 1986: 25; КЭСК 1999: 203; ОФУЯ 1974: 405; Bereczki 2013: 21], л., в. *улаиш* 'быть, являться' [Галкин 1958: 132; 1986: 27; КЭСК 1999: 67, 29; ОФУЯ 1974: 417; Bereczki 2013: 293–294], вопросительная частица л., в. *мо, ма* 'ли' [Галкин 1964: 188; Майтинская 1982: 131]; собственно марийские л. *кузе*, г. *кыце* 'как' (< вопросительное местоимение л. *ку-*, г. *кы-* + суффикс л. *-зе*, г. *-це* [Майтинская 1964: 81–82; Bereczki 2002: 75]), л. *могай*, г. *махань* 'какой' (< вопросительное местоимение л. *мо-*, г. *ма-* 'что' + послелог л. *гай*, г. *гань* (> *хань*) 'как' [Майтинская 1964: 87; Галкин 1986а: 39; Березки 2002: 257]) и имена существительные, образованные суффиксальным способом от исконных и иноязычных глаголов (л. *илымаиш*, г. *йльйиш* 'жизнь', л. *кутырымаиш*, г. *кытырымаиш* 'жизнь и здоровье', л. *шўлымаиш*, г. *шўльйиш* 'дыхание').

Ряд единиц, выступающих в качестве приветствия самостоятельно или как его составной компонент, заимствованы из тюркских языков: л. *салам*, г. *шяля* 'привет; здравствуй, здравствуйте' – тат. *салам* 'привет; поклон; здравствуй, здравствуйте', чув. *салам* 'поклон, привет' [Федотов 1990: 220;

1996 II: 8; Галкин 1986: 58; Мустаев 1990: 66; 2008: 114; Исанбаев 1994: 128]; л. *эр* 'утро' – чув. *ир* 'тж' [Федотов 1990: 182; 1996 I: 170; Галкин 1986: 55]; г. *ирок* 'утро, утром' – чув. *ирех* 'рано утром' [Федотов 1990: 182]; л. *кас* 'вечер' – чув. *каç* 'вечер' [Федотов 1990: 190; 1996 I: 237]; л. *кутыраш*, г. *кытыраш* 'разговаривать; здоровствовать' – чув. *хәтәр* 'журить, обругать' [Галкин 1986: 52]; л. *шӯлаш*, г. *шӯләш* 'дышать' – чув. *сывла* 'дышать' [Федотов 1990: 228; 1996 II: 75]; в. *сай* 'хороший, здоровый' – чув. диал. *сайә* 'хороший', тат. *сайлау* 'выбирать' [Федотов 1990: 220; Галкин 1986: 61; Исанбаев 1994: 127]; в. *эсен* 'здоровый, хороший' – тат. *исән* 'здоровый, живой, невредимый' [Исанбаев 1994: 197]. Происхождение существительного л. *жап* 'время', по всей вероятности, связано с чув. *хисеп* 'количество, число; счет; время, пора, момент' (ЧРС, 558–559), имеющим соответствия в других тюркских языках [см. Федотов 1996 II: 351].

Три единицы вошли из русского языка: г., л. *здравстуй* 'здравстуй', *здравстуйте* 'здравствуйте', *зрасте* 'здравстуй, здравствуйте' [Саваткова 1969: 97; Мустаев 1990: 66; 2008: 114; Исанбаев 2014: 39; Гаврилова 2014: 85]; л. *здорово*, г. *здорово*, *здоровы* 'здорово; здравстуй, здравствуйте'; л., г. *привет* 'привет'. Слова-приветствия г. *здорова ли* 'благополучия тебе' и г. *здырастый* 'здравстуй, здравствуйте' были зафиксированы Г. Рамstedтом уже в конце XIX в. [см. Исанбаев 2014: 39] (в случае *здорова ли*, скорее всего, имело место не «приветствие», а пожелание 'будь здоров', см. ниже). Важно отметить, что данные заимствования в марийском языке в целом сохраняют особенности своего функционирования в русском – обращение к одному лицу (*здравстуй*, также *зрасте*) или к нескольким лицам (*здравстуйте*, *зрасте*), использование в неофициальной ситуации (*здорово*, *здоровы*; *привет*), употребление в качестве мужского приветствия (*здорово*, *здоровы*). Они все в марийском языке употребляются как неофициальные обращения при встрече. Необходимо добавить, в удмуртском языке представлено заимствование *здравстуйте* [см. Широкова 2015: 566].

Этикетные слова **прощания и пожелания при прощании** выражают добрые напутствия друг другу при расставании, прощании (тому, кто уходит, отправляется в путь, и тому, кто остается). В марийском языке существует значительное количество формул прощания (14 единиц):

л. *чеверын*, г. *цевер(бін)* 'до свидания, прощай, приятно';

л. *чевер(ын) кай*, г. *цевер(бін) ке* 'до свидания, прощай, счастливого пути тебе (букв. иди благополучно)'; л. *чевер(ын) кайыза*, г. *цевер(бін) кедä* 'до свидания, прощайте, счастливого пути вам (букв. идите благополучно)';

л. *чевер(ын) код*, г. *цевер(бін) код* 'счастливо оставаться тебе (букв. оставайся благополучно)'; л. *чевер(ын) кодса*, г. *цевер(бін) кодда* 'счастливо оставаться вам (букв. оставайтесь благополучно)';

л. *кызытеш*, г. *кб̄зытеш* 'пока';

л. *кызытеш чеверын*, г. *кб̄зытеш цевер(бін)* 'пока до свидания';

л. *тачеш чеверын*, г. *тагачеш цевер(бін)* 'до завтра, до свидания (букв. на сегодня до свидания)';

л. *эрла марте*, г. *иргод якте* 'до завтра';

л., г. *пока* 'пока, до свидания';

л., г. *до свидани* 'до свидания'.

Возможны выражения прощания с деепричастными формами глаголов л., г. *ужаш* 'видеть', л. *вашлияш*, г. *в̄шлий̄ш* 'встретиться' и соответствующими обстоятельственными словами времени: л. *ужмеш(ке)*, г. *ужмеш(кб̄и)* 'до свидания, до встречи (букв. до видения)'; л. *вескана ужмеш(ке)*, г. *вескәнä ужмеш(кб̄и)* 'до свидания, до встречи (букв. до следующего видения)'; л. *угыч (уэш, вескана) вашлий̄меш(ке)*, г. *угб̄ц (вескәнä) в̄шлимеш(кб̄и)* 'до новой (следующей) встречи'.

Каждый из таких выражений имеет свою семантическую специфику. Помимо прощальных слов и выражений универсального характера, подходящих для всех или многих речевых ситуаций (л. *чеверын*, г. *цевер(бін)*), представлены единицы, специализированные для использования провожающим человеком (л. *чевер(ын) кай*, г. *цевер(бін) ке*; л. *чевер(ын) кайыза*, г. *цевер(бін)*

кедä) и человеком, отправляющимся в путь (л. *чевер(ын) код*, г. *цевер(бін) код*; л. *чевер(ын) кодса*, г. *цевер(бін) кодда*), предупреждающие о сроке расставания, прощания или времени предстоящей встречи (л. *кызытеш*, г. *кб̆з̆йтеш*; л. *кызытеш чеверын*, г. *кб̆з̆йтеш цевер(бін)*; л. *тачеш чеверын*, г. *тагачеш цевер(бін)*; л. *эрла марте*, г. *иргод якте*; л. *ужмеш(ке)*, г. *ужмеш(кб̆)*; л. *вескана ужмеш(ке)*, г. *вескәнә ужмеш(кб̆)*; л. *угыч (уэш, вескана) вашлиймеш(ке)*, г. *угб̆ц (вескәнә) вәшлимеш(кб̆)*; л., г. *пока*).

Многие из прощальных единиц по происхождению также являются собственно марийскими. При этом их производящие основы (у простых) и отдельные компоненты (у составных и сложных) могут относиться и к исконной, восходящей к уральскому периоду или разным периодам финно-угорской общности, и к заимствованной лексике.

Исконны следующие слова, участвующие в образовании выражений прощания: л. *каяш*, г. *кейш* 'идти' [КЭСК 1999: 115; Bereczki 2013: 42], л., г. *кодаш* 'оставаться' [Галкин 1958: 131; КЭСК 1999: 131; Bereczki 2013: 67], л., г. *ужаш* 'смотреть' [Bereczki 2013: 299–300]; собственно марийские л. *вашлияш*, г. *вәшлийш* 'встретиться, встретить' (< исконные л. *ваш*, г. *вәш* 'взаимно, друг друга' [Галкин 1958: 129; Гордеев 1983: 71, 74; Сибатрова 1988: 39] + л. *ляш*, г. *лийш* 'стать, быть' [см. выше]), л. *кызытеш*, г. *кб̆з̆йтеш* 'пока' (< наречие л. *кызыт*, г. *кб̆з̆йт* 'сейчас', представляющее собой локативную форму с суффиксом *-т* не сохранившегося исконного имени существительного [Галкин 1958: 129; 1986: 26; 1986а: 66], + показатель современного обстоятельственного падежа *-еш*), л. *угыч*, *уэш*, г. *угб̆ц* 'снова' (< исконное прилагательное л., г. *у* 'новый' [Галкин 1958: 130; 1986: 26; КЭСК 1999: 72; ОФУЯ 1974: 421; Bereczki 2013: 292] + послелог л. *гыч*, г. *гб̆ц* 'из, с', являющийся аблативной формой с суффиксом *-т* не сохранившегося именного корня [Галкин 1980: 27; 1986а: 77; см. также Сибатрова 1988: 47], также показатель обстоятельственного падежа *-эш*), л. *таче*, г. *тагачы* 'сегодня' (< местоимение *та-* уральского происхождения + *-че*, *-гачы* < л. *кече*, г. *кечб̆* 'день' [Bereczki 2013: 271]; *таче*, *та-*

гачы некоторыми языковедами отнесено к лексике, общей для марийского и мордовского языков [Казанцев 1985: 41; Галкин 1986: 33]), г. *иргод* 'завтра, завтрашний день' (< *ир* тюркского происхождения [см. выше] + не сохранившееся исконное имя существительное с временным значением *год* [Галкин 1958: 129; 1986а: 78]), л. *вескана*, г. *вескәнә* 'в другой (следующий) раз' (< л., г. *вес* 'другой, следующий' – ср. чув. *веш* 'вон, вон там' [Галкин 1986а: 40] + послелог л. *гана*, г. *гәнә* 'раз' – ср. чув. *кана* 'некоторое количество; раз' [Федотов 1990: 188; 1996 I: 222; Гордеев 1983: 225–226]; относительно *гана* имеются и иные мнения: локативная форма имени [Галкин 1986а: 77], слово неизвестной этимологии, однако не относящееся к исконной лексике марийского языка [Берецки 2002: 148]), послелог л. *марте* (*марке*) и г. *якте*, л. *йотке* 'до' (< лативные формы имен существительных с суффиксом *-ке* [Галкин 1964: 47; 1986а: 77]; по мнению Г. Берецки, происхождение *якте*, *йотке* остается неизвестным [Берецки 2002: 147–148]). Компонент л. *эрла* 'завтра, завтрашний день', скорее всего, является чувашским заимствованием – чув. *ирлӗ*, ср. *ирлӗ-кашӗ* 'утром и вечером' (ЧРС, 116).

К тюркскому источнику восходит прощание л. *чеверын*, г. *цевер(ӓн)* – чув. *чиперрӓн* 'как следует; по хорошему, по добромu' [Федотов 1990: 118, 275; 1996 II: 420]; в марийском языкознании *чеверын* квалифицируется как междометие вторичного образования, которое произошло из соответствующего наречия [СМЯМ 1961: 316; Учаев 1985: 177–178; Саваткова 2002: 284–285; Мустаев 2008: 116; 2013: 332].

Две единицы заимствованы из русского языка: л., г. *пока* 'пока' < рус. *пока* [Саваткова 1969: 110; Мустаев 2008: 116]; л., г. *до свидани* 'до свидания' < рус. *до свидания*. По результатам исследований В. Г. Гавриловой, междометие *пока* относится к ряду наиболее употребительных «в составе смешанных марийско-русских предложений», *до свидани* также встречается «в марийско-русских билингвальных предложениях» [Гаврилова 2014: 86]. Нужно заметить, оба заимствования используются в неофициальной сфере общения. Этикетное междометие про-

щания *пока* выступает также в эрзянском языке [Учеваткин 2013: 121].

В языке существует немало выражений для передачи добрых **пожеланий при прощании и расставании** (более 10 единиц). Большею частью они развились в результате переосмысления кратких предложений, состоящих из существительного-субъекта л. *корно*, г. *корны* 'дорога, путь' и соответствующих прилагательных-предикатов, из ряда предикативных (императивных) форм глаголов движения и обстоятельственных наречий л. *сай(ын)*, г. *яжон* 'хорошо':

л. *корнет пиалан (поро, кўчык, куштылго) лийже*, г. *корнет цайшан (пурь, кйтйк, куштылгы) лижй* 'счастливого (доброего, короткого, легкого) тебе пути'; л. *корныда пиалан (поро, кўчык, куштылго) лийже*, г. *корныда цайшан (пурь, кйтйк, куштылгы) лижй* 'счастливого (доброего, короткого, легкого) вам пути';

л. *корнан лий* 'счастливого пути тебе (букв. будь с дорогой)', *корнан лийза* 'счастливого пути вам (букв. будьте с дорогой)';

л. *сай(ын) кай* 'счастливого пути тебе (букв. иди хорошо)', *сай(ын) кайыза* 'счастливого пути вам (букв. идите хорошо)' (примеры из горного наречия не зафиксированы);

л. *сай(ын) кошт* 'счастливого пути тебе (букв. ходи хорошо)', *сай(ын) коштса* 'счастливого пути вам (букв. ходите хорошо)' (примеры из горного наречия не зафиксированы);

л. *сай(ын) коштын тол (савырне)*, г. *яжон каштын тол* 'счастливого пути тебе (букв. сходи хорошо)'; л. *сай(ын) коштын толза (савырныза)*, г. *яжон каштын толда* 'счастливого пути вам (букв. сходите хорошо)';

л. *сай(ын) миен шу*, г. *яжон миэн шо* 'счастливого пути тебе (букв. доберись хорошо)'; л. *сай(ын) миен шуза*, г. *яжон миэн шода* 'счастливого пути вам (букв. доберитесь хорошо)';

л. *сай(ын) код* 'счастливо оставаться тебе (букв. оставайся хорошо)', *сай(ын) кодса* 'счастливо оставаться вам (букв. оставайтесь хорошо)' (примеры из горного наречия не зафиксированы);

л. *юмо дене пырля (кошт)* '(сходи или съезди) с богом', *юмо дене пырля (коштса)* '(сходите или съездите) с богом' (примеры из горного наречия не зафиксированы).

Из списка видно, что при расставании люди желают друг другу счастливого, доброго пути, удачно добраться до места назначения и возвратиться обратно, божьей помощи в пути, а также благополучия тому человеку, кто остается.

Обращает внимание то, что формулы пожеланий при прощании в некоторой степени отличаются своей структурой. Они все являются составными, таким образом, появившимися в языке как собственные единицы. Понятно, их компоненты могут быть, как и в предыдущих случаях, и исконными, и иноязычными.

К исконным, сохранившимся с уральского периода или разных периодов финно-угорской общности, относятся: л. *корно*, г. *корны* 'дорога, путь' [Галкин 1958: 129; 1986: 26, 30; Bereczki 2013: 76], л. *поро*, г. *пуры* 'добрый' [см. выше], л. *лияш*, г. *лийш* 'стать, быть' [см. выше], л. *каяш* 'идти' [КЭСК 1999: 115; Bereczki 2013: 42], л., г. *толаш* 'приходить' [Галкин 1958: 132; 1986: 25, 31; Bereczki 2013: 278], л. *мияш*, г. *мийш* 'приходить, сходить, съездить' [Галкин 1958: 131; 1986: 25; КЭСК 1999: 178; ОФУЯ 1974: 406; Bereczki 2013: 141], л. *шуаш*, г. *шоаш* 'достигать' [КЭСК 1999: 266; Галкин 1986: 25, 28; Bereczki 2013: 250–251], л., г. *кодаш* [см. выше], л. *юмо* 'бог' [Галкин 1986: 29, 39; Bereczki 2013: 36]; собственно марийские наречия л. *сайын*, г. *яжон* 'хорошо', образованные от заимствованных из тюркских языков прилагательных *сай* 'хороший, здоровый' [см. выше] и *яжо* 'хороший' – сунд. *йосу*, *йосо* 'хороший, изящный' [Федотов 1990: 186; 1996 I: 203]) при посредстве суффикса *-н (-ын)*, послелог л. *дене 'с'* (< не сохранившееся имя *тер-* + локативный суффикс *-не* [см. Сибатрова 1988: 48; Bereczki 2013: 272–274]), прилагательные л. *пиалан*, г. *цйшйән* 'счастливым' и л., г. *корнан* 'с дорогой', образованные с помощью адъективного суффикса л. *-ан* и г. *-ән* от иноязычных существительных л. *пил* 'счастье' (< чув. *пил* 'благословение' [Галкин 1986: 53]), г. *цйш* 'счастье' (<

рус. *счастье* [Саваткова 1969: 117; Исанбаев 2014: 91]) и от исконного имени л. *корно*, г. *корны* 'дорога' [см. выше].

Тюркское происхождение имеют: л. *коштаиш*, г. *каштаиш* 'ходить' – чув. *кас* 'изъездить, исходить' (ЧРС, 149; Федотов 1996 I, 234); л. *савырнаиш*, г. *сърнаиш* 'вертеться, крутиться' – чув. *çavrân-* 'кружиться, вращаться; оборачиваться' [Федотов 1990: 186; 1996 II: 80]; л. *кўчык*, г. *кытык* 'короткий' – чув. *кётёк* 'короткий' [Федотов 1990: 195; 1996 I: 289]; л. *пырля* 'вместе с' – чув. *пёрле* 'вместе, совместно' [Федотов 1990: 211; 1996 I: 421].

Этимология прилагательного л. *куштылго*, г. *куштылгы* 'легкий' неизвестна.

Русские заимствования в данной группе не представлены (за исключением производящей основы г. *цäш* 'счастье' [см. выше]).

Этикетные формулы **благодарности** являются средством выражения чувства признательности говорящего за чьи-либо добрые действия, поступки, слова, за оказанное внимание или услугу. Их ряд в марийском языке сравнительно немногочисленный (8 единиц):

л., в. *тау (лийже)*, г. *тау (лижбѣ)* 'спасибо';

л. *тауштем*, *таум ыштем*, г. *таум ёштем* 'благодарю'; л. *тауштена*, *таум ыштена*, г. *таум ёштенä* 'благодарим';

л. *пасибо*, *пасибе*, *спасибо*, г. *спасибо*, *(ы)спайсивѣ* 'спасибо';

л. *пасибе-тау*, г. *спасибо-тау* 'спасибо'; л. *тау-пасибе*, г. *тау-спасибо* 'спасибо' (на письме оформляются также через запятую);

в. *ракмат*, *тау-ракмат* 'спасибо'.

Глагольные выражения л., в. *тау лийже*, г. *тау лижбѣ*, л. *тауштем*, *таум ыштем*, *тауштена*, *таум ыштена*, г. *таум ёштем*, *таум ёштенä* сложились в самом марийском языке. При этом глаголы л. *лияш*, г. *лиäш* 'стать, быть' [см. выше] и л. *ышташ*, г. *ёштäш* 'делать' имеют исконное происхождение [КЭСК 1999: 333; Галкин 1986: 28; Bereczki 2013: 18].

Две единицы представляют собой заимствования из тюркских языков: *тау* 'спасибо' – тат. диал. *тау иту* 'благодарить',

чув. *тав*, сунд. *тау* 'спасибо; благодарность' [Федотов 1990: 240; 1996 II: 161; Исанбаев 1994: 145]; *ракмат* 'спасибо' – тат. *рэхмәт* 'спасибо; благодарность' [Федотов 1990: 218; 1996 I: 469; Исанбаев 1994: 124].

Одна единица – л. *пасибо*, *пасибе*, *спасибо*, г. *спасибо*, (ы)*спайсивви* 'спасибо' вошла из русского языка (< рус. *спасибо*) [Саваткова 1969: 116; Мустаев 1990: 68; 2008: 114; Гаврилова 2014: 86]. *Пасиво*, *пасиве* 'спасибо' зафиксирована в марийских письменных источниках второй половины XIX и начала XX вв. [см. Исанбаев 2014: 65]. Подобные заимствования имеются также в удмуртском (*спасибо*) и эрзянском (*пасибя*) языках [см. Широбокова 2015: 566; Учеваткин 2013: 122, 123].

В результате дублирования развились сложные слова благодарности: *пасибе-тау*, *тау-пасибе*, состоящие из русского и тюркского заимствований и наоборот, а также *тау-ракмат*, которое сложилось из двух тюркских заимствований.

Как видно, этикетные формулы благодарности сформировались в целом за счет или при участии заимствований – тюркских и русских.

Важное место в отношениях между людьми занимают добрые **пожелания**, используемые в разных жизненных ситуациях. Одни из них имеют довольно широкое употребление, являются как бы универсальными, к другим люди обращаются в какой-либо конкретной обстановке. Последние адресуются, например, тому (тем), кто ложится спать, работает или начинает какое-либо дело, ест или начинает есть, беседует, стирает, помылся (попарился) в бане и т. д. Ряд таких пожеланий составляют выражения (более 20 единиц):

л. *таза лий*, г. *шу ли*, *шулыккан ли*, *здорова ли* 'будь здоров'; л. *таза лийза*, г. *шу лидä*, *шулыккан лидä*, *здорова лидä* 'будьте здоровы'. В восточном наречии употребляются: *эсен лий*, *таза-эсен лий* 'будь здоров', *эсен лийза*, *таза-эсен лийза* 'будьте здоровы';

л. *пиалан лий*, г. *цäшäн ли* 'будь счастлив'; л. *пиалан лийза*, г. *цäшäн лидä* 'будьте счастливы';

л. *юмо полшыжо*, г. *йымы палшыжы* 'бог в (на) помощь';

л. *юмо дене пырля* 'с богом';

л. *пашат ушныжо*, в., л. *пашат умыжо*, г. *пайшэйт ашныжы* 'успеха тебе в работе, бог в (на) помощь (букв. пусть у тебя работа спорится)'; л. *пашада ушныжо*, в., л. *пашада умыжо*, г. *пайшадэ ашныжы* 'успеха вам в работе, бог в (на) помощь (букв. пусть у вас работа спорится)';

л. *кидет куштылго лийже*, г. *кидет куштылгы лижби* 'успеха, удачи (букв. пусть твоя рука будет легкой)'; л. *кидда куштылго лийже*, г. *кидда куштылгы лижби* 'успеха, удачи (букв. пусть ваша рука будет легкой)';

л. *перкан лийже*, г. *перкейн лижби* 'приятного аппетита (букв. пусть будет спорым)';

л. *аш лийже* 'приятного аппетита (букв. пусть будет на пользу)';

л. *канашда ушныжо*, г. *шайда ашныжы* 'пусть у вас разговор спорится';

л. *могырет каныже* 'с легким паром (тебя)', *могырда каныже* 'с легким паром (вас)';

л. *сай(ын) мале* 'спокойной ночи тебе', *сай(ын) малыза* 'спокойной ночи вам';

л. *(шешет) эрныже*, *(шешет) ошемже* 'бело мыть (стирать) тебе; да очистится твое грязное (букв. черное)', *(шешыда) эрныже*, *(шешыда) ошемже* 'бело мыть (стирать) вам; да очистится ваше грязное (букв. черное)';

л. *кийыме верет пушкыдо* (*мамык, мамык гай*) *лийже*, г. *кимби вйрет пышкыды* (*мамык, мамык гань*) *лижби* 'пусть земля будет пухом; букв. пусть место, где лежишь, будет мягким (пухом, как пух)' (пожелание умершему).

Вышеперечисленные формулы заключают в себе пожелания здоровья, счастья, божьей помощи в чем-либо, успехов в какой-либо деятельности, удачного начала дела, добрые пожелания во время принятия пищи, разговора, стирки и т. д. По структуре они все, как и пожелания при расставании, являются составными, развились в самом марийском языке. А их отдельные компоненты также имеют разное происхождение.

К исконным относятся слова: л. *лияш*, г. *лӣш* 'стать, быть' [см. выше], л. *юмо*, г. *йымы* 'бог' [см. выше], л., г. *кид* 'рука' [Галкин 1958: 124; 1986: 26; КЭСК 1999: 123; ОФУЯ 1974: 412; Bereczki 2013: 65], л. *могыр* 'тело' [КЭСК 1999: 180; Галкин 1986: 26, 28; Bereczki 2013: 143–144] (рассматривается также как балтизм волжско-пермского периода [Гордеев 1985: 116; Галкин 1986: 44]), л. *кияш*, г. *кӣш* 'лежать' [КЭСК 1999: 144; Галкин 1986: 27; Bereczki 2013: 62–63], л. *вер*, г. *в̄р* 'место' [Галкин 1986: 26; Сибатрова 1988: 41; Bereczki 2013: 310], л. *шеме* 'черный, грязный' [Галкин 1958: 130; 1986: 28], л. *пушкыдо*, г. *пышкыды* 'мягкий' [КЭСК 1999: 234; Галкин 1986: 35], л. *гай*, г. *гань* 'подобно; как, словно' [см. выше]; собственно марийские суффиксальные образования л. *ошемаш* 'белеть' (< *ош(о)* 'белый' исконного происхождения [Галкин 1958: 130; 1986: 33; Bereczki 2013: 178] + отыменный суффикс *-ем*), л. *малаш* 'спать' (< л. *омо* 'сон' исконного происхождения [Галкин 1958: 130; 1966: 124; 1986: 26; КЭСК 1999: 297; Bereczki 2013: 172] + суффикс *-ал* [Галкин 1966: 124]), л. *пиалан* и г. *ц̄йш̄ан* 'счастливый' [см. выше], л. *перкан*, г. *перке̄ан* 'спорый, сытный' (< л., г. *перке* 'спорость, изобилие' – сунд. *перкке* 'спорость; изобилие; богатство' [Федотов 1990: 210; 1996 I: 414] + адъективный суффикс л. *-ан*, г. *-ән*), г. *шулыкан* 'здоровый' (< *шулык* 'здоровье' – чув. *сывлӓх*, сунд. *сулӓх* 'здоровье' [Федотов 1990: 228; 1996 II: 74] + адъективный суффикс *-ан*), л. *сайын* 'хорошо' [см. выше], г. *ашнаш* 'спориться (о работе)' (< *аш* 'успех' [см. ниже] + отыменный глагольный суффикс *-н* [о суффиксе см. Галкин 1966: 76]), л. *эрнаш* 'становиться чистым; смываться' (< л. *эре* 'чистый' – чув. *ыра̄* 'хороший, добрый' [Федотов 1990: 282; 1996 II: 474; Галкин 1986: 55] + отыменный глагольный суффикс *-н* [см. выше]).

К тюркским источникам восходят компоненты: *таза* 'здоровый' – тат. *таза* 'здоровый', чув. *таса* 'чистый; здоровый' [Федотов 1990: 243; 1996: 180; Исанбаев 1994: 141]; в. *эсен* 'здоровый, хороший' [см. выше]; г. *шу* 'здоровье' – сунд. *су* 'здоровый' [Федотов 1990: 225]; л. *аш* 'сытный, полезный; успех' – ср. тат. *аш булсын* 'приятного аппетита' [Гордеев 1979: 175; Исанбаев

1994: 118]; л. *канаш* 'совет, совещание' – чув. *канаиш* 'совет' [Федотов 1990: 188; 1996 I: 223; Галкин 1986: 48]; г. *шая* 'речь, разговор' – чув. *суя/соя* 'ложь' [Федотов 1990: 228; 1996 II: 54]; л. *полишаш*, г. *палишаш* 'помогать' – чув. *пулӑш/полӑш* 'помогать', тат. *булышу* 'тж' [Федотов 1990: 214; 1996 I: 443; Галкин 1986: 53]; в. *умаиш* 'спориться (о работе)' – тат. *уну* 'иметь успех, удаваться' [Исанбаев 1994: 167]; *канаиш* 'отдыхать' – чув. *кан* 'отдыхать' [Федотов 1990: 188; 1996 I: 222]; л. *уинаиш* 'спориться (о работе)' – чув. *хушӑн/хошӑн* 'прибавляться, прибывать' [Федотов 1990: 270; 1996 II: 375], л. *пырля* [см. выше]. Существительное л. *паша*, г. *пӑшӑ* 'работа' относят к сарматизмам [Галкин 1986: 42].

Пожелание здоровья (собственно марийское) в разных жизненных и речевых ситуациях г. *здорова ли* 'будь здоров' образовано с участием русского заимствования г. *здорова* 'здоровый' [Саваткова 1969: 97; Исанбаев 2014: 39].

Этикетные формулы **просьбы** используются при обращении к кому-либо о помощи, оказании услуги, содействии в чем-либо, позволении делать что-либо и т. д. Они одновременно предназначены в какой-то степени смягчить такое обращение, расположить адресата к исполнению желания просящего. В качестве слов и выражений этикета, обозначающих просьбу, употребляются (5 единиц):

л. *поро лий*, г. *пуры ли* 'будь добр'; л. *поро лийза*, г. *пуры лидӑ* 'будьте добры';

л. *юмо гай (поро) лий*, г. *йымы гань (пуры) ли* 'будь добр; (букв. будь (добр) как бог)'; л. *юмо гай (поро) лийза*, г. *йымы гань (пуры) лидӑ* 'будьте добры; букв. будьте (добры) как бог' (при усиленной просьбе);

л. *юмо да тый лий*, г. *йымы дӑ тӑинь ли* 'ради бога, пожалуйста (букв. будь бог и ты)' (при усиленной просьбе);

л., г. *пожалуйста* (разг.: л. *пожалысте*, *пожалыста*, г. *пожалысты*) 'пожалуйста'.

Как видно из списка и рассмотрения происхождения отдельных единиц в вышеприведенных группах, составные средства просьбы являются собственно марийскими. Причем, что особен-

но интересно, почти все их компоненты относятся к исконным: л. *поро*, г. *пуры* 'добрый' [см. выше], л. *юмо*, г. *йымы* 'бог' [см. выше], л. *ляш*, г. *ляйш* 'стать, быть' [см. выше], л. *гай*, г. *гань* 'подобно; как, словно' [см. выше], л. *тый*, г. *тынь* 'ты' [Галкин 1964: 83–86; 1986: 37; КЭСК 1999: 293; ОФУЯ 1974: 399; Vereszki 2013: 274]. Исключение составляет союз русского происхождения л. *да*, г. *дä* 'да, и' [Галкин 1964: 177; 1986а: 79; Саваткова 1969: 70; Майтинская 1982: 103; Мустаев 2013: 363; Исанбаев 2014: 36].

Одна единица – *пожалуйста* 'пожалуйста' вошла из русского языка [Саваткова 1969: 109; Мустаев 1990: 68; 2008: 115; Исанбаев 2014: 68]. *Пожалыста* и *позалыста* 'пожалуйста' были зафиксированы в марийском письменном источнике второй половины XIX в. [см. Исанбаев 2014: 68]. Междометие русского происхождения *пожалуйста* имеет место и в удмуртском языке [см. Широкова 2015: 566].

Этикетные средства **извинения** представляют собой обращение к кому-либо о прощении и снисхождении к вине, проступку, какому-либо действию. Для выражения просьбы о прощении используются следующие выражения и слова (7 единиц):

л. *нелеш ит нал* 'не обижайся, прости, извини (букв. не бери в тяжесть)', *нелеш ида нал* 'не обижайтесь, простите, извините (букв. не берите в тяжесть)';

л. *вуеш ит нал* 'не обижайся, прости, извини (букв. не бери в голову)', *вуеш ида нал* 'не обижайтесь, простите, извините (букв. не берите в голову)';

л. *ит öпкеле*, г. *ит öпкälы* 'не обижайся'; л. *ида öпкеле*, г. *идä öпкälы* 'не обижайтесь';

л. *ит шыдешке*, г. *ит шы́дешкë* 'не сердись, не обижайся'; л. *ида шыдешке*, г. *идä шы́дешкë* 'не сердитесь, не обижайтесь';

л. *ит сыре* 'не сердись, не обижайся', *ида сыре* 'не сердитесь, не обижайтесь';

л. *проститле*, г. *простыы* 'прости, извини'; л. *проститлыза*, г. *простыыда* 'простите, извините';

л. *извинитле* 'извини, прости', *извинитлыза* 'извините, простите'.

Обращает внимание грамматическая специфика данных выражений – отрицательное оформление императивных глаголов в средствах нерусского происхождения и утвердительное – в средствах, заимствованных из русского языка.

Исконными являются компоненты: л. *неле* 'тяжелый' [Bereczki 2013: 157], л. *вуй* 'голова' [Гордеев 1983: 155; Галкин 1986: 24; Bereczki 2013: 319], л. *налаш* 'брат' [Галкин 1986: 33], глагольные отрицания л., г. *ит* 'ты не', л. *ида*, г. *идä* 'вы не' [Галкин 1964: 153–154; Галкин 1986: 25; Bereczki 2002: 247]; собственно марийский глагол *шыдешкаш* (< *шыде* 'зло, гнев' исконного происхождения [КЭСК 1999: 105] + суффикс *-ешк* [см. Галкин 1966: 78]).

К тюркскому источнику восходит л. *öпкелаш*, г. *öpkäläsh* 'обижаться' – тат. *үпкәләү* 'обижаться', чув. *үпкеле*, сунд. *öпкеле* 'упрекать, укорять' [Федотов 1990: 259; 1996 II: 300; Галкин 1986: 53; Исанбаев 1994: 112].

Происхождение глагола л. *сыраш* 'сердиться' неясно.

Из русского языка заимствованы глаголы л. *проститлаш*, г. *простяш* 'простить' [Саваткова 1969: 112; Мустаев 1990: 68; 2008: 115; Исанбаев 2014: 73]; л. *извинитлаш* 'извинить' [Мустаев 1990: 68; 2008: 115]. Глагол л. *проститлаш*, г. *простяш* был зафиксирован в письменных источниках второй половины XIX и начала XX вв. [см. Исанбаев 2014: 73]. В. Г. Гавриловой отмечено также употребление «в марийско-русских билингвальных предложениях» «неадаптированного вкрапления» *извини* [Гаврилова 2014: 86]. В удмуртском языке используются просьба о прощении *простить каре* 'простите' и слово извинения *извиняюсь* [см. Широбокова 2015: 567], в эрзянском – *простямизь* 'простите', *простямак* 'прости меня' [см. Учеваткин 2013: 121, 130].

Таким образом, в марийском языке сложилась более или менее устойчивая система словесных формул речевого этикета (в использованных источниках их выявлено более 100 единиц). Она довольно обширна, включает в себя группы единиц прежде всего для выражения приветствия, прощания и пожеланий при прощании, благодарности, пожеланий в разных речевых ситуа-

циях, просьбы, извинения. В каждой из групп представлено разное количество (от 5 до 40) традиционных этикетных выражений и слов. Они неоднородны по происхождению. Наиболее многочисленны собственно марийские составные выражения, образованные с участием генетически разнородных (исконных и заимствованных) компонентов. Ряд этикетных единиц вошли из тюркских языков: приветствие л. *салам*, г. *шӱлӱ* 'привет; здравствуй, здравствуйте', (возможно) прощание л. *чеверын*, г. *цевер(бӱн)* 'до свидания, прощай, счастливо', благодарственные слова л., в., г. *тау* 'спасибо' и в. *ракмат* 'спасибо'. К русским источникам восходят 9 единиц: три приветственных слова (г., л. *здравствуй* 'здравствуй', *здравствуйте* 'здравствуйте', *зрасте* 'здравствуй, здравствуйте'; л. *здорово*, г. *здорово*, *здоровы* 'здорово; здравствуй, здравствуйте'; л., г. *привет* 'привет'), два прощальных слова (л., г. *пока* 'пока', л., г. *до свидани* 'до свидания'), одно слово благодарности (л. *пасибо*, *пасибе*, *спасибо*, г. *спасибо*, *(ы)спайсивӱ* 'спасибо'), одно слово просьбы (л., г. *пожалуйста* 'пожалуйста'); два средства извинения (л. *проститлаш*, г. *простяш* 'простить', л. *извинитлаш* 'извинить') развились под непосредственным влиянием русского языка из русских заимствований. Как видно, по структуре они почти все, в отличие от собственно марийских выражений, являются простыми (за исключением *до свидани*, которая, очевидно, также воспринималась и воспринимается носителями марийского языка как простая единица). Некоторые такие заимствования (*здырастьи* и *здорова ли*, *пасиво* и *пасиве*, *пожалыста* и *позалыста*, *проститлаш* и *простяш*) были зафиксированы в марийских письменных источниках уже второй половины XIX и начала XX вв. Кроме того, одно русское заимствование выступает в составе сложного слова благодарности (*пасибе-тау*, *тау-пасибе* 'спасибо'), одно – в составном пожелании (г. *здорова ли* 'будь здоров'), один из компонентов пожеланий образован от основы русского заимствования (г. *цӱшӱн* 'счастливый' < *цӱш* 'счастье' < рус. *счастье*), в одном из выражений просьбы присутствует союз русского происхождения л. *да*, г. *дӱ* 'да, и' (л. *юмо*

да тый лий, г. йымы да тбынь ли 'ради бога, пожалуйста'). Все русские заимствования употребляются главным образом в неофициальной сфере общения, разговорной речи.

Список условных сокращений

букв. – буквально; *в.* – восточное наречие марийского языка; *г.* – горное наречие марийского языка; *диал.* – диалектный; *л.* – луговое наречие марийского языка; *мар.* – марийский язык; *разг.* – разговорный; *рус.* – русский язык; *сунд.* – сундырский говор чувашского языка; *тат.* – татарский язык; *чув.* – чувашский язык.

Список источников

Вершинин В. И. Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. – Йошкар-Ола: Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и ист. им. В.М. Васильева, 2011. – 794 с.

Саваткова А. А. Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 235 с.

Словарь марийского языка. В 10 т. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во [и др.], 1990. – 2005.

ЧРС = Чувашико-русский словарь. 2-е изд., стер. / Науч.-исслед. ин-т яз., лит., ист. и экон. при Сов. Мин. Чув. АССР. – М.: Рус. яз., 1985. – 712 с.

Список использованной литературы

Васильев В. Н. Русско-марийский разговорник. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 96 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.–Л.: Учпедгиз, 1947. – 784 с.

Гаврилова В. Г. Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов: монография / Мар. гос. ун-т; В. Г. Гаврилова – Йошкар-Ола, 2014. – 212 с.

Галкин И. С. Из истории общешинноугорской лексики в марийском языке // Труды: Литература и язык / Мар. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и ист. при Сов. Мин. Мар. АССР. – Йошкар-Ола, 1958. – Вып. XII. – С. 121–136.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Ч. I. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 203 с.

Галкин И. С. Историческая грамматика марийского языка: Морфология. Ч. II. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. – 168 с.

Галкин И. С. Об относительной хронологии в развитии местных падежей // Труды: Вопросы марийского языка. Вопросы грамматики и лексикологии / Мар. науч.-исслед. ин-т при Сов. Мин. Мар. АССР. – Вып. 43. – Йошкар-Ола, 1980. – С. 22–29.

Галкин И. С. Марий исторический лексикологий: Тунемме книга / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 1986. – 70 с.

Галкин И. С. Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис: Тунемме книга / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 1986а. – 122 с.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. I: А–Б. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. – 255 с.

Гордеев Ф. И. Этимологический словарь марийского языка. Т. II: В–Д. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. – 287 с.

Гордеев Ф. И. Историческое развитие лексики марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 144 с.

ГРЯ – Грамматика русского языка. Т. I. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 720 с.

Игнаева Р. П. Русско-марийский разговорник. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1999. – 136 с.

Исанбаев Н. И. Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. II: Словарь татарских и башкирских заимствований / Науч. центр финно-угроведения. – Йошкар-Ола, 1994. – 208 с.

Исанбаев Н. И. Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник / Мар. гос. ун-т; Н. И. Исанбаев. – Йошкар-Ола, 2014. – 97 с.

Казанцев Д. Е. Формирование диалектов марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 159 с.

Коведяева Е. И. Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1976. – С. 3–96.

КРГ 1989 – Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.; под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. – М.: Рус. яз., 1989. – 639 с.

КЭСК 1999 – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка / под ред. В. И. Лыткина. Переизд. с доп. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 431 с.

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.

Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1964. – 110 с.

Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1982. – 185 с.

Мустаев Е. Н. Йылме молан вашталтеш? – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. – 107 с.

Мустаев Е. Н. Мо тугай йылме этикет? // Ончыко. – 2008. N 5. – С. 111–117.

Мустаев Е. Н. Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: Учебное пособие / Мар. гос. ун-т; Е. Н. Мустаев. – Йошкар-Ола, 2013. – 396 с.

ОФУЯ 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / АН СССР. Ин-т языкозн. – М.: Наука, 1974. – 484 с.

Саваткова А. А. Русские заимствования в марийском языке. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. – 130 с.

Саваткова А. А. Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca seremissica*. – Savariae, 2002. – Т. V. – 292 с.

Сибатрова С. С. Послелого в марийском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тарту, 1988.

СМЯМ 1961 – Современный марийский язык. Морфология / отв. ред. Пенгитов Н. Т. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. – 323 с.

Учаев З. В. Марий йылме: Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. – 183 с.

Учеваткин А. А. Функционально-семантическая характеристика междометий в эрзянском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2013.

Федотов М. Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. – 336 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Т I: А – Ритаван. – Чебоксары: Чув. гос. ин-т гуманитарных наук, 1996. – 470 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Т II: Сав- – Яштака. – Чебоксары: Чув. гос. ин-т гуманитарных наук, 1996. – 510 с.

Широбокова С. Н. Слова этикета как одна из групп междометий (на материале удмуртского языка) // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков: Сб. ст. – Ижевск–Будапешт: Изд-во «Удмуртский университет», 2015. – С. 562–569.

Bereczki G. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2013. – 332 s.

Bereczki G. A cseremisz nyelv történeti alaklana. – Debrecen, 2002. – 290 l.

УДК 811.511.151

Соколова Марина Валерьевна

Марийский государственный университет

Россия, г. Йошкар-Ола

**ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ГЕНДЕРА В ТЕКСТАХ
МАРИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ¹⁴**

**PECULIARITIES OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF
GENDER IN THE TEXTS OF THE MARI LITERATURE**

Аннотация. В представленной статье рассматриваются гендерные особенности речевого поведения мужчин и женщин как носителей марийской лингвокультуры на материале анализа некоторых текстов художественной литературы XX–XXI веков. В работе выявляются вербальные способы актуализации гендерных образов в рассматриваемой этнокультурной общности; гендерные стереотипы, которыми руководствуются носители марийского языка; семантические характеристики используемых языковых средств в вербализации культурно значимых понятий.

Ключевые слова: гендер, лингвокультура, речевое поведение, стереотип, образ.

Abstract. The paper considers gender peculiarities of communicative behaviour of men and women who are the bearers of the Mari traditional linguoculture. This work is based on the analyzed texts of the Mari fiction of the XX–XXI centuries. The article reveals some verbal means of actualization of gender images in the Mari ethno-cultural community, semantic characteristics of linguistic means of verbalization of cultural notions.

Keyword: gender, linguoculture, communicative manner, stereotype, image.

В представленной статье анализируется ряд текстов произведений марийских писателей – С. Чавайна, Ю. Соловьева – с целью выявления специфических характеристик языковой ре-

¹⁴ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00043.

презентации гендера. Отдельное внимание уделяется особенностям проявления речевого поведения мужчин и женщин как носителей марийской лингвокультуры.

Изучение гендерной специфики речевого общения представителей марийской лингвокультуры обусловлено необходимостью исследования проблем как гендерной, так и этнической самоидентификации этноса мари. Анализ выбранного эмпирического материала позволяет выделить стереотипы и устойчивые представления о мужчинах и женщинах в рамках марийской лингвокультуры.

Гендер понимается как система межличностного взаимодействия, с помощью которой создается, подтверждается и воспроизводится определенное представление о женском и мужском как базовых категориях исторического, культурного и социального порядков [Ожиганова 2005: 46]. Гендерная идентичность понимается как некое единство самосознания и поведения человека, который причисляет себя к определенному полу и ориентируется на ряд требований данной половой роли, и как соответствие личности образцу маскулинности-фемининности [Бызова 2006: 11; Ильин 2010: 587].

Речевое поведение как мужчин, так и женщин проявляется на всех уровнях языка. Отдельное внимание стоит уделить и особенностям их невербального поведения, которые нередко описываются марийскими авторами.

Контекстуальный анализ выбранных произведений позволил выделить наиболее значимые особенности речевого поведения мужчины как представителей марийской этнической общности.

Особенности речи мужчины на фонетическом уровне не отличаются от женской. К примеру, Ю. Соловьев апеллирует к долготе гласных в словах: *Да ты чо-о-о?! Ну ты даё-ошь!* (заимствования из русского языка) (Сол., 99–100).

При исследовании использованной лексики было выявлено, что мужчины чаще, чем женщины, обращаются к стилистически сниженной и бранной лексике, что чаще всего относится ситуации, когда участниками процесса коммуникации являются только мужчины. Это отражается в использовании соответствующих

стилистических средств: – *Валя, аваний, куш шылъыч?! Окак улам, шонышыч?!...'* – Валя, куда ты, сучка, делась?! Ты думала, я дурак?!'; – *Налза мӧнгеш яжардам. Йочамат ышташ шотшо ыш лий. Яжарланаш веле ситыш'* – Заберите обратно вашу вертихвостку. Даже ребенка родить ума не хватило. Только на распутство и хватило' (Там же, 100–108). Среди данных слов выделяются также слова и выражения, заимствованные из русского языка (*ёлки-палки, бл...!*).

Негативная оценочная характеристика мужчин мужчинами проявляется и в выборе целого ряда лексико-фразеологических средств и описательных словосочетаний: *шайыкшинча* 'косоглазый', *торешйол* 'неотесанный', *керемет* 'кереметь', *ия* 'черт', *пий гане улат* 'ты, как собака', *каварен кертдыме* 'окаянный', *йӱшӧ пий* 'пьяница' (букв. 'пьяный пес'), *вожылдымо* 'бесстыжий', *сотана* 'сатана', *ситмыж* 'ублюдок', *янлык Чужган Макакар* 'зверский Чужган Макаар', *шинчаончалтышыже чылт пирын гай* 'взгляд совсем как у волка' и т. д. (Чав., 96–178).

Ссора между мужчинами, переходящая в драку, описывается экспрессивными лексемами и сравнительными оборотами: *Кок самырык рвезе шыже агытанла вашла керылте* 'Двое молодых людей вцепились, как два осенних петуха'; *...Моло рвезе-влак куржын огыт тол гын, тиде агытансар мо дене пыта ыле ала?* 'Чем бы закончилась эта петушиная война, если бы не прибежали другие парни?'; *Самырык-влак коклаште кырча-марчаже пеш вашкен чыве сарыш савырна вет* 'Ведь мелочи между молодыми быстро превращаются в куриную войну' (Сол., 102–108).

Характеристика мужчин (в особенности любящих выпить) женщинами также выражается некоторыми оценочными языковыми единицами: *ушдымо* 'безумный', *тегытшӱргӧ* 'бесстыдник', *азырен* 'дьявол', *илишынек ег вӱрым йӱшӧ* 'кровопийца' (букв. 'пьющий кровь у живого'), *ия тӱшка* 'свора чертей' (Там же, 174–175). В конкретном контексте использования данных слов и словосочетаний прослеживается пожелание мужчине публичного позора, способного обуздать пьянство.

При анализе текстов произведений учитывались и психофизиологические характеристики как мужчины, так и женщин.

Сдержанность мужчины в проявлении эмоций продемонстрирована на примере взаимоотношений героев рассказа Ю. Соловьева, Микала с его женой Мариной, с которой они очень дружно живут уже много лет.

Стремление мужчины не проявлять свои эмоции связывается с его немногословностью: *Микал кечеш иктаж лу-коло шомакым пелешта гын йӧра!* 'Ладно, еще если Микал произнесет 10–20 слов в день!' (Сол., 108).

Неразговорчивость мужа контрастирует со словоохотливостью его жены: *Марина пелашыже тыматле ўдыр гыч моткоч кожмак да мутланап йӧратыше ватышке савырныш...* «Микалын ойлышаш шомакшым ватыже виге поген нале», *манын, мыскара йӧре калыкыште содыки малдат. А илат чылт мужыр йӧксыла!* 'Марина превратилась из ласковой девушки в очень проворную и разговорчивую женщину... «Быстро забрала себе недосказанные слова мужа», – в шутку поговаривают в народе. А живут совсем как парные лебеди!' (Там же, 108).

Часто мужчина выражает свои эмоции и отношение к женщине не словами, а действиями. Он стесняется признаваться ей в любви прямо, а делает это косвенно, посредством описания поведения пары лебедей, умирающих вместе после долгой разлуки: – *Да, йӧратеныт нуно ваш-ваш... садлан... Теве... Посна илен кертын огытыл... Садлан... Ик жап гыч Йыванич Микалын тореш-кутынъ йӧкшӧ шоктыш. Мо ышталтым тыге умылтарап тӧчыш: – Мемнан семынак, чылт айдеме семынак... Илена ваш йӧратен... Посна огына керт.* '– Да, они любили друг друга... Поэтому... Вот... Не смогли прожить в разлуке... Поэтому... Через некоторое время послышался нескладный голос Йыванич Микала. Он попытался объяснить происходящее так: – Так же, как и мы, совсем как люди... Живем, любя друг друга... Не можем друг без друга' (Там же, 108).

В приведенном отрывке автор описывает трудности, которые испытывает мужчина при выражении своих чувств. Это отражается в применении троеточий, указывающих на отры-

вистость речи мужчины. Одновременно автор демонстрирует склонность мужчин к дедуктивному мышлению (от общего к частному). Соотнося лебедей с Микалом и его женой, Ю. Соловьев также описывает старание Микала объяснить причинно-следственные связи происходящего посредством лексем *садлан* ‘поэтому’.

В свою очередь подобное признание очень удивляет и трогает его жену: *Мика-ал, мом кутыштат? Тый йӱратымаш нерген ойлет? Тыгайжым тый дечет первый коламыс. Тидыжым мыламак шыч ойло?* ‘Мика-ал, о чем ты говоришь? Ты говоришь о любви? Я же впервые слышу от тебя такое. Ты случайно, не мне ли такое сказал?’. Она с облегчением благодарит его, чувствуя эмоциональное принятие (аффилиацию) своим мужем: *Нине юзо шомак-шамычым йӱкын каласышыч. Тау тылат, Микале* ‘Ты вслух произнес эти волшебные слова. Спасибо тебе, Микале’ (Там же, 110).

Примечательно, что, в частности, Ю. Соловьеву удается актуализировать в диалогах героев и некоторые особенности женской речи: Например, использование деминутивов (*Валю, Валюуш*), вербальных средств выражения эмоций – притяжательных суффиксов в обращении (*Микалем* ‘Мой Микал’, *Йываничем* ‘Мой Йыванич’) и междометий (*Эх, Микал*).

Марийские писатели актуализируют в текстах произведений как стереотипные представления о женщинах (См. также [Соколова 2014; Соколова 2015]), так и их психо-физиологические характеристики:

- склонность говорить намеками, апелляция к смекалке собеседника: – *Валентин, Валюш, а вет илышыжым угычынат илаш тӱналаш лиеш... Меже эше тыгай самырык улына да... Тиде туштым рвезе вигак умылыш. Чынак, ала ушнена? ...Кудалте, Вӱдыретым!* ‘Валентин, Валюш, а ведь можно начать жить сначала... Мы ведь еще такие молодые... Парень сразу разгадал эту загадку... – Может, и вправду сойдемся? ...Уходи от своего Федора!’ (Там же, 105–106);

- повышенная эмоциональность: *Самырык удырамаш теве сырен ойла, теве изи икшывыла капка ончык вучаш кая.*

’Молодая женщина то вспылит, то, как маленький ребенок, выходит ждать к воротам’ (Чав., 121); *Шешкын мутшо веле тугае, кумылжо пеш пушкыдо* ’У снохи лишь речь такая, а нрав у нее очень мягкий’ (Там же, 121);

- проявление скромности, застенчивости, как факторов регуляции ее морального поведения: ...*Валентиным ужсын эшеат чевергымыла чучо. Нигуш пураш ёрын, шинчаж дене тыш-туш тўкала.* ’Увидев Валентина, казалось, она еще больше покраснела. Не зная, куда деться, она водит глазами туда-сюда’ (Сол., 104). Некоторые ученые отмечают, что чувство стыда, которое сопоставимо со стеснительностью, выполняет важную роль в половой жизни человека, а также способствует укреплению гармонии в межличностных отношениях и социального порядка [Ильин 2001: 184];

- представление о невысоких умственных способностях женщин: *ўдырамаш, ўдырамаш, ўнет кужу – ушет кўчык* ’женщина, женщина, волосы у тебя длинные – ум короток’ (Там же, 121).

Специфичным для рассказа Ю. Соловьева является и частотное использование отрицательных предложений в тексте, а также предложений, в которых одно явление противопоставляется другому при помощи противительного союза *но* ‘но’: *Весыжынат чурийыштыже аракам подылмо тамга возалтынак шинчын. Но тыртыш гай йыргешке шўргыначкаже волгыдо, ик куптырат уке... Но Юмо тудым кава деке шупшылаш чылтак монден...* ’И у другого на лице следы выпивки. Но на светлом лице, круглом, как шар, нет ни одной морщинки... Но Бог забыл его прибрать к себе на небо...’ (Там же, 98). Обилие отрицательных предложений является характерным для мужской речи.

Довольно своеобразная иерархия в отношениях мужчин и женщин описана в комедии С. Чавайна «Кайык лудо» (’Дикая утка’), где подробно раскрывается культура употребления спиртных напитков (Чавайн, 89–102). Сначала пьет угощающий из-за сомнения других в качестве употребляемого напитка: *Ончыч шке йў... Кў пала могай аракам йўктет* ’Сначала сам выпей... Кто знает, какую ты водку предлагаешь’. Затем очередь

переходит к другу угощающего: *Ынде йолташетым йўктө* 'Теперь угости своего друга'. Далее очередь продвигается по социальной значимости (волостной старшина) и возрасту (старик) присутствующих на застолье. За этим следует угощение женщин, которые сомневаются в своей способности самим угощать спиртным других: *ўдырамаи енгым йўктымыжө-можо* 'откуда у женщин способность поить людей'. Стоит отметить, что в текстах произведений С. Чавайна выражается крайне негативное отношение к чрезмерному употреблению алкоголя как мужчинами, так и женщинами, что отражается в употреблении вышеперечисленных языковых средств, а также в сюжетах, где пьяницы всегда попадают в крайне неприятные и проблемные ситуации.

Результаты проведенного анализа позволили выявить некоторые гендерные стереотипы, психофизиологические особенности и отличительные характеристики поведения мужчин (сдержанность, активность, немногословность, склонность к дедуктивному мышлению) и женщин (разговорчивость, эмоциональность, стремление к аффилиации, застенчивость) в отношениях с представителями как собственного, так и противоположного пола. Выявленные примеры использования языковых средств марийского языка позволяют отметить преобладание черт интровертности характера носителей марийского языка.

Список источников

Сол. – Соловьев Ю. Йöратымашын кочо тамже // Соловьев Ю. Тумышан леведыш. повесть, ойлымаш, пьесе. – Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2012. – С. 961–113.

Чав. – С.Г. Чавайн. Возымыжо кум том дене лектеш. Том 2. Публицистика, очерк, пьеса-влак. – Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий издательство, 1980. – 376 с.

Список использованной литературы

Бызова Л. В. Влияние гендерной идентичности на социально-психологическую адаптацию женщин. Автореф. дисс... канд. психол. н. – Ярославль, 2006. – 25 с.

Ильин Е. П. Пол и гендер / Е. П. Ильин. – СПб.: Питер, 2010. – 688 с.

Ильин Е. П. Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. – СПб: Питер, 2001. – 752 с.

Ожигова Л. Н. Гендерная идентичность: поиск, достижение и самореализация личности или очень личное о гендерной психологии // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – №4. – С. 45–55.

Соколова М. В. Гендерная маркированность анималистических фразеологизмов в марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. – С. 180–183.

Соколова М. В. Особенности проявления гендерной идентичности марийской женщины (на материале повести З. Катковой) // Финно-угорский мир. – № 1. – 2015. – С. 56–61.

УДК 811.512.145

Тагирова Фарида Инсановна

Институт языка, литературы и искусства АН РТ им. Г. Ибрагимова

Акулина Людмила Владимировна

Казанский инновационный университет им. В. Г. Тимирязова
Россия, г. Казань

АССОЦИАТИВНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ КРАСНОГО ЦВЕТА В ТАТАРСКОЙ И УДМУРТСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

ASSOCIATIVE MEANINGS OF RED COLOR IN THE TATAR AND UDMURT LANGUAGE WORLD-VIEW

Аннотация. Работа посвящена анализу характерных черт индивидуального и коллективного цветовосприятия в татарской и удмуртской языковых картинах мира, выявленных в результате проведённых авторами ассоциативных экспериментов. Задача исследования – реконструкция семантики цвета в двух лингвокультурах – татарской и удмуртской. На примере слов, обозначающих красный цвет – тат. *кызыл*, удм. *горд*, выявлены наиболее частотные ассоциации с красным цветом у носителей татарского и удмуртского языков, на основе ана-

лиза которых сделаны некоторые выводы о семантических и функциональных особенностях данных единиц.

Ключевые слова: цветовосприятие, цветообозначение, лингвокультура, ассоциативное поле, ассоциации, слово-стимул, слово-реакция.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the characteristics of the individual and collective color perception in the Tatar and Udmurt linguocultures, revealed by the associative experiments conducted by the authors. The research was aimed at reconstruction of semantics of red color in Tatar and Udmurt linguocultures. Experiments with words referring to the red color (tat. kyzyl, udm. gord) revealed the most frequent associations with red color among the native speakers of Tatar and Udmurt. The analysis of the materials made it possible to come to some conclusions concerning the semantic and functional features of these units.

Keywords: color perception, color term, linguoculture, associative field, associations, stimulus word, reaction word.

«Цвет – это многогранная категория действительности, которая в каждом аспекте человеческой деятельности проявляется по-своему. ...Цвет – это, прежде всего, аксиологический феномен, выступающий оценочным маркером, который позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире. Оценочный потенциал семантики цвета раскрывается в разных сферах деятельности человека; когда функционирование цвета переносится в какую-либо из них, семантика цвета наращивает символические смыслы [Григорьева, Хамидова 2014: 71].

Феномен цветоощущения и цветовосприятия и особенности влияния цвета на человеческий организм всегда интересовали психологов и лингвистов. Целый ряд различных факторов и явлений в значительной степени влияют на восприятие цвета. В разнообразных ситуациях один и тот же цвет может воздействовать на человеческий организм совершенно по-разному. Ещё с самого детства ребёнок при помощи органов чувств не только воспринимает цвет и свойства, признаки предметов, но и благодаря языку усваивает сформировавшиеся в картине мира своего этноса пути категоризации системы значений и явлений.

Некоторые вопросы, связанные с восприятием цвета, освещаются в статьях А. И. Бондарчука: «Цвет вызывает у человека не только физиологические и эстетические реакции, но также и интеллектуальную рефлексию: пытаюсь осмыслить действие цвета, человек объективирует его, т. е. для него цвет – это носитель некоторого сообщения, подобно тому, как слово – носитель какого-либо смысла. Так возникает «язык цвета», своего рода знаковая система, к изучению которой применима методология семантики. Исходная проблема семантики цвета – происхождение его значений. Цвет может получать свои значения разнообразными путями: по аналогии с объектами и явлениями, по ассоциации с любыми ощущениями и эмоциями, по принципу отождествления с абстрактными понятиями, а также непосредственно-чувственным путём» [Бондарчук 2014:1083].

Что касается собственно лингвистики, то научное изучение феномена цвета ведётся во множестве аспектов. Наиболее ранним и наиболее разработанным направлением можно считать лексикологические исследования цветообозначений в различных языках. В последние годы ведутся интенсивные изыскания на стыке таких дисциплин и направлений, как психолингвистика, когнитология, культурология и др. В этом же ряду находятся работы, посвящённые вопросам национально-культурной специфики и ассоциативные исследования.

Восприятие цвета всегда сопровождается оценочным маркером. Оценочный потенциал цветообозначений выявляется в этнолингвистическом пространстве. Это обусловлено тем, что данная категория лексики в большей степени этноцентрична и антропоцентрична. Так, можно отметить ряд работ, освещающих данную проблематику. Так, в современной отечественной лингвистике исследование национально-культурной специфики функционирования цветообозначений в языке представителей русской и французской культур на оригинальном материале ассоциативных экспериментов представлена в диссертационной работе Е. Ю. Петровой [Петрова 2008].

В этом плане представляет интерес также статья А. В. Кудриной и Б. Г. Мещеряковой, посвященная анализу ре-

зультатов ассоциативного исследования по реконструкции семантических пространств основных цветов в трёх разноязычных культурах: англоязычной, русскоязычной и немецкоязычной [Кудрина, Мещерякова 2011].

В татарском языкознании особенности восприятия цветообозначений освещаются в частности в статье Р. М. Болгаровой и Э. А. Исламовой, где на основе ассоциативного эксперимента выявлены и интерпретированы различия в употреблении и восприятии сравнительных конструкций у русскоязычных и татаро-язычных школьников [Болгарова, Исламова 2014].

Ассоциативная цветность звукобукв башкирского и татарского языков анализируется в диссертационной работе Г. Р. Кочетовой, где автор экспериментальным путём на основе количественного анализа и качественной интерпретации создаёт цветные матрицы башкирского и татарского языков [Кочетова 2014].

В финно-угорском языкознании Еленой Рябиной впервые был использован метод полевого исследования, представляющий собой двухэтапный опрос носителей удмуртского, коми-зырянского и русского языков. В своей диссертационной работе автор выявляет основные цветообозначения удмуртского и коми-зырянского языков методом сопоставления спектральной соотносённости основных цветообозначений [Рябина 2011].

В публикации зарубежных учёных Реки Бенцесс (Reka Benczes) и Эржебет Тот-Жифра (Erzsebet Toth-Czifra) решается вопрос о статусе базового уровня цветообозначения красный в венгерском языке, анализируются значения двух терминов, обозначающих красный цвет: *piros* и *vörös* согласно различным существующим гипотезам [Benczes, Tóth-Czifra 2014].

Нам представляется интересным рассмотрение и выявление сходств и различий этнических стереотипов в языковом сознании татарского и удмуртского народов в восприятии цвета и использовании цветообозначений, отражающих традиционно сформировавшуюся систему оценок, лежащую в основе восприятия действительности представителями данных языковых сообществ.

В данной работе для подобного исследования нами был выбран красный цвет и его основные обозначения в татарском и удмуртском языках: тат. *кызыл* и удм. *горд*. Как показывают результаты анализа существующих словарей этих языков, основные лексические значения слова *красный* в обоих языках сводятся к следующим: алый, рыжий (о волосах), румяный, коричневый, бурый (о масти) и др. Относительно этимологии существуют следующие мнения: тат. *кызыл* – 'красный' гом. тк. кызыл < кызгыл, бор. гом. тк. кырглыг, «кызган, кызарган» сүзеннән гом. тк. кыз-у фигыленнән; к. чув. херле <*кыр-лыг «кызыл», хер-«кызу»... [Әхмәтьянов 2001: 133]; «удм. *горд*~ 'красный, рыжий', к. *гөрд* 'красный, рыжий, румяный'; *горд* кя. – Общеп. **горд* 'красный' < *гурд*- (ср. к. *гырд* 'кровь')» [Лыткин 1999: 80].

Для выявления особенностей ассоциативных реакций нами был проведён ассоциативный эксперимент, имеющий целью выделить сходства и различия этнических стереотипов в языковом сознании татарского и удмуртского народов, традиционно сформировавшуюся систему оценок индивидуального и коллективного цветовосприятия в татарской и удмуртской лингвокультурах на примере слов, обозначающих красный цвет.

Эксперимент проводился в городе Казань (Республика Татарстан) и в городе Ижевск и селе Алнаши (Республика Удмуртия). В эксперименте принимали участие студенты филологического и психологического факультетов Удмуртского государственного университета, студенты Казанского экономико-правового колледжа, студенты Агрызского педагогического колледжа, учащиеся школ (Алнашский район), студенты, сотрудники и преподаватели Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова. Возраст участников от 15 до 60 лет. В анкетировании приняло участие всего 200 человек. Результаты эксперимента обсуждались на заседаниях отдела лексикографии Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ.

Ассоциативный эксперимент проводился в виде письменного опроса (анкетирования). Все объяснения и задания проводились на родном языке информантов, принимавших участие

в эксперименте. После проведения инструктажа с информантами проводилось собственно анкетирование, где необходимо было отвечать на вопросы и приводить различные вербальные ассоциации.

В ходе проводимого анкетирования испытуемым предъявлялось слово-стимул, в данном случае тат. *кызыл* и удм. *горд*, с заданием ответить на него словами-реакциями, возникшими в связи с определённым цветом и его точным обозначением. Например: *кызыл* – *шатлык, махэббат, этэч, өмет, кан, түбә* и др.

Предварительный анализ полученных результатов анкетирования позволил выявить наиболее частотные ассоциации с красным цветом у представителей татарского и удмуртского языковых сообществ. По результатам ассоциативного эксперимента в ядро семантического поля включены ассоциации, которые можно объединить в следующие группы: объекты и явления живой и неживой природы, абстрактные понятия, понятия, обозначающие эмоциональное состояние, временное пространство, предметы человеческой культуры и социокультурные явления.

После проделанных несложных подсчётов, можно сделать следующие выводы: в группе полученных ассоциаций с объектами и явлениями живой и неживой природы ответы у испытуемых-татар распределились следующим образом: всего слов-реакций – 230, из них: параллелей с животными – 70, птицами – 30, предметами неживой природы – 130; у испытуемых-удмуртов – всего слов-реакций – 210, из них ассоциаций с предметами неживой природы – 160, животными – 40, птицами 10 (примеры приведены в таблице №1).

В семантическое поле «абстрактные понятия» были отнесены следующие слова-реакции: у татар – всего всего 189, из них: *махэббат* 'любовь', (45), *шатлык* 'радость' (45), *оялу* 'смущение'(32), понятия времени – 67, из них – *хэзерге* 'настоящее' (32), *киләчэк* 'будущее' (23), *үткән* 'прошлое' (12). У удмуртов – всего 226, из них: *яратон* 'любовь' (55), *шумпотон* 'радость' (49), *арт* 'страсть' (28) *вожпотон* 'гнев' (26), понятие времени –

68, из них: *ортчем* 'прошлое' (21), *али* 'настоящее' (28), *вуоно* 'будущее' (19).

В группу ассоциаций с эмоциональным состоянием включены ответы: у татар: 65, из них: *оялу* 'смущение' (16), *дулкынлану* 'волнение' (13), *гажәпләнү* 'удивление' (15), *кайгы-хәсрәт* 'печаль' (12), *яхишылык* 'доброта' (9). У удмуртов: 34, из них частотные: *мынайыны* 'уныние' (12), *сөнмәтон* 'волнение' (9), *абдралян* 'удивление' (8), *курекәтон* 'печаль' (5).

Малочисленную группу ассоциатов с красным цветом и в татарской и удмуртской культурах составляют цветообозначения с предметами человеческой культуры и социокультурными явлениями: *траур* у татар, и *диплом*, *СССР*, *бунт* у удмуртов, т. е. 1 и 3 ассоциата в данной группе соответственно.

В ходе анкетирования к цветообозначениям *кызыл* и *горд* 'красный' были получены также ассоциаты, несущие отрицательный эмоциональный заряд, например, у татар: *матәм* 'траур', *азаплану* 'страдание', *ялган* 'ложь', *кайгы-хәсрәт* 'печаль', у удмуртов: *көбертәм* 'наглый', *мынайон* 'уныние', *алышмем* 'алчный', *секыт ивор* 'плохая, тяжёлая' (новость), *уйадзән* 'ненависть' и др.

Сделанные наблюдения доказывают особую значимость красного цвета в татарской и удмуртской лингвокультурах и его роль в культурной традиции этих народов. В обоих языках цветообозначения *кызыл* и *горд* демонстрируют универсальное и национальное восприятие действительности языковым сознанием. Слова, обозначающие красный цвет в татарском и удмуртском языках, находят применение для выражения всего спектра понятий, относящихся ко всем сферам деятельности человека и общества, для обозначения свойств и качеств предметов, эмоциональных и интеллектуальных особенностей людей, для характеристики их внутреннего мира и поведения и т. п. Данные ассоциативного эксперимента показывают, что в сознании людей, говорящих на татарском и удмуртском языках, красный цвет имеет как положительные коннотации, и связан с такими понятиями, как «страсть», «радость», «любовь» и др., так и отрица-

тельные коннотации: «агрессия», «страдание», «печаль», «уныние» и др.

Итоги проведённого анализа ассоциативных полей цветообозначающей лексики на примере слова *красный* позволяют прийти к выводам, подтверждающим тезис О. А. Корнилова: «Национально-специфический компонент сознания формируется при определяющей роли совокупности факторов среды бытования этноса на раннем этапе его существования, когда под воздействием природно-климатических условий формируются типичные национальные черты, которые отражаются и закрепляются в языке, становясь социально наследуемыми. Впоследствии при изменении или исчезновении тех или иных внешних факторов национальное мышление не перестаёт ощущать их влияние, поскольку ментально-лингвальный комплекс нации уже сформирован и постоянно самоверифицируется под действием национального языка, «помнящего» действие изменившихся, исчезнувших или потерявших свою значимость факторов внешней среды обитания народа» [Корнилов 2003: 124–125].

Проведённая попытка исследования действительно подтверждает этноментальную детерминированность парадигмы цветовосприятия и употребления колоративов в различных языковых сообществах. Так, разница в результатах в отношении степени актуальности отдельных значений и отсутствие единства в количественном отношении результатов в условиях разных лингвокультур, на наш взгляд, обусловлены именно различиями в укладе, условиях жизни, культурно-исторических традициях участников эксперимента.

Список источников:

Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан, 2001. – 272 б.

Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар. – 1999. – 430 с.

Список использованной литературы:

Болгарова Р. М., Исламова Э. А. Цветообозначения в языковом сознании школьников (результаты ассоциативного эксперимента) // Филологические

науки. Вопросы теории и практики / Грамота. – Тамбов, 2014. – Вып. №10 (40). – С. 22–26.

Бондарчук А.И. Семантика цвета в аспекте межкультурных визуальных коммуникаций // Молодой учёный. – 2014. – №3. – С. 1081–1085.

Григорьева Т. В., Хамидова А. Р. Оценочно символический потенциал цветообозначений (на примере оппозиции белый–чёрный в русском языке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики / Грамота. – Тамбов, 2014. – Вып. №1 (31). Ч.2. – С. 70–72.

Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо. 2-е изд. – 2003. – 349с.

Кочетова Г. Р. Ассоциативная цветность как проявление внутренней формы вербальной модели: автореф. дис... канд. филолог. наук: 10.02.19. – Ижевск, 2014. – 23 с.

Кудрина А. В., Мещерякова Б. Г. Семантика цвета в разных культурах // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». – 2011. – №1. – Режим доступа: [http:// www.psyanima.ru](http://www.psyanima.ru)

Петрова Е. Ю. Цветообозначения в языковом сознании вторичной языковой личности (на материале русского и французского языков) автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. – Москва. – 2014. – 21 с.

Рябина Е. Основные цветообозначения в пермских языках. Дисс. ... канд. филол. наук. – Тарту. – 2011. – 262 с.

Réka Benczes, Erzsébet Tóth-Czifra. The Hungarian colour terms *piros* and *vörös*: A corpus and cognitive linguistic account // Acta Linguistica Hungarica 61 (2). – 2014. – P. 123–152.

Томилина Марина Анатольевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Россия, г. Пермь

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КОМИ-ПЕРМЯЦКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ¹⁵

STRUCTURAL AND GRAMMATICAL PROPERTIES OF THE KOMI-PERM STEADY COMPARISONS

Аннотация: Доклад посвящен основным структурно-грамматическим признакам коми-пермяцких сравнительных выражений. В работе сделана попытка классифицирования структурно-грамматических типов устойчивых сравнений, раскрывается специфика их значений. Материалом для исследования послужили коми-пермяцкие сравнения, зафиксированные в коми-пермяцко-русском словаре 1985 г. Наиболее частотными являются сравнения с послелогом *кодъ* 'как, точно, подобно'. Реже – с союзом *кыдз* 'как, каким образом'. Одиночные сравнения встречаются со словами *топ* 'точно, точь-в-точь', *бытьтö* 'будто, словно'.

Ключевые слова: сравнения, фразеология, послелого, союзы, признак, действие.

Abstract: The report focuses on the basic structural and grammatic features of Komi-Perm comparative expressions. The paper is an attempt of classification of types of structural and grammatic sustainable comparisons. The article also reveals the specifics of these comparisons. The materials for the study were the Komi-Perm comparisons recorded in the Permian-Komi-Russian dictionary in 1985. The most frequent comparisons are with postposition *кодъ* 'how, exactly, like', less often with the conjunction *кыдз* 'as, the how'. Single comparisons are found with the words *топ* 'precisely', *бытьтö* 'seemed like'.

Keywords: comparison, phraseology, postpositions, conjunctions, sign, action.

¹⁵ Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 16-14-59602 «Лексика и фразеология коми-пермяцкого языка в этнолингвистическом аспекте»

Устойчивые сравнения (УС) представляют большой интерес для многих лингвистов, большинство которых относит УС к фразеологии. Л. А. Лебедева, автор словаря устойчивых сравнений, пишет: «Сравнение представляет собой чувственно-наглядную форму отражения реального мира в сознании человека. Сравняя, т. е. выявляя черты сходства между неизвестным и известным, уподобляя абстрактное конкретному, мы познаем окружающий мир и одновременно образно его характеризуем, выражаем свое отношение к нему, даем ему оценку» [Лебедева 2011: 3]. Как специфичная образная единица языка, сравнение является показателем менталитета, мировоззрения и национальных особенностей культуры. В. В. Виноградов назвал УС особым типом русских фразеологических конструкций с союзами-частицами **как, точно, словно**, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью [Виноградов 1969: 15].

Внешняя структура сравнения двучленна, включает «левую» и «правую» части, соединенные сравнительным союзом. Полное сравнение предполагает в своем составе указание на то, **что** сравнивается (предмет), с **чем** сравнивается («образ») и на связующий признак. Образ УС обычно представлен в правой (эталонной) части, левая (исходная) часть сравнения определяет семантический класс и грамматическую отнесенность УС [Огольцев 1978: 56].

В каждом языке способы оформления устойчивых сравнений крайне разнообразны. В русском языке это и творительный падеж сравнения (*губы сердечком*), и сравнительная степень прилагательных при существительных в творительном падеже (*лицо мрачнее тучи*), и сравнения с лексическими элементами «похож», «подобный» (*специалист подобен флюсу*), и сложные прилагательные, содержащие элементы «подобный», «образный» (*дугообразные брови*), и наречия, образованные от притя-

жательных прилагательных с формантом «по-» (*по-лисьи хитер*) и т. д.

Устойчивые сравнения коми-пермяцкого языка почти не изучены. В КПЯ, учебнике для вузов, авторы включили устойчивые сравнения в состав воспроизводимых фразеологических сочетаний: «устойчивые сравнения широко используются как в разговорной, так и в литературной речи и помогают нам путем уподобления одного предмета или явления другому предмету или явлению в яркой, красочной форме представить окружающую действительность» [КПЯ, 1962: 136]. Как отмечено в учебнике, УС в коми-пермяцкой речи распространены и разнообразны, что доказывает необходимость их детального анализа. Материалом нашей статьи являются устойчивые сравнения из корпуса КПРС 1985 г. Не затрагивая содержательной стороны коми-пермяцких сравнений, особенностей их внутренней формы, в которой собственно и представлена культурная информация, мы попытаемся проанализировать структурные и грамматические особенности устойчивых сравнений. Такое описание способов выражения компаративных структур позволяет вскрыть особенности используемого в конкретном языке механизма сравнения.

В корпусе КПРС (1985 г.) всего было выявлено 96 УС. Из них самыми распространенными являются сочетания со сравнительным послелогом *кодъ* ‘словно, подобно, как’ (58), на втором месте – сравнительный послелог *моз* ‘словно, подобно, как’ (22), далее – с союзом *кыдз* ‘как’ (10). Единичны сравнения с частицей *дзык* ‘точь-в-точь’ (3), с частицей *бытьтö* ‘будто’ (2) и частицей *тон* ‘точь-в-точь’ (1).

Большинство рассматриваемых УС представлены в словаре без субъекта сравнения: *тон шогмöм кага* ‘словно новорожденный’ (слабый, малосильный), *кабан кодъ ён* ‘крепкий как кабан’ (про полного человека), *кыдз кымöм местаас* ‘словно замерзший на месте’ (как истукан), *петук моз чеччавны* ‘прыгать как петух’ (командовать, кричать). Однако незначительная часть сравнений содержит субъект: *сия йытор кодъ* ‘он словно ледышка’ (холодный), *пистик кодъ морток* ‘человечек с полевой хвощ’

(мужичок с ноготок), *сія кульём ур кодь* ‘он как ободранная белка’ (о худом человеке), *шыдӱс кодь лым* ‘снег как крупа’, *юрыс рака поз кодь* ‘голова у него, как воронье гнездо’, *баитны, кыдз виа бордӱн мавтны* ‘говорить, словно масляным пером мазать’ (быть красноречивым; петь дифирамбы, льстить кому-либо).

Во многих сравнениях обозначается свойство, дополнительно указывается признак объекта, на который нужно обратить внимание, например: *кенъжак кодь учӱт* ‘маленький как сойка’ (очень маленький), *плеть кодь вӱснит* ‘тонкий как плеть’ (худой), *бордтыв кодь кокнит* ‘лёгкий как перышко’ и т. д. Однако у ряда других сочетаний указания на конкретный признак нет – *ошмегыр кодь* ‘словно дуга’ (коренастый, крепкого телосложения), *нев пон кодь* ‘с кончик большого пальца’ (маленький), *пежгаг кодь* ‘похож на личинку’ (очень слабенький, худенький).

С точки зрения структуры нужно отдельно рассмотреть сравнения со значением признака (71) и сравнения со значением действия (26). Из устойчивых сравнений, указывающих на признак, 39 являются двухкомпонентными (объект сравнения + объектная часть): *пыксьём вӱв кодь* ‘словно упрямая лошадь’, *пырттӱм кодь* ‘словно некрещёный’ (непутевый), *дзик шальнӱй пон* ‘как шальная собака’ (нахальный, наглый распущенный; безрасудный, безудержный), *чавкан кодь инькаыс* ‘женщина криклива, как галка’. 25 УС трехкомпонентные (субъект сравнения + объект сравнения + объектная часть, либо объект сравнения + объектная часть + значимый признак): *мыр кодь крепыт* ‘крепкий, как пень’, *дзулимкай кодь басӱк* (очень красивый), *мук-мек кодь сия* ‘он ни то ни сё’, *плеть кодь вӱснит* ‘тонкий, как плеть’, *ён кыдз жерег* ‘очень полный’, *яд кодь лӱг* ‘злой, словно яд’ (очень злой, злющий). Меньше четырехкомпонентных сравнений (субъект сравнения + объект сравнения + объектная часть + значимый признак), их было выявлено 7: *зу кодь тшӱк вӱр* ‘густой лес’, *сія мыр кодь крепыт* ‘он крепкий, как кряжистое дерево’.

Сравнения, указывающие на действие, были выявлены трехкомпонентные: субъект + объектная часть + действие (2): *инькаыс бытътӱ бордсяліс* ‘женщина будто обрела крылья’ (жен-

щина воспрянула духом), *тіянӧс дзик гӧгьялӧмась* ‘вы неразлучны’, объект + объектная часть + действие (24): *кыз мыр сулалӧ* ‘стоит как пень’, *кӧч моз котрасьны* ‘бегать как заяц’, *пукалӧ лагун моз* ‘сидит как истукан’, *мӧс моз сӕйны* ‘много и неаккуратно есть, уплетать’.

Субъект сравнения может стоять как в начале, так и в конце устойчивого сравнения.

С точки зрения грамматики в составе устойчивых сравнений объектная часть может быть выражена союзами, послелогоми и частицами. Наиболее распространены УС с послелогоми.

С послелогом **кодъ** УС имеют значение признака: *пустик кодъ морток* ‘с полевой хвощ’ (мужичок с ноготок), *бордтыв кодъ кокнит* ‘лёгкий как перышко’, *сія кульӧм ур кодъ* ‘он как ободранная белка’ (о худом человеке), *шыдӧс кодъ лым* ‘снежная крупа’, *лысӧм рака кодъ* ‘как облинялая ворона’, *ошмегыр кодъ* ‘коренастый, крепкого телосложения’, *мук-мек кодъ сія* ‘он ни то ни сё’, *ӧслядь кодъ* ‘очень грузный’ и др. С послелогом **моз** сравнения имеют значение процессуальности: *чавкан моз чавзыны* ‘кричать как галка’ (ругаться, громко разговаривать), *бабыв моз лӧбзьӧ* ‘лететь как бабочка’ (о человеке с легкой походкой), *кӧдзыт ваӧн моз вывтыр косьӧвтіс* ‘словно холодной водой тело облило’ (мурашки по телу), *кӧч моз котрасьны* ‘бегать как заяц’ (быстро), *пукалӧ лагун моз* ‘сидит как истукан’, *мӧс моз сӕйны* ‘есть как корова’ (много и неаккуратно есть, уплетать, жрать) и др.

Сравнения с союзом **кыздз** по употребительности на третьем месте. Устойчивые выражения с этим союзом имеют как значение признака, так и значение действия: *кыздз елейӧн мавтӧ* ‘точно елеем мажет’ (говорит приторно ласково), *ӕн кыздз жерег* ‘толстый как жерех’ (очень полный), *кыздз кынмӧм местаас* ‘словно примёрз к месту’ (как истукан), *мортыс кыздз ӧшӧм рака* ‘как растерянная ворона’ (растерявшийся человек), *шаньга кыздз ӕн* ‘полный, как шаньга’ (очень полный), *кыздз мыр сулалӧ* ‘стоит как пень’, *кыздз местаас дорӧм* ‘точно к месту прикован’ (сидит неподвижно), *кыздз ӧмас ва босьтӧм* ‘словно в рот воды

набрал' (молчит). Место союза непостоянное: он может стоять и после объекта сравнения, и в начале выражения.

Сравнений с частицей **дзик** мало, но они разнообразны по структуре. Это и трехкомпонентные УС: *тіяноґ дзик гогья-лёмась* 'вы неразлучны', *голосыґ дзик сільканок* 'голос точно колокольчик' (звонкий голос), и двухкомпонентные: *дзик шаль-ной пон* 'будто шальная собака' (распущенный; безрассудный, безудержный).

Субъект сравнения может быть выражен и существительным, и местоимением. Объектом сравнения выступает либо весь предмет в целом, либо его особо значимое свойство.

Подводя итоги, можно сказать, что в коми-пермяцком языке устойчивые сравнения представляют значительный пласт фразеологического словаря. Сравнения выражаются чаще всего при помощи послелогов, а также союзов и частиц. Сравнения могут быть и двух-, и трех-, и четырехкомпонентными. С некоторыми объектами сравнения ассоциативные связи настолько постоянны, что возникают свернутые формы, но для выделения какого-то одного свойства к объекту может примыкать поясняющее слово. Образование сравнений является живым процессом в языке, осуществляемом его носителями под влиянием постоянно меняющегося мира, что усиливает значение более детального описания устойчивых сравнений в коми-пермяцком языке.

Список использованной литературы:

Виноградов В. В. О взаимодействии лексико-семантических уровней с грамматическими в структуре языка // Мысли о современном русском языке: сб. ст. – М.: Просвещение, 1969. – С. 5–24.

Коми-пермяцкий язык: учебник для высших учебных заведений / под ред. В. И. Лыткина. – Кудымкар: Коми-пермяцкое книжное издательство, 1985. – 340 с.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / сост. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. – М.: Русский язык, 1985. – 594 с.

Лебедева Л. А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 300 с.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: монография. – Л.: Просвещение, 1978. – 159 с.

Подчаха О. В. Семантико-грамматические особенности слова-компонента устойчивого сравнения [Текст] // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы междунар. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 42–45.

УДК 801.611

Федорова Любовь Петровна

Удмуртский государственный университет

Россия, г. Ижевск

**ЧАСТОТНЫЕ СЛОВАРИ ПОЭЗИИ ЛЮДМИЛЫ
КУТЯНОВОЙ И ТАТЬЯНЫ ЧЕРНОВОЙ:
КЛЮЧ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ИХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА**

**FREQUENCY DICTIONARIES OF POETRY BY LUDMILLA
KUTANOVA AND TATYANA CHERNOVA: THE KEY TO
THE INTERPRETATION OF THEIR ARTISTIC WORLD**

Аннотация. В статье рассматривается художественный мир Татьяны Черновой и Людмилы Кутяновой на основе частотного словаря их поэзии, впервые составленного автором статьи. Проводится сравнительный анализ наиболее употребительных слов и частей речи словаря двух поэтов, что позволяет выявить особенности образно-мотивной структуры поэтического мира и творческой эволюции удмуртских женщин-лириков. Количественный метод помогает раскрыть особенности мироощущения и характер лирической героини.

Ключевые слова: женская поэзия, удмуртская литература, частотный словарь, абсолютная частотность слова, формальный тезаурус, статистический метод.

Abstract. The article considers the artistic world of Tatyana Chernova and Ludmila Kutanova on the basis of a frequency dictionary of their poetry, compiled by the author of the paper. The article contains a comparative analysis of the most common words and parts of speech of the two poets, which allows to identify the features of imagery and motivic structure of the poetic world of the authors as well as their evolution. The quantitative

method helps to reveal the peculiarities of the outlook and attitude to the world as well as character of the lyrical heroine.

Keywords: women's poetry of the Udmurt literature, the frequency dictionary, the absolute frequency of words, formal thesaurus, quantitative method.

Художественный мир является системой, существующей по своим собственным законам. Он, как и любая система, обладает такой фундаментальной характеристикой, как целостность. Целостность системы предлагает внутреннюю обусловленность составляющих систему компонентов и всесторонний охват объекта. В художественном мире писателя в единое целое соединяются «отдельные элементы отражённой действительности», которые отбираются автором в соответствии с его замыслом, особенностями его личности, пониманием мира. В этом смысле художественный мир называют воплощением авторской идеологии, миром художественного видения.

Выделяя художественный мир как объект исследования, мы понимаем, что невозможно построить универсальную модель художественного мира, как невозможно предложить один единственно верный способ его исследования. Среди множества методик возможно использование частотного словаря, позволяющего, на наш взгляд, наиболее объективно описать и частично реконструировать художественный мир.

Любой вербальный текст состоит из слов, а зависимость частотности слова от авторского мироощущения уже давно замечена и писателями, и литературоведами. Таким образом, частотный словарь – универсальный вариант количественного анализа, с помощью которого можно работать и с прозой, и с поэзией. Работа над составлением частотных словарей впервые была начата в шестидесятые годы XX века представителями тартуско-московской школы (Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, Л. А. Аболдуева, Б. М. Гаспаров, Ю. И. Левин, Т. В. Цивьян, Д. М. Сегал, Р. Д. Тименчик, В. Н. Топоров) и продолжена В. С. Баевским, М. Л. Гаспаровым, М. И. Борецким, О. Г. Ревзиной, О. В. Шульской, И. В. Фоменко, Ю. Н. Карауловым.

Накопленный опыт позволяет использовать частотные словари для интерпретации и реконструкции художественного мира. В удмуртском литературоведении количественный метод анализа плодотворно использует Л. В. Бусыгина для разработки словаря творческого наследия Кузебая Герда и для интерпретации его поэтического корпуса. Интересные результаты исследования опубликованы в ее монографии «Временем помечен, Поэт и человек... размышления о слове и эпохе Кузебая Герда» [Бусыгина 2009: 47].

Общим компонентом языковых и литературоведческих частотных словарей является частотность слова. Сформировалось два направления при определении частотности слова. В основе первого направления лежит определение относительной частотности слова, в основе второго – определение абсолютной частотности. Относительная частотность слова – это отношение между количеством словоупотреблений в произведении и среднеязыковой частотностью этого слова, в то время как абсолютная частотность слова показывает количество словоупотреблений в произведении. Использование абсолютного или относительного количественного показателя зависит от задачи исследования. К сожалению, в удмуртской лексикологии до сегодняшнего дня не составлен частотный словарь, поэтому нет возможности исследовать относительную частотность слова в художественной системе удмуртских писателей.

В нашей работе за основы взяты принципы М. И. Борецкого [Борецкий 1949: 167–198], Ю. И. Левина [Левин 1998], М. Л. Гаспарова [Гаспаров 1995]. Основополагающим здесь является принцип: «Частое – значимо, значимое – часто», т. е. та или иная частота употребления слова в произведении является показателем значимости этого слова для поэта.

Для составления частотного словаря удмуртских поэтов в соответствии с задачами нашего исследования Яном Насибулиным была разработана программа «ASOL». В настоящее время нами составлены первые варианты словарей поэтических текстов Ашальчи Оки, Людмилы Кутяновой, Татьяны Черновой, Любови Тихоновой, Люзы Бадретдиновой. После автоматиче-

ской обработки текстов программой «ASOL» мы получаем количество слов с их убывающей частотностью и можем вычислить общее количество словоупотреблений. Ю. И. Левин справедливо заметил, что «развертывание частотного словаря можно рассматривать как своего рода «космогонию», как «сотворение мира» поэтом, как генезис его модели мира» [Левин 1966: 199]. Об этом красноречиво свидетельствует сравнение номинативной лексики (20 наиболее употребительных существительных в частотном рейтинге) произведений представителей разных эпох, к примеру удмуртских поэтов Кузубая Герда и Татьяны Черновой:

Номинативная лексика в частотном тезаурусе поэзии

Кузубая Герда [Бусыгина 2009: 47]	Татьяны Черновой
Удмурт (удмурт) – 395	Сюлэм (сердце) – 117
калык (народ) – 385	улон (жизнь) – 110
гурт (деревня) – 299	син (глаза) – 91
улон (жизнь) – 278	сюрес (дорога) – 74
шунды (солнце) – 251	ки (рука) – 63
сюлэм (сердце) – 236	дунне (вселенная) – 63
бусы (поле) – 223	тöл (ветер) – 62
сяська (цветок) – 198	шунды (солнце) – 62
корка (дом, изба) – 188	музьем (земля) – 49
тэль (лес) – 182	ныл (дочь) – 39
кыл (язык, речь) – 176	тыл (огонь) – 37
син (глаза) – 162	кужым (сила) – 35
шур (река) – 154	мылкыд (настроение) – 32
дунне (вселенная) – 153	нунал (день) – 31
сюрес (дорога) – 153	кизили (звезда) – 30
ныл (девушка) – 135	ин, инбам (небо) – 30
уж (работа) – 134	нэнэ, анай (мама) – 30
ки (рука) – 132	ар (год) – 27
пи (парень) – 132	уй (ночь) – 26
музьем (земля) – 119	ву (вода) – 26

Представленный рейтинг слов свидетельствует о своеобразии восприятия мира двух поэтов, об их ценностном отношении

к миру: для Герда самыми значимыми являются слова *удмурт* и *народ*, в целом выстраивается модель мироздания, которая держится на понятиях *удмурт* – 395, *калык* 'народ' – 385, *гурт* 'деревня' – 299, *улон* 'жизнь' – 278, *шунды* 'солнце' – 251, *сюлэм* 'сердце' – 236, т. е. на первом месте слова, связанные с гражданской позицией автора, Кузедан Герд, прежде всего, – поэт-гражданин. Для Татьяны Черновой, как ранее отмечали многие критики, характерно чувственное восприятие окружающего мира, определяющими являются созерцательность, целеустремленность и романтичность. Жизнь и вселенная для неё не мыслимы без чувств, созерцания, дороги и творения и ветра ураганного: *сюлэм* 'сердце' – 117, *улон* 'жизнь' – 110, *син* 'глаза' – 91, *сюрес* 'дорога' – 74, *ки* 'рука' – 63, *дунне* 'вселенная' – 63, *тёл* 'ветер' – 62.

Создание частотного словаря традиционно представляет собой процесс, состоящий из нескольких этапов: отбор элементов словаря, подсчёт частоты употребления каждого элемента, классификация и систематизация этих элементов. Частотный словарь, обработанный программой «Asol», визуально и содержательно выглядит следующим образом. Здесь представлен фрагмент словаря сборника Татьяны Черновой «Та шундыё дуннеямы».

НО	124	НОШ	37
НО	124	НОШ	37
МОН	107	СЮЛЭМ	32
МОН	60	СЮЛЭМЫ	11
МОНЭ	30	СЮЛЭМ	5
МЫНАМ	17	СЮЛЭММЕ	4
		СЮЛЭМЛЭН	2
СО	79	СЮЛМАМ	1
СО	68	СЮЛМАМЫ	1
СОЕ	9	СЮЛМЫ	1
СОЛЭН	2	СЮЛМЫД	1
		СЮЛЭМЕ	1
ТОН	55	СЮЛЭМЕЗ	1
ТОН	42	СЮЛЭМЛЫ	1
ТЫНАД	13	СЮЛЭМЪЁСМЕС	1

КЕ	42	СЮЛЭМЫН	1
КЕ	42	СЮЛЭМЫСЬТЫД	1
КАДЬ	40	ОЛО	30
КАДЬ	40	ОЛО	30
ДЫР	28		
ДЫР	14	ДЫРМЕ	1
ДЫРЕ	4	ДЫРЪЭСЫ	1
ДЫРЪЯ	3	ДЫРЫЗ	1
ДЫРАЗ	1	ДЫРЫН	1
ДЫРЛЭН	1	ДЫРЪЯ	1

Одним из важных элементов поэтического мира, как сказали ранее, является образы и мотивы, которые воплощаются в самостоятельных частях речи: существительное – образ, прилагательное – признак образа, глагол – мотив. Поэтому для наиболее полной интерпретации художественного мира необходимо расширить в словаре круг учитываемых слов и рассматривать не только существительные, но прилагательные и глаголы. В связи с этим при анализе словаря сначала выписываем все существительные, группируя их тематически, потом прилагательные и глаголы. Из этих слов перед ними складывается художественный мир произведения и писателя: из существительных – его предметный, вещный мир, несущий в большей степени культурологическую функцию; из прилагательных – его чувственный, эмоциональный фон, признаки, из глаголов – состояние предметов и действия, в нем происходящие. Приведем для примера частеречность сборников двух удмуртских поэтесс современниц, коллег по перу и дружбе Т. Черновой и Л. Кутяновой.

Частотный рейтинг частей речи поэтического словаря
Т. Черновой

Существ.	Глаголы	Прилаг.	Др. части речи	Общее кол-во словоупотреблений	Название сборника
1030 (45, 14%)	409 (17,9%)	176 (7,7%)	667 (29,2%)	2282	ТТК
2920 (43,58%)	1159 (17,30%)	576 (8,59%)	2044 (30,51%)	6699	ТШД
1188 (27.05%)	1294 (29,47%)	409 (9.32%)	1500 (34,16%)	4391	ТÖТ

Частотный рейтинг частей речи поэтического словаря
Л. Кутяновой

Существительные	Глаголы	Прилаг.	Др. части речи	Общее кол-во словоупотреблений	Название сборника
946 (44%)	681 (31%)	162 (7%)	374 (18%)	2163	ЧП
2093 (44%)	1278 (27%)	415 (9%)	1012 (20%)	4798	ВС
1954 (44%)	1022 (24%)	297 (7%)	851 (21%)	4124	СА

Что говорят нам цифры? Сравнение количества употреблений частеречности в лирике Татьяны Черновой и Людмилы Кутяновой свидетельствует о том, что соотношение существительных и глаголов в их поэтической системе отличается. Глаголы – т. е. мотив, действие занимает большее место в текстах Л. Кутяновой. Хотя при знакомстве с её поэзией создаётся ощущение, что её лирическая героиня более пассивна по сравнению с героиней Татьяны Черновой. Можно предположить, что глаголы, прежде всего, связаны с внутренними переживаниями, а не активными действиями героини. Количество существительных, глаголов, прилагательных в лирике Татьяны Черновой изменчиво: в последнем сборнике существительных (1188 (27.05%),

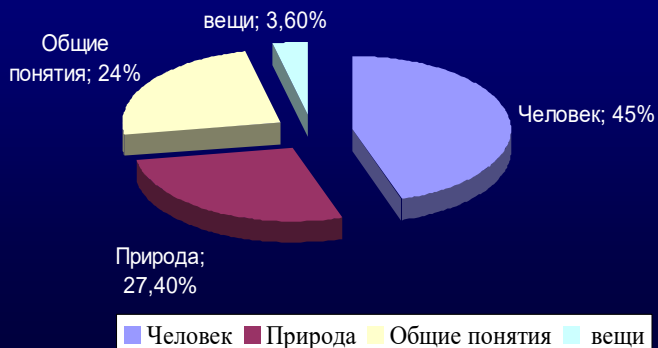
меньше, чем глаголов (1294 (29,47%)). Можно сказать, что лирическая героиня поэтессы стала более активной и динамичной, а созерцательности стало меньше. Приведём список наиболее часто встречающихся образов в сборниках Татьяны Черновой:

ТТК	ТШД	ТӨТ
<i>сюрес</i> 'дорога' – 23	<i>улон</i> 'жизнь' – 63	<i>сюлэм</i> 'сердце' – 50
<i>төл</i> 'ветер' – 19	<i>сюлэм</i> 'сердце' – 54	<i>улон</i> 'жизнь' – 32
<i>сяська</i> 'цветок' – 16	<i>син</i> 'глаза' – 48	<i>ки</i> 'рука' – 29
<i>ин, инбам</i> 'небо' – 16	<i>дунне</i> 'вселенная' – 39	<i>син</i> 'глаза' – 28
<i>улон</i> 'жизнь' – 15	<i>шунды</i> 'солнце' – 34	<i>сюрес</i> 'дорога' – 21
<i>син</i> 'глаза' – 15	<i>ки</i> 'рука' – 34	<i>тыл</i> 'огонь' – 21
<i>шунды</i> 'солнце' – 14	<i>ныл</i> 'девушка' – 30	<i>уй</i> 'ночь' – 19
<i>сюлэм</i> 'сердце' – 13	<i>сюрес</i> 'дорога' – 30	<i>кизили</i> 'звезда' – 18
<i>музьем</i> 'земля' – 13	<i>музьем</i> 'земля' – 29	<i>дыр</i> 'время' – 16
<i>малтан</i> 'мысль' – 13	<i>ар</i> 'год' – 27	<i>шунды</i> 'солнце' – 14
<i>кизили</i> 'звезда' – 12	<i>ву</i> 'вода' – 26	<i>дунне</i> 'вселенная' – 14
<i>тыл</i> 'огонь' – 12	<i>тыл</i> 'огонь' – 25	<i>ин</i> 'небо' – 14
<i>дунне</i> 'вселенная' – 10	<i>нунал</i> 'день' – 24	<i>кужым</i> 'сила' – 14
<i>кырзан</i> 'песня' – 8	<i>тыл</i> 'огонь, пламя' – 22	<i>мылкыд</i> 'настроение' – 11
<i>адями</i> 'человек' – 7	<i>уж</i> 'работа' – 22	<i>нэнэ</i> 'мать' – 10
<i>дыр</i> 'время' – 7	<i>тулыс</i> 'весна' – 21	<i>эи</i> 'друг' – 10
<i>нунал</i> 'день' – 7	<i>кужым</i> 'сила' – 21	<i>даур</i> 'век, судьба' – 10
<i>уй</i> 'ночь' – 7	<i>мылкыд</i> 'настроение' – 21	<i>ныл</i> 'девушка' – 9
<i>яратон</i> 'любовь' – 6	<i>анай</i> 'мать' – 20	<i>пи</i> 'парень' – 8
	<i>адями</i> 'человек' – 16	<i>музьем</i> 'земля' – 7

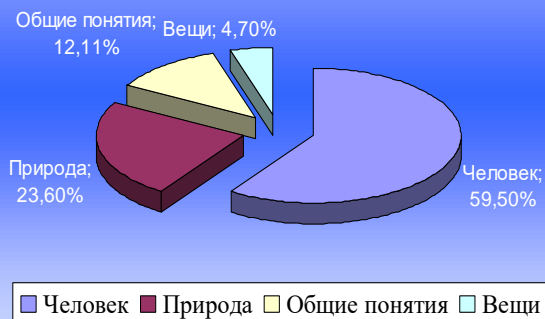
Следующий этап анализа данных частотного словаря: объединение слов в семантические группы по тематическому сходству, т. е. по принятым в языке связям: чувства относятся к человеку, его духовному миру, названия животных – к живой природе и т. п. Так в формальном тезаурусе стиховеда М. Л. Гаспарова, которую мы взяли за основу, представлены семантические классы слов, характерные для общезыкового словаря: 1) общие понятия; 2) природа; 3) человек и вещи (окружение человека). Такая схема формального тезауруса универсальна, т. к. может быть использована при составлении словарей разных произведений. М. Л. Гаспаров [Гаспаров] предложил использовать два типа словарей, в зависимости от той задачи, которая стоит перед исследователем: формальный тезаурус – для сравнительного анализа произведений, функциональный тезаурус – как средство внутритекстового анализа. Данные разновидности словарей отличаются друг от друга особенностями построения.

Формальный тезаурус сборника Татьяны Черновой "Та шундые дуннеямы"

Формальный тезаурус сборника Табяны Черновой "Тыныд тодмотэм кырманэ"

Во всех трех сборниках Т.Черновой преобладают слова, относящиеся к разряду Человек (в первом «ТТК» сборнике – 59,5%, во втором «ТШД» – 45%, в третьем «ТÖТ» 57%, в среднем – 53, 8%). Для сравнения: в сборниках Л. Кутяновой данный разряд составляет в среднем 61,5% (61%, 61%, 62%), у Любви Тихоновой в среднем в двух сборниках – 46% (55%, 41%).

Это легко объяснимо. Литература, прежде всего, – это человекознание. Все писатели так или иначе первым делом выражают интерес к личностному началу. Поэт рисует образ человека, его отношение к миру. А мир природы, «мир вещей», как говорит А. Б. Есин, только окружают человека, и тем самым выходят на второй план.

К разряду Человек отнесены и личные местоимения, которые выражают субъектно-объектные отношения, в них содержится код мироотношения поэта. Если сравнить в количественном отношении частотность употребления местоимений Татьяны Черновой и Людмилы Кутяновой, то схема распределения слов выглядит так:

Л. Кутянова

	ЧП	ВС	СА
Я (Мон)	106	138	172
Ты (Тон)	97	129	147
Он (Со)	3	14	12

Т.Чернова

	ТТК	ТШД	ТÖТ
Я (Мон)	87	108	480
Ты (Тон)	81	69	348
Он (Со)	61	147	248

В сборниках Людмилы Кутяновой соотношение местоимений «я» и «ты» более близко друг другу. Как замечает Б. О. Корман, «ты» (тон) актуализирует реалистическое сознание, утверждая центральный принцип реалистической этики: другой человек как высшая ценность для «я» [Корман 1986: 15].

В лирике Татьяны Черновой местоимение «ты» из сборника в сборник в количественном отношении уменьшается, а личное местоимение «я» увеличилось в 5 раз, в нем актуализируется романтическое мироотношение и проявляется в какой-то степени эгоцентризм лирической героини. Она выбирает себе путь, являясь хозяйкой своей судьбы. Психолог С. Л. Рубинштейн [Рубинштейн 2007: 409] в своей книге отмечает, что «эгоцентрическая речь не для другого, а для себя; она протекает независимо от того, слушают ли и понимают ли её...». Эти количественные данные подтверждают наблюдения А. С. Зуевой [Зуева 1992: 7] о том, что излюбленная форма лирики Т. Черновой – стихотворение-монолог, напряжённый экспрессивный».

Интерес представляет эволюция родственных отношений (терминов) двух поэтесс. Из сборника в сборник чувствуется изменение статуса женщины-героини, осознание предназначения женщины как матери:

Людмила Кутянова

	ЧП	ВС	СА	Всего
Ныл	8	11	16	35
Нылмурт	-	13	-	13
Кышно-мурт	-	6	8	14
Анай	-	9	5	14
Пи	-	6	8	14
Кен	-	8	4	12
Карт	-	3	3	6
Апай	-	3	2	5
Кышно	-	1	4	5
Воргорон	-	2	3	5
Агай	-	4	-	4
Агай	-	3	-	3
Пияш	1	-	2	3

	ТТК	ТШД	ТÖТ	Всего
Ныл	2	29	9	40
Нэнэ, анай	1	18	11	30
Кышномурт	-	6	6	12
Пи	1	1	8	10
Нуны	-	3	4	7
Пиосмурт	-	3	3	6
Кен	-	1	4	5
Атай	1	1	2	4
Нылмурт	-	2	2	4
Апай	-	2	2	4
Пияш	1	1	2	4
Сузэр	-	1	2	3
Сузэр-вын	-	-	2	2
Кышно	-	1	-	1
Агай	-	-	-	0

В первом сборнике Т. Черновой лирическая героиня – девушка, во втором – наряду со статусом молодой девушки появляется статус *матери (анай)*, соответственно слово *ныл* 'девушка' переходит в значение *дочь*. Судя по количественным данным, материнско-дочерние отношения становятся ведущими, т. к. остальные термины родства используются намного меньше. А в третьем сборнике слово *ныл* встречается не часто, но при этом появляются слова *нэнэ* 'мать', *пие* 'сын', *кышномурт* 'женщина', *пинал*, *нылпи* 'ребёнок', т. е. количественное распределение образов, связанных с родством, многоаспектней.

Статистический метод не является для нас самоцелью, он выступает как основа для наиболее точной, объективной интерпретации художественного мира. Составление частотных словарей даёт возможность увидеть и подтвердить числовыми данными то, что без словаря определить сложно. Полученные результаты позволяют нам говорить о продуктивности развития данного направления, хотя методика составления и интерпретации словаря требует дальнейшей разработки.

Список условных сокращений и источников

- ЧП – Кутянова Л. Д. Чагырьсь пилемъёс: Кылбуръёс. – Ижевск: Удмуртия, 1980. – 40 с.
- ВЧ – Кутянова Л. Д. Ваче син: Кылбуръёс. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 56 с.
- СА – Кутянова Л. Д. Со аръёс: Кылбуръёс но поэма. – Ижевск: Удмуртия, 1991. – 104 с.
- ТТК – Чернова Т.Н. Тыныд тодмотэм кырзәнэ: Кылбуръёс. – Ижевск, 1980. – 48 с.
- ТШД – Чернова Т.Н. Та шундыё дуннеямы: Кылбуръёс. – Устинов, 1986. – 104 с.
- ТӖТ – Чернова Т.Н. Тӗй ӧй тодысалды...: Кылбуръёс. – Ижевск, 1991. – 112 с.

Список использованной литературы

- Борецкий М. И.* Художественный мир басен Федра, Бабрия и Авиана // Новое в современной классической филологии. – М.: Наука, 1979. – С. 167–198.
- Бусыгина Л. В.* Временем помечен, поэт и человек...: размышления о слове и эпохе Кузебая Герда. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. – 248 с.
- Гаспаров М. Л.* Избранные статьи. – М.: Новое литературное обозрение, 1995. – 478 с.
- Гаспаров М. Л.* Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // [http://www.e-reading.club/chapter.php/1023938/48/Gasparov_-_Izbrannye_stati.html/](http://www.e-reading.club/chapter.php/1023938/48/Gasparov_-_Izbrannye_stati.html) Дата обращения 4.04. 2016
- Зуева А. С.* Поэзия женского сердца // Мир женской души. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – С. 3–11.
- Корман Б. О.* Лирика и реализм. – Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 93 с.
- Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика, Семиотика. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 824 с.
- Левин Ю. И.* О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. – М.: Наука, 1966. – С. 199–215.
- Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2007. – 702 с.

Фомин Эдуард Валентинович

Чувашский государственный институт культуры и искусств
Россия, г. Чебоксары

**ПОЭТОНИМЫ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ
ЧУВАШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

**POETONYMY AS A COMPONENT OF
ETHNIC FEATURES OF CHUVASH LITERATURE**

Аннотация. Одним из внешних специфических признаков чувашской литературы являются поэтонимы. Генетически их можно разделить на две группы: чувашские дохристианские и русские православные, претерпевшие значительные фонетические и реже деривационные изменения. Писатели не замечают, что эти имена в чувашской среде уже стали архаичными, и воспроизводят их из раза в раз. Настоящая работа ставит целью целостный анализ чувашских поэтонимов и začínает новое направление ономастических исследований в тюркологии.

Ключевые слова: чувашский язык, художественная литература, поэтонимы, национальная специфика литературы, ономастика.

Abstract. Poetonyms belong to specific exterior features of the Chuvash literature. Genetically they can be divided into two groups: Chuvash pre-Christian and Russian Orthodox, that underwent significant phonetic and, more rarely, derivative changes. Writers do not note that these names have already become archaic in Chuvash milieu and repeat them again and again. The aim of the present work is to make a complete analysis of the Chuvash poetonyms and to start a new direction of onomastic research in Turkology.

Keywords: the Chuvash language, Belles-lettres, poetonyms, national specific of literary, onomastics.

Специфика чувашской литературы создается с течением ряда качественных параметров, которые можно разделить на две составляющие: внешние и внутренние.

Внутреннюю специфику чувашской литературы специалисты видят в публицистичности вначале становления и единстве

публицистики и философии в последующем. «Чувашские прозаики предпочитают писать о состоявшихся героях и известных ситуациях. Эволюционирующий психологизм здесь практически незаметен» [Федоров 2003: 6].

Внешнее своеобразие художественных произведений формируется очевидными признаками: языком (произведения изначально создаются на чувашском языке), хронотопом (события в произведениях развиваются в условиях села в прошлом) и поэтонимами (дохристианскими онимами и очувашенными православными именами персонажей). В условиях широкого существования чувашской литературы в переводе на русский язык изначальная генетическая обусловленность текстов перестает ощущаться, а хронотоп необходимо уметь осознать, и лишь поэтонимы сохраняют свое специфическое звучание, придавая тексту некоторую экзотичность.

Чувашский поэтонимикон представляет собой сложную систему, включающую дохристианский (языческий) и православный пласты. Последний в свою очередь делится на очувашенный и русский подпласты.

По объективным причинам поэтонимикон уже общенационального антропонимикона: во-первых, не все имена способны пройти эстетический отбор; во-вторых, имена, однажды прошедшие отбор, начинают воспроизводиться в последующих текстах; ср.: в словаре чувашских языческих имен В. К. Магницкого 1905 г. значится более десяти тысяч единиц [Магницкий 1905], а в словаре чувашских поэтонимов [Фомин 2016] – лишь 1024 единицы (см. таблицу 1).

Таблица 1

Статистические параметры словаря чувашских поэтонимов

Виды поэтонимов	♂	♀	♂ / ♀	Σ
Дохристианские	214	81	1	296
Очувашенные православные	342	219	3	564
Фамилии	–	–	–	164
Всего	556	300	4	1024

Использование дохристианских чувашских имен в текстах, переведенных на русский язык, сопровождается незначительными фонетическими преобразованиями: *Айтар* > *Айдар*, *Михетер* > *Мигедер*, *Тӑхтаман* > *Техтаман*, *Тевет* > *Теветь*. В ряде случаев никаких изменений не происходит: *Нарспи* = *Нарспи*, *Пинеслу* = *Пинеслу*, *Сахвине* = *Сахвине*, *Эмине* = *Эмине*.

Очувашенные поэтонимы русского происхождения. Очувашенный поэтонимикон шире свода дохристианских поэтонимов: он включает в себя 577 единиц, из которых 222 имени (38 процентов) имеют частотность выше одного.

В современном чувашском языке в его письменном варианте наблюдается тенденция к фонетическому освоению русизмов и интернационализмов, ср.: *зонтик* > *сунчӑк*, *машина* > *машин*, *промышленность* > *промышленнос*. Данный процесс существует как противопоставление большому количеству заимствований из русского языка, проникающих в неизмененной форме. Хотя названная тенденция и не обуславливает функционирование очувашенных поэтонимов, но контекстуально поддерживает его.

Очувашенным поэтонимам присуща значительная вариативность, например: имя *Дмитрий* представлено в 16 вариантах – *Мётри*, *Мётрик*, *Микка*, *Микки*, *Митти*, *Митри*, *Митрук*, *Митрухха*, *Митрюк*, *Митӱк*, *Митюк*, *Миччук*, *Тимка*, *Тимкка*, *Тимма*, *Тимук*; та же вариативность характеризует поэтоним *Николай* – *Коля*, *Колякка*, *Кулькка*, *Кулюкка*, *Куля*, *Макалай*, *Миккуль*, *Миккул*, *Микула*, *Микулай*, *Микулкка*, *Микуль*, *Микус*, *Микуш*, *Мукус*, *Никуш*; *Василий* имеет 12 форм – *Васили*, *Ваҫилей*, *Ваҫили*, *Ваҫинкка*, *Ваҫка*, *Ваҫкӑ*, *Ваҫлей*, *Ваҫли*, *Ваҫҫа*, *Ваҫҫили*, *Ваҫҫук*, *Ваҫук*; столько же инвариантов присуще имени *Мария* – *Маня*, *Мари*, *Мариҫ*, *Марук*, *Маруҫ*, *Маруҫка*, *Маруҫҫа*, *Марье*, *Машук*, *Машиша*, *Машишук*, *Маюк*.

В идентификации части поэтонимов возникают серьезные проблемы. Согласно тексту, эти имена являются русскими православными, однако их фонетика и деривационная структура настолько изменились, что в настоящее время сложно установить исходные формы: *Варккус* ‘Варвара’ (?) (Гордеев Д. Шӑр-калчӑ); *Велиме* ‘Вилена’ (?) (Лазарева А. Савӑнтар ҫынсене);

Евѣен ‘Елена’ (?) (Ухсай Я. Силпири асамат кѣперѣ); *Кирук* ‘Кирилл’ (?) (Максимов Н. Пѣр хѣрес айѣнче).

Чувашская орфография, казалось бы, имеет четкие правила, и чувашская письменность в целом являет состоявшуюся письменную культуру. Однако в орфографировании субституированных имен русского происхождения отчетливо проявляется неустойчивость чувашского правописания. Сложно представить, что поэтонимы, орфографированные в виде *Ванька* и *Џтапан*, адекватно выражают их звучание: согласно приведенному написанию их следует произносить как *Вань[г]а* ‘Иван (Ванька)’, *Џта[б]ан* ‘Степан’, что невероятно. Правильными являются формы *Вань[к:]а*, *Џта[п:]ан*. Указанное явление распространилось и на другие случаи. Так, псевдоним чувашского писателя Н. Моранькова *Мранькка* в последнее время модифицировалось в *Мранька*; произношение топонимов Красноармейского и Цивильского районов Чувашской Республики *Хусакасси* и *Янсакасси* под влиянием русского языка превратилось из [хузагас:й^{бл}] и [жанзагас:й^{бл}] в [хузак:ас:й^{бл}] и [жанзак:ас:й^{бл}].

Очувашенные православные поэтонимы при переводе возвращаются в русский контекст в измененной форме (см. таблицу 2).

Таблица 2

Трансформации очувашенных поэтонимов в переводе на русский язык

Русское имя	Чувашское имя	Имя при обратном переводе
<i>Иван</i> →	<i>Йӓван</i> →	1) <i>Йӓван</i> (Фомин С. Лихая година; Максимов Н. Место в жизни);
		2) <i>Йӓван</i> (Нестерова З. И мужчины плачут).
<i>Екатерина</i> →	<i>Кӓтери(н)</i> →	1) <i>Кидери</i> (Иванов-Паймен В. Мост);
	<i>Кӓтерне</i> →	2) <i>Кедерне</i> (Савельев А., Игнатъев В. Зарницы счастья);
	<i>Кӓтерук</i> →	3) <i>Кетерук</i> (Давыдов-Анатри В. Братишки);

Русское имя	Чувашское имя	Имя при обратном переводе
		4) <i>Кедерук</i> (Таллеров Л. Перепеленок);
		5) <i>Катерук</i> (Ухсай М. Буйные ветры).

Выбор поэтонимов в художественной литературе – сложный процесс. Имена не могут быть случайными. Они обязаны работать на образ, идею в целом. Чувашские авторы, видимо подсознательно, стремясь создать чувашское по стилю произведение, выбирают своим героям «нерусские» имена вопреки их невосребованности в повседневной жизни. Таким образом чувашский поэтонимикон осложняется новой функцией – функцией создания специфики национальной литературы по крайней мере на фонетико-графическом уровне.

Неадаптированные русские поэтонимы в заявленном аспекте интересны в меньшей степени. Они заведомо выпадают из списка внешних элементов, придающих чувашской литературе специфическое звучание. Отказ от архаичных субституированных имен в пользу типично русских усложняет генетическую идентификацию произведений чувашских авторов.

Поэтонимы в форме русских фамилий чувашского происхождения. Типично чувашские фамилии (например: *Вакку, Лирзай, Садырга, Туринге, Турхан, Якку, Ярды*) в современной чувашской среде скорее составляют исключение, чем правило. Большинство чувашей носят русские фамилии. Среди них можно обнаружить и фамилии чувашского происхождения, например: *Адюков* < *Атюк* мужское имя, *Ахвандеров* < *Ахвантер* мужское имя, *Ижгендеев* < *Ишентей* мужское имя, *Кураков* < курак ‘трач’, *Убасев* < *уּпּаҫӑ* ‘медвежатник’, *Угаслов* < *Угаслу* женское имя.

В художественной литературе фамилии чувашского происхождения шире и выразительней: *Акрамов* (Артемьев А. Салампи) < *Акрамово* село в Моргаушском районе Чувашской Республики, *Анатринский* (Агаков Л. Чи хакли) < *анатри* ‘низовой’, *Вирьялов* (Артемьев А. Салампи) < ‘верховой чуваш’, *Вурманов*

(Лисаев И. Тивёс) < вӑрман ‘лес’, *Выртасов* (Никитин Е. Аптрал) < *выртас* ‘лечь’, *Кагаев* (Агаков Л. Чи хакли) < *ка[г]ӑй* ‘мясо’, *Улталайкин* (Никитин Е. Хёвел ансан Хёветёр) < *ултала* ‘обмануть’, *Хураськин* (Чиндыков Б. HotelChuvashia) / *Хураçкин* (Лазарева А. Савӑнтар çынсене) < *хураçка* ‘черноватый’.

В поэтонимах фамильного типа сразу угадывается их чувашское происхождение. Видимо, этот момент и лежит в популярности в писательской среде фамилий на чувашский лад. Они построены по русским лекалам, но в основе сохраняют чувашскую этимологию и звучание. При этом читатель понимает неестественное происхождение таких фамилий.

Резюме. Функционирование дохристианского антропонимикона в жанрах словесного искусства – элемент, поддерживающий историческую память чувашского этноса. Использование же архаичных имен православного происхождения – один из главных способов формирования национальной специфики современной чувашской литературы, и скорее всего введение в тексты очуващенных русских имен диктуется на бессознательном уровне.

Список условных знаков

♂ – мужское имя; ♀ – женское имя; Σ – сумма; < / > – направления заимствования; / – вариант.

Список использованной литературы

Егоров Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников // Культура и быт низовых чувашей. – Чебоксары, 1986. – С. 88–104.

Егоров Н. И. Женские личные имена низовых чувашей-язычников. II // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. – Чебоксары, 1987. – С. 54–71.

Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. – Казань: Тип. Император. ун-та, 1905. – 101 с.

Петров Л. П. Этимология чувашских дохристианских имен. I // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. – Чебоксары, 1987. – С. 72–79.

Петров Л. П. Этимология чувашских дохристианских имен. II // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. – Чебоксары, 1988. – С. 19–35.

Петров Л. П. Этимология чувашских дохристианских имен. III // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. – Чебоксары, 1991. – С. 32–46.

Петров Л. П. Из истории чувашских дохристианских имен // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа. – Чебоксары, 1985. – С. 60–77.

Федоров Г. И. Наци кун-сӱлӗн сӑнарлӑ тӗкӗрӗ // Чӑваш литературин антологийӗ. – Шупашкар, 2003. – Т. 1. – С. 5–14.

Федотов М. Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук, 1998. – 148 с.

Фомин Э. В., Иванова А. М. Чӑваш поэтонимӗсен пуххи / Чӑваш патшалӑх университетчӗ. – Шупашкар, 2016. – 83 с.

УДК 811.511. 81-115

Халиль Ачыкгӗз

Стамбульский университет, факультет литературы
Турция, г. Стамбул

СООТНОШЕНИЕ КОРНЕЙ “ПОГЫН” В МАРИЙСКОМ И “BOKUN” В ДРЕВНЕТЮРКСКОМ

THE MEANING SIMILARITY BETWEEN THE “ПОГЫН” WORD OF MARI LANGUAGE AND THE “BOKUN” WORD OF TURKISH

Аннотация. В древнетюркских памятниках IX–X вв. встречается слово, соответствующее марийскому “погын”. Это слово “bokun”, которое зафиксировано в текстах, написанных на уйгурской графике. В словарях и публикациях, посвящённых исследованию этих памятников, на наш взгляд, не совсем адекватно передаётся значение этого слова. В данной работе мы предлагаем наиболее верное толкование, которое подразумевает соответствие значений древнетюркского “bokun” и марийского “погын”.

В корне и производных марийского слова *погын* чётко просматриваются и значение и структура слова *bokun*, зафиксированного в тюркских текстах. Семантическое поле марийского слова *погын* может служить серьёзным подспорьем при определении семантического поля и структуры древнетюркского слова *bokun*.

Ключевые слова: марийский язык, древнетюркский язык, парламент, *pogın*, *bokun*, *bodun-bokun*.

Abstract. In the Turkish documents dating from IX-X centuries, we can see the word, similar to the Mari word *погын*, which is the equivalent of the word *bokun* in Turkish. We generally come across this word in the old Uyghur texts as a synonym of *bokun* word. The meaning of *bokun* word in the current Turkish language dictionaries and documents does not seem to the point. At this study, we will be trying to reveal/show that it would be more accurate to determine the content of *bokun* word which is originated from Turkish language, with the meaning of *погын* word of Mari language. We can see clearly that both the meaning and the structure of *bokun* word in the Turkish texts are immanent in derivatives as well as word root of *погын* word. The lexical field of *погын* word of Mari language contribute to determining the lexical field and the structure of *bokun* of old Turkish language.

Keywords: Mari language, the old turkish language, resemblance of *погын* and *bokun*, parliamentary tradition of Turks.

Введение

В лингвистических исследованиях при определении значения слова ни в коем случае нельзя пренебрегать лексическим фондом самого языка. Наряду с этим для проверки понятийной сферы необходимо постоянно держать в поле зрения другие, особенно соседние языки. Впрочем, этимологические изыскания и не могут осуществляться без этого.

Мы не собираемся вести речь о сопоставительных исследованиях финно-угорских и алтайских языков. В целом они известны. Даже есть учёные, занимающиеся собственно финно-угроведением, посвятившие сопоставлению своих языков с отдельными тюркскими языками и диалектами. Здесь следует упомянуть работы В. И. Алатырева, Ф. И. Гордеева, Н. И. Исанбаева, И. В. Тараканова, Н. В. Бутылова и др. Конечно, каждый исследователь в подобных сопоставительных работах рассуждает с точки зрения своего языка. Это в определённом смысле оправдано.

С другой стороны, лингвисты, исследующие разные тюркские языки и имеющие при этом работы по сопоставлению

с финно-угорскими языками и этимологии, по численности гораздо меньше. Здесь можно было бы привести работы И. С. Насипова, В. Г. Егорова, В. М. Лемскую.

В лингвистике Турции исследования по сопоставлению финно-угорских языков с турецким языком находятся вовсе в зародышевом состоянии. У Огузхана Дурмуша есть одна статья и одно обозрение по контактам чувашского и марийского языков, причём в них за основу взят чувашский язык [Durmuş 2011; Durmuş 2012]. На настоящее время нет ни одного языковеда и компаративиста, со всей глубиной и шириной занимающегося исследованием турецкого языка, а также тюркского языка, начиная от самого древнего его периода, называемого древнетюркским, и разных его диалектов.

С 2009 года я время от времени приезжаю в Мари Эл и Удмуртскую Республику. Собираю и постепенно анализирую материалы, относящиеся к данной тематике. В основном занимаюсь марийским языком. Например, анализирую каждое слово из зафиксированных в разных словарях марийского языка в качестве вокабулы и сопоставляю с турецким языком с точки зрения их значений и функций. Именно при таких изысканиях, особенно относительно слов, зафиксированных в текстах, относящихся к древнетюркскому периоду (VII–XI вв.), но забытых в среднетюркский (XII – начало XV вв.) и новый тюркский (XV–XXI вв.) периоды, сравнение со словами марийского языка дают возможность наиболее точного толкования значения слов, в первую очередь древнетюркского периода.

Возможно самой большой общей особенностью финно-угорских и алтайских языков является неизменяемость корня, и способ образования новых слов путём присоединения к корню и основе сначала словообразовательных, потом формообразовательных аффиксов практически параллелен. И это обеспечивает хорошую возможность для широкого сопоставления.

В рамках данного исследования предметом являются слова – тюркское *bokun* и марийское *погын*.

***Bokun* в тюркском языке:**

Проблема слова *bodun bokun* в древнетюркском языке:

В Древнетюркском словаре в статье слова *bodun*, при толковании его значения приводится слово *bokun*. Как следует из этой статьи, предполагается, что слово *bokun* ~ *bukun* является синонимом слова *bodun*. Употребление слова *bokun* в тюркском языке длилось сравнительно небольшой период времени (IX–X вв.). Оно встречается в тюркоязычных уйгурских текстах, а в последующие эпохи уже практически не перешло. Производные от слова *bokun* тем более не встречаются в более поздние периоды.

Относительно синонимичного использования слова *bodun* в сочетании с *bokun* / *bukun* в Древнетюркском словаре можно найти следующее:

bodun buqun парн. Население, жители; *męniņ baliqimtaqı bodunluı buqunluı negülüg ölüür sizlär* ‘почему вы убиваете жителей моего города?’ (Uig I 41₁₁); *känd teęreki bodunluı buqunluı ölürgäli alqır muna amtı baliq içiņe kirgäli turur* ‘убив жителей в окрестностях города, он теперь вот собирается войти в город’ (ТТ X₅₂)” (ДТС 1969: 109).

buqunluı: *bodunluı buqunluı* см. *bodunluı* (ДТС 1969: 125a).

bodunluı; *bodunluı-buqunluı* парн. ‘имеющий много родственников, широкий круг домашних’; *bodunluı-buqunluı kiři* ‘человек, имеющий большую родню’ (МК I 499) (ДТС 1969: 108); ***budunlug bukunlug*** ‘имеющий народ, нацию’ (МК I 499) (ДТС 1969: 108).

Шинаси Текин, хотя и не выделяет слово *bokun* в отдельную статью, но в своей статье, посвящённой слову *bodun*, при рассмотрении парного слова *bodun-bokun* попытался объяснить его значение, говоря о синонимичности компонентов [Tekin 1994: 199–209]. Исследователи приводят ряд примеров использования данного слова в текстах:

«Шайтаны вторгаются в страну Чаштани Бея и правитель говорит шайтанам: *baliqimtaqı bodunuę boқunug negülük ölüür sizler?* ‘Почему в моём городе убиваете мой народ, моё племя?’» [Müller 1922: 26; Nimran 1945: 26]. В другом тексте народ

обращается к правителю по имени Бимхасара с жалобой на притеснения шайтана: ... *Adavaki yek bu irinç tınlıglarığ ... ölürür. Kent tegreki bodunuğ boқunuğ ölürgeli alқıp muna amtı balıқ içinge kirkeli turur* 'Шайтан Адаваки убивает эти бедные души. Сначала он убил весь народ в округе, теперь собирается войти в сам город' [Gabain 1958: 12]. Особенно обращает на себя внимание обилие примеров на *bodun bokun*: "*balıқ uluşluğ bodun boқun* 'население города и государства'. *Şaki tözliğ bodun boқun öze erklig türklüğ* 'быть правителем народа, ведущего свой род от племени Шакья' [Tekin 1994: 205] и др.

Как следует из рассуждений Шинаси Текина, слова *bodun* и *boқun* он рассматривает как синонимичные друг-другу. Он утверждает: «И даже в самые ранние периоды слово обнаруживается только зафиксированным в рамках сочетания *bodun boқun* и, как видим из предыдущих примеров, не вышло за его пределы» [Tekin 1994: 208].

Рассматривая этимологию слова, Ш. Текин пишет:

«Есть слово *boқun* (< **boқ+un*). Однако оно используется только в сочетании со словом *bodun*. Вот что нам известно об этом слове: 1. Является однозначным словом (синонимом) слова *bodun*. 2. Насколько можно судить по внешней форме, слово образовано тем же способом. Можем допустить, что наряду с *bod* существовала ещё одна производная того же корня – **boқ*. Предположительно они оба могли быть образованы от корня **bo-*, являющегося также исходной для вышеприведённого глагола *bo-l-*: **bo-d*, **bo-ž* 'сотворённый', то есть 'человек'. Возможно слово передало своё значение слову *bod*, имевшему прежде нейтральное значение, и исчезло из употребления ещё в древнетюркский период. И даже в самые ранние периоды слово обнаруживается только зафиксированным в рамках сочетания *bodun boқun* и, как видим из предыдущих примеров, не вышло за его пределы» [Tekin 1994: 208]. Таким образом Текин считает оба слова *bodun* и *bokun* производными одного корня **bo-* [Tekin 1994: 209].

А. Г. Клоусон пишет: «*bokun* a word without independent existence used as a jingle with *bodun*. N.o.a.b. Uyg. VII ff. Man. *kamağ yok çığay kap kara bodun bokun* 'all (of us) destitute, ordinary

common people' *M III* 35, 10–11; a.o. *do.* 34, 9: *Bud. TT X* 51-2 (*bodun*) [Clauson 1972: 316a].

Серкан Шен в своей работе приводит точную цитату из А. Габен относительно слова *bodun bokun*: *Kent tegreki bodunug bokunug öliргeli alkıp mona amtı balık içine kirgeli turur*. 'Убив народ вокруг города, сейчас входит внутрь города' [Gabain 1958: 12; Şen 2002: 70], где слово переведено как 'народ'.

Практически все исследователи, занимающиеся древнетюркским периодом, начиная с А. Габен, в своих работах, касающихся слов *bodun* и *bokun*, как правило, дают им значения 'население, народ, нация, страна, общество' и др. и указывают на их синонимичность.

Ш. Текин приходит к выводу, что «во приведённых нами примерах, в более дюжины предложений, слово *bodun* (или *bodun қара, bodun боқun*) во всех без исключения случаях употреблено рядом со словами и выражениями в значении 'правитель' и 'государственная власть'» [Tekin 1994: 206]. Тем образом он заметно приближается к истолкованию настоящего значения слова в древнетюркском языке и, тем самым, к значению слова *погын* в марийском языке. Естественно, Ш.Текин никогда не занимался изучением марийского языка и, следовательно, не мог выразить своего мнения по этому поводу.

К вышеизложенному можем добавить следующее: в слове *bodun bod-* означает 'племя', *bodun* 'племена, создавшие политический союз'. Окончание *-n* выполняет функции показателя множественного числа. Таким же образом в слове *bokun* от *bok-* должно складываться значение 'совет представителей политического союза'.

Погын в марийском языке:

В марийском языке существует слово *погаши*: < *пог-аши*, которое таким образом может быть разложено на корень и окончание. Его значение и функции очевидны, оно имеет широкое активное употребление. Окончание *-аши* в глаголе *погаши* имеет то же значение и функции, что и *-iş/-iş*; *-uş/-üş* тюркском языке, окончание *масдара*, образующего имя существительное от гла-

гола. А *n-* в корне *пог-* в марийском языке соответствует тюркскому *b-*, что с фонетической точки зрения параллельным и систематичным явлением.

В 10-томном Словаре марийского языка зафиксировано множество слов – производных слова *погаиш*, а также много интересных форм, значений и иллюстративных примеров (СМЯ 2000: 131, 136–137), привести которые не представляется возможным в силу их большого объёма. Поэтому здесь мы ограничимся перечислением значений.

погаиш: *-ем*; *погаиш* < *пог-аиш*:

1. собирать, собрать; сосредоточить в одном месте (многое, многих).

2. собирать, собрать; набирать (набрать) в каком-л. количестве, подбирая с земли или срывая

3. собирать, собрать; получить в каком-л. количестве, выскывая, взимая и т. п. у разных лиц.

4. собирать, собрать; копить, накапливать, накопить; скапливать, скопить что-л.

5. собирать, собрать; соединив, скрепив отдельные части, получить что-л. целое.

6. собирать; снимать, снять; убирать (убрать) урожай с полей, садов и т. п.

7. собирать, собрать; накрывать (накрыть) стол; подать на стол.

8. набирать, набрать; принимать, принять; вербовать, завербовать кого-л. куда-л.

9. набирать, набрать; составлять (составить) из каких-л. знаков, цифр какой-л. сигнал.

10. *типогр.* набирать, набрать; составлять (составить) из типографских литер какой-л. текст.

11. *перен.* набирать, набрать; постепенно увеличивая, достичь нужной степени чего-л.

12. *перен.* набирать, набрать; постепенно накопить (силы, опыт) (СМЯ 2000: 131).

В данной работе мы не привели примеров составных глаголов, образованных от слова *погаиш* с помощью вспомогательных

/ модальных глаголов и имён существительных, так как это предмет отдельного исследования.

Другие слова, образованные от слова *погаш* в марийском языке.

В словарях в качестве вокабул зафиксировано также большое количество производных от глагольного корня *пог-*:

погкалаш: пог-калаш

погыкташ: пог-ыкташ

погымаш: пог-ымаш

погымо: пог-ымо

погынаш: пог-ынаш

погынымаш: пог-ынымаш

погыстараш: пог-ыстараш

погыстаркалаш: пог-ыстаркалаш

погыстарылаш: пог-ыстарылаш

погыстарымаш: пог-ыстарымаш

погышо: пог-ышо

погын: *офиц.* Совет. Кугыжаныш Погын = Государственное Собрание, (парламент).

ПÓГЫН Собрание; собрание законодательных и общественно-политических организаций. **Кугыжаныш погыным погаш** собрать государственное собрание. □ **Погынын унаже семын кум шўдó ен ўжыкталгыт** «Мар.ком.». В качестве гостей собрания приглашаются триста человек (СМЯ 2000: 137).

В словаре В. М. Васильева, З. В. Учаева слово *погын* также нашло отражение: *офиц.* собрание; национальное собрание (парламент); **Кугыжаныш Погын = Государственное Собрание** (Васильев 2003: 157).

// **погын**: погын < пог-ы-н. мар. пог-, тур. bok; мар. -ы-, тур. (i) имеют одинаковую функцию вспомогательной гласной. Мар. -н, тур. -n также выполняют одинаковые функции: окончание для образования существительного из глагола и существительного из существительного.

Вообще, марийское слово *погын* относится к активному пласту языка и употребляется в значении ‘государственное собрание / парламент’.

Марийское слово *погын*, несомненно, в первую очередь соответствует значению ‘заседание совета старейшин племён’. Следовательно, в сочетании *bodun bokun* в тюркском языке *bodun* означает ‘народ, относящийся к одному политическому союзу’, а *bokun* – ‘политический совещательный орган представителей народа, совет, парламент’.

Заключение

На основе сопоставления семантического поля марийского слова *погын*, включающего значения “собрание, совещание, коллегия, заседание, национальное собрание, национальная ассамблея, журнал, свод, корпус, коллекция, сборник, структуры законодательных и общественно-политических организаций, совет, парламент” мы можем прийти к выводу, что существующее до сегодняшнего дня толкование значения слова *bokun*, встречающегося в текстах древнетюркского периода, как практически синонимичное словам *bodun bokun; bodunlug bokunlug*, приводит к ошибочному пониманию значения слова.

Тот факт, что марийское слово *погын* до сих пор продолжает своё активное употребление в значении “национальное собрание / парламент” обеспечивает важные данные для истолкования значения слова *bokun*, использованного в древнетюркском языке.

Значение сочетаний *bodunlug bokunlug* и *bodun bokun*, использовавшиеся в языке древнетюркского периода, мы можем истолковать как ‘совет / парламент (или члены парламента, депутаты) политического союза племён’; ‘политический союз племён и его совет / парламент’.

Список источников:

Васильев, В.М., Учаев З.В., Марийско-русский словарь. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 2003. – 296 с.

ДТС = Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1969. – 716 с.

СМЯ = Словарь марийского языка. Т. V. А.А. Абрамова, Л.И. Барцева, Г.С. Патрушев, С.С. Сибатрова; И.С. Галкин (гл. ред.), Н.И. Исанбаев, А.С. Ефремов, Г.С. Патрушев, Е.А. Черашова. – Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 2000.

Clauson Sir Gerard. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century – Turkish, Oxford: At The Clarendon Press, 1972.

Список использованной литературы:

Durmuş Oğuzhan. Çuvaş-Mari Dil İlişkilerine Genel Bir Bakış I: (Çuvaşçanın Mariceye Etkisi), Türk Moğol Araştırmaları Prof. Dr. Tuncer Gülensoy Armağanı, Ed. Bülent Gül. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 2012. – S. 1–5.

Durmuş Oğuzhan. “André Hesselbäck (2005), Tatar and Chuvash Codecopies in Mari. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, Studia Uralica Upsaliensia 35”. – Ankara: Bilig, 2011. – S. 59, 265–276.

Gaban, A.V., (mit. J. Kovalski). Türkische Turfan Texte X. Das Avadäna des Darmons Ätavaka. Nr. I, Berlin: ADAW. 1958. – S. 10–38.

Himran Saadet. Çaçtani Bey Hikayesi. İstanbul, 1945.

Müller, F. W. K. Uigurica III. Berlin: ABAW, 1922. – S 5, 26.

Şen Serkan. Eski Uygur Türkçesinde İkilemeler, Ondokuz Mayıs Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, Türk Dili ve Edebiyatı Anabilim Dalı, basılmamış Yüksek Lisans Tezi. Samsun, 2002.

Tekin Şinasi. “Bodun Kelimesi Üzerine Düşünceler” // Tarih ve Toplum. nr. 121. 1994. – S. 9-12.

Tekin Şinasi. İştikakçımın Köşesi Türk Dilinde Kelimelerin ve Eklerin Hayatı Üzerine Denemeler. İstanbul: Simurg yayını, 2001.

УДК 811.511.152

Цыганкин Дмитрий Васильевич

Мордовский государственный университет

Россия, г. Саранск

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ЧЛЕНИМОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ,
ОБРАЗОВАННЫХ ОТ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИ ОБЩИХ
КОРНЕВЫХ МОРФЕМ В МОРДОВСКИХ И ПЕРМСКИХ
ЯЗЫКАХ**

**ABOUT SPECIFICS OF DERIVATIONAL
SEGMENTABILITY OF DERIVATIVE VERBS, FORMED
FROM ETYMOLOGICALLY COMMON ROOT MORPHEMS
IN MORDVIN AND PERMIC LANGUAGES**

Аннотация: Статья посвящена словообразовательному анализу глагольных производных в мордовских и пермских языках. В ней

впервые в финно-пермском языкознании выявлены в сопоставительном плане шкалы членимости, различающиеся в нескольких разновидностях: 1) сопоставительно-безостаточная членимость с четырьмя разновидностями; 2) сопоставительно-коррелирующая членимость; 3) сопоставительно-отрицательная членимость. Выявление шкалы членимости глагольных производных позволяет вскрыть сходство и различия для каждого из сравниваемых языков в выборе словообразовательных средств в глагольном словопроизводстве.

Ключевые слова: шкала членимости, разновидности членимости, безостаточная членимость, коррелирующая членимость, общая корневая морфема.

Annotation: The article covers the word-formation analysis of verbal derivatives in Mordvin and Permic languages. There for the first time in the Finno-Permic linguistics segmentability scales are identified in comparative terms, differing in several varieties: 1) comparative complete (remainderless) segmentability with four subvarieties; 2) comparative-correlated segmentability; 3) comparative-negative segmentability. Identification of segmentability scale of verbal derivatives allows to disclose similarities and differences for each of the compared languages in the selection of word-formation tools in verbal derivation.

Keywords: segmentability scale segmentability varieties, comparative complete (remainderless) segmentability, correlated segmentability, common root morpheme.

В исследованиях финно-угорских (уральских) языков всегда подобающее ему место занимает сравнительно-исторический метод. Ему вместе с описательным методом в синхронических и диахронических исследованиях принадлежит главенствующая роль. Значительно более скромное место занимает в научных работах по финно-угорским языкам сопоставительный метод.

Задача данного метода по отношению к глагольному словообразованию в родственных языках, вовлекшему в себя многие этимологически общие корневые морфемы, сводится к выявлению общих структурных компонентов и семантических связей в производных глагольных, и на основе их сопоставления выявить в них шкалы членимости и их разновидности в каждом

из языков – пермских (коми, удмуртского), мордовских (мокшанского, эрзянского).

Особо отметим, что архитектура глагольного производства в каждом из них представляет собой сложную организацию, объединяющую разные части речи и связанную с континуумом переходов между ними – корневыми морфемами и суффиксами, выполняющими как межкатегориальные, так и внутри категориальные классифицирующие функции. В первом случае суффиксы обладают транспонирующей потенцией, т. е. способностью переключать корневую морфему, выступающую в качестве производящей основы, из именной части речи в глагольную. Например, м., э. *сельге* «плевок» → *сельге-вт-емс* «заставить плевать», к. *кõм* «обувь» → *кõм-ыны* «обуть (что-либо), надеть обувь), уд. *кõс* «сухой засуха» → *кõс-аны* «высохнуть; засыхать». Во втором случае суффиксы не обладают транспонирующей функцией, они лишь выполняют классификационно-модифицирующую функцию. Например: к. *ю-ыш-ны* «попить» (от *ю-ны* «пить»), уд. *кыньы-шты-ны* «моргнуть» (от *кынь-ыны* «закрывать глаза; зажмуриться»), м. *коро-фт-омс*, э. *керы-вт-омс* «заставить рубить; срубить» (от м. *кер-омс*, э. *кер-ямс* «рубить; срубить»).

Опираясь на сопоставительно-структурные и семантические связи между этимологически общими производящими основами и производными глаголами в сравниваемых языках, я попытаюсь выделить разные степени глагольной словообразовательной членимости и выявить в них шкалы членимости, состоящей минимум из трех степеней (первая ступень может иметь несколько разновидностей). Эти ступени таковы:

1. Сопоставительно-безостаточная членимость. Корневая морфема в каждом из сопоставляемых языков существует как самостоятельное слово, вычленяемое в составе глагольного производного безостаточно. Данная шкала членимости имеет несколько разновидностей. Их наличие зависит от того, как репре-

зентируется этимологически общая корневая морфема в составе производного.

А. Первая разновидность. Этимологически общая корневая морфема вычленима в составе производного глагола; в сопоставляемых языках бытует как самостоятельное слово. Словообразовательные суффиксы при данной разновидности выполняют классификационно-мутационную функцию:

✓ м., э. *пей-* (> *пей* «зуб») → *пей-* (> *пейдемс* «смеяться») – к. *пинь* «зуб» → *тин-* (> *тин-явны* «насекать; насечь») – уд. *пинь* «зуб» → *пинь-* (> *пинь-яны* «насечь (насекать), зазубрить (например пилу)»);

✓ м., э. *кенже-* (> *кенже* «ноготь; коготь») → *кенже-* (> *кенже-д-емс* «царапнуть») – к. *гыж* «ноготь; коготь; копыто» → *гыж-* (> *гыжйыштыны* «царапнуть; почесать») – уд. *гыжы* «ноготь; коготь; копыто» → *гыжы-* (> *гыжы-яськыны* «образоваться; появиться (о ногтях, когтях, копытах);

✓ м., э. *недь-* (> *недь* «черенок; рукоятка») → *недь-* (> *недямс* «насадить; насаживать; приделывать рукоятку») – уд. *ныд-* (> *ныд* «рукоятка; черенок») → *ныд-* (> *ныдьяны* «насадить; насаживать на рукоятку; приделать ручку»);

✓ м., э. *ведь-* (> *ведь* «вода») → *ведь-* (> *ведиямс* «стать водянистым») – к. *ва-* (> *ва* «вода») → *ва-* (> *ваавны* «мочить; намочить (залиться водой); разбавлять водой») – уд. *ву-* (> *ву* «вода») → *ву-* (> *вугылтыны* «нанести (песок); прорыть (промоину)»);

✓ э. *чуро-* (> *чуро* «редкий») → *чуро-* (> *чуродомс* «проредить») – к. *шор-* (> *шор* «редкий; негустой») → *шор-* (> *шормыны* «прореживать; проредить; стать редким») – уд. *шер-* (> *шер* «редкий») → *шер-* (> *шерьяны* «прореживать»);

✓ м., э. *сал-* (> *сал* «соль») → *сал-* (> *салтомс* «солить») – к. *сов-* (> *сов* «соль») → *сол-* (> *солавны* «солить; посолить») – уд. *сылал-* (> *сылал* «соль») → *сылал-* (> *сылалмыны* «засолиться»);

✓ э. *копорь-* (> *копорь* «спина») → *копорь-* (> *копорьгадомс* «сгорбиться») – к. *копыр-* (> *копыр* «склон») → *копыр-* (> *копыртыны* «наклонить; склонить») – уд. *кыпыр-* (> *кыпыр* «горб») → *кыпыр-* (> *кыпырмыны* «сгорбиться; согнуться»);

✓ м. *тула-*, э. *туло-* (> м. *тула*, э. *туло* «клин; затычка; чека (о оси)») → э. *туло-* (> *тулодомс* «закрыть дверь; заклинить») – к. *тув-* (> *тув* «гвоздь; клин; костыль») → *тув-* (> *тувьявны* «вбить; забить; вогнать; заколотить») – уд. *тул-* (> *тул* «клин; чека (о оси)») → *тул-* (> *тулманы* «ставить (вбить) клин»);

✓ м. *шовор-*, э. *човор-* (> м. *шовор*, э. *човор* «совместно») → м. *шовор-*, э. *човор-* (> м. *шоворямс*, э. *човорямс* «смешать») – к. *шёр-* (> *шёр* «пополам») → *шёр-* (> *шёрнавны* «делить; разделить (на две части)») – уд. *шори-* (> *шори* «пополам») → *шори-* (> *шорманы* «отрезать (например, кусок хлеба)»);

✓ м., э. *кеме-* (> *кеме* «сила») → *кеме-* (> *кемекстамс* «усилить») – уд. *кем-* (> *кем* «сила; мочь») → *кем-* (> *кемскыны* «набраться сил; поправиться»).

В. Вторая разновидность. Этимологически общая корневая морфема в мордовских языках обнаруживается только как основа производного глагола, в пермских языках (в обоих или в одном из них) – в качестве имени существительного и как корневая морфема глагола:

✓ э. *мерьк-* → *мерьк-* (> O¹⁶) – *мерьк-* (> *мерькамс* «мять; измять») – уд. *нырк* «ухаб; рытвина» → *нырк-* (> *ныркыны* «мять; измять; помять (одежду)») – к. *нырёк* «ухабы (на дороге)» – *ныр-* (> *нырны* «мять; разминать; давить»);

✓ м., э. *иза-* → *иза-* (> O) – *иза-* (> *изамс* «бороновать») – уд. *усы-* (> *усы* «борона») → *усы-* (> *усыяны* «бороновать; бороныть»);

✓ э. *цяп-* → *-цяп-* (> O) – *цяп-* (> *цяпамс* «хлопать (ладонями)») – к. *чап-* (> *чап* «било; молотило») → *чап-* (> *чапкыны* «бросить; подбросить плашмя (плоский камушек)») – уд. *сапк-* → (> O) – *сапк-* (> *сапкыны* «ударить; бросить (о землю)»);

✓ м., э. *сол-* → *сол-* (> O) – *сол-* (> *соламс* «таять; растаять») – к. *сыв-* (> *сыв* «талый») → *сыв-* (> *сывдыны* «оттаивать; оттаять»);

¹⁶ O – указывает на отсутствие производного.

✓ э. *лап-* → *лап-* (> О) – *лап-* (> *лапушкадомс* «сделаться плоским») – уд. *лап-* (> *лап* «плоский; низкий; приземленный») → *лап-* (> *лапкатыны* «подравнять; выровнять»);

✓ э. *вель-* → *вель-* (> О) – *вель-* (> *вельмемс* «возродиться; обновиться») – к. *вьель-* (> *вьель* «новый; обновленный») → *вьель-* (> *вьелдыны* «обновить; подготовить») – уд. *вьель-* (> *вьель* «новый; новость») → *вьель-* (> *вьельданы* «обновить; обновлять; преобразовать»);

✓ м. *лув-*, э. *лов-* → м. *лув-*, э. *лов-* (> О) – м. *лув-*, э. *лов-* (> м. *лувомс*, э. *ловомс* «считать; читать») – к. *луд-* (> *луд* «счет; количество») → *луд-* (> *лудыны* «считать; сосчитать; читать») – уд. *лыд-* (> *лыд* «счет; число; количество») → *лыд-* (> *лыдзыны* «прочитать; читать; считать»);

✓ э. *понжа-* → *понжа-* (> О) – *понжа-* (> *понжавтомс* «просеивать») – к. *пож-* (> *пож* «решето») – *пож-* (> *пожнавны* «просеивать») – уд. *пуж-* (> *пуж* «решето; сито») → *пуж-* (> *пужныны* «просеивать; просеять»).

С. Третья разновидность. В мордовских языках этимологически общая коневая морфема выявляется как имея существительное и как корневая морфема глагола, в пермских языках только в качестве глагольной основы:

✓ э. *нула-* (> *нула* «тряпье») → *нула-* (> *нулыямс* «растрепаться (об одежде)») – к. *новл-* (> О) → *новл-* (> *новлыны* «носить (одежду)») – уд. *нул-* (> О) → *нул-* (> *нуллыны* «носить (одежду)»);

✓ э. *киське-* (> *киське* «кожа») → *киське-* (> *киськедемс* «сдирать кожу») – уд. *кеськ-* (> О) → *кеськ-* (> *кеськыны* «содраться; изодраться»);

✓ м., э. *куля-* (> *куля* «весть; известие») → *куля-* (> *кулямс* «слышать; услышать») – к. *кыв-* (> О) → *кыв-* (> *кывны* «слышать; услышать») – уд. *кыл-* (> О) → *кыл-* (> *кылдыны* «слушать; послушать»);

✓ м., э. *вий-* (> *вий* «сила») → *вий-* (> *виемемс* «стать сильным») – к. *ви-* (> О) → *ви-* (> *йозви* «сустав») – уд. *ви-* (> О) → *ви-* (> *ёзви* «сустав»);

✓ м. *пукуша-*, э. *пукушо-* (> м. *пукуша*, э. *пукушо* «ляжка») → э. *пукушо-* (> *пукушиямс* «толстеть; растолстеть») – уд. *пукс-* (> О) → *пукс-* (> *пуксыны* «сесть; садиться; осесть»).

Д. Четвертая разновидность. В мордовских языках общая корневая морфема встречается только как имя существительное, в пермских языках в качестве имени и корневой морфемы производного глагола:

✓ м., э. *пеша-* (> *пеша* «светец (подставка для лучин)») – к. *пеша-* (> *пеша* «светец (подставка для лучины)») – *пеш-* (> *пешны* «ставить в светец (зажженную лучину);

✓ м., э. *пе-* (> *пе* «конец; вершина») – к. *пом-* (> *пом* «конец») → *пом-* (> *помавны* «кончить; окончить; закончить») – уд. *пум-* (> *пум* «конец») → *пум-* (> *пумъяны* «завершить; доводить (до конца)»);

✓ м. *пяль-*, э. *пель-* (> м. *пяль*, э. *пель* «половина») → м. *пяль-*, э. *пель-* (> О) – к. *пөв-* (> *пөв* «половина») → *пөв-* (> *пөвсавны* «сдваивать; сдвоить») – уд. *пал-* (> *пал* «половина») → *пал-* (> *палдуртыны* «отодвинуть в сторону»);

✓ м., э. *кем-* (> *кем* «обувь; сапог») → *кем-* (> О) – к. *көм-* (> *көм* «обувь») → *көм-* (> *көмавны* «надеть (обувь)»), *көмасьны* «обуться; обуваться»);

✓ м., э. *ажия-* (> *ажия* «оглобля») → *ажия-* (> О) – к. *вож-* (> *вож* «оглобля») → *вож-* (> О) – уд. *вайыж-* (> *вайыж* «оглобля; оглобли») → *вайыж-* (> *вайыжаны* «приделать (прикрепить) к оглобле (например, к саням)»);

✓ м., э. *ве-* (> *ве* «ночь») → *ве-* (> О) – к. *вой-* (> *вой* «ночь») → *вой-* (> *воймыны* «быть застигнутым наступлением ночи») – уд. *ой-* (> *ой* «ночь») → *ой-* (> О);

✓ э. *пенч-* (> *пенч* «ложка») → *пенч-* (> О) – к. *пань-* (> *пань* «ложка») → *пань-* (> *паньодны* «кормить с ложки (например, больного)») – уд. *пуньы-* (> *пуньы* «ложка») → *пуньы-* (> О);

✓ э. *ён-* (> *ён* «здоровый; сильный») → *ён-* (> О) – к. *ён-* (> *ён* «сильный; крепкий; ядреный») → *ён-* (> *ёнмыны* «крепнуть; стать сильным; набрать силы») – уд. *йон-* (> *йон* «сила; здоровье») → *йон-* (> *йонаны* «выздоровливать; излечиться»);

✓ м. *пиза-*, э. *пизэ-* (> м. *пиза*, э. *пизэ* «гнездо») → м. *пиза-*, э. *пизэ-* (> О) – к. *поз-* (> *поз* «гнездо») → *поз-* (> *поздысьны* «гнездиться») – уд. *пуз-* (> *пуз* «яйцо») → *пуз-* (> *пузаны* «класть (откладывать) яйца; нестись (о птице)»);

✓ м. *лайме-*, э. *лём-* (> м. *лайме*, э. *лём* «черемуха») – м. *лайме*, э. *лём-* (> О) – к. *льѡ-* (> *льѡ* «черемуха (дерево и ягода)») → *льѡ-* (> О) – уд. *льѡм-* (> *льѡм* «черемуха (ягода)») → *льѡм-* (> *льѡмалляны* «собирать черемуху; ходить по черемуху»).

Е. Пятая разновидность. В мордовских языках этимологически общая корневая морфема, выступающая в качестве основы имени существительного или прилагательного, осложняясь словообразовательным суффиксом, в основе же глагола выступает в чистом виде. В пермских языках соответствующая корневая морфема обнаруживается в глагольных основах без осложнения словообразовательным суффиксом:

✓ м. *изама*, э. *изамо* (< *иза* + *-ма* «борона») – *иза-* (> *изамс* «бороновать») – уд. *уса-* (> *уса* «борона») – *уса-* (> *усьяны* «бороновать»);

✓ э. *эскелькс* (< *эскель* + *-кс* «шаг») – *эскель-* (> *эскельдямс* «шагнуть») – к. *воськов-* (> *воськов* «шаг») – *воськов-* (> *воськовыны* «шагнуть») – уд. *учкыл-* (> *учкыл* «шаг») – *учкыл-* (> О);

✓ м., э. *коське* (< *кось* + *-ке* «сухой; сушь») – *кось-* (> *костямс* «сушить; осушить») – к. *кос-* (> *кос* «суша; сухой») – *кос-* (> *косьмыны* «сохнуть; обсохнуть») – уд. *кӧс-* (> *кӧс* «сухой; засуха») – *кӧс-* (> *кӧсаны* «высушить; высохнуть»);

✓ м. *шапама*, э. *чапамо* (< *шапа* + *-ма* «кислый») – м. *шапа-*, э. *чапа-* (> м. *шапаскадомс*, э. *чапаскадомс* «киснуть; закиснуть») – к. *шома-* (> *шома* «кислый») – *шома-* (> *шоммыны* «киснуть; сделаться кислым») – уд. *шӧм-* (> *шӧм* «закваска; хмель») – *шӧм-* (> *шӧманы* «закваситься; бродить; хмельеть»);

✓ м. *кайме*, э. *койме* (< *кай* + *-ме* «лопата») – м. *кай-* (> *кайямс* «кидать; бросать; выкинуть (что-либо)») – к. *кой-* (> *кой* «маленькая лопата») – *кой-* (> *койыштны* «выбросить; выкинуть») – уд. *куй-* (> *куй* «лопата») – *куй-* (> *куяськыны* «быть брошенным»);

✓ э. *озкс* (< *оз* + *-кс* «моление») – *оз-* (> *озномс* «молиться») – к. *эс-* (> *эскыны* «верить; веровать») – уд. *вось-* (> *вось* «моление») – *вось-* (> *восьяны* «принести в жертву; освятить»);

✓ э. *валаня* (< *вала* + *-ня* «гладкий») – *вала-* (> *валакадомс* «стать гладким») – к. *воль-* (> *воль* «дерево со снятой кольцеобразно корой (на подсеке)») – *воль-* (> *волькӧдны* «зачистить от-строгать»);

✓ м. *качама*, э. *качамо* (< *кача* + *-ма*, *-мо* «дым») – *кача-* (> *качадомс* «дымить; задымить») – уд. *куч-* (> *кучым* «запах гари») → *куч-* (> *О*) – к. *котш-* (> *котшӧс*: *котшӧс дук* «запах гари») → *котш-* (> *котшасьны* «пригореть; подгореть»);

✓ м. *ведраж*, э. *ведреки* (> *ведь* + *-ки*, *-ж* «годовалая тёлочка») – уд. *вал-* (> *вал* «лошадь; конь») → *вал-* (> *валтыны* «вести за собой; вести на поводу») – к. *вӧв-* (> *вӧв* «лошадь») → *вӧл-* (> *вӧлсьн* «помочь кому-либо обзавестись лошастью»).

2. Сопоставительно-коррелирующая членимость. Корневые морфемы, относимые по происхождению к финно-угорскому фонду, в виде автономных единиц в мордовских и пермских языках не встречаются, но бытуют как связанные морфемы в комбинациях с разными словообразовательными суффиксами, образуя гнезда, состоящих из нескольких членов разных ступеней производности. Гнездовая корреляция одной и той же этимологически общей корневой морфемы в каждом из сопоставляемых языков обусловлено специфическими особенностями строения глагольного производного. Во всех этих образованиях суффиксы выполняют классификационно-модифицирующую функцию:

✓ м., э. *вай-* (> *вайямс* «утонуть») – к. *вӧй-* (> *вӧйны* «тонуть; утонуть; погружаться») – уд. *вый-* (> *выйыны* «утонуть»);

✓ м., э. *лакс-* (> *лаксемс* «стесать») – к. *лӧс-* (> *лӧсавны* «тесать; обтесать») – уд. *лус-* (> *лусйыны* «тесать; обтесать»);

✓ м., э. *мий-* (> м. *мимс*, э. *миемс* «продать») – к. *мед-* (> *медавны* «нанять; нанимать») – уд. *мед-* (> *медъяны* «нанимать; подрядить; нанять»);

✓ э. *тер-* (> *тердемс* «звать; позвать») – к. *төр-* (> *төрны* «вместится; поместится») – уд. *тэр-* (> *тэрыны* «вместится; уместится»);

✓ м., э. *пур-* (> *пурдамс* «свернуть; повернуть») – к. *пыр-* (> *пырöдны* «просверлить; проторить (отверстие)») – уд. *пор-* (> *поръяны* «бурить; сверлить; крутиться»);

✓ э. *укс-* (> *уксномс* «тошнить») – к. *вос-* (> *восöдны* «тошнить; стошнить; вырвать») – уд. *öск-* (> *öскыны* «рвать; тошнить»);

✓ м., э. *тонг-* (> *тонгомс* «тиснуть; сунуть») – к. *той-* (> *тойны* «толочь; толкнуть») – уд. *туй* (> *туйнаны* «тиснуть; втискивать; всунуть»);

✓ м. *пр-*, э. *пур-* (> м. *прнамс*, э. *пурнамс* «собрать; снести (что-либо в одно место)») – к. *пыр-* (> *пырны* «заходить; зайти; забраться; пробраться») – уд. *пыр-* (> *пырыны* «ступать; поступать (на работу); заходить»);

✓ м., э. *муськ-* (> *муськемс* «стирать; постирать») – к. *мыськ-* (> *мыськавны* «мыть; вымыть; обмыть; промыть») – уд. *мыськ-* (> *мыськины* «мыть; вымыть; промывать»);

✓ м., э. *кел-* (> *келемс* «перейти в брод») – к. *кел-* (> *келавны* «бродить по воде») – уд. *кол-* (> *коланы* «ходить по лужайке»; переходить в брод»);

✓ м. *кэш-*, э. *кеш-* (> м. *кэшнямс*, э. *кешнямс* «чихать; чихнуть») – к. *несь-* (> *несъявны* «чихнуть») – уд. *кизь-* (> *кизьныны* «чихнуть»);

✓ м., э. *конь-* (> *конямс* «жмуриться; зажмуриться») – к. *кунь-* (> *куньны* «закрыть; сомкнуть (глаза)»), *куньсьыны* «закрыться; сомкнуться (о глазах)») – уд. *кынь-* (> *кыньыны* «зажмурить; щурить (глаза); сомкнуть; закрыть (глаза)»).

3. Сопоставительно-отрицательная членимость. Суть ее – внешнее совпадение этимологически общих именных и глагольных корневых морфем (основ). По словам известных финно-угроведов [Майтинская 1974: 214; Серебренников 1963: 140; Хакулинен 1953: 65; Веке 1960: 381], подобная омонимия именных и глагольных основ есть следы их прежней (доуральской) нераз-

деленности, когда любой первичный корень обозначал и предмет, и действие-состояние, был синкретичным. И «в индоевропейском, как об этом писал А. Мейе, многие основы состояли из одного только корня; тем самым проглядывает древнее состояние языка, когда каждый корень мог служить основой, не будучи снабжен суффиксом. Из этого следует, что каждый корень был словом как именного, так и глагольного значения, примерно как английское *love*» [1938: 171]. Приведем некоторые примеры, иллюстрирующие именно-глагольную омонимию глагольных основ:

✓ м., э. *коз-* «кашель; кашлять» – *коз* «кашель» – *коз-омс* «кашлять»; в пермских языках – О: к. *кыз-* (> *кызны* «кашлять») – *кыз-* (> *кызём* «кашель») – уд. *кыз-* (> *кызыны* «кашлять») – *кыз-* (> *кызон* «кашель»);

✓ м. *начка-*, э. *начко-* «сырость; намокнуть» – м. *начка*, э. *начко* «сырость» – *начк-омс* «намокнуть»; в пермских языках – О: к. *нюдз-* (> *нюдзыны* «сыреть; отсыреть») – *нюдз-* (> *нюдз* «влажный; сырой»);

✓ м., э. *куля-* «весть; слышать» – *куля* «весть» – *куля-мс* «слышать»; в пермских языках – О: к. *кыв-* (> *кывзыны* «слышать; выслушать») – *кыв-* (> *кывзём* «слушание; прослушивание») – уд. *кыл-* (> *кылыны* «слышать; услышать») – *кыл-* (> *кылзон* «слушание»);

✓ м., э. *пона-* «шерсть; вить; плести» – *пона* «шерсть» – *пона-мс* «вить; плести»; в пермских языках – О: уд. *пун-* (> *пуныны* «вить; свить») – *пун-* (> *пунэм* «плетеный»);

✓ э. *чачо-* (> *чачо* «лицо») – *чачо-* (> *чач-омс* «родиться»); в пермских языках – О: к. *чуж-* (> О) – *чуж-* (> *чуж-ны* «родиться; рождаться») – уд. *чыж-* (> *чыжы* «род») – *чыж-* (> О);

✓ м., э. *кельме-* (> *кельме* «холод») – *кельме-* (> *кельме-мс* «мерзнуть»); в пермских языках – О: к. *кын-* (> *кын* «мерзлый») – *кын-* (> *кынмыны* «мерзнуть; озябнуть») – уд. *кын-* (> *кын* «мерзлый») → *кын-* (> *кынмыны* «мерзнуть; замерзнуть»);

✓ к. *тöv-* (> *тöv* «зима») – *тöv-* (> *тöv-ны* «наступать; наступить (о зиме)»); в мордовских и удмуртском – О: м., э. *те-*

ле- (> теле «зима») – теле- (> О) – уд. тол- (> тол «зима») – тол- (> толмыны «наступить (о зиме)»);

✓ к. тӧд- (> тӧд «память») – тӧд- (> тӧд-ны «знать; заметить») – уд. тод- (> тод «память; внимание») – тод- (> тодыны «знать; уметь»); в мордовских – О: м., э. тонад- – тонад- (> О) – тонад- (> тонадомс «знать; уметь»);

✓ к. кой- (> кой «маленькая изогнутая деревянная лопата») – кой- (> кой-ны «кидать; бросать; вычерпывать») – уд. куй- (> куй «лопата») – куй- (> куюны «бросать; кидать; покидать»); в мордовских – О: м. кай-, э. кой- (> м. кайме, э. койме «лопата») – кай- (> каямс «сыпать; засыпать»);

✓ м., э. куя- (> куя «жир») – м. куя- (> куямс «толстеть») – уд. кӱй- (> кӱй «сало») – кӱй- (> кӱяны «мазать; смазать»);

✓ к. кӧтш- (> кӧтш «круг») – кӧтш- (> кӧтш-ны «окружить; оцепить»); в мордовских – О: м. ши-, э. чи- (> м. ши, э. чи (*кеҫе «круг; окружность») «день; солнце») – м. ши-, э. чи- (> О);

✓ м. шап-, э. чап- (> м. шап, э. чап «зарубка; отметина») – м. шап-, э. чап- (> м. шапомс, э. чапомс «срубить (сруб)») – уд. Чуп- (> Чупет «сруб») – Чуп- (> Чупыны «срубить (сруб)») – к. тишуп- (> тишуп «учуг (рыболовная загородка)») – тишуп- (> тишупны «зарубить; сделать зарубку; срубить (сруб)»).

Итак, сопоставляя словообразовательную членимость этимологически общих глагольных корней в мордовских и пермских языках, можно прийти к следующим выводам: 1) в пермских языках именные корневые морфемы по сравнению с такими же корнями в мордовских языках, значительно шире вовлекаются в сферу глагольного образования, обогащая тем самым систему глагольных производных; 2) в сопоставительно-коррелирующих производных корневые морфемы образуют гнезда глагольных производных, этимологически общие основы которых, могли оканчиваться как на гласные, так и на согласные; 3) в пермских языках в ряде этимологически общих корневых морфем сохраняется более древнее состояние начало корня,

т.е. отсутствует стечение согласных, что обнаруживается в соответствующих корнях в мордовских языках, таким образом, пермские языки служат хорошим источником для выяснения первоначальной структуры этимологически общих корней в мордовских языках; 4) в системе глагольного словообразования в сопоставляемых языках сохранились следы именно-глагольной омонимии.

Список условных сокращений

м. – мокшанский язык; *э.* – эрзянский язык; *к.* – коми язык; *уд.* – удмуртский язык;

Список используемой литературы

Майтинская К. Е. Сравнительная морфология финно-угорских языков / Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М., 1974. – С. 214.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М., 1938. – С. 171.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. – М., 1963. – С. 140.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка // Фонетика и морфология. – 1953. – Т. I. – С. 65.

Beke O. Nomen und Verbum // Acta ling . Hung. – 1960. – X. – 3–4. – С. 381.

Чучалин Владимир Вячеславович

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва.

Россия, г. Саранск

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИЙ ПРЕС-
СЫ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОГО
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА**

**THE TRANSFORMATION OF THE STRUCTURE AND
FUNCTIONS OF THE PRESS IN THE CONTEXT
OF REGIONAL INFORMATION SPACE**

Аннотация: В статье дается характеристика состояния информационного пространства регионов России, в том числе и Удмуртии. Рассматривается трансформация структуры и функций прессы, которая разворачивалась вследствие социально-политических изменений в Российской Федерации 1993–2000-ые гг. Упразднение советской политической системы качественно повлияло на структуру и функциональные возможности печатных СМИ и всё информационное пространство регионов в целом. Произошел коренной пересмотр информационной политики регионов, появление новых, отдельная смена старых функциональных и структурных составляющих.

Ключевые слова: Информационное пространство, трансформация, регионализация, структура, функции, контент, пространство СМИ.

Annotation: This article provides an overview of informational space in Russia regions which includes Udmurtia. Transformation of media structure and functions is considered to be the result of social-political changes in Russian Federation in 1993–2000. The abolition of the Soviet political system had essential impact on structure and functional capacities of the print media and all informational space in regions. The revision of informational politics in regions occurred, the new approaches appeared, and some changes happened in old functional and structural components.

Key words: informational space, transformation, regionalization, structure, functions, content, media space.

Термин «информационное пространство» с уточнением «единое» впервые активно стало применяться сразу после разрушения СССР различными политическими деятелями и журналистами в контексте анализа ситуации, связанной с журналистикой и всей информационной сферой. Так были приняты первые попытки сохранить структуру информационного пространства со всеми её институтами и функциональным спектром.

Профессор И. М. Дзялошинский указывает на то, что в аспекте журналистики информационное пространство – не обычное поле, где функционируют СМИ: «...это территория значимая для СМИ, населяющими ее людьми, составляющими реальную, расчетную, потенциальную аудиторию функционирующих в этом пространстве СМИ. Значит, пространство имеет не только географические, но и журналистско-аудиторные характеристики» [Дзялошинский 2001: 56].

Стоит выделить, что информационное пространство потеряло целостность как раз в ракурсе геополитических преобразований. В первую очередь, академик В. В. Тулупов в своей книге «Региональная пресса: характер прессы в переходный период» указывает на существенное падение тиражей периодических изданий общегосударственного значения: «Тем не менее, количество подписчиков на региональные газеты возросло, поскольку, безусловно, наметился сдвиг интересов аудитории с общенационального на региональный уровень, ведь именно там реально решаются её жизненные проблемы» [Тулупов 2003: 41].

Российское информационное пространство до сих пор претерпевает трансформационные изменения, которые обусловлены отходом от централизованного, авторитарного государства к демократическому, правовому государству, имеющему соответствующие социальные нормы. Происходит активный пересмотр ролей множества понятий и социальных институтов, СМИ. Претерпевают изменения специфика и условия создания, распространения и обмена информации. Конструкт СМИ снова участвует в процессе институализации.

На смену единому институту по созданию, тиражированию и распространению информации, строго интегрированного

в конструкт партийно-государственной координации, пришли сегодняшние российские СМИ, которые размножились на большое количество самостоятельных структур; их учредителями, вместе с государственными, становятся и партийные, политические, общественные, коммерческие объединения и фирмы, а также обычные физические лица.

После социополитических трансформаций, произошедших в государстве, последовало постепенное усиление региональной (республиканской) прессы, вследствие смены вертикального на горизонтальный тип координации СМИ в условиях региона. Происходит масштабная децентрализация, демонополизация и регионализации СМИ.

Регионализация на сегодняшний день – всё ещё важная черта современного состояния СМИ в России. Данный процесс активен, он стимулирует продвижение множества субъектов федерации к социокультурной суверенности. Для регионализации характерно типологическое и функциональное разделение местных СМИ, увеличение их давления на социально-политическую жизнь субъектов РФ.

Региональные СМИ играют роль одного из механизмов социального управления, а также выполняют персональную роль информационных, культурных и других социальных потребностей аудитории. Одна из важнейших черт региональных СМИ – возможность активной функции обратной связи со своей аудиторией. Набирают обороты изучение аудитории, общественного мнения, создание фокус-групп и др.

Современный вид рынка СМИ регионов, и в частности Удмуртии, обусловлен активностью взаимодействия системы периодических изданий, пришедших в конкретно взятые субъекты федерации. Этот рынок отличался равенством сторон, и, следовательно, изменением связей ответственности, множеством мнений, кроме того, оживлением «войн» за аудиторию, что, конечно же, привлекало внимание читателей. Говоря о появлении новой системы типологии, стоит отметить создание новых изданий: политических, информационно-рекламных, коммерческих, религиозных, спортивных и молодёжных СМИ.

Статья В. К. Иванова «Особенности региональной прессы современной России» раскрывает трансформацию контента прессы во время социо-политических трансформаций, отмечая, что сущность материалов существенно изменилась: «Известные экономические трудности заставили региональную прессу отдавать значительную часть площадей рекламе. Скрытая и открытая борьба изданий за читателя, в основе которой лежит стремление к экономическому выживанию, нередко приводит к дешёвой популярности, к удовлетворению низменных запросов потребителя информации. Именно на этой волне сочиняются сенсационные новости, раздуваются слухи и так далее. Всё это в конечном итоге вырастает в проблему достоверности информации в СМИ и доверия аудитории» [Иванов 2012: 229]. Говоря об условиях существования региональной прессы в СССР, можно отметить её тотальную интеграцию в строгую иерархию конструктора системы печати и пропаганды. Пропаганда принималась как важнейшая функция СМИ.

Структура и функции СМИ периода «перестройки» воспринималась относительно целей увеличения давления института пропаганды, создания особого конструкта общественного мнения, поддерживающего процессы модернизации социализма. К функциям СМИ того периода можно отнести информирование, обучение, просвещение, воспитание, кроме того поддержку структур власти и координацию институтов общества, для достижения идеологических «сверхцелей».

Учредителями и соучредителями региональной прессы Советского Союза в подавляющем большинстве были партийные аппараты. Причём при каждом регионе имелся обязательный, четко сформированный список печатной периодики, удовлетворяющий канонам власти [Овсепян 1996: 176].

Весьма характерен глубокий кризис районной печати Удмуртии в 1990-е годы – в первую очередь это связано с недостаточным финансированием. Уменьшение тиражей обусловлено недостаточной платежеспособностью населения в этот период. Но не смотря на неблагоприятные условия, анализ содержания районных газет показывает высокий профессионализм в харак-

тере публикуемых материалов. Изучение районной прессы показывает, что публикациям стала свойственна информативность, объективность и разносторонность. Для частных печатных изданий характерна высокая приспособляемость к экономическим и социально-политическим изменениям сегодняшней России.

Формирование новейшего базиса регионального информационного пространства в контексте переходного периода отличается рождением большого числа периодических изданий особой типизации: 1) государственная, региональная пресса; 2) частные, общественно-политические издания. К ним также можно отнести и печатные СМИ СССР, которые при реформировании всего государственного конструкта нашли опыт индивидуального сохранения своего издания, профессиональной активности и актуальности.

Социополитическая реформация, демократизация дала региональной, в частности и удмуртской прессе, условия для развития разнообразия, создание новых типов изданий, правовой и материальной независимости. Новая структура региональных СМИ обладает гибким и динамичным характером. Аудитория, по обыкновению, больше обращается к местной, региональной прессе. Именно это стимулирует качественный рост изданий, создает естественную конкуренцию на рынке информационных изданий. Описанные условия дают начало конструирования нового образа региональных СМИ.

Список использованной литературы:

Дзялошинский И. М. Информационное пространство России: политическая метафора или научное понятие / Право знать: история, теория, практика. – №7–8. – 2001. – С. 56–57.

Иванов В. К. Особенности региональной прессы современной России [Текст] / В.К. Иванов // Молодой ученый. – 2012. – №10. – С. 228–230.

Овсеян Р. П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – начало 90-х годов): Учебное пособие / Под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 208 с.

Тулунов В. В. Региональная пресса: характер трансформации в переходный период // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. – 2003. – № 2. – С. 34–51.

УДК 811.511.131

Широбокова Светлана Николаевна

Научно-исследовательский институт национального образования

Россия, г. Ижевск

**ПЕРЕХОДНОСТЬ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ
ОМОНИМИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕЖДОМЕТИЙ
УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА)**

**TRANSITIVITY OF THE PARTS OF SPEECH AND
GRAMMATICAL HOMONYMY (ON THE MATERIAL
OF INTERJECTIONS OF THE UDMURT LANGUAGE)**

Аннотация. Границы между частями речи подвижны. В морфологии удмуртского языка, как и во многих других языках, широко представлены явления перехода слов из одной части речи в другую, что способствует возникновению в языке грамматических омонимов, сохраняющих одинаковое звучание и написание, но различающихся структурными, семантическими и грамматическими характеристиками. «Переходность» – это один из путей пополнения и такой категории слов как междометия. Различные знаменательные части речи (преимущественно существительные и глаголы) могут переходить в междометия.

Ключевые слова: переходность, части речи, омонимия, междометие, удмуртский язык.

Abstract. The boundaries between the parts of speech are flexible. In the Udmurt language morphology, as in many other languages, the phenomenon of transitivity of the words from one part of speech to another is widely presented. It contributes to the emergence

of grammatical homonyms which keep the same sound and spelling but differ in terms of structural, semantic and grammatical characteristics. «Transitivity» is one of the ways of enrichment of such category of words as interjections. Different major parts of speech may transfer into interjections (mainly nouns and verbs).

Key words and phrases: transitivity, parts of speech, homonymy, interjection, the Udmurt language.

По своим грамматическим свойствам все слова удмуртского языка распределяются по классам, которые называются частями речи. Распределение слов по частям речи осуществляется с учетом их категориального (классифицирующего) значения, морфологических признаков и синтаксических свойств. Однако, границы между частями речи подвижны и в морфологии удмуртского языка, как и во многих других языках, широко представлены явления перехода (или трансформации) слов из одной части речи в другую.

Как отмечает В. В. Бабайцева, «сложность и разнообразие явлений переходности обусловили разнообразие точек зрения в понятийно-терминологической системе, изучение явлений переходности шло и идет в разных направлениях» [Бабайцева 2000: 61]. В данной статье представлена попытка описания переходности частей речи и грамматической омонимии на примере междометий удмуртского языка. Под переходностью (или трансформацией) в данной статье понимается «процесс изменений признаков слова, который приводит к перемещению слова из одной части речи в другую или к перемещению слова из одного морфологического разряда в другой в пределах одной части речи» [Шибанов 2015: 345].

Следствием процессов переходности является синкретизм. Синкретизм (от греч. *synkrētismós* – соединение) – совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий и форм в одной форме [Языкознание 2000: 446].

В языкознании широко представлены явления перехода слов из одной части речи в другую. К ним относятся следующие процессы:

- 1) субстантивация — переход слов из других частей речи в имена существительные;
- 2) адъективация — переход слов в имена прилагательные;
- 3) нумерализация — переход слов в имена числительные;
- 4) прономинализация — переход слов в местоимения;
- 5) вербализация — переход слов в глаголы;
- 6) адвербиализация — переход слов в наречия;
- 7) предикативация — переход слов в категорию состояния;
- 8) модалация — переход в модальные слова;
- 9) препозиционализация — переход слов в предлоги;
- 10) конъюнкционализация — переход слов в союзы;
- 11) партикуляция — переход слов в частицы;
- 12) интеръективация — переход слов в междометия.

Следует отметить, что в удмуртском языке не все перечисленные процессы перехода частей речи одинаково распространены. Наиболее развиты процессы субстантивации, адъективации, адвербиализации, предикативации и интеръективации. Процесс перехода слов из одной части речи в другую является постепенным. Так, слово сначала утрачивает признаки одной части речи, затем постепенно приобретает свойства другой.

Интеръективация (от лат. *interjectio*) – переход полнозначных слов в разряд междометий. При таком переходе слова знаменательных частей речи теряют свое лексическое значение и превращаются в слова-сигналы, выражающие эмоции и волеизъявления. В удмуртском языке в междометия могут переходить:

1) имена существительные: (*Осто(э)!* ‘Боже!’ *Осподи!* ‘Господи!’ *Шабаш!* ‘Шабаш!’ *Караул!* ‘Караул’). Примеры: 1. *Со потэм бере, Зоя Макарез небыт куараен буйгатыны өдъяз: «Осто, Макар, сыће, пе, луод-а...»* (Крас., 53). ‘После того, как он вышел, Зоя начала мягким голосом успокаивать Макара: «Боже, Макар, разве можно быть таким...»’ (междометие использовано в значении укора, порицания). 2. *Собере Зоя пуньызэ жёк вылэ понэ, ымдуръёссэ айшетэзлэн мыддорин палыныз чу-*

ше но лулске: «**Осподи**, астэ ачид тійялтійськод, Олексан... Косійсь-марась ке луысал, эшио ик...» (Крас., 14). 'Потом Зоя кладёт свою ложку на стол, вытирает губы изнаночной стороной передника и вздыхает: «Господи, сам себя губишь, Олексан... Если бы кто просил, ещё бы...»' (междометие в значении укора). 3. – **Шабаш**, уг тодійськы, – пельпумзэ кысказ со [Сандыр] (Медв., 119). '– Шабаш, не знаю, – потягивал он [Сандыр] плечи' (в значении сожаления). 4. **Шушмо** вамен кыскем выж вылтій потыкузы, нырысь ик шітэм куара вуиз соос доры: – **Кар-раул!.. Виё!..** (Медв., 130). 'Когда шли по протянутому через Шушму мосту, вначале донесся до них безобразный голос: – Кар-раул!.. Убивают!..' (в значении страха);

2) глаголы: (**Уть!** 'Смотри!' **Уть ай!** 'Смотри-ка!' **Учкы-ай!** 'Смотри-ка!'). Примеры: 1. **Уть-ай**, бадзым ужъёслы, пе, бадзым кужым кулэ (Пер., 71). 'Смотри-ка, для больших дел, говорят, большая сила нужна' (междометие в значении укора). 2. **Уть**, колхозлы макем жеч кариз, лыктыса азыд йыбырттозы-ай! (Крас., 16). 'Смотри, как хорошо для колхоза сделал, придут и поклонятся' (в значении укора);

3) местоимения, которые часто используются в связке с междометиями для усиления экспрессивной значимости (**Эх тон!** 'Эх ты!' **Эх тii!** 'Эх вы' **Ишь тон!** 'Ишь ты'). Примеры: 1. – **Эк тон**, пересь кышно, – пыкылыны кутскиз Захарлэсь кыткетсэ (Арх., 24). '– Эх ты, старуха, – начал упрекать упряжку Захара' (междометие в значении укора). 2. **Эх тii** [егитъёс]! Нырысь вамыштійськоды, собере гинэ азыдэс учкиськоды (Крас., 81). 'Эх вы [молодежь]! Сначала делаете шаг, лишь потом под ноги смотрите' (в значении укора). 3. – **Ишь тон**... – Пылька Сандыр исаз. – Чут-чут, а тоже пультэмьяське... (Медв., 68). '– Ишь ты... – подразнил Пылька Сандыр. – Хромой, а тоже возникает...' (в значении укора).

4) а также отдельные обороты: Вот так да! Вот те на!, которые встретились в значении удивления. Примеры: 1. – **Вот так да!** – табере уни Николай но паймиз (Пер., 124). '– Вот так да! – теперь уже и Николай удивился'. 2. – **Вот те на!** – Чубуков ки-

оссэ ик шеръяз (Пер., 14). ‘– Вот те на! – Чубуков развел руками’.

С явлением переходности частей речи связано и понятие *омонимия*. Большинство слов в удмуртском языке являются определенной частью речи, но наряду с ними в удмуртском языке встречаются и такие слова, которые могут быть использованы в качестве различных частей речи. Такие слова являются грамматическими омонимами. Они сохраняют одинаковое звучание и написание, но различаются структурными, семантическими и грамматическими характеристиками. Грамматические омонимы встречаются как среди знаменательных частей речи, так и среди служебных. Например: *Кузьма Павлович шулдыр куазьлы син-маськиз ке но, мылкыдыз капчи ой вал (тодметним)*. ‘Не смотря на то, что Кузьма Павлович был в восторге от ясной погоды, настроение его не было веселым’ (прилагательное). *Кыче шулдыр кырзало, кыче чебересь адзисько соос (сямкыл)*. ‘Как весело поют, как красиво они смотрятся’ (наречие). *Не Вормон нунал, не куазьлэн шулдырез уг буйгато сюлэмез... (макеним)*. ‘Ни День Победы, ни ясность погоды не тешат сердце...’ (существительное) [УКК 2011: 80–81]. Или, пример омонимии среди служебных частей речи: *Лымшор бере, оло, зороз, зор бере турнаны капчигес луоз (нимбер)*. ‘После полудня, возможно, пойдет дождь, после дождя будет легче косить’ (послелог). *Нош яратоно адямиед адзиськыны гинэ но оз лыкты бере, шумпотымон өвөл ни (герзет)*. ‘А если любимый человек даже повидаться не пришел, тут уже не до радости’ (союз) [УКК 2011: 336].

Представленные примеры грамматической омонимии можно встретить и среди междометий. Так, озвученные выше примеры на переходность других частей речи в междометия могут вполне свидетельствовать о том, что некоторые производные междометия могут образовать грамматические омонимы, так как такие слова и выражения как *уть, уть ай*, могут быть использованы не только в качестве эмоциональных высказываний (примеры приведены выше), но и в значении других частей речи: *Сое [крестьян нылпиез] быремлэсь нош номыр но уг уть* (Льдз. кн., 117). ‘Его [крестьянского дитя] ничего не спасет от смерти’. *Осто шуиз-а*

та мурт, усъыкуз? (Ван., 22) ‘Сказал ли господи этот человек, когда падал’ и др.

Таким образом, границы между частями речи подвижны и в морфологии удмуртского языка также представлены явления перехода слов из одной части речи в другую, и, как мы можем убедиться, в данный процесс вовлечена и такая категория слов как междометие. Результатом процесса переходности может стать не только пополнение какой-либо части речи, но и возникновение в языке грамматических омонимов.

Список источников

Арх. – *Архинов Т. А.* Лудсеи шур дурын: роман-дилогия. – Устинов: Удмуртия, 1985. – 524 б.

Ван. – *Ванюшев В. М.* Удмурт Выжы Книга (Иднакарын) = Le livre des raciness des Oudmourts (sur Idnagar) = Как будто Книга Бытия (на Иднакаре): поэма на удм., франц., рус. яз.; пер. на франц. Н. П. Долгиной; пер. на рус. А. И. Демьяновой. – Ижевск, 2012. – 102 б.

Крас. – *Красильников Г. Д.* Вуж юрт: дилогия. – Ижевск: Удмуртия, 1976. – 412 б.

Лыдз. кн. – Лыдзон книга: начальной школары учебник / Люказ Ф. И. Межников. – П люкетэз. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1938 – 140 б.

Медв. – *Медведев Г. С.* Лёзя бесмен: роман-трилогия. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 704 б.

Пер. – *Первошиков Г. К.* Йыбыртты музеймы: роман. Нырысеті книга. – Ижевск: Удмуртия, 1977. – 260 б.

Список использованной литературы

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.

УКК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание / А. А. Алашеева, Д. А. Ефремов, Т. М. Кибардина, Н. В. Кондратьева, С. В. Соколов, О. Б. Стрелкова, И. В. Тараканов, Н. Н. Тимерханова, А. Ф. Шутов; Кылкутӧсь ред. Н. Н. Тимерханова. – Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. – 408 б.

Шибанов А. А. Переходность в системе частей речи в удмуртском языке. Адвербиализация // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сборник статей / УИИЯЛ УрО РАН, Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 2015. – С. 345–353.

Языкознание 2000 – Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. – 688 с.

Эрцикова Галина Алексеевна

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

Россия, г. Йошкар-Ола

ОМОНИМИЯ ЧАСТИЦ И СЛОВ ДРУГИХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

HOMONYNY OF PARTICLES AND WORDS OF OTHER PARTS OF SPEECH

Аннотация. В статье впервые подробно исследуется омонимия частиц и слов других частей речи в марийском языке. Установлено, что частицы марийского языка имеют омонимы, как среди самостоятельных, так и среди служебных слов. Активным является процесс образования новых частиц на базе слов собственного языка. Многие частицы связаны по происхождению с наречиями. Немалое количество омонимов образовалось в результате перехода в частицы местоимений и глаголов. Разряд слов-омонимов частиц и других частей речи пополнился, кроме того, за счет заимствований из других языков и конвергенции.

Ключевые слова: частицы, знаменательные слова, служебные слова, омонимичные пары, марийский язык.

Abstract. The article discusses homonymy of particles and the words of other parts of speech in the Mari language. According to the research, the particles of the Mari language have homonyms both among significant words and among auxilliary words. Formation of new particles based on the words of the Mari language is an active process. Many particles are connected with the adverbs by origin. A considerable number of homonyms are formed as a result of the transition of pronouns and verbs into particles. Moreover, the category of words-homonyms of particles and other parts of speech increased due to the borrowings from other language and convergence.

Keywords: particles, significant words, auxilliary words, homonymous couples, the Mari language.

Омонимичные пары частиц и слов других частей речи в марийском языкознании не подвергались специальному исследова-

нию. Некоторые сведения об искомым явлениях имеются в «Словаре горного наречия марийского языка» [Саваткова 1981], в десятитомном словаре марийского языка [СМЯ 1990–2005]. Однако в этих изданиях большинство омонимичных единиц не разграничиваются как омонимичные части речи, они представлены в одной словарной статье. Сопоставление отдельных луговомарийских частиц и омонимичных им слов произведено автором данной статьи [Эрцикова 2011: 81–87].

Частицы марийского языка могут иметь омонимы среди различных частей речи: имен, глаголов, наречий, местоимений, союзов, междометий. Основными причинами возникновения подобных омонимов в языке являются: 1) переход слов собственного языка из одной части речи в другую; 2) заимствование слов-омонимов из одного и того же языка; 3) сближение генетически не связанных единиц (конвергенция).

Активным в марийском языке является процесс образования новых частиц на базе других частей речи. В частицы переходят как самостоятельные, так и служебные слова. При трансформации одной части речи в другую происходит изменение категориального лексического значения слова, полное или частичное изменение морфологических признаков и синтаксических свойств исходного слова, и таким образом появляются группы функциональных омонимов и омоформ.

Достаточно большое количество функциональных омонимов – родственных по происхождению слов, совпадающих по звучанию, но относящихся к разным частям речи – образовалось за счет перехода в частицы наречий, в результате появились следующие омонимические ряды (13 пар): г., л. *лач I* 'как раз, совершенно точно, в самый раз; верно, правильно, в соответствии с действительностью; как раз, впору, хорош, в самый раз; как раз, именно, точно; кстати, вовремя; ровно, точно, как раз' (нареч.) – г., л. *лач II* 'именно, как раз; только, лишь, лишь только, только лишь; же, даже, аж, уж; словно, как, как будто, точно' (част.); л. *лачак I* 'как раз, именно, точно; кстати, вовремя; ровно, точно, как раз; как раз, совершенно точно, в самый раз; в меру' (нареч.) – л. *лачак II* 'именно, как раз; только, лишь, лишь

только, только лишь; же, даже, аж, уж; словно, как, как будто, точно' (част.); г., л. *вара I* 'потом, затем, после; поздно' (нареч.) – г., л. *вара II* 'же, ну, и, -то, ведь; ли, же; то' (част.); л., в. *эртак I* 'все время, всегда, постоянно, всякий раз; все; везде, всюду, повсюду' (нареч.) – л., в. *эртак II* 'все, только, лишь, исключительно, единственно' (част.); л., в., сз. *эре I* 'все время, всегда, постоянно, всякий раз; все; везде, всюду, повсюду' (нареч.) – л., в., сз. *эре II* 'все, только, лишь, исключительно, единственно' (част.); г. *ирсә I* 'совершенно, полностью, в полной мере, целиком, сплошь' (нареч.) – г. *ирсә II* 'один (одна, одно, одни) лишь, только, исключительно' (част.); л. *вуйгак I* 'совсем, вовсе, совершенно' (нареч.) – л. *вуйгак II* 'всего, всего-навсего, всего лишь, только' (част.); л., в. *адак*, сз. *әдәк I* 'ещё, снова, опять; кроме того, в добавление' (нареч.) – л., в. *адак*, сз. *әдәк II* 'еще' (част.); г. *йори/йоре I* 'специально, нарочно, преднамеренно, с намерением, шутя' (нареч.) – г. *йори/йоре II* 'же, -ка' (част.); л., в. *ынде*, г. *ёнде*, сз. *ёнте*, *ёнтё I* 'теперь, в настоящее время, сейчас; уже' (нареч.) – л., в. *ынде*, г. *ёнде*, сз. *ёнте*, *ёнтё II* 'же, уж, вот, ведь' (част.); л., в. *туге*, *тыге*, л. *тугак*, *тыгак*, в. *тёге*, *тугок*, г. *тёнге*, *тенге*, *сенге*, сз. *теге(к)*, *тёге/тёгок I* 'так' (нареч.) – л., в. *туге*, *тыге*, л. *тугак*, *тыгак*, в. *тёге*, *тугок*, г. *тёнге*, *тенге*, *сенге*, сз. *теге(к)*, *тёге/тёгок II* 'так, да, действительно' (част.); л., в. *чынак(ак)*, *чынжымак I* 'правда, вправду' (нареч.) – л., в. *чынак(ак)*, *чынжымак II* 'по-настоящему, действительно, в самом деле, подлинно, взаправду' (част.); г. *лачок*, *лачокат*, сз. *лацок I* 'настоящий, истинный, подлинный' (прил.) – г. *лачок*, *лачокат*, сз. *лацок I* 'по-настоящему, действительно, в самом деле, подлинно, взаправду' (нареч.) – г. *лачок*, *лачокат*, сз. *лацок II* 'правда, вправду' (част.).

Разряд слов-омонимов наречий и частиц в марийском языке, кроме того, пополнился за счет заимствований (5 пар) из: а) русского языка – г., л., в. *просто*, г. *просты I* 'просто' (нареч.) – г., л., в. *просто*, г. *просты II* 'просто' (част.); г. *эче*, л. *эше I* 'еще' (нареч.) – г. *эче*, л. *эше II* 'еще' (част.); г., л. *уж*, сз. *уш I* 'уж, уже' (нареч.) – г., л. *уж*, сз. *уш II* 'уж' (част.); б) татарского языка – л. *але I* 'еще' (нареч.) – л. *але II* 'еще' (част.) – л. *але III*

'или' (союз); г., л., в., сз. *тек I* 'бездеятельно, ничего не делая; больше, более, с тех пор' (нареч.) – г., л., в., сз. *тек II* 'пусть, пускай' (част.) – г., л., в., сз. *тек III* 'пусть, пускай' (союз).

В разграничении наречий и частиц имеются некоторые трудности, т.к. обе части речи являются неизменяемыми. Наречия, подобно служебным частям речи, выполняют функции вспомогательных слов. Рассматриваемые единицы сближаются своим происхождением. И те, и другие восходят к разным формам имени и глагола, и те, и другие лишены собственных форм словоизменения и словообразования (если не считать у наречий изменения по степеням сравнения). Различие между ними, как нами было уже отмечено, в том, что «если наречия, подобно прилагательным, называют какое-нибудь качество (действия или другого качества) или же называют какое-нибудь обстоятельство действия, то частицы называют то или другое отношение говорящего или автора, а иногда и действующего лица к сообщаемому или обозначаемому» [Эрцикова 2011: 83]. Наречия имеют самостоятельное значение и являются членом предложения, частицы, напротив, не имеют самостоятельного лексического значения, следовательно, не являются и членом предложения.

В качестве примера рассмотрим пару л. *эре I* (нареч.) – л. *эре II* (част.).

л. *эре I* (нареч.). 1. Все; все время, всегда, постоянно, всякий раз. Обстоятельственное наречие со значением времени. *Йўдымат, кечывалымат калык шуко коштеш, тудо ала-кушко эре* (кунам? 'когда?' обст.; син. *чарныде* 'букв. не переставая') *вашка* (Ив., 113) 'И днем, и ночью народу много, они все время куда-то спешат'. 2. Все. Определительное наречие со значением количества. В сочетании со словами, называющими изменяющееся качество, признак, предмет, действие или состояние, указывает на постепенное усиление, нарастание качества, признака, предмета, действия или состояния. *Полк ден полк, батальон ден батальон коклаштат кылым кучаш эре* (мыняр? 'на сколько?' опред.) *нелырак да нелырак* (Кор., 150) 'Между полками и батальонами поддерживать связи всё труднее и труднее'. 3. Везде, всюду, повсюду (во всех местах, на всей поверхности). Обстоятельствен-

ное наречие со значением места. *Йолюшум дене корным шижаши ок лий, кеч-куш тошкал, эре* (кушто? 'где?' обст.; син. *чыла вере*) *келге, пушкыдо лум* (Тын., 72) 'Ощупью нельзя найти дорогу, куда ни вступи, всюду глубоко, мягкий снег'.

л. *эре II* (част.). Только, лишь, исключительно, единственно. Выделительно-ограничительная. Употребляется для указания на единственность, исключительность какого-либо факта в тех случаях, когда это значение надо особенно подчеркнуть. *Кечывалымат, йӱдымат Пагулын ушыштыжо эре* (син. *лач, лачак, гына, веле*) *ик шонымаш: ош шыште дене велыме гай сӧрал капан Орина* (Шк., 51) 'И днем, и ночью в уме Пагула только одна мысль: словно литая из белого воска фигурой Орина'.

В исследуемом языке имеются функциональные омонимы, образованные на базе местоимений (8 пар): г. *тидӱ*, л. *тиде*, в. *тыде I* 'это, этот, эта' (мест.) – г. *тидӱ*, л. *тиде*, в. *тыде II* 'это' (част.); г. *тӱдӱ*, л., в. *тудо I* 'это, этот, эта' (мест.) – г. *тӱдӱ*, л., в. *тудо II* 'это' (част.); г. *циля*, сз. *цӱля*, л., в. *чыла*, в. *чӱля II* 'весь, все, вся' (мест.) – г. *циля*, сз. *цӱля*, л., в. *чыла*, в. *чӱля II* 'даже, аж' (част.); г. *бишке I* 'сам, сама, само; свой, своя, свое' (мест.) – г. *бишке II* 'вообще, вообще-то' (част.); г. *тӱ*, л. *ты*, л.диал. *ту I* 'этот, эта, это, эти' (мест.) – г. *тӱ*, л. *ты*, л.диал. *ту II* 'и, так и, всё' (част.); г. *седӱ I* 'тот, то, та' (мест.) – г. *седӱ II* 'конечно' (част.); г. *тӱдӱ*, л. *тудо I* 'он, она, оно; тот, та, то' (мест.) – г. *тӱдӱ*, л. *тудо II* 'конечно' (част.); г., л., в. *мо*, л.срн., сз. *ма I* 'что' (мест.) – г., л., в. *мо*, л.срн., сз. *ма II* 'что, ли, ль, да' (част.); г. *тама I* 'что-то; какой-то; все, что угодно, всякое, всякий' (мест.) – г. *тама II* 'кажется, наверное, вероятно, видимо, что ли' (част.).

Довольно спорным является вопрос разграничения указательных местоимений г. *тидӱ*, л. *тиде*, в. *тыде*; г. *тӱдӱ*, л., в. *тудо* от омонимичных указательных частиц, так как и те и другие указывают на предмет, его свойства и качества. Рассматриваемые частицы почти всегда входят в синтаксическую структуру предложения и поэтому не полностью обособились от указательных местоимений. Однако они «не могут выступать в качестве самостоятельных членов предложения» [Майтинская 1982:

116] и в этом случае будут выступать в качестве указательных частиц.

Более подробно остановимся на паре г. *тидби*, л. *тиде I* 'это, этот, эта' (мест.) – г. *тидби*, л. *тиде II* 'это' (част.).

г. *тидби*, л. *тиде I* (мест.). 1. Это, этот, эта. Указательные. Указывают на кого-что-либо, близкое в пространстве, во времени или находящееся перед говорящим. г. ...*кбитӓзы отве-чӓйӓлеш*: «Теве Йуксби-йӓр, **тидби** (кыды? 'который?' обст.) *тӓи солан кӓитӓ*» (Поств., 129) '...пастух отвечает: «Вот Юксары, это стадо той деревни»'. л. Теве **тиде** (кудо? 'из которого?' обст.) *пӓрт гыч ег лекте* (Лек., 239) 'Вот из этого дома вышел человек'. 2. Это, этот, эта. Указательные. Указывают на кого-что-либо, уже или только что упомянутое. г. *Южнамжы тидби гишӓн* (ма гишӓн? 'о чем?' обст.) *пиш когон вырседӓлӓш тӓингӓлӓйнӓ* (*Тум кестен дон вӓтӓйжӓи*) (Игн., 362) 'Порой очень сильно начинаем спорить (Дубовый кистень и его жена) об этом'. л. **Тиде** (мо? 'что?' подл.) *шошо вӓдшор эртымеке ыле* (Вас., 143) 'Это было после весеннего половодья'. 3. г. Он. Личное. Служит для обозначения 3 л. ед.ч., предмета речи, а также, при обобщении, указывает на любого, каждого. **Тидби** (*Серге поп*) (кӓ? 'кто?' подл.) *йориок тама хозавлӓ тоньшты уке годым, папавлӓ, изивлӓ веле ылмы годым, ругым поген каштеиш* (Игн., 7) 'Он (поп Сергей), наверное, специально собирает ругу тогда, когда нет хозяев, когда дома одни старушки и дети'.

г. *тидби*, л. *тиде II* (част.). Это. 1. Указательные. Сосредоточивают внимание на том, что является главным в сообщении. г. (*Антон Антонович – Ваштаровлан*.) **Тидби** *тӓ такеш слон вӓйлкӓи оптаиш тӓингӓлӓйнӓ дӓ остаткажым теве – пӓшӓде тоньда* (Ил., 73) '(Антон Антонович – Ваштарову:) Это вы зря стали лаять на слона и в итоге вот – без работы дома'. л. – *Шарнет, Пагул, сар деч варасе жапым? Школыш куржталат ыле, ала кумшо, ала нылымше классыш – ынде олат шарне. Телым тиде* (Арт., 51) '– Помнишь, Пагул, послевоенные годы? Ты бегал в школу, то ли третий, то ли четвертый класс – уже не помню. Зимой это'. 2. Указательные. Употребляются как указательные слова на границе двух предложений, из которых второе содер-

жит в себе истолкование, разъяснение первого. г. *Корны гыц иктә лу метр келгыштӱрӱк веремӱн-веремӱн шодыр-р-р шактен колта, вуйта кӱрӱш тӱрвӱнӱшӱ йӱктӱ йочырга, тидӱ ишштӱ каргыжым пырала* (Бел., 134) 'Примерно в десяти метрах от дороги временами слышится скрипучий звук, будто скрипит наполовину сломанная сосна, это дятел долбит кору'. л. *Клуб вельм ныжыл сем ял мучко шергылтеш, тиде ӱдыр-влак мурат* (Ялм., 5) 'Со стороны клуба по деревне раздается нежная мелодия, это поют девушки'. 3. Указательные. В вопросительном предложении усиливают значение вопросительного слова и придают ему оттенок недовольства. г. – *Кыце тидӱ – алтатат? – учительница ядеш* (Иль., 17) '– Как это – обманывают? – спросила учительница'. л. *Кӱ тиде пудранчыкым ыштылеш, Зорин, Пекшиев Петр але просто самырык ег – Александр Пекшиев толашен коштеш?* (Лек., 84) 'Кто это создает неразбериху, Зорин, Пекшиев Петр или просто молодой человек – Александр Пекшиев старается'. 4. Связка. При именном сказуемом осуществляют грамматическую связь между подлежащим и вещественной частью сказуемого и при этом акцентируют признак, усиливают значение тождества или выражают сравнительность, предположительность. г. – *Дела яжо агыл, – Савва соглашая. – Колхоз – тидӱ мӱмнӱн колымашина* (Ил., 76) '– Дела не очень хорошие, – соглашается Савва. – Колхоз – это наша смерть'. л. *Важыктойае буква – тиде А* (Люб., 15) 'Буква похожая на сажень – это А'.

На базе существительного в языке образована частица убежденности л., в. *чын* 'действительно, правда, вправду'. Она употребляется для утверждения, уверенного подтверждения, подчеркивания того, что то или иное сведение полностью отвечает действительности, является именно тем, что выражено словом.

Лексема *чын* в марийском языке кроме того функционирует в качестве прилагательного, наречия, вводного слова. Следовательно, идентичные слова образуют многочисленный ряд функциональных омонимов: л., в. *чын I* 'правда, истина' (сущ.) – л., в. *чын II* 'истинный, настоящий, подлинный, действительный, точный, верный, правдивый, справедливый, честный, правильный' (прил.) – л., в. *чын III* 'правильно, верно, справедливо, честно'

(нареч.) – л., в. *чын IV* 'правда, действительно, в самом деле' (вводн. сл.) – л., в. *чын V* 'действительно, правда, вправду' (част.). Например: л. *Тунам вара кычал: кушто шоя, кушто чын?* (мо? 'что?' сущ.; син. *кере*) (Ялм., 40) 'Тогда уж ищи: где обман, где правда'. *Кө тиде йодышлан чын* (могай? 'какой?' прил.) *вашмутым пуа?* (Юкс., 97) 'Кто даст на этот вопрос правильный ответ'. – *Кеч-кунамат чын* (кузе? 'как?' нареч.; син. *верне*) *илаш тыршыман*, – *Сопром оилаш йөрата* (Эр., 24) '– Всегда надо стараться жить правильно'. – *Чын* (вводн.сл.), *концерттым ончаш күлеш*, – *көныш Миша* (Юк., 73) '– Действительно, концерт надо смотреть, – согласился Миша'. – *Хуторыш тыят лекташ лийынат, маныт, чын мо?* – *йодо Веруш*. – *Чын* (част.), – *вашештыш каче* (Лек., 49) '– Говорят, что ты тоже согласился выйти на хутор, правда ли? – спросила Вера. – Правда, – ответил юноша'.

Сопоставление примеров показывает, что в отличие от частицы и вводного слова к знаменательным частям речи можно поставить вопрос, они всегда ударяемы, являются членами предложения, заменяются другими знаменательными словами, не опускаются из предложения без ущерба для понимания его смысла. Вводное слово *чын* по сравнению с идентичной частицей всегда стоит в начале предложения, обособляется запятой и произносится с интонацией вводности.

Из категории числительных в частицу перешло слово *ик* 'один, одна, одно'. Лексема *ик* в языке является многозначной, в результате образует многочисленный ряд функциональных омонимов: г., л., в., сз. *ик I* (числит.) – г., л., в., сз. *ик II* (мест.) – г., л., в., сз. *ик III* (прил.) – г., л., в., сз. *ик IV* (част.). Например: г. *Ик* (маняр? 'сколько' числит.) *булкам нәлшәш годым, тарелкә хәлә роалтыш (Савик)* (Игн., 39) 'Вместо того, чтобы взять одну булку, Савик схватил всю тарелку'. *Мьндёрнәй агыл ти әнгёр ик* (махань? 'какой?' мест.) *изи йәрәш йоген миә* (Пост., 44) 'Недалеко эта речка впадает в одно маленькое озеро'. *Тевеш, тагачы коктын (Владик дон Наташа) ик* (махань? 'какой?' прил.) *йьлмьлм куштылгын моныт* (Тот., 37) 'Вот, сегодня они (Владик и Наташа) легко нашли один язык'. (*Опанас:*) *Вет цилә тидә*

мѣнѣйн ылеш! Мѣнѣйн ик (част.; син. лач, веле) *ѣшкетемѣйн!* (Ильяк., 86) '(Опанас:) Ведь все это мое! Только мое!' л. – *Эше ик* (мыняр? 'сколько' числит.) *арня йѣр ок лий гын, кинде йѣла, – Мичу яндар кавам ончале* (Иван., 221) '– Если дождя не будет еще одну неделю, хлеб сгорит, – Мичу посмотрел на ясное небо'. (*Пагул – Салималан:*) – *Тугеже, ме ик* (могай? 'какой?' мест.) *ял гыч улынас* (Арт., 23) '(Пагул – Салиме:) – В таком случае, мы из одной деревни'. *Икмыняр шагат жапыште ик* (мыняр? 'сколько?' прил.) *ведра карака колым кучышт* (*Сергей ден Саня*) (Евс., 86) 'В течении нескольких часов поймали (Сергей и Саня) целое ведро карасей'. *Ик* (част.; син. *иктаж*) *вич минут гыч курыкым кѣзен шѣлештын, Пеппо йолташыж-шамыч дене куржын тольо* (Айз., 44) 'Примерно через пять минут запыхаясь поднявшись на гору, Пеппо прибежал с друзьями'.

Путем перехода различных глагольных форм в частицы сформировались функциональные омоформы – формы слов разных частей речи, совпадающие по написанию, по произношению и этимологически родственные (8 пар): г. *анжок*, л. *ончо(-я) I* 'смотри, гляди' (гл., н.ф. г. *анжаш*, л. *ончаш* 'смотреть, глядеть') – г. *анжок*, л. *ончо(-я) II* 'вишь, ишь, смотри-ка, гляди-ка, видишь' (част.); л. *ужат I* 'видишь' (гл., н.ф. *ужаш* 'видеть') – л. *ужат II* 'вишь, ишь, смотри-ка, гляди-ка, видишь' (част.); в. *огыл I* 'не' (форма 3 л. ед. ч. прош. вр. отриц. гл.) – в. *огыл II* 'ведь' (част.); г., сз. *яра*, л., в. *йѣра*, в. *йѣрѣ I* 'годится, подходит' (гл., н.ф. г. *яраш*, л. *йѣраш* 'годиться, подходить') – г., сз. *яра*, л., в. *йѣра*, в. *йѣрѣ II* 'ладно, хорошо' (част.); г. *ылде I* 'не был(-а, -о)' (гл., н.ф. *ылаш* 'быть') – г. *ылде II* 'не, не ... уж' (част.); г., л., в., сз. *манеш*, в. *маеш*, г., л. *маныт I* 'говорит, говорят' (гл., н.ф. *манаш* 'говорить, сказать') – г., л., в., сз. *манеш*, в. *маеш*, г., л. *маныт II* 'мол, говорят' (част.); л. *коеш I* 'виднеется, видно' (гл., н.ф. *кояш* 'виднеться, быть видным') – л. *коеш II* 'видно, видимо, кажется' (част.); г. *шѣл/шѣло/шѣлок/шѣлѣй I* 'прячься' (гл., н.ф. *шѣлѣш* 'прятаться') – г. *шѣл/шѣло/шѣлок/шѣлѣй II* 'перестань(-ка), уйди(-ка)' (част.). Например: г. *Мыльга изиш пренян ванжак, Лѣдѣмѣ сѣнзѣ, пѣсѣйн анжок...* (мам ѣштѣ? 'что делаешь?' гл.) (Григ., 133) 'Мост из бревна немного качается, бесстрашные

глаза, смотрите быстро...». «**Анжок** (част.) *махань шотан ёрвезы!*» – *ёдыбёрамёш, ёрёйн, ёрдыбёжём севёлеш* (Поств., 162) '«Смотри-ка какой толковый парень!» – женщина, удивляясь, хлопает по бедрам'. л. – **Ончо** (мом ыште? 'что делай?' гл.), *кўварым кузе амыртенат!* – *Маню шинчалукишо дене мыйым (Петюм) шёрын ончалын, вурсен нале* (Ялм., 59) '– Смотри, как загрязнил пол! – Маню, посмотрев на меня (Петра) уголками глаз, обругала'. – **Ончо** (част.) *ылыше кодын (Стопан), – Яндылетьын ушышкыжо толын пурыш* (Вас., 124) '– Смотри-ка, Степан остался живым, – пришло на ум Яндылету'.

Наряду с омонимией частиц и знаменательных слов в языке имеет место омонимия частиц и союзов, поскольку союзы, утрачивая связующую функцию, могут переходить в частицы. Здесь больше всего пар, заимствованных из русского языка (8 пар): г. *хоть*, л., в. *кеч/коч*, л. *коть*, сз. *коть I* 'хоть' (союз) – г. *хоть*, л., в. *кеч/коч*, л. *коть*, сз. *коть II* 'хоть' (част.); г., л., в., сз. *вет I* 'ведь' (союз) – г., л., в., сз. *вет II* 'ведь, же' (част.); г. *да*, л., в. *да I* 'да' (союз) – г. *да*, л., в. *да II* 'да' (част.); г., л., в. *даже*, сз. *дажы I* 'даже' (союз) – г., л., в. *даже*, сз. *дажы II* 'даже' (част.); г., л., сз. *ито*, сз. *той I* 'и то' (союз) – г., л., сз. *ито*, сз. *той II* 'и то, даже, аж' (част.); г., л., в. *дык*, сз. *дык I* 'если, если бы' (союз) – г., л., в. *дык*, сз. *дык II* 'так, дак, же' (част.); г., л., сз. *и I* 'и' (союз) – г., л., сз. *и II* 'и' (част.); г. *вуйта*, л., в., сз. *пуйто*, в. *будто/нутто/вуйто I* 'будто, будто бы, как будто' (союз) – г. *вуйта*, л., в., сз. *пуйто*, в. *будто/нутто/вуйто II* 'будто, будто бы, как будто, как будто бы, кажется, вроде, вроде бы, словно' (част.).

Функциональная омонимия союзов и частиц представлена нешироко (3 пары): г. *гёнят*, л. *гынат I* 'хотя' (союз) – г. *гёнят*, л. *гынат II* 'да и, и ... тоже' (част.); г., л., в. *керек I* 'хоть' (союз) – г., л., в. *керек II* 'хоть' (част.); г. *гёнь(ё)*, л. *гын I* 'если, а, когда, как' (союз) – г. *гёнь(ё)*, л. *гын II* 'же, так; ли; что если, (а) вдруг' (част.).

Частицы г. *гёнят*, л. *гынат* 'да и, и ... тоже' развились на базе собственно-марийских союзов г. *гёнят*, л. *гынат* 'хотя', т.к. по сравнению с последними они в марийском языке встре-

чаются довольно редко. Тогда как союзы г. *гѳнят*, л. *гынат* 'хоть', образованные из условного союза *гын* 'если' и усилительной частицы *-ат* 'даже' [Галкин 1964: 182; Гордеев 1983: 249], получили широкое распространение – употребляются во всех современных марийских диалектах. Частица л., в. *керек* 'хоть, хоть бы' заимствована из чувашского языка [Галкин 1986: 52; Федотов 1990: 196]. Союз л., в. *керек* 'хоть' формировался уже в марийском языке на основе имеющейся частицы. Например: г. *Шѳргѳштѳ нырыштышы ганьок агыл гѳнят* (союз), *соикток шокшы* (Илья., 33) 'Хоть в лесу не так как в поле, все равно тепло'. *Хала ѳлицѳэш шагалын, кок чѳсѳт утла вычен шалгыда доко (ѳѳѳрѳѳм), тѳ гѳнят шѳѳешкѳнедѳ* (Игнат., 154) 'Встав на городской улице, попробуйте-ка ждать девушку больше двух часов, да и вы рассердились бы'. л. *Шыже гынат* (союз), *садна мотор тѳсым эше ѳомдарен огыл* (Чем., 14) 'Хоть осень, наш сад еще не потерял свой красивый вид'. *Но куралаш Эчанын имныже уке. Пошкудым сѳрвалаш гынат* (част.) *шотлан ок тол* (Лек. 63) 'Но у Эчана нет лошади, чтобы пахать. И соседей тоже просить не годиться'.

На базе частицы образовались и союзы г. *гѳнь(ѳѳ)*, л. *гын* 'если, а, когда, как' [Редеев 2005: 230]. Как отмечает И.С. Галкин, происхождение частиц г. *гѳнь(ѳѳ)*, л. *гын* одинаково с происхождением союзов л. *гын*, г. *гѳнь*, восходящих к инструктивной форме местоимения *ку* [Галкин 1964: 181, 186]. Г. Берецки истоки этих единиц находят в уральском языке [Bereczki 2002: 165].

Относительно омопары г., л. *ну I* 'ну' (межд.) – г., л. *ну II* 'ну' (част.) см. [Эрцикова 2015].

Кроме функциональных омонимов и омоформ в языке наблюдаются грамматические омонимы – слова разных частей речи, совпадающие по написанию и по произношению, но не связанные по лексическому значению и (в отличие от функциональных омонимов) происхождению. К этому разряду относятся частица л. *вара* 'же, ну, и, -то, ведь; ли, же; то' и существительное л. *вара* 'шест, жердь'. Как отмечено выше, частица *вара* своим происхождением обязана наречию *вара* 'потом, затем, после; поздно'. Существительное *вара*, по утверждениям Ф.И. Гордее-

ва, восходит к болгарскому (древнечувашскому) языку [Гордеев 1983: 41–42].

Грамматическими омонимами являются заимствованная из русского языка частица л. *вот* 'вот' и существительное л. *вот* 'паутина'. Происхождение существительного л. *вот* 'паутина' в настоящее время является не до конца раскрытой: Ф. И. Гордеев считает, что это слово является общемарийской формой [Гордеев 1983: 145], В. И. Вершинин – финно-волжской [Вершинин 2011: 60].

Модально-волевая частица л. волж., в., сз. *-ай* '-ка, же', относящаяся к финно-угорскому периоду [Галкин 1964: 190], может быть в отношениях грамматической омонимии с заимствованным из русского языка междометием л. волж., в., сз. *ай* 'ай'. Частица л. волж., в., сз. *-ай* '-ка, же' употребляется при императивной форме глагола для выражения побуждения, совета или требования, если необходимо смягчить просьбу, требование. Например: л. волж. *тһрвһнциай* 'чихни-ка', *йоралтай* 'полюби-ка' [Лаврентьев 1968: 114]; в. *š'ndzaj* 'сиди-ка', *kackaj* 'ешь-ка' [Лаврентьев 1965: 201]; сз. *Tolaj teš*, *tam-γälä kelesem* 'Иди-ка сюда, что-то скажу' [Тужаров 1966: 103]. Междометие л. волж., в., сз. *ай* 'ай' используется для выражения самых разнообразных чувств (испуг, боль, упрек, порицание, удивление, одобрение, насмешку). Например: л. волж. *Шып лектын (Эвраш), вачыж гыч тўкалтыш (ўдырым). Йўк шергылте чодраите: «Ай!»* (Виш., 28) 'Выйдя тихонько (Эвраш), тронул за плечо (девушку). По лесу разнесся голос «Ай!»'. в. *(Орлай – Амина нерген:) – Кумыр оксаже уке, оксам муын судышто сенаш шона, ай камет!* (Ялк., 201) '(Орлай – об Амине:) Денег нет ни копейки, хочет найти деньги и выиграть в суде, ай шутник!'

Таким образом, в марийском языке нами выявлена всего пятьдесят одна омонимичная пара частиц и слов других частей речи, из которых двадцать шесть пар – функциональные омонимы, четырнадцать пар – заимствованные слова-омонимы, восемь пар – функциональные омоформы и три пары – грамматические омонимы. Результаты исследования показывают, что в языке широко распространен процесс партикуляции – переход других

частей речи в частицу. Особенно много омонимов частицы имеют среди наречий. В разряд частицы активно переходят местоимения и различные глагольные формы. Заимствованные слова-омонимы имеют место среди слов-омонимов наречий и частиц, большое их количество наблюдается в разряде омонимов частиц и союзов. Явление грамматической омонимии занимает небольшое место.

Список условных сокращений:

вводн. сл. – вводное слово; *в.* – восточный диалект марийского языка; *гл.* – глагол; *г.* – горномарийский литературный язык; *л.* – лугововосточный литературный язык; *л.волж.* – волжский говор лугового диалекта марийского языка; *л.диал.* – луговой диалект марийского языка; *л.срн.* – сернурский говор лугового диалекта марийского языка; *межд.* – междометие; *мест.* – местоимение; *нареч.* – наречие; *н.ф.* – начальная форма; *обст.* – обстоятельство; *опред.* – определение; *отриц.* – отрицательный; *прил.* – прилагательное; *сз.* – северо-западный диалект марийского языка; *син.* – синоним; *сущ.* – существительное; *част.* – частица; *числит.* – числительное.

Список источников:

- Айз.* – Айзенворт А. Вич полмезе: Повесть. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1954. – 106 с.
- Арт.* – Артамонов Ю.М. Перкан кинде: Повесть ден ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. – 320 с.
- Бел.* – Беляев К.И. Рашкалгыш паштек: Айырен нӓлмӓ произведенвлӓ. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1967. – 194 с.
- Вас.* – Васин К.К. Муро Апшат: Повесть-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1974. – 208 с.
- Вишн.* – Вишневыский С. Митяй ден Витяй. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1968. – 68 с.
- Григ.* – Григорьев В.Е. Йынгы йога: Лыдыш роман. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1996. – 196 с.
- Евс.* – Евсеева М.Т. Илыш савыра: Повесть да ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1968. – 164 с.
- Иван.* – Иванов В.М. Арслан: Роман. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1976. – 262 с.
- Ив.* – Иванов М.Е. Тайыл ваштареш. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1960. – 116 с.
- Игн.* – Игнатъев Н.В. Айырен нӓлмӓ произведенвлӓ. 2-шы т.: Романвлӓ, повесть, шайыштмашвлӓ, фельетонвлӓ, сатирический обозренвлӓ, статьявлӓ. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1995. – 485 с.

Игнат. – Игнатьев Н.В. Айырен нълмї произведенивлӓ. 2-шы т.: «Савик» роман, масакла шайыштмашвлӓ, фельетонвлӓ, сатирический обзоренивлӓ. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1970. – 364 с.

Ил. – Ильяков Н.Ф. Айырен нълмї произведенивлӓ. 2-шы т.: Проза, «Эдемвлӓ дӓ ивлӓ» роман. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1993. – 733 с.

Иль. – Ильяков Н.Ф. Комиссар: Повесть. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1991. – 28 с.

Илья. – Ильяков Н.Ф. Луатик кролик: Тетялык шайыштмашвлӓ. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1962. – 40 с.

Ильяк. – Ильяков. Эдемвлӓ дӓ ивлӓ: Роман. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1957. – 384 с.

Йӓр. – Йӓрӓлтӓлӓн ваштылалын: Масакла лыдышвлӓ. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1964. – 52 с.

Кор. – Корнилов П.Г. Мӓй олык: Повесть. – Йошкар-Ола: Кн. лыкшы мар. изд-во, 1974. – 192 с.

Лек. – Лекайн Н. Кугезе мланде: Роман. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1955. – 343 с.

Люб. – Любимов В.Н. Кӓрылтшӓ ӓмыр: Повесть-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1974. – 72 с.

Ор. – Орай Д. Карш корно: Повесть. – М.: «Сылнымут литератур» кугыжаныш савыктыш, 1935. – 64 с.

Пост. – Поствайкин Е.М. Кашкы йога: Роман (Пакыла) // У сем. – № 4. – 2003. – С. 26–49.

Поств. – Поствайкин Е.М. Тӓнӓым ӓдӓр выча: Роман. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. – 312 с.

Тот. – Тотир В. Ёлӓмӓш аяран, ӓмӓлӓн: Роман-хроника (икшӓ книгӓн мычаш) // У сем. – № 3. – 2007. – С. 35–68.

Тын. – Тыныш О. Анук акай: Роман. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1961. – 167 с.

Чем. – Чемяков Г.А. А мурыжо кодеш: Лирический сӓрет-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1965. – 64 с.

Шк. – Шкетан М. Эренгер: Роман. – Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1933. – 188 с.

Эр. – Эрыкан А.Л. Чолпан Иван: Роман. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1966 – 140 с.

Юк. – Юксерн В. Атаманыч: Повесть. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1963. – 208 с.

Юкс. – Юксерн В. Кӓрылтшӓ повесть: Повесть да ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1970. – 192 с.

Ялк. – Ялкайн Я.Я. Онго: Роман. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1937. – 270 с.

Ялм. – Ялмарий Й. Садеран ялем: Повесть. – Йошкар-Ола: Кн. лукшо мар. изд-во, 1973. – 95 с.

Список использованной литературы:

- Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. – 794 с.
- Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. – 203 с.
- Галкин И. С.* Марий исторический лексикологий. Тунемме книга. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 1986. – 70 с.
- Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. 2.: В-Д. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. – 288 с.
- Лаврентьев Г. И.* Императив и оптатив в волжском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение. – 1965. – № 1. – С. 199–205.
- Лаврентьев Г. И.* Послелогои и частицы в волжском говоре марийского языка // Вопросы марийского языкознания. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1968. – Вып. II. – С. 111–114.
- Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. – М.: Наука, 1982. – 185 с.
- Редеи К.* Сочинительные и подчинительные союзы коми языка // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 228–234.
- Саваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1981. – 236 с.
- СМЯ 1990–2005 – Словарь марийского языка. Т I–X / Сост.: А. А. Абрамова, И. С. Галкин, И. Г. Иванов и др. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990–2005.
- Тужаров Г. М.* Частицы, употребляющиеся с формами императива в яранском говоре марийского языка // Советское финно-угроведение. – 1966. – № 2. – С. 103–106.
- Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Изд-во Сарат. ун-та. Саран. фил., 1990. – 336 с.
- Эрцикова Г. А.* Взаимоотношение частиц с другими частями речи в марийском языке // Языки, литература и культура народов полиэтнического Урало-Поволжья (современное состояние и перспективы развития): материалы VIII Международного симпозиума «Языковые контакты Поволжья» (18–20 августа 2011 г.) / Мар. гос. ун-т; отв. ред. Р. А. Кудрявцева. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 81–87.
- Эрцикова Г. А.* Лексема «ну» – частица или междометие? // Государственная культурная политика и творческая деятельность на современном этапе. Материалы VI Республиканской научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (Марисола, 27 марта 2015 года).
- Bereczki Gábor.* A cseremisiz nyelv történeti alaklata. – Debrecen, 2002. – 290 s.

Научное издание

**ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ НАРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ X:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ,
ГРАММАТИКИ, ЛЕКСИКОЛОГИИ И СТИЛИСТИКИ**

Сборник статей

Издание осуществляется в авторской редакции: авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Оригинал-макет и дизайн-макет обложки М. А. Самаровой

Подписано в печать 20.09.2017. Формат 60x84¹/₁₆.

Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 25,34. Уч.-изд. л. 25,28.

Тираж 150 экз. Заказ №

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, Университетская, д. 1, корп. 4, каб. 207
Тел./факс. +7 (3412) 500-295. E-mail: editorial@udsu.ru

